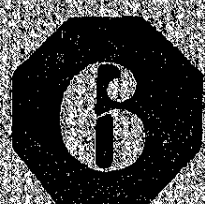

Исторический Журнал

1941

ИЗД.
Издательство „Правда“
1941

Исторический ЖУРНАЛ

11-й год издания

№ 6

Июнь 1941 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Проникновение марксизма в Грузию

Творцы научного социализма Карл Маркс и Фридрих Энгельс на протяжении всей своей революционной и научной деятельности проявляли большой интерес к могущественной и обширной Российской империи. Они специально занимались русским языком и овладели им настолько, что могли по первоисточникам изучать историю России. В подлинниках они ознакомились с творениями корифеев русской литературы: Пушкина, Грибоедова, Гёте, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина и др. В библиотеке Маркса и Энгельса имелись также исследования русских авторов, как например «Положение рабочего класса в России» Н. Флеровского, официальные статистические сборники министерства внутренних дел и т. п.

Изучая истоки революционного движения в России, Маркс и Энгельс особенно интересовались судьбой тех народов, которые находились под властью русского царизма. Маркс и Энгельс, в частности, с огромным сочувствием следили за героической освободительной борьбой, которую вели против царизма народы Кавказа. Одну из причин поражения кавказских народов в этой борьбе Маркс и Энгельс видели в их разобщенности, в отсутствии у них общего руководства.

«Если бы все эти кавказские племена объединились под влаществом единого военного вождя, они могли бы представить серьезную опасность даже для соседних казачьих областей»¹, — писал Маркс.

Здесь же Маркс указывал и на то важнейшее экономическое и стратегическое значение, которое для России имел Кавказ. «Кавказские горы, — писал Маркс, — отделяют Южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мингрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых московитянами от мусульман. Этим ноги гигантской империи отрезаны от туловища»².

В серии статей, написанных для «Нью-Йоркской трибуны», Маркс и Энгельс дали блестящий анализ хода русско-турецкой войны 1853—1856 годов, обнаружив при этом глубокое знание истории Грузии.

Маркс дает, между прочим, объяснение, почему царизм так упорно стремился укрепиться в Аджарии, захватить Батумскую гавань и крепость Карс. «Так как Батумская гавань, — пишет он, — единственное надежное убежище для кораблей в восточной части Черного моря, то захват ее Россией лишил бы Турцию последней морской станции на Понте и превратил бы последний в исключительно русское море. Если бы Россия наряду с Карсом — этой богатейшей и самой культурной частью Армении — овладела еще и Батумом, она была бы в состоянии прервать торговлю между Англией и Персией, идущую через Трапезунд, и создать себе операционную базу как против Англии, так и против Малой Азии»³.

В 1859 году был взят Гуниб — неприступное укрепление в Дагестане — и пленен Шамиль, этот «великий демократ»

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. IX, стр. 533.

² Там же.

³ Там же, стр. 400.

(К. Маркс), стратег и организатор побед горцев над царскими войсками. Дагестан был завоеван окончательно. В 1864 году царизму удалось сломить последнее сопротивление горцев западной части Северного Кавказа. Этот год принято поэтому считать датой окончания кавказской войны. За год перед этим царизм с исключительной жестокостью подавил восстание польского народа. Эти события: покорение Кавказа и подавление польского восстания — имели большое значение в жизни не только этих народов России, но и Европы. В письме к Ф. Энгельсу от 7 июня 1864 года К. Маркс писал по этому поводу: «Эти два дела: подавление польского восстания и завоевание Кавказа я считаю самыми серьезными европейскими событиями со времени 1815 года»¹.

1

Во второй половине XIX века в социально-экономической жизни грузинского народа произошли серьезные перемены. Феодально-крепостнические отношения стали сменяться новыми, капиталистическими. Последние сначала медленно, а затем более быстрыми темпами начали проникать во все области народного хозяйства. Огромное значение в этом отношении имело, конечно, быстрое развитие промышленного капитализма в России. «Русский капитализм, — писал по этому поводу В. И. Ленин, — втягивал... Кавказ в мировое товарное обращение, нивелировал его местные особенности — остаток старинной патриархальной замкнутости, — создавал себе рынок для своих фабрик. Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табаку...»².

Крупное значение для экономического развития Закавказья и Грузии имело развитие путей сообщения. В конце XIX века были проложены рельсовые пути, которые соединили Черное и Каспийское моря и весь край с Европейской Россией. Железная дорога ускоряла разложение старых, докапиталистических отношений и создавала предпосылки для развития в Закавказье машинной индустрии. По Каспийскому и Черному морям устанавливается регулярное пароходное сообщение. Закавказье связывается с Центральной Россией телеграфом. Исключительно быстрыми

темпами развивается бакинская нефтяная промышленность. В Грузии строятся целый ряд фабрик и заводов; развивается марганцевая промышленность, центром которой стали Чиатуры с их мировыми запасами марганцевой руды.

Одновременно с ростом промышленности формируется и национальный промышленный пролетариат, который вербуются из разорившихся городских ремесленников, кустарей, а главным образом из деревенской бедноты, которую широта и крайняя нужда тнали в город на заработки. Одновременно с ростом промышленности и торговли становится более спящей и многочисленной грузинская буржуазия. Экономическое ослабление дворянства привело к тому, что оно и в общественно-политической жизни страны стало терять свою прежнюю роль.

Новые социально-экономические условия вызвали подъем и дальнейшее развитие грузинской национальной культуры. Родоначальниками новой грузинской литературы были великие писатели грузинского народа — Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, стоявшие в центре общественно-политической жизни страны и являвшиеся знаменосцами начавшегося в ней национально-освободительного движения. Видными писателями этого периода являлись также А. Казбег, Ваха Цшавели, Г. Церетели, Э. Пиношвили и др.

В этот же период получает дальнейшее развитие национальный грузинский театр, давший таких видных драматургов и блестящих мастеров сцены, как например Н. Габушия-Цагарели, Л. Месхияшвили, М. Сапарова-Абашидзе, В. Абашидзе, Гуня и др. Одновременно развивается национальная музыка, уходящая своими корнями в музыкальный фольклор.

Известные грузинские художники Г. Габашвили, Л. Мрвлишвили и др. создают замечательные художественные полотна из жизни грузинского народа. Становятся известными в разных областях знания грузинские ученые: профессор Д. Чубинишвили, академик И. Тархнишвили, профессора В. Петриалвили и П. Меликишвили, А. Хаханашвили, А. Цагарели, член-корреспондент Академии наук Д. Бахрадзе и др. В конце XIX века начал свою выдающуюся деятельность профессор, впоследствии академик, Н. Я. Марр.

Во второй половине XIX века грузинский народ складывается в нацию. «Грузия, как нация, — пишет товарищ Сталин, — появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возмужание капитализма установили разделение труда между областями Грузии,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. XXIII, стр. 188.

² Ленин. Т. III, стр. 464.

вконец распатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое»¹.

Но, несмотря на быстро развивавшиеся капиталистические отношения, в Грузии последних десятилетий XIX века еще чрезвычайно сильны были феодальные пережитки. Под их гнетом страдало грузинское крестьянство, положение которого еще более ухудшалась проводившаяся царизмом в Закавказье колониальная политика, которую товарищ Сталин охарактеризовал как «зверскую политику».

«Царизм, — пишет товарищ Сталин, — намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колониаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин»².

Колониальная политика царизма и эксплуатация трудящихся масс деревни местными помещиками вызывали решительный отпор со стороны крестьянства. Во главе движения обычно стояла крестьянская беднота. Восстания крестьян в это время вспыхивали то в одном, то в другом районе Грузии. Так, в 1876 году восстание происходило в Мегрелии, в 1878 году — в Кахетии, в 1875—1876 годах — в Сванетии, в 1877—1878 годах — в Абхазии, в 1881—1882 годах — в Гурии и Аджарии. Эти восстания носили мало организованный, стихийный характер. Пролетариат в то время был еще слаб и не мог возглавить крестьянское движение. Поэтому царизм сравнительно легко справлялся с этими восстаниями, беспощадно подавляя их.

Колониальная политика царизма встречала решительный отпор и со стороны передовой части грузинской интеллигенции. В это время усиливается установившаяся еще в первой половине XIX века связь между прогрессивными слоями грузинского общества и передовой русской интеллигенцией. На формирование мировоззрения грузинской молодежи 60—70-х годов огромное влияние оказали великие русские революционеры-демократы: Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писа-

рев и др. Особым авторитетом и любовью в прогрессивном грузинском обществе пользовался Чернышевский — «русский великий социалист до-марковского периода»³, как называл его Ленин.

О журнале «Современник», в котором Н. Г. Чернышевский играл ведущую роль, известный грузинский публицист и общественный деятель Н. Я. Николадзе писал: «Если бы ты знал, читатель, какое тогда было время, с каким нетерпением, с какой жаждой мы, молодежь, ждали того счастливого дня, когда должен был выйти новый номер нашего любимого журнала («Современник». — Г. Х.). С каким нетерпением и поспешностью, с каким ненасытным чувством и неутолимостью углублялись мы в чтение, как бились тогда наши сердца, напрягались наши нервы. Сколько бессонных северных ночей просиживали мы за чтением, разбором и обсуждением вычитанных мыслей»⁴.

Н. Г. Чернышевский поддерживал близкую связь со многими передовыми грузинскими общественными деятелями. Он сам внимательно следил и с опрометным сочувствием относился к революционной борьбе народов Кавказа против царизма и крепостничества и искренно радовался успехам развивающейся национальной культуры кавказских народов. Чернышевский очень сочувственно отнесся к изданию в Тбилиси альманаха «Зурна» на русском языке, в котором помещались переводы произведений закавказских писателей. В своем отзыве об этом альманахе Чернышевский писал:

«...Мы радуемся, что между коренными тифлискими жителями появляются люди, имеющие наклонность к литературным занятиям; пройдет еще несколько лет — и между ними некоторые будут писать гораздо лучше, иные, быть может, и в самом деле прекрасно. С этой точки зрения мы радуемся появлению грузинской романистики»⁵.

В 1861 году из Петербурга вернулся в Грузию исключенный из университета за участие в студенческих «беспорядках» И. Чавчавадзе. Объединив вокруг себя прогрессивно настроенную молодежь, он возглавил то общественно-литературное направление, которое получило название «Пирвели-даси» («Первая группа»). Это направление стремилось приспособить старые, феодальные отношения к новым условиям развивающегося буржуазного общества. Для распространения своих взглядов Илья Чавчавадзе основал журнал «Сакартвелос

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 11. Госполитиздат. 1939.

² Там же, стр. 81—82.

³ Ленин. Т. XXV, стр. 211.

⁴ Н. Николадзе. Соч. Т. I, стр. 67.

⁵ «Современник». № 7 за 1855 год.

Моамбе» («Вестник Грузии»), в котором последовательно проводились новые, просветительные идеи, печатались переводы отдельных произведений Белинского, Добролюбова, западноевропейских писателей, самого Ильи Чавчавадзе и др. Ильи Чавчавадзе непреклонно боролся против идеологии старого дворянства, против крепостничества. Он смело поднял знамя национально-освободительного движения в Грузии, выступая против русификаторской политики царизма.

С 1866 года в Грузии на смелую «Первели-даси» пришло новое, буржуазно-демократическое направление, получившее название «Меоре-даси» («Вторая группа»). Его возглавляли Г. Церетели, Н. Николадзе, С. Месхи, К. Лордкипанидзе, П. Умикашвили, А. Церетели и др.

Печатными органами новой группы были: газета «Дрозба» («Время»), журналы «Мнатоби» («Светоч») и «Кребули» («Сборник») на грузинском языке и большая, столичного типа газета «Обзор» на русском языке. Одним из самых видных деятелей этой группы являлся Н. Я. Николадзе. На формирование его мировоззрения огромное влияние оказал Н. Г. Чернышевский, с которым Н. Я. Николадзе поддерживал близкую связь. Н. Я. Николадзе был также знаком с А. Герценом, Огаревым, сотрудничал в издававшемся ими в Лондоне «Колоколе» и в русских передовых журналах: «Современнике», «Искре», «Отечественных записках».

В отличие от народников, «меоре-дасисты» признавали прогрессивную роль развивавшегося в России и Грузии капитализма. Они широко пропагандировали необходимость усвоения грузинским народом передовой культуры русского и западноевропейских народов. Но в 1872—1873 годах в Грузии под влиянием народнического движения в России оформляется и народническая организация, во главе которой стояли И. Иоселиани, М. Кипиани, И. Бикозе, А. Пурцеладзе, С. Мгалобликивили, Ш. Давиташвили и др. Грузинские народники, несмотря на то что общинное землевладение в Грузии отсутствовало, считали необходимым насаждение и здесь земельной общины. Они проповедывали необходимость создания артелей и крестьянских кооперативных банков и т. д. Грузинские народники отрицали развитие капитализма в Грузии, не понимали роли пролетариата, считали общину лучшей формой общественного устройства. Даже в 90-х годах эпигоны грузинских народников продолжали отрицать развитие капитализма в Грузии и игнорировали роль самого передового и революционного класса капиталистического общества — пролетариата. Этим вконец ошибочным взглядам

марксисты в Грузии с первых же шагов своей деятельности должны были объявить беспощадную борьбу.

Еще в 70—80-х годах среди передовой части грузинского общества получили широкое распространение проникшие из России и Западной Европы социалистические идеи.

Во многих статьях грузинской газеты «Дрозба» явно чувствуется влияние утолического социализма Фурье, Оуэна, Сен-Симона и др. Эта же газета сочувственно откликнулась на образование I Интернационала, напечатав сведения о его I конгрессе и об основных пунктах устава.

Провозглашение Парижской коммуны, легендарный героизм рабочих и трудящихся Парижа, без различия пола и возраста боровшихся на баррикадах и защищавших Коммуну против ополчившейся на нее мировой реакции, встретили в передовых слоях грузинского народа горячее сочувствие. Еще до провозглашения Парижской коммуны в газете «Дрозба» была помещена резкая статья, направленная против верного пса французской буржуазии — Тьера. «Вот в руках такого человека падает судьба Франции, — говорилось в этой статье. — Нет сомнения, что такое правительство Франции долго не продержится»¹.

На основании сообщений своих иностранных корреспондентов редакция «Дрозба» информировала своих читателей о роли I Интернационала в руководстве Парижской коммуны. «Дрозба» же впервые упоминает о Карле Марксе как руководителе I Интернационала. В одном из обзоров иностранных событий, помещенных в газете, напечатано: «Говорят, что планы современной революции в Париже составлялись в Лондоне Марксом, Асом, Бептилли и Дармотом. Все они являются членами и представителями от различных стран в Международной лиге рабочих в Лондоне. В митингах этой лиги, когда обсуждался вопрос революции в Париже, большое участие принял также Бланки»².

В газете «Дрозба», выходявшей тогда под редакцией С. Месхи, печатались статьи, подробно освещающие деятельность Парижской коммуны, помещались данные о результатах выборов в Коммуну 26 марта 1871 года и назывались имена членов Коммуны.

По поводу декрета Парижской коммуны о передаче рабочим коллективам фабрик, заводов и мастерских, похищенных пред-

¹ Газета «Дрозба» от 13 февраля 1871 года.

² Газета «Дрозба» от 16 апреля 1871 года.

принимателями, декрета, вызвавшего бурю возмущения у международной реакции, газета «Дрозда» писала: «Из Парижа передают одну весьма интересную весть: Коммуна, оказывается, предполагает возобновить работу на тех фабриках и заводах, которые не работают вследствие бегства их владельцев из Парижа. Самое замечательное в этом сообщении, что эти фабрики и заводы будут переданы по отдельным частным лицам, а ассоциациям рабочих, которые обязаны будут привести их в действие и приступить к производству»¹.

Несмотря на рогатки суровой царской цензуры, в газете «Дрозда» был напечатан ряд прокламаций и декретов Парижской коммуны. Так, в номере от 23 мая 1871 года было помещено воззвание женщин-коммунарок, подписанное 5 женщинами, в том числе корреспонденткой К. Маркса и вдовой деятельницей I Интернационала — Елизаветой Дмитриевой, русской. «Нет, парижские рабочие требуют не мира, а борьбы, неослабной борьбы, — говорилось в этом воззвании. — Соглашение равносильно теперь преданию рабочего дела. Соглашение значило бы, что мы подчинились своей судьбе, что мы, рабочие, не требуем ни изменения нашего социального положения, ни отмены унижающих нас законов, ни освобождения труда от капитала... Париж не уступит, потому что его знамя — знамя будущего. Наступил час расплаты: дорогу рабочим... Падайте ниц, тираны! Крепитесь, друзья: дерево свободы, орошенное кровью его защитников, растет. Женщины Парижа, знаящие по опыту, что революции без жертв не происходят, убежденные в том, что Парижская Коммуна борется в интересах рабочего народа, эти парижские женщины докажут Франции и всему миру, что они так же, как их братья и мужья, способны пролить кровь на баррикадах, когда к ним подступит версальская буржуазия. Рабочий и работница имеют одного и того же врага — капитал, а потому они объединились для сокрушения этого врага. Да здравствует социалистическая республика, Коммуна, труд!»

Известие о поражении парижских рабочих произвело очень тяжелое впечатление на передовые слои грузинского общества. Великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе выразил свое горячее сочувствие Борцам за светлое будущее в стихотворении «В день падения Коммуны»:

«...И слова лишилось свободы
Столетие, летевшее вскачь,
И вловь, угнетая народы,
Тупой торжествует палач».

Н. Николадзе, Г. Церетели, С. Месхи и

¹ Газета «Дрозда» от 24 апреля 1871 года.

др. и после 1871 года неоднократно возвращались к вопросу о Парижской коммуне.

В журнале «Кребули» («Сборник») за 1873 год Н. Николадзе писал после посещения Парижа: «Я видел ту улицу, на которой в течение восьми дней шла беспощадная борьба. Каждая лядь ее орошена кровью сотни тысяч человек. Видел также несколько дворов, в которые армии залезла парижских рабочих и расстреливала их без суда митральезами. Видел я и то место, где после поражения коммунаров выступил на балконе известный писатель Делеклюз. Он стал у знамени, сложил руки, прижал в грудь шесть пуль и пал мертвый. Одним словом, я осмотрел всю улицу, на которой, ведя ожесточенную борьбу, парижане проявляли величайший героизм».

О Парижской коммуне говорится также в статье «Заметки и думы путешественника» С. Месхи, который в 1873—1874 годах был в Европе.

В газете «Дрозда» в 1872 году помещена следующая оценка исторического значения Коммуны: «Мы были свидетелями таких исторических событий в европейской жизни, относительно которых будут еще долго говорить и часто задумываться будущие поколения».

После событий 70-х годов, а также в связи с переводом и изданием первого тома «Капитала» Маркса на русском языке (1872 год), в Грузии среди передовой интеллигенции начинается знакомство с марксизмом. Вполне возможно, что отдельные лица были знакомы с учением Маркса и Энгельса и раньше. К числу их в первую очередь нужно отнести Н. Николадзе, который в период 1864—1869 годов находился за границей. По его словам, «Капитал» на русском языке он прочитал еще в 1869 году в гранках, до выхода книги в свет. Вторично Николадзе читал «Капитал» на французском языке.

В 70-х годах за границей, главным образом в Цюрихе, училось немало грузинской молодежи, в особенности девушек, которым был тогда закрыт доступ в русские университеты. За границей молодежь знакомилась с социалистическими учениями, рабочим движением, входила в сношения с революционными организациями, знакомилась с русскими эмигрантами-революционерами (Лавровым, Ткачевым и др.). В Цюрихе было создано революционное грузинское общество «Угели» («Ярмо»), ставившее себе целью борьбу за свержение царизма и создание Кавказской федерации². Общество это разработало программу своей деятельности и устав. Ини-

² См. журнал «Былое» № 7 за 1907 год, статья Джабадари.

циатором этого общества был Н. Николодзе, который начал издавать в Париже в 1873 году на грузинском языке газету «Дроша» («Зпамя»). В 1877 году по инициативе того же Н. Николодзе в Женеве был созван съезд кавказцев, в программе которого стояли вопросы об организации Кавказской федерации и об отношении к общероссийскому революционному движению.

Революционно настроенная грузинская молодежь была связана с русскими студентами-эмигрантами, издававшими в Женеве журнал «Народное дело» и избравшими К. Маркса представителем от русской секции в I Интернационале. По поводу того, что именно Маркс был избран представителем русской секции, «Народное дело» писало:

«Его (Маркса.—Г. Х.) имя слишком хорошо известно всем тем из русских, которые сколько-нибудь следят за социальным движением. Маркс был одним из первых основателей Международного товарищества рабочих, и он всегда ратовал против того всероссийского и всеславянского земского царизма, которому пели восторженные гимны такие великие патриоты и наши отчаянные революционеры старой эмиграции. Он всегда ненавидел русское императорство и давно уже ждал преобладания русского народа, изучая его социальный быт на его собственном русском языке. Мы рады были случаю выразить Марксу признательность русских социалистов за его труды, столь полезные для всех нас, и мы рады его согласию быть нашим представителем при Главном совете, потому что в этом согласии выражается полная солидарность его воззрения с нашими на пользу и необходимость водружения интернационального знамени в России»¹.

Находящаяся за границей грузинская молодежь систематически посылала в Грузию сведения о революционном движении на Западе, о деятельности I Интернационала и его творцах — Марксе и Энгельсе. В № 41 за 1871 год газеты «Дроша» была дана подробная информация о собрании Генерального совета I Интернационала, которое состоялось в Лондоне под председательством К. Маркса, и о решениях, принятых Советом. Особенно подчеркивалось в корреспонденции решение Совета, которое относилось к рабочему движению в России.

В 1876 году в газете «Тифлиссский вестник» в связи со смертью М. А. Бакунина была помещена статья Н. Николодзе. В этой статье Николодзе пишет о борьбе между Бакуниным и Марксом и признает бесспорное превосходство Маркса:

¹ Журнал «Народное дело» № 1 за 1870 год.

«...Не менее ожесточенная борьба загорелась между Бакуниным и Карлом Марксом, главным вождем международной ассоциации рабочих. Бакунин считал нужным проповедывать в этой ассоциации федеративный принцип, т. е. разделение ассоциации по государствам на самостоятельные части. Это разделение, диаметрально противоположное и смыслу и названию ассоциации, сочтено было Марксом за мажор, направленный против ассоциации континентальными правительствами. Бакунин был заподозрен в том, что он тайный агент России, и на этом основании изгнан из ассоциации»². Далее Н. Николодзе указывает, что Маркс в своей критике бакунистских взглядов был совершенно прав.

«Разбившись на отдельные федерации, рабочее сословие каждой страны,— писал он, — продолжало бы зависеть от прочих сословий и от власти своего государства». Принцип Бакунина, по существу, приписал «пользу буржуазии, а не рабочему сословию»,— таков вывод Н. Николодзе.

Эволюционировав в сторону позиций либеральной буржуазии и впоследствии заняв положение одного из лидеров партии грузинских национал-демократов, Н. Николодзе не мог, конечно, понять, а еще менее осветить всю глубину разногласий между гениальным творцом научного социализма К. Марксом и М. Бакуниным.

Полное непонимание марксизма обнаруживает Н. Николодзе в статье «Луи Блан и Гамбетта», напечатанной в первой книжке «Отечественных записок» за 1883 год. В ней он утверждает, что Маркс является подобно Луи Блану последователем «государственного социализма».

Между тем Луи Блан, по словам К. Маркса, был «буржуазным демократом с некоторой социалистической помесью и со смутным религиозным и националистическим образом мыслей». А Ленин пишет о Луи Блане, что он был «вождем рабочих на словах, хвостом буржуазии на деле»³.

Знакомство с К. Марксом обнаруживает в этот период и ряд других грузинских авторов. Известный литератор того времени Г. Туманишвили⁴ в своей статье «Экономические картины», говоря о капиталистическом развитии западноевропейских стран и положении рабочего класса, приводит цитату из «Капитала» Маркса.

На авторитет К. Маркса (не называя его имени) ссылается в своей статье «Вру-

² Газета «Тифлиссский вестник» № 143 за 1876 год.

³ Ленин Т. XX, стр. 222.

⁴ См. «Альманах» за 1878 год. Т. I, стр. 109—110.

требнее обозрение» и великий грузинский писатель Илья Чавчавадзе¹.

В 1883 году известный грузинский народник Антон Пурцеладзе пишет работу «Банки, деньги и их значение» (эта статья была опубликована лишь в 1906 году). В ней Пурцеладзе обнаруживает знакомство с экономической теорией К. Маркса, часто его цитирует, однако нужно отметить, что в большинстве случаев он извращает идеи К. Маркса².

Особый интерес представляет возникшая в 80-х годах дискуссия по поводу статьи грузинского народника Г. Майнашвили (Г. Здаевич) «Письмо к нашим общественным деятелям», помещенной в № 7—8 журнала «Иверия» за 1882 год. Выступая с заявлением, что он является сторонником экономической теории К. Маркса, Майнашвили привел обширную цитату из того места предисловия «К критике политической экономии», которое освещает вопрос об отношении бытия к сознанию. Не овладев, однако, марксистским диалектическим методом, не понимая его и извращая исторический материализм Маркса — Энгельса, Майнашвили стал на позицию экономического материализма, признающего за экономикой единственную силу в общественном развитии и отвергающего роль политики. Г. Майнашвили далек был от понимания того, что, по учению марксизма, «общественные идеи, теории, политические учреждения, возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, развития общественного бытия, — сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь общества, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие»³.

Вопрос о роли политики в общественной жизни имел не только теоретическое значение: от его решения зависело и решение вопроса о том, нужно ли вести против царизма политическую борьбу или же можно ограничиться борьбой за улучшение экономического положения народа. Майнашвили стал на последнюю позицию. Его сторонник Г. Вольский (Гр. Умципаридзе) в статье «Что более необходимо» прямо заявлял: «...экономическое преуспевание, улучшение жизни с этой стороны невольно вызывает соответственное преуспевание в политической жизни, а это последнее со своей стороны продвигает вперед и помо-

гает беспрепятственному развитию первого»⁴.

Но тогда же нашлись в Грузии и противники идеи Майнашвили. Известный грузинский публицист Бослевели (Мчедлидзе), считая, что политическая борьба есть первоочередная задача для грузинских революционеров, писал: «...Советы Г. Майнашвили неверны, — и этим советам сегодня никто не следует. Об этом свидетельствуют движения европейских народов и самые лучшие представители этих движений. Карл Маркс в своем манифесте 1848 г. между прочим говорит, что «рабочий народ непременно должен завоевать политические права, свергнув или капиталистов»⁵.

Знакомство с К. Марксом и Ф. Энгельсом обнаруживает также известный общественный деятель и писатель того времени З. Чичинадзе. Личность Чичинадзе сама по себе представляет немалый интерес. Сын крепостного крестьянина, З. Чичинадзе не получил школьного образования. Работая в одной из гостиниц в Тбилиси, он научился грамоте и пристрастился к чтению книг и газет на грузинском языке. В 70-х годах Чичинадзе при содействии высланных русских революционеров познакомился с революционным движением в России. Открыв вблизи Александровского сада (ныне сад Коммунаров) в Тбилиси книжную лавку, он собирал и хранил там нелегальную революционную литературу, комплекты запрещенных журналов («Колокол», «Современник», «Отечественные записки»), сочинения Чернышевского, Добролюбова и т. д. У З. Чичинадзе собиралась революционно настроенная молодежь, читалась нелегальная литература, устраивались собеседования. З. Чичинадзе занимался и литературной деятельностью. Он писал литературные и исторические исследования, издавал ряд популярных биографий революционных и общественных деятелей. Он был одним из первых издателей классиков грузинской литературы. Под влиянием работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» и статьи Н. Флеровского «Положение рабочего класса в России» З. Чичинадзе написал свой труд «Рабочий народ в Грузии» (печатался в журнале «Имеди» — «Надежда» — за 1883 год). «О жизни рабочих, — писал З. Чичинадзе, — хорошо может написать лишь тот, кто находился среди них и рос с ними. Об этом говорит не только Бехер, но сам Карл Маркс, Фердинанд Лас-

¹ См. журнал «Иверия» № 12 за 1882 год.

² См. Антон Пурцеладзе «Банки, деньги и их значение», стр. 16 и др. Тифлис. 1906.

³ «История ВКП(б)», стр. 112.

⁴ Газета «Шрома» («Труд») № 46 за 1882 год.

⁵ Статья Бослевели под названием «Критический обзор» была напечатана в газете «Шрома» («Труд») в № 48 за 1882 год и в №№ 1 и 3 за 1883 год. Конец статьи был снят цензурой.

саль и Флеровский. Это и дает мне смелость говорить о рабочем народе в Грузии»¹.

Эта первая попытка описать положение рабочего класса в Грузии удалась лишь частично, так как журнал «Имеди» был закрыт и продолжение труда З. Чичинадзе не найдено.

В 1886 году в № 17 журнала «Театр» в «Библиографической заметке» З. Чичинадзе подробно знакомит грузинского читателя со II томом «Капитала», передает его содержание и характеризует К. Маркса как великого ученого. З. Чичинадзе излагает также историю написания и распространения «Капитала» в России и останавливается на той великой дружбе, которая существовала между К. Марксом и Ф. Энгельсом, отмечая особую роль последнего в издании II и III томов «Капитала». З. Чичинадзе говорит также о громадном влиянии, которым в Европе пользовался К. Маркс, этот «знаменитый и могучий экономист», о создании «школы марксистов».

«Многие из наших молодых людей, — писал З. Чичинадзе, — если и не читали, то по крайней мере слышали имя знаменитого писателя, великого знатока политической экономии и выдающегося критика — Карла Маркса. Экономическая наука и критика благодаря Карлу Марксу достигли в настоящее время такого развития, что много времени пройдет, пока появится кто-нибудь подобный ему»².

Гениальная личность К. Маркса не могла не заинтересовать тогда передовую грузинскую интеллигенцию. Но хотя Маркса часто цитировали и ссылались на его авторитет, однако в 70—80-х годах в Грузии никто еще не усвоил по-настоящему учение научного социализма. Даже Н. Николадзе, мировоззрение которого формировалось под влиянием Чернышевского и Добролюбова и который был широко образованным человеком для своего времени, заявлял, что учение Маркса неприменимо к Грузии. «Выход и существование II тома «Капитала», — писал З. Чичинадзе, — пока к нашему умственному развитию и стремлению большого отношения не имеет и труд Маркса является... бесценным сокровищем скорее для рациональных сынов Европы». То, что учение Карла Маркса не было понято в Грузии во всей его глубине, объясняется отсталостью общественных отношений 70—80-х годов в Грузии, отсутствием организованного пролетарского движения и не изжитым еще увлечением теориями утопического социализма.

Марксизм получил широкое распространение в Грузии в 90-х годах прошлого столетия. Данных о каких-либо организационных связях и деятельности в Грузии группы «Освобождение труда» пока не обнаружено, но почти все издания этой первой социал-демократической организации в России (работы Плеханова: «Наша разногласия», «Социализм и политическая борьба», «К вопросу о развитии моноистического взгляда на историю» и др.) нелегально проникали в эти годы в Грузию.

Так, в своем воспоминании «Как я стал марксистом» Ф. Махарадзе пишет: «Точно не знаю, в 1888 или в 1890 г., мне в руки попала брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», первая брошюра, написанная человеком, заложившим основание русскому марксизму»⁴.

В 90-х годах семена марксизма заложены в Грузию молодежь, которая училась в высших учебных заведениях в крупных центрах России или побывала за границей. Особую роль в распространении марксизма в Грузии сыграли русские социал-демократы, высланные царским правительством из Центральной России. Они устанавливали связи с передовыми рабочими, революционно настроенной молодежью и вели среди них пропаганду марксизма.

«В революционное движение, — пишет товарищ Сталин, — я вступил с 15-летнего возраста, когда я связался с подпольными группами русских марксистов, проживавших тогда в Закавказьи. Эти группы имели на меня большое влияние и привили мне вкус к подпольной марксистской литературе»⁵.

В 1893 году в Тбилиси, на квартире рабочего-механика Ф. Афанасьева, была организована нелегальная библиотека для рабочих. Здесь же находился тектограф для размножения листовок и прокламаций. В библиотеке имелись издания группы «Освобождение труда», все легально изданные в России книги Маркса и Энгельса, собранные из разных журналов статьи о марксизме, публицистические и критические статьи и рассказы из жизни рабочих и крестьян и т. д. Эта библиотека была обнаружена во время обыска в квартире Ф. Афанасьева и конфискована полицией 19 июня 1897 года. По поводу этой библиотеки в жандармском донесении говорится: «Библиотека состояла из 301 книги, 11 журналов, 14 брошюр и связки ста-

⁴ Ф. Махарадзе. Собр. соч. Т. I, стр. 26.

⁵ И. Сталин «Восседа с немецким писателем Эмилем Людвигом», стр. 9. Госполитиздат. 1938.

¹ Журнал «Имеди» № 2 за 1883 год.

² Журнал «Театр» № 17 за 1886 год.

³ Там же.

тей, явно предосудительного характера и специально подобранная для пропаганды идей рабочего союза»¹.

В 1897—1898 годах социал-демократам Тбилиси была известна книга Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». В 1899 году участники организованных среди железнодорожных рабочих кружков знакомились с классическим произведением В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». В этих кружках имели распространение все издания «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», а также принадлежащие перу В. И. Ленина «Объяснение закона о штрафах», «Майский листок» и др.

В 1897 году социал-демократическая группа Лузина и Франчески сделала попытку перевести на грузинский язык и издать нелегально «Коммунистический манифест», но попытки эти не увенчались успехом. Только в 1905 году «Коммунистический манифест» и другие произведения К. Маркса и Ф. Энгельса были напечатаны и изданы на грузинском языке. Перевод и издание «Капитала» осуществились лишь при советской власти, в 1930 году.

В 1893 году в Грузии оформилась первая марксистская организация — «Месаме-даси» («Третья группа»), сыгравшая известную положительную роль (в период 1893—1898 г.г.) в деле распространения идей марксизма, а также в борьбе с откровенными шовинистическими течениями грузинской дворянской и буржуазной интеллигенции»².

Свои взгляды «Месаме-даси» пропагандировала в легальных грузинских органах: газете «Квали» и журнале «Моамбе». Это была первая попытка объяснения с точки зрения марксизма общественных отношений и задач революционной борьбы в Грузии. Однако большинство «Месаме-даси» не пошло дальше мирной, легальной пропаганды идей марксизма и имело слабую связь с рабочими массами. Подобно «легальным марксистам» в России большинство «Месаме-даси» вульгаризировало и искажало революционный марксизм и пыталось подчинить классовую борьбу пролетариата интересам буржуазно-национального движения.

В 1895 году в организацию «Месаме-

даси» вступил революционный марксист А. Пулукидзе, в 1897 году — профессиональный революционер, выдающийся организатор ленинско-искровского подполья Л. Кецохели и в 1898 году — один из основоположников великого учения марксизма-ленинизма, соратник Ленина, строгий большевистской партии, гениальный продолжатель дела Маркса — Энгельса — Ленина, — И. В. Сталин.

Возглавив меньшинство «Месаме-даси», товарищ Сталин повел решительную борьбу против оппортунистического большинства, высвобождая рабочих из-под чуждых идеологических и политических влияний. С первых же шагов своей революционной деятельности Сталин пошел по пути Ленина и стал строить в Закавказье ленинско-искровские организации. Сталин возглавил революционную борьбу рабочих и трудящихся крестьян Закавказья и Грузии, которую они в союзе с великим русским народом повели против царя, помещиков и капиталистов.

«Вся история закавказских большевистских организаций, — пишет Л. П. Берия, — все революционное движение Закавказья и Грузии с первых дней его зарождения неразрывно связаны с работой и именем товарища Сталина»³.

Находясь в центре кипучей практической революционной деятельности, создавая партию нового типа, большевистскую партию, победоносно осуществившую социалистическую революцию в нашей стране, Ленин и Сталин создали новый этап в развитии марксизма-ленинизма. «Можно сказать без преувеличения, — говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)», — что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин и другие ученики Ленина — были единственными марксистами, которые двигали вперед марксистскую теорию и обогатили ее новым опытом в новых условиях классовой борьбы пролетариата.

И именно потому, что Ленин и ленинцы двигали вперед марксистскую теорию, ленинизм является дальнейшим развитием марксизма, марксизмом в новых условиях классовой борьбы пролетариата, марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций, марксизмом эпохи победы социализма на одной шестой части земли»⁴.

Анад. Г. ХАЧАПУРИДЗЕ

¹ Архив Тбилисского филиала ИМЭЛ при ЦК ВКП(б), ф. 31, д. 167, л. 52в.

² Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 45. 4-е изд.

³ Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 5.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 342.

Работа Маркса

«Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»

1

Среди великих творений, созданных гением Маркса, выдающееся место занимает бессмертный памфлет — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Эту книгу, говорил Вильгельм Либкнехт, «будут читать и через тысячи лет»¹.

Еще не успело отзвучать эхо выстрелов, которыми жалкий носитель громкого имени Бонапарт возвестил свой приход к власти и погребение французской революции, как появился памфлет Маркса, давший непревзойденный по глубине и силе анализ декабрьских событий 1851 года.

Государственный переворот 2 декабря 1851 года, вызвавший панику в рядах мелкобуржуазной демократии, казалось, произошел совершенно неожиданно. Никто не мог объяснить, в силу каких причин сделалась возможной победа Луи Бонапарта.

Появившийся в 1852 году памфлет Виктора Гюль «Наполеон Малый» был полон, как замечает Маркс, едких и остроумных личных нападок на «ответственного издателя государственного переворота», но самое событие «изображается у него, как гром из ясного неба. Он видит в нем лишь насильственное деяние одного индивидуума. Он не замечает, что возвеличивает этого индивидуума, вместо того чтобы умалить его, приписывая ему беспримерную во всемирной истории мощь личной инициативы»².

Французская мелкобуржуазная эмиграция в Лондоне, Брюсселе и других европейских и заокеанских городах изливала свое возмущение в звучных, эффектных фразах и проклинала «чудовище», теряясь в попытках объяснить происшедшее. Луи Блан печатал в английской газете «Daily News» статьи, полные громких слов, на которые он был мастер. «Французский народ — благородная гордость — неукротимое мужество — вечная любовь к свободе — слава побежденному мужеству»³,

¹ «Воспоминания о Марксе», стр. 89. М. 1940.

² Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 249—250. Госполитиздат. 1940.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 311.

завидительно охарактеризовал Энгельс содержанием этих статей в одном из своих писем к Марксу. Но на вопрос, почему произошла катастрофа, Луи Блан ответить не мог.

Другой видный политический деятель, Феликс Пиа, не придумал ничего лучшего, чем сочинить пьесы с мелодраматическими сценами изгнания демократов, ссылки и т. д. «Можно ли более низким образом спекулировать на бедствиях своей страны? — с негодованием писал Маркс. — И этот осел считает это апроприацией французского несчастья патристическим актом»⁴.

Прудон в отличие от других пытался в своей книге «Государственный переворот» отыскать исторические корни событий. Но, не различая отчетливо классов французского общества и их борьбы, Прудон ограничился установленным элементарной причинной связи событий. Его работа превратилась, как указывал Маркс, в «историческую апологию» Луи Бонапарта.

Политические деятели и ученые Европы оказались не в состоянии проникнуть в смысл французских событий ни тогда, когда эти события разразились, ни даже много лет спустя. Только Маркс выступил непосредственно после государственного переворота Луи Бонапарта с краткой, сжатой работой, в которой объяснил «чудо» 2 декабря и показал его героя в истинном свете. Этот герой «изображен здесь в своем натуральном, неприкрашенном виде, без того ореола славы, каким окружали его минутный успех»⁵, — писал Энгельс. С полным правом мог поэтому Энгельс заявить в предисловии к третьему изданию «Восемнадцатого брюмера»: «Такое превосходное понимание живой истории дня, такое ясное проникновение в смысл событий в самый момент, когда они происходили, поистине беспримерно»⁶.

Мысль о написании «Восемнадцатого брюмера» подал Марксу Энгельс. 16 декабря 1851 года он получил из Чикаго от находившегося там в эмиграции И. Вейде-

⁴ Там же, стр. 345—346.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 319.

⁶ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 251.

мейера письмо с просьбой прислать материал для организуемой им революционной газеты. «...люди жаждут там анализа и ориентировки по поводу французской истории, — сообщал Энгельс в тот же вечер Марксу, — и если бы можно было сказать что-нибудь особенно интересное по поводу ситуации, то этим можно было бы обеспечить успех предприятия, начиная с первого номера»¹.

Энгельс предложил Марксу написать такую статью.

Маркс дал согласие и в тот же день (17 или 18 декабря) приступил к работе. Первоначально Маркс предполагал ограничиться «одной статьей небольшого объема и в письме к Вейдемейеру от 19 декабря обещал отправить ее уже 23 декабря.

Однако в ходе работы объем статьи значительно вырос. В конце декабря или в начале января Маркс отправил Вейдемейеру первую статью, за которой должно было последовать продолжение. Около 8 января была закончена и отправлена вторая глава, 30 января — третья, 13 февраля — четвертая. «В процессе работы вещь все разрастается, — писал Маркс Вейдемейеру, — и на эту тему ты получишь еще две статьи»².

В дальнейшем Маркс решил написать еще и седьмую главу. 27 февраля он отправил Вейдемейеру пятую главу, в начале марта — шестую, 25 марта — седьмую. Работа над «Восемнадцатым брюмера» потребовала у Маркса, таким образом, свыше трех месяцев.

В нелегких условиях пришлось работать Марксу. В течение почти всего января он был серьезно болен и продолжал работу в постели. Маркс не имел тогда никакого постоянного заработка и очень нуждался. В феврале нужда еще более обострилась. Чтобы купить продукты, ему пришлось заложить пальто, и он не мог посещать библиотеку и вообще выходить из дому. Но несмотря на все это Маркс неустанно работал.

В марте работа была закончена.

Опубликованию ее оказалось очень нелегким делом. Задуманное Вейдемейером издание еженедельной газеты «Die Revolution» потерпело неудачу. Уже на втором номере газета прекратила свое существование, не успев опубликовать «Восемнадцатое брюмера». Тогда Вейдемейер решил выпускать непериодические сборники под прежним заглавием и поместить работу Маркса в первом же выпуске. Однако издание и этого сборника оказалось нелегким делом вследствие отсутствия средств. Маркс

безуспешно пытался организовать печатание «Восемнадцатого брюмера» в Америке в английском переводе, либо в Лондоне на немецком, английском или французском языках.

Только в конце апреля Вейдемейеру удалось с величайшим трудом собрать деньги для издания первого сборника, в котором должна была быть опубликована рукопись Маркса. Один немецкий рабочий, портной из Франкфурта (Вейдемейер, к сожалению, не сообщает его фамилии), пожертвовал для этой цели все свои сбережения в сумме 40 долларов. Большую помощь оказал и другой немецкий эмигрант, коммунист А. Клусс, также вложивший в издание «Восемнадцатого брюмера» свои скудные средства. В результате в мае 1852 года работа Маркса увидела, наконец, свет.

В Америке ее распространение взяли на себя Клусс, Вейдемейер и другие друзья Маркса. Часть тиража была послана в Европу, но Маркс долго не мог выкупить посылку в лондонской таможне, так как нужно было уплатить 10 шиллингов и 9 пенсов за пересылку. Когда эти экземпляры были, наконец, получены, Маркс не имел средств для пересылки их в Германию. Кроме того прусская полиция наверняка попыталась бы конфисковать работу, подписанную его именем. Энгельс и тут пришел на помощь Марксу и за счет фирмы «Эрмен и Энгельс», в которой он работал, выкупил остальные экземпляры книги, предназначенные для распространения в Германии.

Маркс пытался организовать переиздание «Восемнадцатого брюмера» в Германии, но безуспешно. Книгопродавцы отклонили предложение о переиздании, так как уже «одного имени (Маркса) достаточно, чтобы навлечь на свою голову всякого рода неприятности»³.

Книгоиздатель Виганд, которому Маркс предложил переиздать «Восемнадцатое брюмера» хотя бы даром, без уплаты авторского гонорара, ответил грубым отказом. С гневом писал впоследствии Лафарг об этом времени: «...против него лично и против его трудов составилась заговор молчания. Абсолютно игнорировали его «18 брюмера», работу, доказывающую, что из всех историков и общественных деятелей 1848 года он один сумел понять причины и предугадать последствия государственного переворота 2 декабря 1851 года. Ни одна буржуазная газета не упомянула об этом труде, несмотря на то, что это был прямой ответ на злобу дня»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 311.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 130.

³ См. Карл Маркс «Даты жизни и деятельности», стр. 120. Партиздат. 1934.

⁴ «Воспоминания о Марксе», стр. 67.

Только спустя 17 лет, в 1869 году, Марксу удалось осуществить второе издание «Восемнадцатого брюмера».

С большими трудностями было связано также издание книги на иностранных языках.

Еще в сентябре 1852 года Маркс вел переговоры с одним лондонским издателем об издании «Восемнадцатого брюмера» в английском переводе. Друг Маркса, немецкий коммунист Пинер, перевел I главу книги. По просьбе Маркса Энгельс, уже тогда превосходно владевший английским языком, отредактировал этот перевод. Однако попытка издания не увенчалась успехом. В равной мере не имели результатов переговоры Маркса с Э. Джонсом о публикации «Восемнадцатого брюмера» в «People's Paper». Гениальная работа Маркса в течение почти полувека не увидела света на европейских языках, если не считать упомянутых двух немецких изданий и третьего издания, вышедшего в 1885 году. Первое издание «Восемнадцатого брюмера» в английском переводе появилось лишь в 1898 году в Нью-Йорке, второе — через год в Лондоне.

Французский перевод был предпринят в начале 80-х годов Фортеном. Энгельс редактировал его уже после смерти Маркса, в 1885—1886 годах, но не имел тогда возможности закончить эту работу ввиду того, что был крайне загружен работой по «Капиталу».

Во французском переводе «Восемнадцатое брюмера» было впервые напечатано лишь в 1891 году в журнале «Le Socialiste». В 1892 году эта работа вышла отдельным изданием. В 1896 году, уже после смерти Энгельса, вышел итальянский перевод.

Интересно отметить, что и английскому и итальянскому переводам предшествовал русский перевод. Уже в 1894 году в Женеве вышло русское издание «Восемнадцатого брюмера». В 1905—1906 годах эта работа Маркса появилась почти одновременно в четырех русских изданиях: в Женеве (Куклин), Москве («Колокол») и Петербурге («Молот» и издание Львовича).

Буржуазная пресса пыталась окружить «Восемнадцатое брюмера» заговором молчания. Мелкобуржуазные политиканы встретили криками негодования и мутным потоком клеветы смелую книгу, показывающую события в их истинном свете. Но пролетариат и его идейные вожди оценили работу Маркса по заслугам. Коммунист И. Вейдемейер, издавший «Восемнадцатое брюмера» в Америке, писал в предисловии к этой работе Маркса: «Чем более важна роль, которая выпала на долю Франции в европейской революции, тем важнее правильное ее изображение. Только

с помощью такого изображения могут быть разоблачены те душераздирающие перемены, которыми унижают себя перед всем светом обманутые в своих ожиданиях вожди мелкобуржуазной демократии... Даже противники Маркса не могут отрицать, что Маркс и по оригинальности своих воззрений — а они есть результат глубокого и всестороннего исследования — и по классической ясности языка стоит неизмеримо выше всей этой кучи политических литераторов»¹.

Вскоре после выхода в свет «Восемнадцатого брюмера» Маркс получил письмо от видного венгерского революционного деятеля Семере с восторженным отзывом о книге. В декабре 1852 года английская рабочая газета «People's Paper» посвятила два номера работе Маркса. «Настоящие замечатели тот факт, — говорится в первой статье, — что все французские писатели, которые поведали миру о последнем coup d'état и которые, как можно было предполагать, должны обладать наилучшими сведениями не только о ходе событий, но и о причинах этих событий, потерпели неудачу в своих попытках объяснить эти причины, между тем как немецкий писатель, являющийся только наблюдателем, следивший издали за развитием событий во Франции, дал не только первое, но и единственное научное изложение истории бонапартистского переворота. Секрет успеха автора заключается в его принадлежности к партии, которая, правда, не была непосредственно втянута в борьбу, но которая, в силу условий, в силу ее все растущей и несокрушимой мощи, в силу ее будущего, станет, в конце концов, главным арбитром во всех столкновениях; партии, поражения и победы которой образуют подлинную историю последних событий во Франции»².

«...это была гениальная работа»³, великолепный образец применения марксистской теории, писал Энгельс о «Восемнадцатом брюмера».

Чрезвычайно высоко оценивал значение «Восемнадцатого брюмера» и Ленин, не раз ссылаясь на эту работу Маркса.

В чем же заключается разгадка этого необыкновенного успеха произведения Маркса? Она состоит в том, что Маркс сумел в этой книге не только проникнуть глубоко, как никто, в подлинный смысл событий во Франции, но и извлечь из их анализа гениальные выводы, имеющие первостепенное значение для международного пролетариата. Блестящее применение

¹ «Die Revolution» № 1—2. 1852. New-York.

² «People's Paper», 11/XII 1852.

³ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 251.

метода диалектического материализма к анализу общественного развития, превосходное знание истории позволили Марксу создать этот замечательный труд.

2

К углубленному изучению истории, в особенности истории Франции, Маркс приступил еще в университетские годы. Напряженный интерес Маркса к истории Франции имел глубокие основания. «Франция, — указывает Энгельс в предисловии к третьему немецкому изданию «Восемнадцатого брюмера», — есть страна, в которой историческая борьба классов больше, чем в других странах, доходила каждый раз до решительного конца... И борьба поднимающего голову пролетариата против господствующей буржуазии выступает здесь в такой острой форме, которая другим странам неизвестна. Этим объясняется, почему Маркс с особенным предпочтением не только изучал прошлую историю Франции, но и следил за ее текущей историей во всех деталях, собирая материал для использования его в будущем. События поэтому никогда не заставали его врасплох»¹.

Изучать историю Франции Маркс начал еще в Крейцнахе в 1843 году. Сохранились его записные книжки этого периода, позволяющие установить круг чтения Маркса. За короткий срок — несколько месяцев — он прочел и конспектировал десятки фундаментальных работ по истории Франции. Среди них трехтомная «История Франции» Гейнриха, двухтомная «История последних пятидесяти лет» Людвига, трехтомная «История Франции» Лакретелля, двухтомный труд Байеля о посмертном сочинении де Сталь, «Дух законов» Монтескье, «Общественный договор» Руссо, «История Франции» Шмидта, две книги Шатобриана, работа Ланчиолле об июльских днях, двухтомная «История Франции» Ваксмута, работа Жофруа о наследственном престоле, «О государстве» Маклаверли, «Историко-политический журнал» Л. Ранке. Особое внимание Маркса привлекли вопросы политической истории Франции и ее государственного устройства. Так, конспектируя работу Ланчиолле, Маркс особо отметил проблему централизации государственной власти и мысль о том, что парламент лишь фиктивно является представителем народа. В Париже Маркс в 1844—1845 годах читает и конспектирует книгу Е. Бюре «О нищете трудящихся классов в Англии и во Франции» и четырехтомные мемуары Левассера. В 1845—1847 годах

в Брюсселе Маркс продолжает занятия французской историей. Обширный материал он собирает и в последующие годы, побывав во Франции весной 1848 года и летом 1849 года.

В произведениях Маркса, относящихся к 40-м годам, мы находим много положений и отдельных мыслей, развитых им впоследствии в «Восемнадцатом брюмера».

Так, в работе «К критике гегелевской философии права» (1843 год) содержится место, близко примыкающее к начальным строкам «Восемнадцатого брюмера». Маркс пишет: «Современный ancien régime — скорее лишь комедия и миропорядка, действительные герои которого вымерли. История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда несет в могилу устарелую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее комедия»².

Исключительный интерес представляет относящийся к 1845 году набросок Маркса, озаглавленный «Гражданское общество и коммунистическая революция». Дальнейшее развитие отдельных положений, намеченных в этом наброске, дано Марксом в «Немецкой идеологии», «Морализующей критике и критикующей морали» и, наконец, в «Манифесте коммунистической партии».

Революционные годы (1848—1851) позволили Марксу и Энгельсу обогатить теорию научного коммунизма огромным новым опытом. Особое значение имел для Маркса опыт французской революции. В «Новой Рейнской газете» он систематически освещает события во Франции, обобщает опыт революционной борьбы, извлекает из него важнейшие уроки для германского и международного пролетариата и европейского демократического движения.

Уже в одной из первых статей, посвященных июньскому восстанию парижских рабочих, Маркс поднимает важнейший вопрос о задачах революции в отношении аппарата государственной власти. «Ни одна из бесчисленных революций французской буржуазии, начиная с 1789 года, — пишет Маркс, — не была покушением на порядок, так как все они оставляли в неприкосновенности классовое господство, рабство рабочих и буржуазный порядок, как бы часто ни менялась политическая форма этого господства и этого рабства»³.

В ноябре 1848 года Маркс публикует в «Новой Рейнской газете» статью «Парижская «Réfогте» о положении во Фран-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. I, стр. 369.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 199.

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 251.

ции», содержащую глубокий анализ соотношения классовых сил во Франции и межкучной позиции мелкобуржуазных демократов. С гениальной прозорливостью Маркс вскрывает назревающий поворот в политике французской буржуазии — поворот к пролялизму. Не прошло и месяца, как избрание Луи Бонапарта президентом стало фактом. Маркс посвятил этим выборам блестящую статью, в которой он с убийственной прозой сравнивает Луи Бонапарта с уличным шарлатаном, обещающим показать зрителям необычайные фокусы и заранее собирающим у доверчивых людей несколько су в свою тарелку.

В новогодней статье «Революционное движение» Маркс доказывает, что «поражение революционного французского рабочего класса имело своим неизбежным следствием поражение республиканской французской буржуазии, которая только что нанесла рабочему классу удар»¹. С предельной ясностью Маркс оценил международное значение июньского поражения парижского пролетариата и указал на неизбежные последствия событий во Франции для судеб европейской революции.

Через месяц в статье «Положение в Париже» Маркс во всеуслышание предсказывает возможность государственного переворота во Франции. «Монархическая реставрация или красная республика — такова теперь единственная альтернатива во Франции»².

Уже в 1850 году Маркс развернул гигантскую теоретическую работу по подведению итогов революционного двухлетия. Плоды этой работы были им опубликованы в шести выпусках «Политико-экономического обозрения «Новой Рейнской газеты». В марте—апреле вышли в свет первые три выпуска, содержащие замечательную работу Маркса — «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 год», — которая, по свидетельству Энгельса, была «первой попыткой Маркса на основе своего материалистического понимания объяснить определенную полосу истории, исходя из данного экономического положения»³.

В «Классовой борьбе» Маркс подвел итоги предшествующего многолетнего изучения истории Франции и выдвинул в общих чертах ту схему истории французской революции, которая нашла законченное отражение в «Восемнадцатом брюмера». «Сравните, — говорит Энгельс, — это второе изложение, написанное в свете совершившегося через год с лишним решающего

события, с первым изложением, и вы убедитесь, что автору пришлось изменить лишь очень немногое»⁴. Действительно, в основе своей ход мыслей и изложение событий в этих двух работах совпадают. Но между ними есть и существенное различие. Во-первых, в «Классовой борьбе» изложение могло быть доведено лишь до 10 марта 1850 года, в то время как «Восемнадцатое брюмера» охватывает и события последних двух лет, вплоть до февраля 1852 года. Во-вторых, Маркс уточняет в «Восемнадцатом брюмера» периодизацию всей истории французской революции, еще более отчетливо определяя внутреннее содержание каждого из периодов. В-третьих, — и это особенно важно — Маркс выдвигает в «Восемнадцатом брюмера» замечательные по силе и глубине научные обобщения. Всю историю Франции от февраля 1848 года, столь богатую событиями, Маркс разработал здесь заново.

В последующих выпусках «Обозрения «Новой Рейнской газеты» Маркс подверг рассмотрению события, развернувшиеся во Франции в течение 1850 года, уже после выхода в свет «Классовой борьбы во Франции». Раньше чем кто-либо другой, он разгадал тайные замыслы Луи Бонапарта и вскрыл внутреннюю логику событий, предвещающую государственный переворот.

В третьем международном обзоре (январь 1850 года) Маркс писал: «В своей борьбе против народа партия порядка принуждена постоянно увеличивать силу исполнительной власти. Всякое усиление исполнительной власти усиливает ее представителя — Бонапарта. Поэтому всякий шаг, который предпринимает партия порядка для усиления своего общего могущества, усиливает боевые средства Бонапарта с его династическими претензиями, увеличивает его шансы — в решительный момент силой помешать конституционной развязке. Тогда Бонапарт в своей борьбе с партией порядка не остановится перед нарушением одной из основ конституции... По всем вероятностям он апеллировал бы даже против Собрания к всеобщему избирательному праву»⁵.

Эти слова Маркса еще раз свидетельствуют о гениальной силе его предвидения.

В течение 1851 года Маркс занимался углубленным изучением политической экономии. Однако он продолжал с величайшим вниманием следить за ходом событий во Франции, собирал материалы, относящиеся к социальному движению во Франции. Из бесед с французскими демократами, посетившими Лондон, он получал подробную информацию о положении во Франции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VII, стр. 102—103.

² Там же, стр. 107.

³ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 138.

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VIII, стр. 251—252.

В феврале 1851 года Маркс встретился с французским демократом, участником июньских событий 1849 года, Тессье де Мота; в феврале 1852 года Маркса навестила группа французских революционных деятелей: Массаль, Вальер, Бианки, Сабатье, — информировавших Маркса о положении во Франции.

Кроме того Маркс вел переписку с некоторыми друзьями, жившими во Франции, и, в частности, с немецким эмигрантом в Париже Рихардом Рейнгардом (секретарем Генриха Гейне), которого он называл одним из своих «лучших и наиболее умных друзей»¹.

Большое значение при работе над «Восемнадцатым брюмера» имели для Маркса письма и работы Энгельса. Уже 3 декабря, на другой день после государственного переворота во Франции, Энгельс отправил Марксу письмо, в котором поделился с ним своими мыслями о событиях в Париже: «...кажется, будто историей на самом деле руководит старый Гегель из гроба в качестве «мирового духа», с величайшей добросовестностью заставляя все события повторяться дважды, раз — в качестве великой трагедии, и второй раз — в качестве жалкого фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Бартелемп вместо Сен-Жюста, Флокон вместо Карно и недоносек с дожижной отягощенных долгами лейтенантов вместо маленького капитана и его рыцарственных маршалов»².

Вступительные слова «Восемнадцатого брюмера», несомненно, навеяны этим письмом Энгельса. В письмах от 10 и 11 декабря Энгельс разбирает вопрос о причинах относительной пассивности парижских рабочих в дни декабрьских событий. В феврале 1852 года Энгельс опубликовал специальную статью на эту тему в «Notes to the People». Разбирая в VII главе «Восемнадцатого брюмера» вопрос о том, почему парижский пролетариат не восстал после 2 декабря, Маркс поддерживает и развивает аргументацию Энгельса, приведенную им в упомянутых письмах и статье.

В одном из писем от марта 1852 года Энгельс высмеивает демагогические заявления Луи Бонапарта, объявлявшего любое свое мероприятие «социалистическим». «Все та же старая история! — писал Энгельс. — Почтовая реформа = социализм! Конверсия ренты = социализм! Свободная торговля = социализм!»³.

Эта мысль Энгельса также нашла свое отражение в VII главе «Восемнадцатого брюмера». Работа над «Восемнадцатым брюмера», как и работа над всеми другими произведениями, вышедшими из-под пера основоположников научного коммунизма, является ярким примером их творческого сотрудничества.

3

Как уже указывалось выше, «Восемнадцатое брюмера» распадается на семь небольших глав. Все это сочинение написано удивительно стройно, проникнуто железной логикой и представляет собой, как и «Капитал», художественное целое.

С поразительным мастерством Маркс прослеживает единую нить исторического развития в водовороте событий, среди kaleidosкопа лиц, причудливой, пестрой ткани живой истории. От тщательного, скрупулезно точного анализа отдельных фактов, выступлений, голосований, законов он переходит к глубочайшим теоретическим обобщениям, развивающим науку о революции.

Показывая, как часто люди ошибочно принимают собственные иллюзии за отображение действительной истории, Маркс великолепно определяет объективную роль этих иллюзий и ошибок и их воздействие на развитие исторических событий.

Образы классической литературы, мифологии, живые исторические примеры щедро рассыпаны на страницах этой необыкновенной книги. Широко черпая из сокровищницы человеческой культуры, Маркс создал гениальное по образности и яркости историческое полотно.

В этой работе, писал Вильгельм Либкнехт, «стиль становится *stilus*, то-есть тем, чем он был в руках римлян — острым стальным клинком, который пишет и колет. Стиль — клижал, без промаха поражающий прямо в сердце»⁴.

Первую главу Маркс начинает с анализа того места, которое занимает революция 1848—1849 годов в истории революционного движения во Франции. Маркс указывает, что несмотря на внешнее ее сходство с предшествующими революциями на ней лежит своеобразный отпечаток. Это своеобразие придало ей самостоятельное выступление парижского пролетариата. Именно пролетариат, «завоевавший республику с оружием в руках, наложил на нее свою печать и провозгласил ее с о ц и а л ь н о й р е с п у б л и к о й»⁵. Именно он ответил на провокацию буржуазии июньским восстанием, «этим традиционнейшим событием

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 134.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXI, стр. 303.

³ Там же, стр. 343.

⁴ «Воспоминания о Марксе», стр. 87.

⁵ Карл Маркс «Изобразные произведения». Т. II, стр. 258.

в истории европейских гражданских войн»¹. Правда, пролетариат потерпел поражение, но он отступил с честью. Буржуазия, добившаяся поражения пролетариата, попыталась упрочить режим буржуазной республики. Но, лишенная союзников и разорванная на враждующие фракции, она не смогла помешать заговорщикам во главе с Луи Бонапартом захватить 2 декабря 1851 года государственную власть. Республиканские свободы были ликвидированы — и во Франции водворился режим военной диктатуры.

Не следует, однако, думать, указывает Маркс, что революционные годы прошли даром: «В течение 1848—1851 г.г. французское общество наверстало по сокращенному, т. е. революционному, способу уроки и опыт, которые при правильном, так сказать методическом, ходе развития должны были бы предшествовать февральской революции, чтобы сделать ее чем-то более серьезным, чем простое сотрясение поверхности»². Задача заключается в том, чтобы исследовать этот опыт, учесть эти уроки. «...пролетарские революции, каковы революции XIX столетия, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к тому, что кажется уже выполненным, затем, чтобы еще раз начать это сызнова...»³, — отмечает Маркс.

Пролетариат должен подвергнуть смелой и бесстрашной критике и самокритике пройденный им путь, чтобы почерпнуть в этой критической работе новые силы для успешного продолжения борьбы, для победоносного движения вперед.

Мелкобуржуазным демократам падение монархии Луи-Филиппа в феврале 1848 года казалось началом новой эры. Но, видя, как шаг за шагом у народа отнимают его революционные завоевания, они ожидали чуда от 2 мая 1852 года — дня, когда кончались полномочия Луи Бонапарта и его должен был сменить новый президент. Государственный переворот 2 декабря 1851 года был воспринят ими как страшный сон, как наваждение. «Слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса»⁴, — саркастически замечает Маркс. Пролетариат не нуждается в самообмане и самообольщении. Он должен знать, как и почему оказался возможным такой исход революции.

Но, чтобы дать научный ответ на этот вопрос, надо было научно исследовать и оценить весь предшествующий ход событий, надо было рассмотреть, хотя бы в общих чертах, историю французской революции 1848 года. И Маркс приступает к

сжатою ее изложению, начиная с первого дня революции, дня свержения Луи-Филиппа.

Маркс делит всю историю революции на три крупных периода: 1) «Февральский период», или «пролог революции», — от 24 февраля до 4 мая 1848 года; 2) период учреждения республики, или Учредительного национального собрания, — от 4 мая 1848 года до 29 мая 1849 года; 3) период конституционной республики, или Законодательного национального собрания, — от 29 мая 1849 года до 2 декабря 1851 года.

Февральский период революции был периодом, когда классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией еще не успели обнаружиться вочию. Пролетариат находился еще во власти революционных иллюзий и верил в возможность создания «социальной республики» мирным путем, не посягая на буржуазный общественный порядок. Крупная монархическая буржуазия еще не успела оправиться после февральской бури. Но скоро она олоумилась и начала группировать вокруг себя мелкую буржуазию города и деревни, используя ее доверчивость и политическую незрелость.

Второй период — от 4 мая 1848 года до 29 мая 1849 года — Маркс делит на три этапа. Первый из них — от 4 мая до 25 июня 1848 года — это период учреждения буржуазной республики. Он начинается открытием Национального собрания, которое было «живым протестом против притязаний февральских дней и должно было низвести результаты революции до буржуазного уровня»⁵. Буржуазия, оправившись после замешательства и почувствовав за собой реальную силу, переходит в наступление на пролетариат. Пролетариат вынужден обороняться. Трехдневные уличные бои в Париже завершаются победой буржуазии. «Со времени этого поражения пролетариат отходит на задний план революционной сцены»⁶.

Вторая глава «Восемнадцатого брюмера» открывается анализом второго и третьего этапов революции: от 25 июня до 10 декабря 1848 года и от 10 декабря 1848 года до 29 мая 1849 года. История Учредительного собрания со времени июньских дней — это, по выражению Маркса, «история господства и разложения республиканской фракции буржуазии...»⁷.

Буржуазные республиканцы отстаивали во времена монархии Луи-Филиппа ряд прогрессивных требований. Но они чуждались революционного пути борьбы и не

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 259.

² Там же, стр. 256.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 257.

⁵ Там же, стр. 259.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 261.

хотели допустить самостоятельного выступления демократических масс народа. Как только они получили большинство мест в Учредительном собрании, они удалили из правительства социалистов, а затем и мелкобуржуазных демократов. Своего политического господства буржуазные республиканцы добились не путем «либерального бунта» против монархии, а в результате подавления с помощью военной силы восстания пролетариата. Сосредоточив в своих руках власть, они законодательно закрепили ее, выработав конституцию французской республики, в которой свободы были обставлены таким количеством оговорок и примечаний, что утрачивали почти всякое реальное значение. И тому же старая, сложившаяся еще при монархии государственная машина осталась, по существу, нетронутой.

Самое же главное заключалось в том, что было сохранено и увековечено фактическое неравенство граждан, поскольку осталась эксплуатация человека человеком, осталась власть капиталиста над рабочим. Никакая конституция вообще не могла, разумеется, устранить это неравенство. Для ее устранения нужна была социальная революция и обобществление средств производства.

Стремясь закрепить антидемократический, буржуазно-парламентарный режим в стране, республиканцы довели до крайних пределов «разделение властей» и наделили президента всей полнотой исполнительной власти. В его руках сосредоточилось управление административным аппаратом и армией. Предоставляя президенту столь широкие полномочия, буржуазные республиканцы рассчитывали, несомненно, на удержание этого поста в своих руках и выдвигали кандидатуру генерала Кавеньяка, «отличившегося» во время подавления июньского восстания пролетариата. Но расчеты буржуазных республиканцев оказались ложными. Крупная буржуазия тяготилась режимом республики и тосковала по монархии. Притязания Луи Бонапарта на французский трон не были для нее тайной, и она поддерживала кандидатуру Луи Бонапарта. Армия, недовольная расчетливостью и прижимистым хозяйничаньем буржуазных республиканцев и охваченная мечтами о военной славе, также выступила на стороне Луи Бонапарта. Темные крестьяне, полные недоверия и неприязни к городу, в котором они видели только источник поборов, притеснений и кабалы, в знак протеста против режима буржуазной республики голосовали за Луи Бонапарта, демагогически изображавшего «друга крестьян». И даже часть рабочих и городской мелкой буржуазии, чтобы выразить свою ненависть к Кавеньяку, от-

дала свои голоса его сопернику — Луи Бонапарту.

Опубликование конституции (ноябрь 1848 года) и избрание на ее основе президента республики (10 декабря) открывают собой следующий этап истории революции.

Конституционный режим, созданный буржуазными республиканцами для увековечения собственного господства, послужил почвой, на которой вырастали силы, служившие гибелью республиканцам. «Основав республику для буржуазии, прогнав с поля битвы революционный пролетариат и на время зажав рот демократической мелкой буржуазии, они сами были отстранены массой буржуазии, которая с полным правом завладела этой республикой как своей собственностью»¹. Общей платформой крупной буржуазии было требование такого политического «порядка», который обеспечил бы безраздельную власть капитала. Республиканцы не внушали доверия монархически настроенной крупной буржуазии; не доверяла она и Учредительному собранию. На протяжении полугода шаг за шагом буржуазные республиканцы теряли свои политические позиции и шли навстречу собственной гибели.

Третий и последний период истории французской революции — от 29 мая 1849 года до 2 декабря 1851 года — Маркс определяет как период «конституционной, или парламентной, республики»². Маркс расчленяет его, как и предшествующий период, на три главных этапа. Первый из них занимает короткий, но полный значительных событий промежуток времени от 29 мая до 13 июня 1849 года; второй — занимает почти целый год — от 13 июня 1849 года до 31 мая 1850 года; наконец, последний — охватывает события от мая 1850 года до 2 декабря 1851 года.

Третья глава «Восемнадцатого брошюра» посвящена анализу июньских событий 1849 года, т. е. первому этапу указанного периода истории революции. 29 мая 1849 года началось своею работу Законодательное собрание, избранное на основе конституции 1848 года. Крупной буржуазии удалось провести в его состав своих ставленников, представителей монархической «партии порядка». Эта партия сосредоточила теперь в своих руках правительственную власть и военное командование.

Но в рядах партии порядка не было полного единодушия. Одна ее часть стояла за реставрацию династии Бурбонов,

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 268—269.

² Там же, стр. 272.

другая — за реставрацию Орлеанов. В основе этого различия лежали экономические причины. Крупные помещики помнили, что власть Бурбонов — это власть феодального дворянства и церкви. Банкиры, спекулянт, заводчики первого ранга были, напротив, больше привязаны к дому Орлеанов, так как знали, что июльская монархия была, как указывает Маркс, «лишь политическим выражением узурпаторской власти буржуазных выскочек»¹. Однако несмотря на взаимную борьбу этих двух фракций их объединяли глубокие общие интересы — интересы всей массы собственников, интересы охраны и укрепления режима господства буржуазии. Материальные интересы здесь, как и всегда, оказывались сильнее иллюзий, чувств, старых воспоминаний и надежд.

Буржуазия, нанесшая в июне 1848 года удар революционному пролетариату, решила повончить теперь и с демократической мелкой буржуазией. Безоружная демонстрация национальной гвардии была рассеяна войсками. Гора — партия демократической мелкой буржуазии — была разбита. Громкие революционные фразы демократов оказались пустыми угрозами. Полностью выявились слабость, бессилие мелкобуржуазной демократии, ее неспособность к самостоятельной политической борьбе.

Революция двинулась по нисходящей линии в отличие от революции 1789—1794 годов. Демократическая партия опиралась на поддержку буржуазных республиканцев. Но «не успели буржуазные республиканцы почувствовать себя твердо на ногах, как они сбрасывают с себя докучливых товарищей и сами спешат опереться на плечи партии порядка. Партия порядка поводит плечами, опрокидывает буржуазных республиканцев и сама становится на плечи вооруженной силы. Она еще продолжает думать, что сидит на плечах последней, когда она в одно прекрасное утро открывает, что эти плечи превратились в штыки...»².

Четвертая глава работы Маркса посвящена второму этапу истории революции в период господства Законодательного собрания — от 13 июня 1849 года до 31 мая 1850 года.

В этот период власть президента с его полицией и армией чиновников все возрастает. Широкие слои буржуазии, представленные в Собрании, постепенно отстраняются от непосредственного руководства политической жизнью страны. Партия порядка, вместо того чтобы апеллировать к народу против исполнительной власти, осу-

ществляет программу ненавистных народу законодательных проектов вроде налога на вино, реакционного закона о школах и т. д.

Луи Бонапарт благоразумно отделял себя от реакционного Собрания и злорадно подчеркивал каждый его антинародный шаг, стремясь показать, что сам он якобы придерживается иного политического курса, направленного на поддержку «простого народа». Он выставлял палочкай изобретенные им приманки: судный банк «для рабочих», прибавку жалованья унтер-офицерам и т. д.

Народный гнев против политики реакции усиливался. На доконительных выборах в Собрание в марте 1850 года прошли левые кандидаты, поддержанные народом. Эти признаки оживления народной активности толкнули партию порядка на неслыханный шаг: она изменила пролетариат избирательных прав (31 мая 1850 года). Бонапарт ухитрился и тут остаться в тени. Политическую ответственность за закон 31 мая несла перед лицом общественного мнения партия порядка. Ее престиж, престиж парламентского режима, быстро падал, и одновременно росли шансы Луи Бонапарта, росли его расчеты на личную диктатуру.

Заключительный этап политической истории французской революции вплоть до государственного переворота 2 декабря 1851 года Маркс расчленяет на четыре небольших отрезка времени: май 1850 года — январь 1851 года, январь — апрель, апрель — октябрь, октябрь — декабрь.

Пятую главу «Восемнадцатого брошюра» Маркс посвящает описанию первого года, последовавшего за отменой всеобщего избирательного права. Характерной чертой этого года является расширение и обострение борьбы между Собранием и президентом. В то время как лагерь партии порядка был ослаблен внутренней распрей, Луи Бонапарт активно организовывал свои силы. С помощью шайки проходивцев, питавшихся его подачками, он создал пресловутое «Общество 10 декабря», объединившее в своих рядах, по словам Маркса, отребье, напиль всех классов, отбросы, призванные «изображать народ». Вынужденный после ряда скандальных разоблачений формально распустить эту продажную банду, Луи Бонапарт фактически сохранил ее как свою «частную армию». С удвоенной энергией он развернул бесстыдную кампанию, направленную на подписание ему армии. Лестливые и успокоительные речи и послания Национальному собранию, подкуп солдат и офицеров колбасой и вином, призывы к «спокойствию» и финансовые аферы — все средства он пустил в ход.

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 275.

² Там же, стр. 272.

Со смешной и жалкой пунктуальностью Собрание констатирует день за днем все новые нарушения конституции президентом. Страдая «парламентским кретинизмом», оно верило, что поражает противника насмерть своими бумажными протестами.

Потеряв способность действовать, партия порядка быстро идет навстречу ближайшей либели. 11 апреля 1851 года Бонапарт открыто бросил ей вызов и назначил антипарламентское министерство. Собрание размахивало картонным мечом конституции, а Бонапарт отвечал на это бряцанием боевого оружия. Развязка приближалась.

Шестая глава «Восемнадцатого брюмера» посвящена заключительному этапу борьбы за власть между Национальным собранием и президентом. Предстоящее истечение срока действия полномочий президента ставило на очередь вопрос о пересмотре конституции. В лагере партии порядка вопрос о пересмотре конституции вызвал ожесточенную борьбу. Вновь выплыли противоречия между легитимистами и орлеанистами. Их междоусобная борьба ослабляла партию порядка и была лишь на руку Луи Бонапарту.

Грызня в Национальном собрании вызвала рост недовольства внепарламентских кругов буржуазии существующим политическим режимом. Буржуазия тяготилась неопределенностью политического положения в стране и тосковала по «твердой власти».

Тогда для Луи Бонапарта пришло время действовать. Он ловко использует выпрыгнувший жозырь — лозунг восстановления всеобщего избирательного права, растоптанного партией порядка. Раздраженные депутаты принимают «закон об ответственности», угрожающий карами президенту в случае нарушения конституции. В ночь на 2 декабря Луи Бонапарт расставляет войска на площадях, арестовывает виднейших депутатов, деятелей партии порядка и «вступает в Тюильрийский дворец как «спаситель общества»¹.

Последняя глава «Восемнадцатого брюмера» посвящена анализу событий 1848—1851 годов и важнейшим историческим и теоретическим выводам, сделанным Марксом на основе этого анализа.

Маркс начинает главу с оценки позиции основных классов французского общества. Он объясняет, почему пролетариат не восстал после 2 декабря: силы его были истощены июньским поражением; он не имел хороших вождей и не верил мелкобуржуазной демократии, не раз уже изменявшей ему. Самая же главная причина пассивности пролетариата заключалась в том, что ему, в сущности, нечего было

защищать, так как антинародность Национального собрания вскрылась уже давно с полной ясностью. Оно собственными руками превратило конституцию 1848 года в клочок бумаги и проложило Луи Бонапарту дорогу к власти.

Крестьянство не сразу распознало истинную природу бонапартизма и выступило на стороне Бонапарта, который умело использовал отсталость, темноту крестьян, их предрассудки, их наивную веру в силу имени Бонапарта, их надежды на сохранение своего клочка земли.

Несмотря на показное сочувствие крестьянству Бонапарт вел и не мог не вести в деревне ту же политику, что и его предшественники, политику разорения, порабощения, полицейской и финансовой кабалы.

Классовая основа режима Луи Бонапарта — господство буржуазии. Его социальная задача — охрана этого господства, всесторонняя защита интересов буржуазии. В этом смысле режим 2 декабря ничем не отличается и от предшествовавшего ему конституционного режима. Свообразными являются, однако, методы господства Бонапарта. Их основа, с одной стороны, — открытая диктатура сабли и штыка, с другой, — безудержная, разнузданная социальная демагогия. Бонапарт заигрывал попеременно с разными классами, стараясь их расположить к себе мелкими податками, с ловкостью фокусника извлекая из кармана все новые и новые неожиданные «благотворения». Ему «хотелось бы играть роль патриархального благодетеля всех классов... Ему хотелось бы украсть всю Францию, чтобы подарить ее Франции или, вернее, чтобы купить потом Францию на французские деньги...»². Бонапарт насаждал атмосферу продажности, подкупа и казнокрадства в высших правительственных сферах.

Но режим бонапартизма не мог быть прочен. Его разъедали изнутри глубокие противоречия. Буржуазная государственная машина, лишенная ореола святости, предстала перед народом во всей своей отвратительной шалоте. Идея революционного взрыва бродила в умах рабочего класса. Режим Луи Бонапарта способствовал, таким образом, разоблачению и развенчанию бонапартизма.

«...Если императорская мантия падет, наконец, на плечи Луи Бонапарта, бронзовая статуя Наполеона низвергнется с высоты Вандомской колонны»³, — предсказал Маркс. И уже в предисловии ко второму изданию «Восемнадцатого брюмера» в 1869 году Маркс мог отметить: «Заключи-

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 261.

² Там же, стр. 338.

³ Там же, стр. 339.

тельные слова моего сочинения... уже сбылись»¹.

Империя Луи Бонапарты быстро теряла престиж в массах французского народа и шла навстречу собственной гибели.

* * *

Трудно переоценить значение книги Маркса в истории марксистской мысли, в истории человеческой культуры.

«Восемнадцатое брюмера» было и остается острейшим оружием революционной борьбы пролетариата. Именно в ходе работы над этой книгой Маркс пришел к гениальному определению сущности теории научного коммунизма. Закончив шестую главу «Восемнадцатого брюмера», Маркс написал Вейдемейеру: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими фазами развития производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»².

Именно в этой книге Маркс показал, что задача пролетариата состоит не в том, чтобы взять в свои руки и усовершенствовать прежнюю государственную машину, а в том, чтобы ее разбить, сломать и построить на ее месте новые органы государственной власти — органы диктатуры рабочего класса. Именно здесь он высказал гениальную мысль о том, что крестьяне должны увидеть своего «естественного союзника и вождя в городском пролетариате, призванном низвергнуть буржуазный порядок»³.

Великий продолжатель дела Маркса, Ленин в борьбе за торжество идей коммунизма не раз обращался к «Восемнадцатому брюмера» Маркса, черпая в нем новые и новые глубочайшие мысли. Уже в 1898 году в борьбе против народничества и струвизма Ленин ссылаясь на «Восемнадцатое брюмера», доказывая связь между бюрократией и буржуазией. В 1899 году в «Развитии капитализма в России» и «Проекте программы нашей партии» он привел слова Маркса из «Восемнадцатого брюмера» о раздробленности и внутренне-противоречивом положении крестьянства при капитализме. В 1901—1902 годах в «Что делать?» Ленин, бичуя «экономистов», исправивших с лозунгом «штурма», напомнил о призывах Ткачева

¹ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 250.

² Карл Маркс «Избранные произведения». Т. I, стр. 345.

³ Карл Маркс «Избранные произведения». Т. II, стр. 334.

в «набату вечового колокола» и отметил, что история повторяется и то, что было трагедией, становится фарсом, жалкой карикатурой. В 1904 году, выступая на II съезде партии по программным вопросам против меньшевика Либеря, Ленин напомнил о знаменитом рассуждении Маркса в «Восемнадцатом брюмера» относительно крестьянина, его рассудка и предрассудка.

В 1905—1906 годах Ленин, борясь против героев революционной фразы, вспоминал о разнице сарказма, с каким Маркс в «Восемнадцатом брюмера» противопоставил пролетарские революции буржуазным, указывая, что «слабость, как всегда, спасалась верой в чудеса». «Никакой фальши! Наша сила в заявлении правды!» — так озаглавил Ленин одну из своих статей.

С огромной силой Ленин развернул борьбу против «парламентского кретинизма» меньшевиков. В статьях против тифлисских меньшевиков, против Парвуса и Плеханова Ленин показал, что этот кретинизм порожден верой в то, что парламентская борьба «есть единственная или при всяких условиях главная форма политической борьбы»⁴. Ленин разоблачил меньшевиков, выдававших блок с кадетами за «боевое соглашение», в то время как на деле он являлся «игрушечным-конституционным боем»⁵, проявлением парламентского кретинизма.

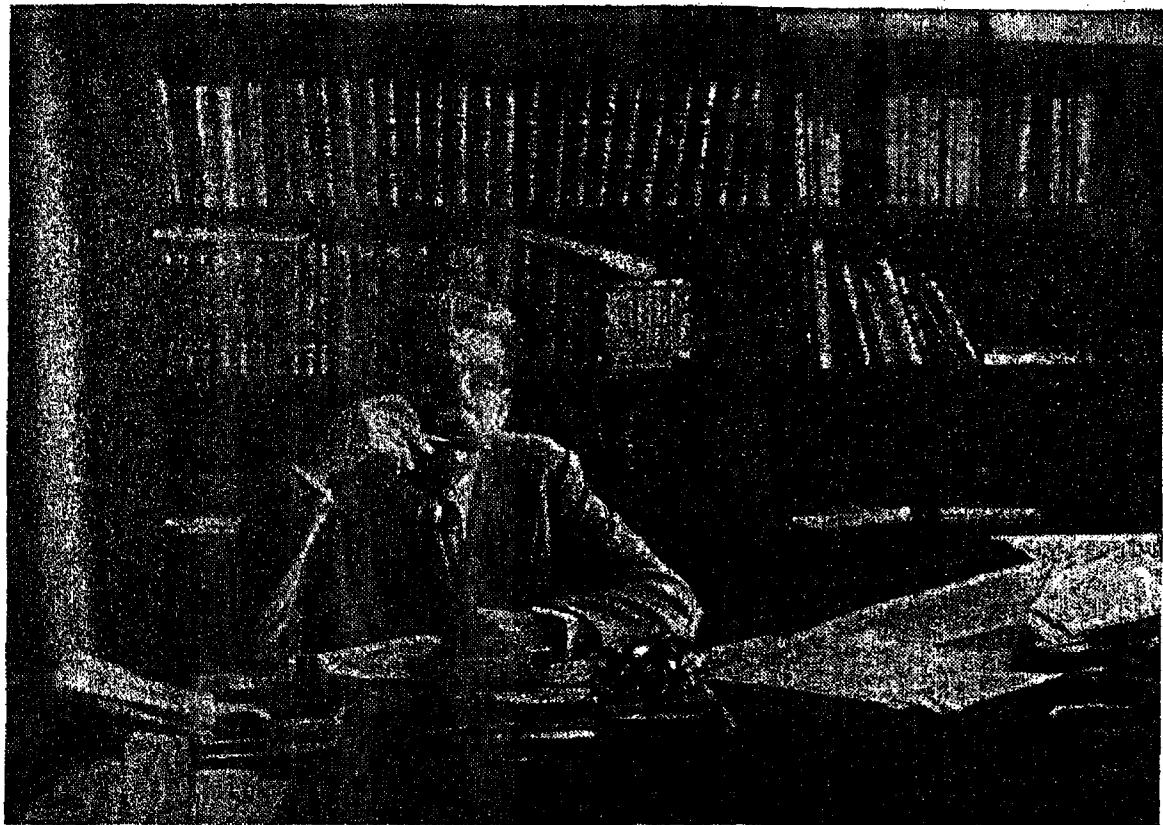
В 1917 году в тетради «Марксизм и государство» и в своей великой работе «Государство и революция» Ленин рельефно определил историческое значение «Восемнадцатого брюмера». Приведя выдержку из VII главы этой работы по вопросу о государственной машине и задачах пролетариата в отношении этой машины, Ленин писал: «В этом замечательном рассуждении марксизм делает громадный шаг вперед по сравнению с «Коммунистическим Манифестом». Там вопрос о государстве ставится еще крайне абстрактно, в самых общих понятиях и выражениях. Здесь вопрос ставится конкретно, и вывод делается чрезвычайно точный, определенный, практически-осуществимый: все прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать. Этот вывод есть главное, основное в учении марксизма о государстве»⁶.

Блестящая работа Маркса «Восемнадцатое брюмера» является острым теоретическим оружием в той великой борьбе, которую ведут сыны рабочего класса во всем мире против власти буржуазии, за победу коммунизма.

⁴ Ленин. Т. IX, стр. 204.

⁵ Ленин. Т. X, стр. 158.

⁶ Ленин. Т. XXI, стр. 387—388.

Г. Ленобль

История революции в творчестве А. М. Горького

1

Ленин в своей статье «Л. Н. Толстой» писал: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, подавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному обещанию Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»¹. Революция, которую имеет в виду здесь Ленин, — это «крестьянская буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России»².

О творчестве Горького мы также вправе сказать, что оно представляет шаг вперед в художественном развитии всего человечества. В нем нашла свое гениальное художественное выражение новая историческая эпоха, эпоха подготовки к победе пролетарской, социалистической революции

в стране, которая являлась «узловым пунктом противоречий империализма»³, «очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, — взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме»⁴.

Горький — первый великий пролетарский писатель, основоположник социалистического реализма в художественной литературе. Не случайно, а вполне закономерным следует признать то обстоятельство, что такого писателя, как Горький, выдвинула именно Россия, страна, в которую с начала XIX века переместился центр мирового революционного движения, страна, в которой произошла на протяжении 13 лет три революции и победила диктатура пролетариата. Лишь в нашей стране, где сложился самый революцион-

¹ Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 400.

² Там же, стр. 401.

³ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 6. 11-е изд.

⁴ Там же, стр. 4.

ный в мире пролетариат и возникла самая революционная в мире партия — партия Ленина — Сталина, — и мог вырасти, окрепнуть и развернуться гений Горького.

В своих художественных произведениях Горький дал широчайшие картины русской жизни, синтетическое, образное обобщение ее на величайшем перевале мировой истории. Необходимо отметить при этом, что как художник Горький преимущественное свое внимание обращал на период по 1917 год включительно. Советского периода он, как известно, в своих художественных произведениях касался сравнительно редко, очень сжато. Но старую, буржуазно-помещичью Россию и силы, приведшие к трем революциям в ней и к завоеванию власти русским рабочим классом, Горький изобразил с исключительной полнотой и рельефностью.

Не было в царской России ни одного класса, ни одной мало-мальски значительной социальной прослойки, которая не нашла бы в большей или меньшей мере своего отражения в творчестве Горького. По многостороннему охвату действительности среди современных ему писателей Горький не знал себе равного. И это черта характерная как раз для пролетарского писателя. Ленин в «Что делать?» указывал: «Сознание рабочих масс не может быть истинно-классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать каждый из других общественных классов во всех проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку всех сторон деятельности и жизни всех классов, слоев и групп населения... Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сапожника и крестьянина, студента и босаяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрыт каждый класс и каждый слой свои эгоистические попользования и свое настоящее «нуля»...»¹ Горький в своих произведениях обрисовал представителей всех классов русского общества, показывая их сильные и слабые стороны, раскрывая те ходячие фразы и всевозможные софизмы, за которыми люди прячут свою истинную сущность.

Горький был неутомим в художественном исследовании действительности — отсюда и берет начало его неоднократно от-

мечавшаяся в мемуарной и критической литературе «жадность на людей». Но он никогда не занимался простой фиксацией явлений действительности; он подходит к ней как пролетарский революционер, стремящийся познать мир для того, чтобы его изменить. В художественных образах своих произведений Горький вскрывал исторические тенденции развития, которые должны были привести и привели в конечном счете к крушению самодержавного строя на территории бывшей Российской империи, к гибели прежних всемогущих «хозяев жизни». В том, что казалось крепким и непоколебимым, Горький умел находить гнилое, отмирающее, в том, что казалось слабым и непрочным, он умел видеть растущее, побеждающее. Великий писатель пролетариата был тенденциозным в энгельсовском смысле этого слова: у него тенденция сама по себе вытекала из положения и действия.

2

«Для наступления революции, — не раз подчеркивал Ленин, — обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли жить по-старому»². Описанию исподволь надвигающегося и постепенно нарастающего кризиса «верхов» — и прежде всего буржуазии — Горький посвятил немало блестящих страниц.

В первом романе Горького, «Фома Гордеев», выведен купец Яков Маякин, человек большого ума и большой воли, цепкий и изворотливый, воплотивший в себе всю силу и энергию своего класса. Яков Маякин искренно уверен в том, что иначе, чем он, умный человек жить не может. Однако герой романа не он, а племянник его Фома, который как купец, по замечанию самого Горького, отнюдь не типичен. Фома — «только здоровый человек, который хочет свободной жизни, которому тесно в рамках современности»³. И хотя буржуазские инстинкты Фомы кончатся его поражением, а Маякин умирает с горделивым сознанием, что «умеючи пожил», самое пожелание такого «нетипичного кустика», как Фома Гордеев, в недрах российской буржуазии свидетельствует о том, что далеко не все в среде Маякиных обстоит благополучно.

В ряде других своих произведений Горький разрабатывал тему вырождения, деградации эксплуататорских классов, чувствующих, как у них ускользает из-под ног почва. В числе этих произведений

² Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 244.

³ Из письма Горького к С. П. Дороватовскому. «Печать и революция» за 1928 г., № 2, стр. 80.

¹ Ленин. Соч. Т. IV, стр. 414—415.

можно назвать, в частности, пьесы «Последние» (показателен уже самый заголовок!), «Васса Железнова», «Егор Булычьев и другие». Многими чертами характера Васса Железнова схожа с Яковом Маякиным. Преследуя свои цели, Васса готова пойти на все, на любое преступление, ни перед чем не останавливаясь, с совершенно спокойной совестью; педаром брат ее, жуликоватый Прохор, с восхищением называет ее «богатырем». Но последний из у миллионного дела, созданный ею, нет; в семье у нее распад. «Плохо живете, — говорит ей революционерка Рапсель, — по лучшего и педостойны. Эта обесмысленная жизнь вполне заслужена вами... Не только вами лично, сословием вашим, классом»¹.

С наибольшей широтой тема деградации эксплуататорских классов развернута в романе «Дело Артамоновых» — этой художественной истории русского капитализма.

Замысел «Дела Артамоновых» проходит чуть ли не через всю творческую биографию Горького. Он делился этим замыслом с Л. Н. Толстым еще при первых встречах с ним, и Толстой уговаривал его: «это надо написать»². На Капри об аналогичном замысле — «написать историю одной семьи на протяжении 100 лет» — Горький беседовал с В. И. Лениным. Владимир Ильич, как сообщал Горький в письме к Н. К. Крупской 16 мая 1930 года, «очень внимательно слушал, выспрашивал, потом сказал: «Отличная тема, конечно — трудная, требует массу времени, я думаю, вы бы с нею сладили, но — не вижу, чем вы ее кончите. Конца-то действительность не дает. Нет, это надо писать после революции, а теперь что-нибудь вроде «Матери» надо бы»³. Горький последовал совету Ленина, написав «Дело Артамоновых» после революции и показав в конце романа, как отразились на семье Артамоновых события Февраля и Октября 1917 года.

В фигуре родоначальника семьи — веселого, энергичного и жизнеспособного Ильи Васильевича Артамонова — воплощены в романе тот подъем и те надежды, с которыми встретила молодая русская буржуазия падение крепостного права. Илья Артамонов — бывший крепостной: «человек князей Ратских из Курской их вотчины на реке Рати; был у князя Георгия прикащиком, а, по воле, отошел от него, на-

гражден хорошо и решил свое дело ставить: фабрику полотна» (т. XX, стр. 12). В его рассуждениях ясно сказывается сознание того, что крепостнические отношения изжили себя и что им на смену должны прийти другие, капиталистические. «Вот, — говорит он своим сыновьям, — воля нам дана царем-государем. Это надо понять: в каком расчете воля? Без расчета и овду из хлеба не выпустишь, а тут — весь народ, тысячи тысяч, выпущен. Это значит: понял государь — с под немного возьмешь, они сами всё проживают. Георгий, князь, еще до воли, сам догадался, говорил мне: подневольная работа — не выгодна. Вот и оказано нам доверие для свободной работы. Теперь и солдат не двадцать пять лет ружье стаскать будет, а — иди-ка, работай! Теперь всяк должен показать себя, к чему годен. Дворянству — конец подпisan, теперь вы сами дворяне, — слышите?» (т. XX, стр. 18).

Прогрессивная роль, которую при всех своих отрицательных сторонах сыграл в пореформенной России капитализм, нашла свое выражение в образе Ильи Артамонова, человека инициативного, волевого, вприказопогоса в дело. Однако уже во втором поколении Артамоновых начинает действовать безжалостный «закон вырождения»⁴. Если Илья работает охотно, уверенно, с огоньком, с задором, то сын его Петр жалуется, что он вертится колесом, а куда едет, не знает.

В «Деле Артамоновых» чрезвычайно тонко показано, с какой быстротой капиталисты как организаторы производства становятся на своих предприятиях изжиливыми. «Дело, как плесень в погребке, — своей силой растет» (т. XX, стр. 80), — эти слова одного из персонажей романа выражают, без сомнения, и взгляд самого Горького.

У Ильи Артамонова — фабриканта из мужиков — отношения с рабочими отличаются патриархальной простотой; рабочие подчас даже любят своим удачливым хозяином: «Ты — нашего дерева сук», — говорит ему старенький ткач Морозов (т. XX, стр. 59). Но уже Петр с неудовольствием замечает, как рабочие, которых он недолюбливает, все больше «портятся», а у сына его, Якова, от былой патриархальной связи хозяев со своими рабочими ничего не остается. Боясь рабочего движения, Яков не прочь прибегнуть к услугам жандармерии.

¹ М. Горький «Васса Железнова» (второй вариант), стр. 31. М. 1937.

² М. Горький. Собрание сочинений. Т. XXII, стр. 84. М. и Л. 1933. (В дальнейшем ссылки на тома и страницы этого издания даются в тексте.)

³ «Правда» от 19 июня 1936 года.

⁴ Заимствуем это выражение из беседы Горького с Л. Н. Толстым, воспроизведенной в очерке «Лев Толстой» (т. XXII, стр. 84).

В образах Петра и Якова Горький ярко отразил типические черты русской буржуазии — ее бескультурье и политическую незрелость. Несколько более европеизирована другая ветвь семьи Артамоновых — двоюродный брат Петра, Алексей, и сын Алексея, Мирон.

Оба они считают необходимым переход власти непосредственно в руки буржуазии (желательно, однако, при сохранении монархии); для осуществления своих планов оба они хотели бы использовать и рабочий класс. После революции 1905 года Алексею, как злорадно отмечает Яков, «хочется попасть в государственную думу, ради этого он жадно питается газетами, стал фальшиво ласков со всеми в городе и заигрывает с рабочими фабрики, точно старая, распутная баба». Мирон же, «кажется, видит себя в будущем министром... Он тоже старается притереться к рабочим, устраивает для них различные забавы, организовал команды футболистов, завел библиотеку, он хочет прикормить волков морковью» (т. XX, стр. 180—181). Хотя Яков — полнейшее ничтожество, в известной наблюдательности отказать ему нельзя. Само собой разумеется, что все попытки Алексея и Мирона приручить рабочих и повести их за собой ни к чему не приводят.

В сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится: «Октябрьская революция имела перед собой такого, сравнительно слабого, плохо организованного, политически мало опытного врага, как русская буржуазия»¹. И «Дело Артамоновых», и многие другие произведения Горького могут рассматриваться как своего рода художественные иллюстрации к этому научному тезису «Краткого курса истории ВКП(б)».

При чтении «Дела Артамоновых» невольно напрашивается сравнение этого романа с двадцатитомной серией романов «Ругон-Маккары», принадлежащей перу Эмиля Золя. И там и тут рассказывается о вырождении одного рода, одной семьи. Но Золя кончает свои романы крахом Второй империи; жестоко критикуя язвы капиталистического строя, он выхода из него не дает, да и не мог он по объективным причинам дать такого выхода. «Дело Артамоновых» кончается крахом всей капиталистической системы в целом: на смену старым хозяевам жизни приходит социалистический пролетариат, к которому примыкает и лучший, одареннейший представитель Артамоновых, старший сын Петра, Илья, бесповоротно порвавший со своей семьей и со своим классом.

Изображение «верхов» было в творчестве Горького тесно связано с изображением «низов».

Царская Россия была страдой, страдавшей не только и даже не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Пережитки крепостничества, кабальные, «азиатские», так их называл Ленин, черты в деревенском и фабричном быту, полицейски-бюрократический и военный гнет царизма со страшной силой давили народные массы Российской империи, порождая те самые «свищповые мерзости дикой русской жизни», о которых Горький писал в своей автобиографической повести «Детство». Символом ужасающей обезличенности людей, которую создавала в старой, буржуазно-дворянской России власть кнута и «копейки», встает в творчестве Горького «Городок Окуров».

Но, говоря о мерзостях окуровской Руси, Горький подчеркивал: «Хотя они и противны, хотя и давят нас, до смерти расплющивая множество прекрасных душ, — русский человек все-таки настолько еще здоров и молод душой, что преодолевает и преодолеет их».

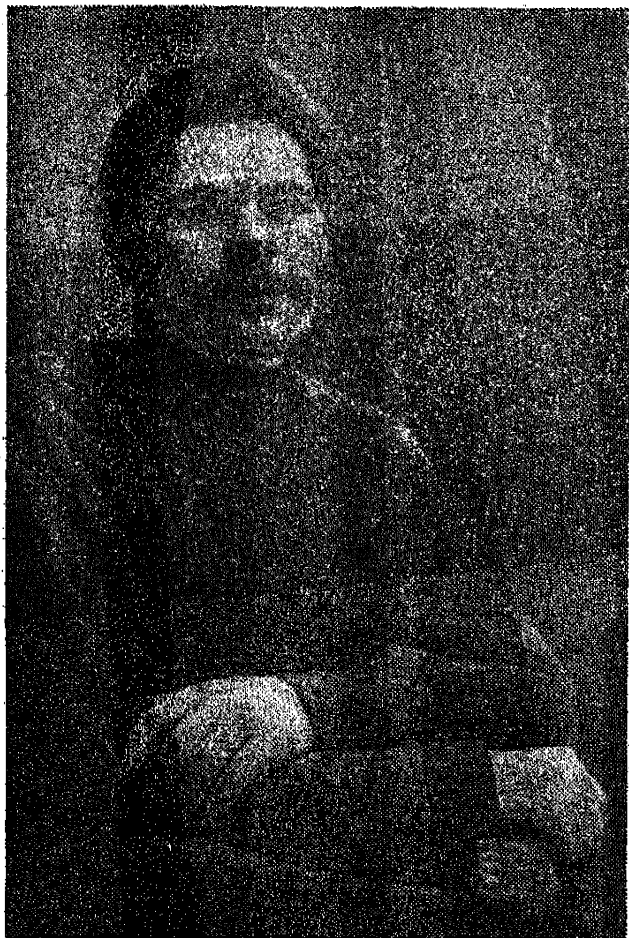
Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit и жирен пласт всякой скотской дряни, но и тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе — человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение нашей жизни светлой, человеческой» (т. XVI, стр. 160).

Таких здоровых и молодых душой русских людей Горький отыскивал всюду: и среди интеллигентов, и среди ремесленников, и среди крестьян. Однако главным источником их был — и это первый в художественной литературе показал Горький — русский рабочий класс, единственный до конца революционный класс капиталистического общества.

Пролетариат не сразу стал «классом для себя». Масса народонаселения, лишенная средств производства и вынужденная поэтому продавать свою рабочую силу капиталистам, став классом по отношению к капиталу, сперва не осознавала, что у нее есть свои самостоятельные, классовые интересы. Именно таковы рабочие, изображенные в первой части «Дела Артамоновых». Но условия существования пролетариата способствуют пробуждению в нем классового самосознания.

Рабочий класс как «класс для себя» впервые предстал перед читателями в качестве объекта искусства в знаменитом романе Горького «Мать». Раньше рабочие показывались литераторами лишь как

¹ «История ВКП(б)», стр. 202.

А. М. Горький. 1906. Фото снято в Америке.

страдательный элемент, погрязшими в нужде, грязи и невежестве (см. в этой связи хотя бы такое выдающееся произведение, как «Правы Растеряевой улицы» Гл. Успенского).

«Мать» Горького — книга нового, небывалого еще в истории художественной литературы содержания. О такой книге мечтал Энгельс, когда он в письме к М. Гаркнес критиковал ее рассказ «Городская девушка». «В «Городской девушке», — указывал Энгельс, — рабочий класс фигурирует как пассивная масса, неспособная помочь себе, даже не делающая попыток помочь себе... Но если это было верное описание 1800 и 1810 гг., времена Сен-Симона и Роберта Оуэна, то это не так в 1887 г. для человека, который около 50 лет имел честь участвовать в борьбе воинствующего пролетариата и все время руководствовался принципом, что освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса. Революционный отпор рабочего класса угнетающему его окружению, его судорожные попытки — полусознательные или сознательные — добиваться своих человеческих прав являются частью истории и могут претендовать на место в области реализма»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс «Об искусстве», стр. 163. М. и Л. 1936.

«Мать» является реалистическим произведением. В основу его легли непосредственные наблюдения писателя над борьбой сормовских рабочих в начале девятисотых годов и над работой социал-демократических организаций Сормова и Нижнего, с которыми Горький был близко связан. Прототипом Павла Власова, как известно, послужил для Горького рабочий Петр Андреевич Заломов, один из руководителей сормовской партийной организации, после раскола ста II съезде партии примкнувший к большевикам; прототипом Пелагеи Ниловны — мать Заломова, Анна Егоровна.

Но, разумеется, образы Ниловны и особенно Павла, будучи художественными образами и образами типическими, вобрали в себя черты многих десятков, если не сотен рабочих революционеров. Сильнейшее влияние на разработку образов в «Матери» оказало и то обстоятельство, что написан роман был в 1906 году, т. е. тогда, когда рабочее движение приобрело огромный размах, несравнимый с размахом его в 1902 году².

Любопытно сравнить речь Павла Власова на суде с речью П. А. Заломова, произнесенной им 28 октября 1902 года перед судом Московской судебной палаты³.

Речи Заломова и его соговарищей по процессу были перепечатаны в газете «Искра», где Ленин комментировал их следующим образом:

«Замечательно в этих речах простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных, десятками и сотнями миллион повторов повторяющихся фактов «угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации» рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их «возмущения», к революционному проявлению этого возмущения...»⁴.

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы, именно потому, что наирали они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России — такое ободряющее впечатление про-

² Год, в который происходила сормовская первомайская демонстрация, описанная в «Матери».

³ Текст этой речи см. в книгах В. Деницкого «М. Горький», Л. 1935, и И. Н. Кубикова «Комментарий к роману М. Горького «Мать», М. 1934.

⁴ Слова, поставленные в кавычки, взяты Лениным из «Капитала» Маркса — Г. Л.

изводят их выводы: «вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства»¹.

Горький обогатил имевшийся в его распоряжении материал.

Речь Павла Власова также производит в высшей мере ободряющее впечатление. В речи Павла сконцентрирована вся мудрость рабочего класса, осознавшего свои исторические задачи. Знаменательно, что по сути своему речь Павла весьма близка к горьковской публицистике.

Основная идея «Матери», пропозывающая собой весь роман, — это идея партийности. Ленинско-сталинское положение, согласно которому успешная борьба и победа пролетариата невозможны без революционной партии пролетариата, без организации революционеров, способной обеспечить энергию, устойчивость и преобладающую политическую борьбу, — это положение в «Матери» Горького воплощено в конкретных художественных образах. Ярже показал Горький в «Матери» значительные профессиональные революционеры, которых он в другом своем произведении — сказке «Товарищ!» — поэтически-вдохновенно определял, как «мятежные искры далекого огня правды» (т. VII, стр. 138).

В «Матери» в центре творческого внимания Горького находились партии — рабочие и интеллигенты: Павел Власов, Андрей Находка, Федор Мазин, Николай Весовищikov, Сашенька, Людмила, Николай Иванович и другие. В пьесе «Враги», написанной одновременно с «Матерью» (в 1906 году), в центре внимания автора рядовые рабочие, которые ведут свою повседневную борьбу с предпринимателями под руководством партии и борьба которых перерастает в борьбу против царизма, против всего общественного строя в царской России.

Вслед за «Матерью» Горький собирался написать роман «Сын»². По справедливому замечанию С. В. Касторского, весьма возможно, что работа над «Сыном» была начата писателем под влиянием В. И. Ленина, советовавшего Горькому написать что-нибудь вроде «Матери».

Сам Горький о своем замысле в письме к В. А. Десницкому сообщал:

«Предполагалось после «Матери» написать «Сын»; у меня были письма Заломова из ссылки, его литературные опыты, знакомства с рабочими обеих партий и с

крутейшими галеновцами: Петровым, Инковым, Черемохиным, Карелиным, впечатления лондонского съезда (РСДРП в 1907 году. — Г. Л.), но всего этого оказалось мало. «Лето», «Мордовка», «Романтик», «Сашка» — можно считать набросками к «Сыну»...»³.

Из перечисленных Горьким произведений нам хотелось бы отметить как имеющую особую значимость для нашей темы повесть «Лето», в которой рассказывается о работе пролетарских революционеров среди крестьян. К утопическим представлениям народников Горький всегда относился отрицательно, чему можно найти немало подтверждений и в его публицистических, и в его художественных произведениях. Показу революционной работы партии в крестьянской среде отведено заметное место в романе «Мать» (напомним в этой связи великолепно выписанную фигуру Рыбика); в повести «Лето» деятельность в деревне социалиста Николая Смирнова — основной костяк вещи.

Время действия этой повести, опубликованной впервые в 1909 году, — период столяпинской реакции, последовавшей после поражения революции 1905 года.

«За каких-нибудь три года революции (1905—1907 г.г.), — читаем мы в «Братском курсе истории ВКП(б)», — рабочий класс и крестьянство получают такую богатую школу политического воспитания, какую не могли бы они получить за тридцать лет обычного мирного развития. Несколько лет революции сделали ясным то, чего нельзя было бы сделать ясным в продолжение десятков лет при мирных условиях развития»⁴.

К числу людей, поднятых первой русской революцией к сознательной политической жизни, должен быть отнесен прежде всего сам Николай Смирнов, он же Трофимов Егор Петрович, от имени которого и ведется в «Лете» рассказ. Он скромно говорит, что считает себя «рядовым делателем жизни», и это, безусловно, верно. «... я, — рассказывает он, — человек, образованный разгромом народного восстания, взявшийся за дело объединения людей по непобедимому влечению сердца и по ясно видимой мною невозможности жить старым, пагубным для человека порядком. Социалистические брошюры начал я читать всего за год до переворота жизни и будущее — понимаю, а в настоящем — разбираюсь с большим трудом, прошлое же русской земли — совсем тем-

¹ Ленин. Соч. Т. V, стр. 209—210.

² Подробней об этом несуществующем замысле см. статью С. В. Касторского «К истории повести А. М. Горького «Сын». «Горьковские чтения». I. М. и Л. 1940.

³ В. Десницкий «М. Горький», стр. 150. Л. 1935.

⁴ «История ВКП(б)», стр. 89.

ное дело для меня...» (т. X, стр. 68). Следует добавить к этому, что свою работу в деревне «Егору Петровичу» пришлось начать в одиночку, почти что без связей с более опытными товарищами; лишь впоследствии явился бежавший из тюрьмы Филипп Иванович, «духовный крестный» Смирнова, «настоящий двигатель жизни».

Но и «рядовой делатель жизни» мог многое сделать в деревне, так как деревня была не та, что раньше. У Смирнова завязываются знакомства не только с молодежью, но и со стариками.

Чрезвычайно интересен нарисованный в повести образ старика-начетчика Кузина, дающий красочное представление об изменениях в среде крестьянства: «Кузин имеет славу человека, знающего писание, но дерзкого и неуживчивого. Всю жизнь кормился около богатых, на выборах в первую и вторую Думу тянул их руку и по сей день числится в черной сотне. Года полтора тому назад в губернском городе был арестован его зять, сидел в тюрьме, теперь осужден и сослан на поселение. Кузин ездил хлопотать за него, но без успеха, а хлопоты эти были поставлены ему в вину; лесовладелец Скорняков, окружной богатей и воротила, отобрал у него за долги избу и пчельник. Кузьма Астахов (местный кулак.— Г. Л.) говорит на деревне и по округе, что старик заразился, дескать, крамолой, и теперь старый этот человек бродит где день, где ночь, осторожно поругивая бывших своих дружков и заводя себе новых среди деревенской бедноты» (т. X, стр. 17).

Догодавшись, что Смирнов — «партийщик», Кузин, «человек сызмала любопытный», приходит к нему в гости познакомиться. В беседе их с большой силой вскрываются глубокие истоки революционности деревни и тщетность надежд царского правительства на «мужичка», которые имели место при выборах в I и II государственные думы.

«Ты как думаешь, — говорит Кузин «Егору Петровичу», — буря эта по земле прошла — не задела она мужика-то? Только опаматоваться ему не дали, скоро больно рот заткнули кулаком, размять кости не успел — связали и снова командуют: лежи плашмя вниз носом-то! Он лежит — как ему иначе? Чуть приподнял голову — бьют. Он лежит смиренно, а о чем он думает — никому это неизвестно. Однако, сообрази, можно ль ему не думать, когда случилось такое странное дело — вдруг говорят ласковым голосом: помоги, мужичок, пришли своих-то людей для управления делами, мы больше не можем, и всё у нас останавливается. Он — послал. Прогнали: нет, эти не годятся, ты других

собери. Других! Это, брат, было очень занимательно, когда других потребовали; наша деревня, Малинки, Василево, Фомино — в один голос решили: Якова Гнедого выборщиком-то! А Яков-то этот — самый дерзновенный мужик на всю округу, на дерзости и жизнь потерял — знаешь?.. Шел, — продолжает Кузин, — общий наказ — партийных выборай, которые решительно говорят, чтобы всю землю и всю волю народу, нечего там валаидаться-то! Ну, выбрали. Нашего депутата уж и назад не вернули, а прямо в Сибирь. И опять: не годятся, других! Ты полагаешь — не задумался мужик над этим? А как стали выбирать третий раз, и повалил мироед, богатей-то...» (т. X, стр. 25).

Видя, что все более исчезает наивная вера крестьянства в «царя-батюшку», царское правительство задумало создать прочную опору в деревне в лице многочисленного класса деревенской буржуазии — кулачества. С этой целью был издан пресловутый столыпинский закон о выделении крестьян из общины на хутора.

«Столыпинщина» еще более ухудшила положение малоземельных крестьян и деревенской бедноты. Расслоение крестьянства усилилось. Начались столкновения крестьян с кулаками-хуторянами.

Вместе с тем крестьянство начинало понимать, что ему не получить помещичьей земли, пока существует царское правительство и помещичье-кадетская Государственная дума.

Крестьянское движение в годы усилившегося выделения на хутора (1907—1909) сначала идет на убыль, но вскоре, в 1910—1911 г.г. и позднее, на почве столкновения общинников с хуторянами происходит усиление крестьянского движения против помещиков и кулаков-хуторян¹.

Как было сказано выше, повесть «Лето» Горький опубликовал в 1909 году, еще до того, как начался этот новый подъем крестьянского движения. Но в ней отчетливо показана революционизирующая роль, которую, помимо воли своих инициаторов, сыграла столыпинская аграрная политика.

Для того чтобы Октябрьская революция могла победить, необходимо было, чтобы во главе ее «стоял такой революционный класс, как рабочий класс России, класс, закаленный в боях, прошедший в короткий срок две революции и завоевавший к кануну третьей революции авторитет вождя народа в борьбе за мир, за землю, за свободу, за социализм»².

¹ «История ВКП(б)», стр. 94—95.

² Там же, стр. 203.

Гигантские исторические бои, закалившие рабочий класс России и его партию и сплотившие вокруг них все живые силы народа, встают со страниц горьковских романов и повестей во всей своей напряженности и во всем своем величии.

4

Среди произведений Горького, в которых запечатлена история русского революционного движения, на первое место следует выдвинуть четырехтомную эпопею — «Жизнь Клима Самгина».

Это — не только крупнейшее по своему объему горьковское творение: это вместе с тем и своего рода итог всей литературной деятельности первого великого писателя пролетариата. В художественных образах этого монументального произведения Горький сконцентрировал весь свой богатейший опыт, все свои наблюдения и все свои размышления над русской жизнью. В критике можно иногда встретить утверждение, будто «Жизнь Клима Самгина» — это повесть, «долгая и печальная», об интеллигенции. С таким утверждением согласиться мы не можем. Интеллигенция как особый социальный слой капиталистического общества — отнюдь не главный объект художественного исследования Горького в «Жизни Клима Самгина»: не интеллигенция «как таковая», а все русское общество в целом на одном из решающих этапов истории России изображено Горьким в этой его повести.

Горький снабдил «Жизнь Клима Самгина» подзаголовком «Сорок лет». Конечно, не годы жизни Клима имеются здесь в виду: центральный персонаж повести родился около 1872 года и прожил, следовательно, примерно сорок пять лет. Сорок лет, обозначенных в подзаголовке «Жизни Клима Самгина», являются годами, в течение которых возник, укрепился, боролся и победил марксизм-ленинизм в России.

Необходимость и неизбежность социалистической революции пролетариата — такова стержневая идея горьковской повести. Отношением к ней никогда не прекращающейся борьбе пролетариата против самодержавия и капитализма определяются позиции всех героев «Жизни Клима Самгина», хотя бы они и были, на первый взгляд, чужды политике. Одни — Кутузов, Спивак, Дунаев, Поляков — спокойно, уверенно и самоотверженно готовят грядущую победу рабочего класса; другие ожесточенно, злобно борются против него; третьи прикидываются друзьями революции, являясь в действительности отъявленными ее врагами. К последним принадлежит и Клима Самгин.

«Жизнь Клима Самгина» проникнута духом историзма больше, чем какое бы то ни было другое произведение в русской литературе. Все крупнейшие исторические события, происшедшие в России за сорок лет, предшествовавших Великой Октябрьской революции: 9-е января, Московское декабрьское восстание 1905 года и т. д. — нашли свое отражение в этом произведении.

До появления марксизма на русской почве главенствующую роль в русском революционном движении играло народничество. Представители обеих разновидностей народничества — как революционного, так и либерального — выведены Горьким в первом томе «Жизни Клима Самгина».

Несколькими тонкими штрихами Горький показал в начале своей повести быстрое разложение народничества после убийства Александра II и разгрома партии «Народная воля»: «Когда герои были уничтожены, они, — как это всегда бывает, — оказались виновными в том, что, возбуждв надежды, не могли осуществить их... Постепенно начиналась смелническая критика «значения личности в процессе творчества истории», критика, которая через десяток лет уступила место неумеренному восторгу перед новым героем, «белокурой бестией» Фридриха Ницше. Люди быстро умели и, соглашаясь с Спенсером, что «из свинцовых инстинктов не выработается золотого поведения», сосредоточивали силы и таланты свои на «самопознании», на вопросах индивидуального бытия. Быстро подвигались к приятию лозунга «наше время — не время широких задач» (т. XIII, стр. 13).

Но и те народники, которые не отреклись от своих идеалов, производят в «Жизни Клима Самгина» весьма унылое впечатление; все они «какие-то невеселые, неуживчивые люди» (т. XIII, стр. 14), они далеки от народа, который они, по меткому выражению Горького, полюбили «зачно», не зная и не понимая его, — и отсюда бесперспективность и пустота всего, что они делают.

Семья родителей Клима Самгина — это типичная «поумневшая» народническая семья, которая поддерживает еще по старой памяти кое-какие связи с революционерами, но у которой от бывшей революционной настроенности, и раньше не бывшей особо глубокой, осталась лишь лицемерная, бессодержательная фраза. В том, что именно из такой семьи выпал Клима Самгин, заложен глубокий художественный и исторический смысл.

В свое время многие критики с плохо скрываемым недоумением встретили тот факт, что в произведении столь грандиозных масштабов, как «Жизнь Клима

Самгина», центральное место занимает такой, в сущности, малоинтересный и бесцветный субъект, как Клим. В самом деле, почему бы в эпоху, рисующей столкновение двух миров, двух непримиримых между собой лагерей, не выбрать героем такого яркого представителя эксплуататорского лагеря, как, скажем, Тимофей Варавка или же Бердшиков? Но суть дела в том и состоит, что «околореволюционный интеллигент» Самгин в некоторых отношениях гораздо более типичен для буржуазного лагеря, нежели названные только что предприниматели. В Самгине высшей своей точки достигли «разрушение личности», вырождение человеческого в человеке — те черты капиталистической, собственнической психологии, которые Горький стал разоблачать с первого же своего появления на литературной арене.

Абсолютное отсутствие каких-либо принципов, внутренняя пустота и в то же время необычайно развитые способности к социальной мимикрии, позволяющей придавать себе внешнюю значительность, — вот что характерно для Клима Самгина. Самгин называет себя «марксистом», а кое-кто из его знакомых склонен даже считать его большевиком, и притом крупным большевиком, человеком «генерального штаба», хотя в действительности вся «революционная работа» Самгина сводилась к тому, что он как-то написал для большевистского комитета несколько листовок, нуждавшихся в серьезном исправлении (в эпоху 1905 года от таких неопасных поручений мало кто из радикальствующих интеллигентов отказывался).

«Диалектика истории такова, — указывал Ленин, — что теоретическая победа марксизма заставляет врагов его переставать себя марксистами»¹.

Исключительная ценность образа Клима заключается, между прочим, в том, что он изнутри освещает врагов марксизма и революции, наиболее ловко маскировавших свою истинную сущность, и показывает, как они ухитрились порой завоевывать доверие революционеров.

«Жизнь Клима Самгина», будучи повестью об одном небольшом человеке, смогла одновременно стать и эпопеей о всем русском обществе. Нужно оговорить, что, изображая только то, чему свидетелем был сам Самгин, Горький, как правило, передает виденное и слышанное Самгиным не через восприятие этого последнего.

«Жизнь Клима Самгина» может быть охарактеризована как идеологический роман. Вопросы идеологии, попытки теорети-

чески осмыслить происходящее и оправдать свою позицию в развертывающейся борьбе занимают видное место едва ли не у большинства действующих лиц повести.

Тем именно, что «Жизнь Клима Самгина» — роман идеологический, и следует объяснить многочисленность действующих в нем интеллигентов. Интеллигенция в повести Горького дана как зеркало умственной и политической жизни общества. «Интеллигенция, — говорил Ленин, — потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»². В «Жизни Клима Самгина» мы видим представителей и буржуазной, и мелкобуржуазной, и пролетарской интеллигенции.

Сложные и подчас путаные пути формирования идеологических установок различных социальных групп и классов во все более усложнявшейся исторической обстановке прослежены Горьким в его повести с необычайной, беспрецедентной в истории литературы тщательностью. Особенно подробно, с притупленной, но ясно чувствуемой сатирической ноткой показаны пестрота, неопределенность и неустойчивость взглядов у временных попутчиков революции, которым противопоставлены большевики, Кутузов.

Образ Степана Кутузова, несомненно, — одно из прекраснейших достижений Горького. В отличие от Николая Смирнова, Рашель, Синцова (из пьесы «Враги») и даже Павла Власова Кутузов — не рядовой партиец и не «средний» профессиональный революционер: он является в полном смысле слова руководителем, работником большого, пекистского размаха; он тесно связан с Лениным. И не случайно некоторые герои «Жизни Клима Самгина» сравнивают его с Желябовым. Когда Кутузов появляется на страницах повести, он сразу превращается в центр, вокруг которого все вертится: одни яростно нападают на него, другие неудержимо тянутся к нему, но никто не остается равнодушным.

Кутузов принадлежит, пользуясь собственным его выражением, к числу «мастеров и художников революции». Он завидно цельный человек, на всю свою жизнь определивший свою дорогу, с которой никто и ничто совлечь его не может. «Герои на час, — говорит он, — приятны в романах, а жизнь требует мужественных работников, которые понимали бы, что великое дело рабочего класса — их кровное, историческое дело...» (т. XXIV, стр. 357). И в другом месте: «...с героями на

¹ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 332.

² Ленин. Соч. Т. V, стр. 354.

час... надобно проститься, потому что необходим героизм на всю жизнь, героизм чернорабочего, мастерового революции. Если вы на такой героизм не способны — отойдите в сторону» (т. XXIV, стр. 41).

Отличное, мастерское владение учением Ленина позволяет Кутузову с изумительной легкостью и простотой отодвигать в сторону ненужное, мешающее, и на вопросы, кажущиеся крайне запутанными и трудными, давать простые и ясные ответы.

Так, когда началась пресловутая зубатовщина и в организованное полицией «Общество взаимного вспомоществования» пошли рабочие — и не только ткачи, но даже металлисты, — кое-кого из революционеров это смутило.

Но Кутузов оценивает зубатовщину чрезвычайно трезво, с неподражаемым юмором:

«Опыт этого химика поставлен дерзко, но обречен на неудачу, потому что закон химического сродства даже и полиция не может обойти. Если же совершится чудо и жандармерия, инфантерия, кавалерия встанут на сторону эксплуатируемых против эксплуататоров, то — чего же лучше? Но чудес не бывает ни туда, ни сюда, ошибки же возможны во все стороны» (т. XXIV, стр. 306).

К такому человеку, как Кутузов, Самгин, разумеется, может относиться только враждебно, и, действительно, чем дальше, тем больше усиливается ненависть Клим к этому выдающемуся большевику, являющемуся живым воплощением непреклонности, твердости и гибкости ленинской партии. Самгин все более и более отчетливо ощущает органическую неприемлемость для себя идей «кутузовщины». Но только в конце повести он приходит к выводу, что дело не в Кутузове, а в Ленине, и формулирует свои чувства словами: «Ленин — личный враг»¹.

В высказываниях, беседах, спорах героев «Жизни Клим Самгина» имя Ленина произносится постоянно. Клим неспособен оценить подлинные размеры фигуры великого вождя большевизма, но о нем с уважением говорит такой матерый капиталист, как Захар Бердников.

Огромная любовь и полное понимание Ленина сказываются в словах Кутузова.

«Старик — удивителен, — говорит Кутузов. — Иногда с ним очень трудно соглашаться, но — попрыгав, соглашаешься. Он смотрит в будущее сквозь щель в настоящем, только ему известно»².

В письме к Марине, бывшей своей жене, Кутузов пишет:

«Брось фантазировать, читай Ленина. Тебя «отталкивает его грубая ирония», это потому, что ты не чувствуешь его пафоса. И многие неспособны чувствовать это, потому что такое сочетание иронии и пафоса — редчайшее сочетание, и до Ильича я чувствую его только у Марата, но не в такой силе»³.

В финале «Жизни Клим Самгина» Горький намеревался вывести В. И. Ленина в день приезда его в Петроград 3 (16) апреля 1917 года. Знаменитая речь Ленина с Броневика, заканчивавшаяся возгласом: «Да здравствует социалистическая революция!» — должна была бы служить как бы итоговой чертой, отделяющей сорок лет, изображенных в горьковской эпопее. Но преждевременная смерть великого пролетарского писателя, умерщвленного троцкистско-бухаринскими убийцами, не позволила ему закончить свое гениальное произведение — и мы вынуждены о заключительных его сценах судить по нескольким кратким заметкам.

Живой образ вождя пролетарской революции, величайшего человека нашей эпохи, Горький воссоздал в художественном очерке «В. И. Ленин». После речей и статей об Ильиче товарища Сталина очерк Горького стоит на первом месте, как ценнейший исторический документ и исключительной яркости художественная характеристика.

Деятельность Ленина Горький всегда связывал с деятельностью его продолжателей, с деятельностью И. В. Сталина. «Владимир Ленин, — писал он, — вдохновитель и вождь пролетариев всех стран. Вот он не существует физически, а голос его всё громче, победоноснее звучит для трудящихся земли, и уже нет такого угла на ней, где бы этот голос не возбуждал волю рабочего народа к революции, к новой жизни, к строительству мира людей равных. Всё более уверенно, крепче, успешней делают великое дело ученики Ленина, наследники его силы» (т. XXII, стр. 207).

В мемуарной литературе сохранились сведения о том, что Горький в последние годы своей жизни хотел написать книгу о Сталине. «Работая над романом «Клим Самгин», сам Горький часто говорил, что хочет взяться за книгу о Сталине. Он любил товарища Сталина взволнованной горьковской любовью, верил в него и гордился им»⁴.

¹ М. Горький «Жизнь Клим Самгина». Т. IV, стр. 460. М. 1937.

² Там же, стр. 144.

³ Там же, стр. 106.

⁴ «Комсомольская правда» от 28 марта 1938 года.

В своих публицистических выступлениях Горький говорил о Сталине так горячо и так страстно, как умел говорить только он один:

«Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля ее вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого».

* * *

Для изучения истории русской революции, для изучения путей, по которым шла подготовка этого величайшего в истории человечества социального переворота, художественное творчество Горького, как показывает даже наш беглый обзор, имеет огромное, неопределимое значение.

Ленин в своих статьях о Толстом писал, что если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен отразить в своих произведениях.

Горький был великим художником пролетариата, — потому он и сумел отразить в своих произведениях не некоторые лишь, а все наиболее существенные стороны революции.

Горький показал, во-первых, в своих произведениях, что буржуазно-дворянские «верхи» царской России не могли в предреволюционный период больше жить «по-старому», что среди них начался процесс вырождения и загнивания, зашедший уже весьма далеко.

Горький показал, во-вторых, в своих произведениях, что народные «низы» царской России не хотели в предреволюционный период больше жить «по-старому», что среди них стал все чаще просыпаться дух недовольства, протеста и борьбы, дух борьбы за иную жизнь, достойную человека.

Горький показал, в-третьих, в своих

произведениях, что несмотря на страшный гнет, царизму не удалось и не могло удастся подавить в народе волю к борьбе за свое освобождение.

Горький показал, в-четвертых, в своих произведениях, что единственным, до конца революционным классом в старой России был русский рабочий класс, привлечший на свою сторону все наиболее честные, наиболее стойкие и наиболее революционные элементы, выделяемые всеми остальными трудящимися и эксплуатируемыми слоями населения.

Горький показал, в-пятых, в своих произведениях, что основным, решающим условием победоносной борьбы пролетариата России явилась его революционная партия, партия большевиков.

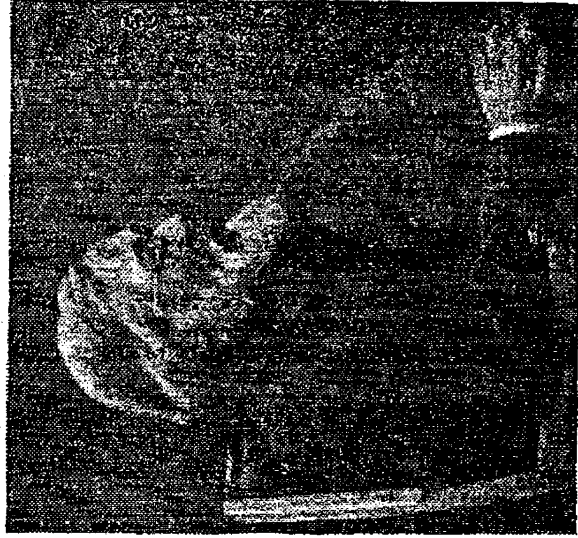
Горький показал, далее, в своих произведениях, что к революционерам, к большевикам еще в дореволюционное время всяческими путями примазывалась всевозможная нечисть вроде Клема Самгина, против которой необходима самая беспощадная борьба.

И, наконец, в своих произведениях Горький показал незабываемые образы людей большевистской партии, ее рядовых работников, ее руководителей, ее вождей. Эти люди совершили труднейшую и ответственнейшую в истории работу, одолев всех своих явных и скрытых врагов, установив в одном из величайших государств мира социализм.

Горький давал в художественных образах глубоко правдивую, объективную картину действительности, ее коренных, решающих противоречий. Это делает его произведения незаменимым художественным источником для познания истории России, истории трех русских революций, истории партии большевиков, приведшей народы бывшей Российской империи к новой, социалистической жизни.

Проф. Н. Л. Рубинштейн

Василий Осипович Ключевский

Научная историографическая оценка Ключевского до сих пор не дана. То, что написано о нем, остается внутренне противоречивым. С одной стороны, как-то не-изменно возвращаются к словам самого Ключевского: «Я передаю вам то, что получил от Соловьева; я ученик Соловьева; вот все, чем я могу гордиться как ученик».

А с другой стороны, говорят о школе Ключевского, говорят чаще и, может быть, даже с большим основанием чем о школе Соловьева.

Что же связывает Ключевского с предшествующим этапом в развитии русской исторической науки? В чем его влияние на последующее поколение историков? Чтобы ответить на этот вопрос, надо установить, что нового внес Ключевский в историческую науку.

Научная деятельность Ключевского началась в 60-х годах XIX века и продолжалась до самой его смерти (1911 год), застигнувшей его за работой над «Курсом русской истории». Начало деятельности Ключевского совпадает, таким образом, со вступлением России на путь капитализма, и вся она связана с периодом капиталистического развития России.

Здесь надо исходить корнями того исторического предубеждения, согласно которому историческая концепция Ключевского представляется высшей ступенью развития буржуазной исторической мысли, воплотившем ее лучших творческих сил, тогда как Соловьев оказывается лишь ее «ва-

жителям». Но такое понимание стоит в прямом противоречии с марксистско-ленинской характеристикой общего пути развития буржуазной научной мысли.

Ленин указывал, что учение Маркса есть «...законный приемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма»¹.

Период создания этих крупных научных систем совпадает с периодом восходящего движения буржуазии. Но уже в середине XIX века период расцвета буржуазной общественной и научной мысли сменяется на Запале периодом ее кризиса. Высшим развитием научной мысли XIX века явилось учение Маркса и Энгельса, начавшее складываться в 40-х годах вместе с вытеснением феодализма на политическую арену. «Введение» в «Немецкую идеологию» (1846 год) заключало первоначальное изложение марксистского учения об обществе и законах его развития.

В то же время буржуазная научная мысль переходила от системы классического идеализма к философии позитивизма, начало которой было положено на исходе 30-х годов XIX века учением孔ти. Следующим отказом от творческого, философского обобщения научного знания позитивизм отражал кризис буржуазной мысли.

Однако развитие точных наук, в особенности естественных, и влияние мелко-

реалистической философии определили на первых порах известную реалистическую тенденцию буржуазной научной мысли. В буржуазной исторической науке это сказалося в раскрытии отдельных, новых сторон общественной жизни. Развитие естествознания отразилось в исторической науке прежде всего в попытках установить прямую связь между явлениями природы и развитием общества. Эти попытки вылились в теорию географического фактора у Вокля, в биологизацию общественных процессов — у вульгарных материалистов середины XIX века, в уподобление общества физическому организму — в социологии Спенсера.

Развитие психологии и превращение ее в конкретную, экспериментальную науку получило отражение в общественном сознании в возникшей специальной отрасли «психологии народов» («Völkerpsychologie») и породило особое, «психологическое» направление в социологии (Тард и др.). Наконец, выражением того же процесса явилось выделение в самой общественной жизни ее материальных сторон, обращение к экономической истории в форме буржуазного экономизма. Это течение, возникшее параллельно с экономическим материализмом, как известное отражение марксистского учения в буржуазной науке, нашло свое выражение в трудах по истории народного хозяйства Рошера, Шмоллера, Г. Сая и других буржуазных ученых второй половины XIX века.

Порочное в своей принципиальной основе, это направление завершилось глубоким идейным кризисом. Провозглашение опытного знания принципом и пределом философского познания, отрыв науки от общеприкладной системы знания привели к прямому отрицанию объективной реальности знания вообще.

С другой стороны, на этой же почве идейного кризиса буржуазной мысли происходила реставрация идеализма в форме религиозно-мистических теорий в духе интуитивизма Бергсона, от которых шел уже прямой путь к возрождению средневековой мистики.

В России крепостничество «пало» лишь в 1861 году. Однако период классических буржуазных философских систем был уже пройденным этапом и для русской науки. В русской историографии последовательное развитие гегелевской философии — этого высшего достижения буржуазной философской мысли — было завершено историческими трудами Соловьева. Это кажущееся противоречие между общественным развитием и развитием исторической науки объясняется тем, что русское общество еще до реформ 60-х годов пережило процесс

буржуазного развития в условиях господства феодальной системы.

Русская научная мысль 60-х годов отражала уже второй этап в общеевропейском развитии научной мысли. В 60-х годах в России налицо было, с одной стороны, утверждение материалистического мировоззрения в работах великих русских просветителей: Чернышевского и Добролюбова, — которое нашло свое отражение в научной деятельности историка Шапова. С другой стороны, направление развития русской буржуазной мысли, которая уже в работах Чичерина 60-х годов приходила к фактической ликвидации гегельянства, определялось позитивизмом. При этом в самом соотношении этих двух направлений получила отражение запоздалость развития капитализма в России: материалистическая мысль была слаба, она не могла еще, «...в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса»¹; тогда задавало позитивистское направление в буржуазной науке. Отсюда биологизм (в духе Спенсера) и психологизм (в духе Тарда), свойственные мелкобуржуазной, народнической социологии. Проблемы психологии народов и народного быта получили различное преломление у Костомарова, у Басуцкого-Рюмина и у Забелина. Наконец, в 60-х годах в переводной литературе выдвигаются проблемы экономической истории (в 1862 году вышел уже русский перевод работы Рошера «История народного хозяйства»), которые получают отражение и в русской историографии. Буржуазный экономизм представлен в литературе 60-х годов трудами Борсака, Аристова, Никитского. Он получил отражение и в мелкобуржуазной литературе.

Эти пути позитивизма в науке определили и то направление, в котором развивалась научная мысль Ключевского в период 60—80-х годов.

Но вопрос историографической характеристики Ключевского этим не исчерпывается. Его научное развитие не остановилось на этом этапе. 90-е годы были в истории России переходом к новому периоду, к периоду империализма. Это означало наступление нового этапа и в развитии буржуазной мысли, этапа ее полного кризиса и внутреннего распада перед лицом развития марксистского, материалистического направления в науке.

Полная характеристика Ключевского и определение его места и роли в русской историографии невозможны без анализа этой последовательной эволюции русской буржуазной научной мысли.

¹ Ленин. Т. XIII, стр. 295.

Василий Осипович Ключевский (1841—1911) родился в селе Воскресенском (под Пензой) в семье бедного провинциального священника. Этим определилась та среда, в которой прошли первые 20 лет его жизни дома и в школе — в пензенской духовной семинарии.

Новые общественные настроения конца 50-х годов захватили Ключевского и наряду с научными интересами потянули его из затхлой семинарской атмосферы в Московский университет.

С 1860 года, с поступлением в Московский университет, который он окончил в 1865 году, начался новый период в жизни Ключевского — период учения, конец которого можно отнести к 1880 году, когда в своей докторской диссертации «Боярская дума древней Руси» Ключевский выступил как уже сложившийся ученый.

В этот двадцатилетний период для Ключевского решающим явилось влияние Соловьева и Чичерина. Ключевский в дальнейшем неоднократно подчеркивал исключительное влияние на формирование его научного мировоззрения лекций Соловьева. Его интерес к Чичерину возрастал на всем протяжении 60-х годов; по окончании университета он ходил на лекции Чичерина и внимательно изучал его сочинения.

Уже в эти годы интересы Ключевского как историка сосредоточились на Московской Руси. Его первое сочинение — «Сказания иностранцев о Московском государстве» (1866) — было первой его работой по этому периоду.

Его магистерская диссертация на тему «Древнерусские жития святых как исторический источник», которую он защищал в 1872 году, была образцом исследовательской источниковедческой работы.

Значительная часть его научных работ за 1867—1878 годы тематически связана с его кандидатской работой, с вопросами церковной истории: 1867 год — «Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае»; 1869 год — «Новые исследования по истории древнерусских монастырей» (рецензия); 1870 год — «Церковь по отношению к умственному развитию древней Руси» (рецензия на книгу Шапова); 1871 год — «Древнерусские жития святых»; 1872 год — «Псковские споры»; 1873—1877 годы — ряд рецензий на сочинения по вопросам церковной истории; 1878 год — «Сказания о чудесах Владимирской иконы божьей матери».

Эта тематика была непосредственно связана и с начавшейся в эти годы (1871) преподавательской деятельностью Ключев-

ского в Московской духовной академии, продолжавшейся до 1906 года.

Но самая тематика взята Ключевским в ином, новом разрезе: история церкви его интересует не сама по себе, а как часть истории русского общества; его интересует хозяйственная деятельность церкви, духовенство как сословие и его социальная функция. Этой своей стороной указанный первый цикл работ Ключевского непосредственно смыкается уже с его последующей исследовательской деятельностью; богатый бытовой, жанровый материал, почерпнутый автором из житийной литературы, воплел органической частью в ту яркую, образную характеристику Северо-восточной, Московской Руси, которую он дал во втором томе своего «Курса».

Работа над «Курсом русской истории» начата была им уже в этот период, в 70-е годы, в лекциях, читанных в духовной академии. В 1879 году Ключевский был избран доцентом Московского университета, где вскоре занял место умершего в том же году С. М. Соловьева. Новая, университетская среда, запросы студенческой аудитории конца 70-х и начала 80-х годов должны были значительно усилить социальные мотивы в научной работе Ключевского. Еще острее ставились эти вопросы за стенами университета, в обстановке обострившейся классовой борьбы и проводимой правительством реакционной политики «контрреформ».

В условиях усиливающейся классовой борьбы не было возможности замыкаться в сфере политической, государственной истории, в государственных указах искать решения всех вопросов истории общества. «Картины древнего русского управления освещены с одной только стороны — с той, которую можно назвать технической», — писал Ключевский в своем введении к «Боярской думе». И со своей стороны он ставит задачей изучение «социального состава общественных классов и интересов, которые за ними скрывались и через них действовали». «Опыт истории правительственного учреждения в связи с историей общества» стоит в подзаголовке исследования о «Боярской думе»¹. Так, рядом с пониманием политической истории, которое господствовало в прежней русской историографии, ограничивавшейся «шумной государственными мероприятиями», выступает социальная проблема, ставится вопрос истории классов.

Докторская диссертация Ключевского «Боярская дума древней Руси» явилась в известном смысле гранью между двумя этапами научно-исследовательской деятельности Ключевского. Ее новый этап относится к 80-м годам. Особенности его ясно

¹ «Русская мысль» за 1880 год, стр. 40 и др.

выступают в самой тематике научного творчества Ключевского в эти годы: 1880—1881 годы — «Боярская дума древней Руси»; 1884 год — «Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к внешнему»; 1885 год — «Происхождение крепостного права в России»; 1885 год — «Подушная подать и отмена холопства в России»; 1887 год — «Евгений Онегин и его предки»; 1890 год — «Состав представительства на земских собраниях древней Руси».

Период 80-х годов был временем высшего расцвета исследовательской деятельности Ключевского. Но в то же время здесь фактически заканчивается творческий путь Ключевского-ученого. За последние 20 лет своей жизни, которые совпали с периодом утверждения марксизма в России, Ключевский не дал ни одного специального монографического исследования. Работа над «Курсом русской истории» являлась в значительной мере к литературной обработке литографированных текстов 80-х годов.

«В жизни ученого и писателя главные биографические факты — книги, важнейшие события — мысли»¹, — писал Ключевский. Биография Ключевского редко выходит за рамки этих событий и фактов. Его немногочисленные политические выступления мало добавляют к характеристике его социальных позиций как выразителя русской буржуазной идеологии. В 1894 году «Похвальное слово» Александру III, произнесенное Ключевским как председателем Московского общества истории и древностей, вызвало резкий протест передовой части студенчества. В 1905 году на петергофских совещаниях, обсуждавших Булыгинский проект Государственной думы, его выступления против идеи «сословного царя», при всей их умеренности, были встречены весьма неблагоприятно правящей помещичьей группой, рассчитывавшей найти в Ключевском своего исторического адвоката. Неудачной баллотировкой в I государственную думу от Троицкого посада (по кадетскому списку) закончились выступления Ключевского на политической арене.

* * *

Историческая концепция Ключевского отражает, как указано, идеологические влияния общественной и научной мысли второй половины XIX века. От позитивизма идет прежде всего выделение географического фактора, значения географических условий в историческом развитии народа. Ключевский, как и Соловьев, ссылается при этом на Бокля как на образец. Но он идет дальше Соловьева в признании гео-

графического фактора: это не просто анти-теза степи и гор, дерева и камня, как у Соловьева, а последовательное раскрытие природных условий в их воздействии на народную жизнь. Географический очерк остался составной частью «Краткого курса истории» Ключевского. В связи с природными условиями раскрывается Ключевским и психология великоросса, художественно очерченная им в его «Курсе». В этом смысле Ключевский обближается со Шаповым. Однако географические условия остаются у него внешним фактором и в конечном итоге разрешаются в проблеме колонизации, которая возвращает Ключевского к исходной исторической схеме Кавелина—Соловьева—Чичерина.

На той же позитивистской основе оформился и «экономизм» Ключевского. Как отмечено, принцип «экономизма» выдвигнут Ключевским именно в 70-е годы против исходных позиций государственной школы Соловьева—Чичерина. Вопросам экономической и социальной истории посвящены исследования Ключевского 80-х годов. Это экономическое направление исследований Ключевского продолжено его школой и определяет историографическое значение последней. Экономизм Ключевского не доведен, однако, до той принципиальной последовательности, которая характеризует материалистическую позицию Чернышевского и частично отражена Шаповым. Экономический материализм остается лишь элементом в системе исторических знаний Ключевского, лишь одним из факторов исторического процесса в духе позитивистской методологии. Юридическая схема продолжает довлеть у Ключевского даже в период расцвета его экономических исследований и окончательно подчиняет себе экономический материал в его «Курсе русской истории».

Экономизм Ключевского переходит в изучение быта, материальных условий народной жизни и ее идеологических проявлений. Тема народного быта связывается здесь и с другой темой исторического изучения — с вопросами народной психологии. Но народ у Ключевского не становится основной действующей силой в истории: его быт и нравы рассматриваются как исторический материал. Содержанием исторического процесса, его стержнем остается государственное начало.

Развитие научной мысли Ключевского завершается в противопоставлении культурно-исторической и социологической точек зрения, сформулированном в методологическом «Введении» к «Курсу русской истории». Ключевский называл себя историком-социологом. Но понятие закономерности сохраняется Ключевским лишь в качестве социологических законов, «общих

¹ «Очерки и речи», стр. 25. Петроград, 1918.

законов строения человеческих обществ, приложимых независимо от переходящих местных условий»¹.

Этой абстрактной социологической закономерности противостояла «тайна исторического процесса», которая раскрывалась «в тех многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития, какие складываются в известных странах для того или другого народа на более или менее продолжительное время»². В конкретной исторической действительности Ключевский искал не внутреннюю закономерность, осуществляющуюся в самом развитии исторической действительности, а действующие силы или общие начала, стоящие за этой действительностью. В конкретном историческом процессе он видел лишь логическое развитие этих начал.

Так, Боярская дума оказывалась логическим выражением боярского начала в русской истории до Петра I. Каждый отдельный период русской истории рассматривался им как выражение определенного единого начала, к которому сводилось все его содержание. Впоследствии, в «Курсе русской истории», Ключевский обозначал свои характеристики отдельных периодов термином «формула», из которой логически выводится все содержание периода.

Этот абстрактный социологизм был методологической основой юридической теории. Она органически связывала Ключевского с государственной школой Соловьева—Чичерина, причем у Соловьева он брал именно его абстрактно-социологическую схему, которая связывала его с Чичериным.

В «Курсе русской истории» Ключевский переходит уже прямо на позиции субъективного идеализма.

Во «Введении» к «Курсу» Ключевский по-своему воспроизводит учение Виздельбанда—Рижкерта противопоставлением точных наук, «полагающих законы», историческим наукам, «описывающим индивидуальные явления». «Научный интерес истории того или другого народа,— пишет Ключевский,— определяется количеством своеобразных местных сочетаний и вскрываемых ими свойств тех или иных элементов общества. В этом отношении история страны, которая представляла бы повторение явлений и процессов, уже имевших место в других странах, если только в истории возможен подобный случай, представляла бы для наблюдателя немного научного интереса»³.

Ключевский принадлежал к особой категории историков-художников, среди которых мало найдется равных ему по мастерству. Художественность в работах Ключевского — не внешняя художественность стиля, а художественность мышления. Он ищет претворения логического единства в живом единстве конкретного образа. Художественное проецирование в прошлое характеризует и самый стиль Ключевского; живые следы прошедшего ищет он и в языковом наследии: «Язык запомнил много старины, священной временем с людской памяти»⁴.

Непосредственный путь этого художественного познания состоит в воссоздании живых образов прошлого. Можно сказать, что Ключевский в известной мере мыслит образами. «...Представительные, типические лица,— пишет он,— помогут нам полнее изучить состав жизни, их воспитавшей. В таких лицах целно собирались и вышукло проступали интересы и свойства их среды»⁵. Целая галерея портретов, живых образов проходит через весь «Курс русской истории» Ключевского.

В этой художественности известная сила Ключевского-историка. В живом образе ему иногда удается воссоздать единство явления, разрушенное его схемой, почувствовать внутреннюю связь, объединяющую разорванные элементы в органическое целое.

Но в ней и слабость Ключевского, так как этот синтез не опирается на прочную, научную базу, не подвергается критической проверке. Ошибка художника ведет к извращению исторического знания: яркий образец этого—трактовка опричнины, которая у Ключевского целиком подчинена его условно-психологическому образу Ивана IV и потому лишена своего реального исторического содержания, правильно вскрытого Соловьевым; она превращается у него в плод больной психики Грозного.

В этой же художественной трактовке коренится и другая общеметодологическая порочность концепции Ключевского. Воссоздавая отдельный конкретный образ путем объединения разрозненных элементов отдельной эпохи в одно единое целое, он углублял разорванность целого, его внутреннее расчленение. Здесь завершение того процесса, который правильно подметил А. Е. Пресняков: «...вся общая соловьевская схема распадается в переработке Ключевского по части, теряет свою стройную законченность и внутреннюю связность»⁶. Художественность мышления

¹ Там же, стр. 117.

² Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 1-я, стр. 8. М. 1937.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ «Русский исторический журнал» № 3 за 1922 год, стр. 208.

Ключевского закрепила итоги его социологического метода. Он достиг своего полного развития в его «Курсе русской истории».

* * *

Конец 70-х и 80-е годы — период полной научной зрелости Ключевского. Именно в этот период в его работах всего сильнее сказываются начало буржуазного экономического и обращение к экономической и социальной тематике. Он делает попытку подойти к изучению народной жизни с ее материальной стороны, от ее экономического содержания; тематика всех его специальных исследований этого периода посвящена прежде всего истории хозяйственного быта. Исходя из этой материальной основы, из расчленения общества «по роду занятий, по свойству капитала», в действительности «общественных классов и интересов» ищет он объяснения явлениям политической жизни. В своей первой и наиболее крупной работе этого периода — «Боярской думе» — он делает попытку с этой точки зрения подойти и к общему пересмотру проблемы русского исторического процесса.

Отсюда и возврат к идее общей закономерности исторического развития, в силу которой он готов в «истории наших общественных классов усмотреть действие условий, похожих на те, какими создавались общественные классы в других странах Европы»¹.

К изучению исторических явлений, государственных институтов Ключевский идет теперь не от закона, не от юридической нормы, а от материальных явлений исторической действительности; он изучает не столько законодательные нормы, сколько фактические отношения. Именно эта сторона работы Ключевского вызвала резкую полемику Сергеевича против «Боярской думы»².

Но фактические отношения превращаются Ключевским в норму поведения, получают значение юридической нормы; юридическое начало восстанавливается Ключевским только с другого конца. Противоречия общественных отношений рассматриваются им в конечном итоге в разрезе последовательного развития и расчленения правовых понятий и учреждений, в данном случае — в разрезе истории государственного института — Боярской думы. Ключевский близко подходит к признанию примата экономики над правом; он утверждал, что «в этом порядке явлений политические факты вытекают из экономиче-

ских, как их последствия». Но он тут же спешит ограничить выдвинутое им новое обоснование исторической закономерности признанием равной правомерности такого положения, когда «явления следуют одно за другим в обратном порядке», когда «политические факты (идут) впереди, давая направление хозяйственной жизни народа»³. Он понимает под этим не обратное воздействие надстройки на базу в духе марксистского учения, а старую буржуазную теорию о примате государства как действующей силы в истории. Конкретно это сводится к старой антигезе, идущей от Погодина, — к антигезе завоевания и призвания, «боевого» и мирного пути развития народной жизни.

Это внутреннее противоречие резко отражено в «Боярской думе» Ключевского.

Целью своего исследования Ключевский объявил изучение социальной природы и деятельности Боярской думы. В этой связи история Думы становится выражением истории самого боярства, истории служилого класса, а экономической основой социального и политического строя объявляется «древнерусская боярская вотчина».

Изучая историю боярства и боярского землевладения, Ключевский вскрыл новые важные моменты в общей истории России, преимущественно XVI—XVII веков. Таковы изменения в самом боярстве в итоге опричнины и «смуты», выявленные анализом его состава на протяжении XVI и XVII веков. Таков, далее, вопрос об экономическом кризисе конца XVI века, впервые сформулированный именно Ключевским. Наконец, здесь же дан первый набросок той схемы истории «смуты», которая затем была развита в «Курсе» Ключевского и в то же время получила непосредственное отражение в «Очерках» Платонова.

Но вместе с тем у Ключевского боярским характером древнерусской вотчины исчерпывалось в конечном счете ее социальное значение в русской истории; точно так же история служилого класса и его внутренних противоречий исчерпывала социальную базу политического строя допетровской Руси, заслоняя всю сложность нарастающих экономических и социальных противоречий. В результате и Боярская дума, как орган этого правящего класса, постепенно превратилась в самоповелеющее выражение всей ее политической истории. Из продукта исторического развития она превратилась сама в его основную движущую силу. Боярская дума становится ее «маховым колесом».

В итоге вопрос развития классовых про-

¹ Ключевский В. О. «Боярская дума», стр. 7.

² Сергеевич «Русские юридические древности». Т. II.

³ Ключевский В. О. «Боярская дума», стр. 7—10.

творечий был подменен вопросом развития самого политического института. Развитие феодального объединения, рост княжеской власти и расхождение внутри самого феодального служилого класса привели к противопоставлению Боярской думе «Ближней или Комнатной думы» в качестве личного совета при князе. Ключевский же видит в этом процессе лишь эволюцию административной организации в связи с усложнением ее функций: Боярской думе — земские дела, Ближней думе — дела частного, дворцового хозяйства; она представляется ему чем-то вроде современных парламентских комиссий.

Точно так же борьба опричинины с судебными притязаниями княжат представляется Ключевским в виде дальнейшего развития того же размежевания функций, а сама опричина с ее казнями оказывается лишь «высшей полицией по делам государственной измены»¹.

Факты превращаются в юридическую норму, и сквозь призму этой юридической нормы рассматриваются затем самые факты.

«Происхождение крепостного права в России» было другой узловой темой русской истории, поставленной Ключевским в 80-е годы². Он начинает с попытки разрыва с теорией «закрепощения и раскрепощения сословий» государственной школы. Закрепощение крестьянина, указывает он, не было делом государственной власти, а поиски пресловутого закона 1592 года напрасны. Он ищет экономическое объяснение закрепощения в крестьянском разорении XVI века, в необходимости суды, приводящей к судной записи, к крестьянской кабале. В этой постановке вопроса была своя ценная, положительная сторона. Она подвела исследователя к непосредственному изучению того, как складывались реальные отношения крестьянина и землевладельца-феодала в конкретной исторической действительности. Но она имела и отрицательную сторону. Экономическими формами зависимости, присущими капиталистическому обществу, автор подменял внеэкономическую систему принуждения феодального общества. Признание естественного процесса развития крепостной зависимости было лишь формальным же прикрывало внутренние противоречия схемы. В ее основе лежало прежде всего фактическое смешение крепостного строя, как социально-экономической системы отношений, с крепостной зависимостью, как системой правовых отношений. Поэтому Ключевский вслед за юридической школой счита-

лал крестьянство до XVI века свободной бродячей массой; для него крепостная зависимость возникла в XVI веке вместе с крепостным правом. Слова социальные отношения отождествлялись с юридической нормой.

Эта юридическая трактовка еще резче сказалась во второй статье Ключевского по крестьянскому вопросу — «Подушная подать и отмена холопства в России»³.

Круг социальных вопросов до некоторой степени обобщается в «Истории сословий в России»⁴.

* * *

Работы Ключевского 60—80-х годов XIX века являлись отражением в буржуазной историографии новых тенденций развития исторической науки, попыткой переосмотреть ее внутреннее содержание с точки зрения новых, назревших проблем. Но этот пересмотр осуществлялся в рамках старой схемы государственной школы, оставляя непропущенными ее основные положения. И когда от поставленных отдельных вопросов Ключевский попытался подойти к сведению их в одно целое, должно было выступить с особенной отчетливостью противоречие нового материала и старой схемы. Самое обращение к такому синтезу определяет особое место Ключевского в развитии буржуазного экономизма в России; но оно же привело вместе с тем к отказу от самых принципов экономизма.

«Курс русской истории» явился по сути утверждением государственной теории в русской историографии, хотя и дополненной новым материалом. Не случайно этот поворот совершился именно в 90-е годы, когда отчетливо обозначились два направления, два пути в развитии исторической мысли. В то время как последовательное развитие новых начал осуществлялось на основе марксистско-ленинской теории, буржуазная мысль решительно повернула назад.

Если на первом этапе в ряде явлений народной жизни Ключевский выделял экономические явления и в них готов был признать в такой-то мере причину и определяющее начало в истории, то теперь он решительно возвращается к идеалистической схеме и толмачит материальную жизнь общества действию «идей», как первопричине: «Идеи становятся историческими факторами, подобно тому, как делаются ими силы природы»⁵. «Умственный труд и нравственный подвиг всегда останутся случайными строителями общества, самыми

¹ Там же.

² Ключевский В. О. «История сословий в России». Курс лекций, читанный в 1886 году. Было три издания.

³ Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 1-я, стр. 25.

¹ Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 191.

² Ключевский В. О. «Опыты и исследования». Первый сборник статей.

мощными двигателями человеческого развития»¹. Теперь в качестве основных исторических сил, «которые строят людское общежитие», выступают «человеческая личность, людское общество и природа страны». Эта формула значительно меньше конкретна, чем определение Соловьева. Из нее вытекает прежде всего идея живой ткани конкретного исторического процесса («внешний ход событий», по терминологии Соловьева), а идея человеческой личности и людского общества выступает как чистое идеалистическое, абстрактное начало. «Элементы общежития» превращаются в общие «свойства и потребности нашей природы, физической и духовной»².

Вместе с тем проблема народности жизни возвращается к исходному противоречию буржуазной историографии — к проблеме народности и государства. С одной стороны, Ключевский повторяет положение Чичерина, для которого народ становится исторической личностью лишь в государстве: «Наконец, народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона»³. А рядом с этим положением звучит другое, идущее уже от славянофилов, от романтизма: «Значение народа, как исторической личности, заключается в его историческом призвании... и в той идее, какою он стремится осуществить свою деятельность»⁴.

В схеме «Курса» процесс колонизации определяет основные изменения в русской истории, ее внутреннюю периодизацию на днепровский, верхневолжский, великорусский и всероссийский периоды. «Переселения, колонизация страны, были основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁵.

Еще сильнее чем у Соловьева, выступает у Ключевского великодержавный, националистический момент. Территориально-колониальный процесс понимается как рост и политическое распространение единого великорусского народа. Процесс исторического развития заключается в росте государства, а последнее опирается на распространение великорусского народа и на национальную ассимиляцию — «поглощение встречных инородцев»⁶.

На этой основе создавалась и конечная периодизация русской истории в «Курсе» Ключевского. Ключевский пытался в своей периодизации соблюсти принцип всесторон-

ней характеристики каждого этапа по территориальному, социально-экономическому и политическому, или государственному, признаку. Но основным в этом определении остаются географический признак и государственный строй в качестве определяющего явления. Поэтому начало русской истории, как в свое время у Карамзина, связывается с призванием варягов и образованием государства. I период — это «Русь Днепровская, торговая, торговая (с VIII до XIII в.)»; II период (XIII—до середины XV века) — «Русь верхневолжская, удельно-княжеская, вольно-земледельческая»; III период (с половины XV до второго десятилетия XVII века) — «Русь Великая, Московская, царско-боярская, военно-землеладельческая»; IV период (с начала XVII до половины XIX века) — «всероссийский, императорско-дворянский, период крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского»⁷.

В определениях дальней Ключевским периодизации ярко выступает влияние юридической, государственной школы. Экономическая характеристика подменяется на практике юридическим признаком «владения», а социальная характеристика сводится к сословной, то есть также к государственно-правовой.

Периодизация Чичерина—Соловьева подверглась у Ключевского малозаметному, но характерному изменению. Изменению подвергся прежде всего II период старой схемы, разделенный на два самостоятельных периода, что явилось результатом последовательной социологизации исторической схемы Соловьева. Соловьев характеризовал II период, охватывавший XIII—XVI века, торжеством государственного начала в борьбе с родовым. В социологической схеме Ключевского каждый период определяется только одним началом.

Другое изменение коснулось последнего, IV периода. Формально он совпадает с III периодом схемы Соловьева и начинается XVII веком, но в его характеристике отчетливо преобладает государственное начало, а его определение как всероссийского императорско-дворянского связано с петровским периодом и едва ли может быть распространено на XVII век. Разрешения этого противоречия Ключевский ищет в оповорке, что «это не просто исторический период, а целая цепь эпох»⁸. Это выделение петровской эпохи как грани исторического периода принадлежит исторической схеме Чичерина; в направлении последней перерабатывается Ключевским схема Соловьева.

От социологической схемы Чичерина

¹ Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 1-я, стр. 30.

² Там же, стр. 9.

³ Там же, стр. 11.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 21.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 22—23.

⁸ Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 3-я. Гл. XI, стр. 3.

видет Ключевский и в понимании периодов и как взаимной связи. Доловев несклад преле слово «связи эпох», он требовал «не делить, но дробить русскую историю на отдельные части, периоды». Ключевский как бы намеренно подчеркивает, усиливает производственные периоды, разрыв прорезка на особособенные, выделенные ряды. Был отмечалось выше, его художественная интерпретация приводит эпоху разрыву драматическую формул. За этой типичной формой сполн, как и у Чернышова, невозможность объединить изменения действительности внутренних причин. Отсюда сменил периодов превращается в своеобразную «перестановку исторической сцены»¹. Новая сцена, новая действительность лица — такковы обычные элементы участия в повый период. В начале I периода — превращение варягов; переход ко II периоду определен определенным с Днестра на Волгу; между II и III периодами — татарское иго; между III и IV периодами — «Смутная эпоха» в качестве переходного времени.

Наиболее резким изменением подверглась характеристика I периода. Приспичив к деполитной традицией в вопросе расхождения ставлян и варяжского происхождения Руси, присоединившись к теории Соловьева о приимчивом общественом строе ставлян в начале истории Киевской Руси, Ключевский, однако, конкретно Карамзину, советствует неопределенный скачок к развитию родовой, торговой Руси. В основе здесь можно положить учение Соловьева о старых городах с шародно-вечерым строем, по иде эти города соловьевской схемы Ключевский всецел за этим переисполн представлении о торговом строе буржуазного общества с развитым торгом и промышленями и создает своеобразный «военно-промышленный класс» в этих городах. Вслед за этим варяжская дружина превращается в наемную охрану торговых караванов, поросставая организацион — в систему внутренних торговых связей, договоры с иреками — в торговые трактаты, «Русская Правда» — в кодексы торгового законодательства. Эту характеристику родового торгового Руси замечательно покаже у Ключевского М. Н. Покровский.

За этили торговыми, торговыми отменениями исчезают и княжеско-боярская земледельческие, исчезает вся система поземельно-вотчинных феодальных отношений. Торговля изучается не в реальной связи исторических фактов, а так вычленившиеся из нее элементы. Неполмерно выростив в этой связи древнерусский торг атреволивается тем самым в центр политической жизни, в непосредственного творца политической организации — торговой волюли.

¹ Ключевский и В. О. «Курс русской истории». Ч. I-я, стр. 279.

В этой замечательной интерпретации соловьевско-чернышевская концепция родовых межкучивыхских отношений оказывается видеть в воздухе. Чтобы связать их с истинной торговой волюли, Ключевский и сообщает свое родичествою торгу действительного восходящих.

При переходе после стремительного подвига и высшего культурного расцвета Киевской Руси к следующему периоду Ключевский сполнняется с теми же трудностями, что и Карамзин. В то время как Соловьев проследживает в нем процесс дальнейшего поступательного движения, Ключевский видит в нем, по сути дела, период упадка. Сочетание его компетенции, недостатка факсов-то привал, после которого историка должна была начаться записка. «Историческая сцена, — пишет он, — меняется как-то вдруг, неожиданным, без достаточной подготовки зрителя к такой перемене. Под первый впечатлением этой перемены мы не можем дать себе иного ответа ни в том, куда деваться старая киевская Русь, ни в том, откуда выросла Русь новая, дерзко-волястая»².

В построении своего второго периода Ключевский вслед за Карамзиным выдвигает начало колонизации и образовательно-ведическое народы, а вслед за Соловьевым и Чернышовым — новую форму хозяйства и бытия, земледельческий строй и политическое начало так основную характеристику нового периода.

Противопоставляя двух периодов в плане территориальной терменщины, предисселии сполнны из Киева во Владимир имело уже свою допусту историю; от него формально исходила и соловьевская схема. Но слова формально тожественные элементы получали, по существу, различное истолкование.

Прекате место колонизации Окско-Волжского бассейна Соловьев, в отличие от Ключевского, пытался не расематривать как чужь или не полную экспанцию завоевания Приднепровья.

С другой стороны, в отношении начало в схеме Ключевского блика к Чернышову как к Соловьеву. В вотчинном начале Ключевский выдиг только одну сторону: оведенные капитал и создание его вотчинного земледельческого хозяйства: «Под влиянием колонизации страны степной южная удела призывал видеть в своем владении не только обществу, достояние устроительное, а полностью, которому он заведывал и устроил в обществу»³.

На этом Ключевский строит противостановление удельно-вотчинной системы феодальной удельно-вотчинной системы феодализму, в котором экспансивное начало сочетается с шардихмой

² Там же.
³ Там же, стр. 363.

землеустройства и власти, с системой вассалитета, паличие которого для удельной Руси¹ Ключевский отрицает.

Это создавало новое расхождение с концепцией Соловьева, который в системе вотчинного строя видел основу роста общественных связей и постепенного усиления княжеской власти, источника государственного развития и политического объединения Московской Руси. Поэтому когда Ключевский вслед за этим замечает у Соловьева его схему возвышения Москвы, то эта схема фактически повисает в воздухе. Рост Москвы происходит у Ключевского в условиях общего политического распада. Ее первоначальное возвышение получает какой-то искусственный, неожиданный характер. Процесс объединения земель превращается действительно в «собираание удельной Руси», ее территории, Москвой и московскими князьями. Отсюда и необходимость для Ключевского, вслед за Карамзиным и за Чичериным, снова прибегнуть к вмешательству внешней силы — татарского ига. Ключевский повторяет мысль Карамзина, что без объединяющей власти золотоордынского хана, которая давала «призрак единства», русские князья «разнесли бы свою Русь на бессвязные, вечно враждующие между собою удельные локуты».

Таким образом, национальное объединение вокруг Москвы наступает сразу с середины XV века, с начала нового периода, при Иване III. И вместе с тем, как во всей периодизации у Ключевского, наступление нового периода сразу вводит в действие новое начало и устраняет всякие реальные противоречия. Отсюда и определение нового периода как царско-боярского, снимавшее основной политический конфликт между царем и боярством из-за укрепления самодержавной власти царя.

Поэтому политический смысл опричнины, как борьбы за торжество абсолютистского порядка, правильно оцененный уже Соловьевым, мысль которого была дальше развита Платоновым, для Ключевского пропадает. Основной причиной возникновения опричнины, как мы уже видели, Ключевский считал личные качества Ивана IV.

Опричнина изображалась учреждением беспечным, лишавшим всякого политического смысла, «пародией удела». В силу этих же условий лишалось реальной связи с внутренней эволюцией общественной жизни и другое крупное явление политической жизни XVI века — земские соборы. Не видя ни реальных противоречий между царем и боярством, ни внутренней эволюции социальных отношений, Ключевский в Земском соборе видел лишь расширение

состава Боярской думы, а не противопоставленный ей орган. «Земский собор XVI в. был не народным представительством, а расширением центрального правительства»², то есть продуктом административной деятельности царя и боярства. В этой характеристике, развернутой еще в специальной статье 1890 года³, Ключевский непосредственно шел за Чичериним.

Наконец, и в важнейшем вопросе социальной истории XVI века, в вопросе о крепостном праве, Ключевский отчасти поворачивает назад, к государственной теории «закрепощения и раскрепощения сословий». Не снимая своей теории экономического характера закрепощения, связанной со ссудой, Ключевский начинает обращать внимание и на поставленный государственным обеспечением отбывания повинностей служилым человеком. Отсюда устанавливаемая Ключевским связь закрепощения крестьян с развитием поместной системы: поместная система «подготовила радикальную, даже роковую перемену в судьбе этого класса». Поэтому автор думает, что «в заокских помещичьих усадях раньше, чем где-либо встретились условия, завязавшие первый узел крепостной неволи крестьян...»⁴.

«С предшествующим», то есть с XVI веком, связана своими признаками и «смутная эпоха». Поэтому совершенно последовательно автор и ее источником считает династический вопрос. Дворцовая борьба становится началом «смуты», которая отсюда, из дворца, начинает последовательно спускаться вниз, вовлекая все новые слои населения «в смуту»⁵. Дворцовая, династическая «смута» заслонила от Ключевского оба основных вопроса этого сложного периода: польско-шведскую интервенцию и крестьянскую войну.

Как указывает самая характеристика этого периода, его содержание определяется для Ключевского подготовкой эпохи Петра и его реформы, развитием административной деятельности правительства и развитием идей в обществе. Однако и здесь уже назревает противоречие во взглядах Ключевского. У него сильна сим-

² Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 415.

³ «Состав представительства на Земском соборе». См. «Опыты и исследования». Первый сборник статей.

⁴ Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 2-я, стр. 259.

⁵ Любопытно отметить в порядке сопоставления аналогичную схему происхождения французской революции 1789 года у И. Тэна, изображающего, как революционные идеи постепенно спускаются с верхних этажей общественного здания в низшие.

¹ Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 1-я, лекция XX.

патия к Московской Руси, ярко отразившаяся в идеализированном образе Алексея Михайловича, в образах Ртищева, Ордина-Нащокина.

Эта раздвоенность в отношении к Московской и петровской Руси постепенно нарастает у Ключевского. Ключевский высоко ценит Петра I как историческую личность и как реформатора. Но в самой реформе, по Ключевскому, все резко выступает элемент стихийности, беспланоности. Именно у Ключевского война из составной части реформы превращается в основную движущую силу, в главную пружину реформ. И даже в характеристике личности Петра как бы сталкиваются два начала, и мелкое, личное постепенно заслоняет характеристику Петра I как исторической личности.

Эта двойственность со всей остротой сказалась уже в подходе к результатам реформ в дальнейшей истории России. Для представителя буржуазной историографии основное значение петровских реформ состояло в сближении России с Западной Европой, в европеизации России — культурной, бытовой, политической. Но как раз ценность этой европеизации берется Ключевским под сомнение. Она в его освещении представляется только внешнею, и ее непосредственным следствием оказывается культурный, нравственный разрыв между верхушкой русского общества, его интеллигенцией, и народом. Эту мысль Ключевский особенно резко сформулировал в статье «Евгений Онегин и его предки».¹ Эта внутренняя раздвоенность новой России как бы противопоставляет единству и гармоничности Московской Руси в изображении Ключевского.

Перед этими противоречиями и остановилось, в сущности, исследование Ключевского.

В работе Ключевского послепетровский период XVIII века отражен лишь отдельными художественными образами, иногда тонкими, пробникновенными характеристиками, среди которых одна из лучших — характеристика Екатерины II и ее деятельности.

В «Курсе» Ключевского русская история превратилась в историю государства и в историю идей. Народа как действующей социальной силы в его истории снова не оказалось. Из всех народных движений в его «Курсе» осталось лишь крестьянское движение «смутного времени», но в его изображении «настоящим царем этого люда был вор тушинский, олицетворение всякого беспорядка и беззакония в

глазах благонамеренных граждан»². Городские движения, крестьянские восстания под руководством Разина и Пугачева вовсе отсутствуют в «Курсе». Декабристы же оказались только «общим дворянским поколением», их движение — только «последним военно-дворянским движением».

Нет места у Ключевского и для истории отдельных народов России. Вся история России подчинена у него великодержавной, националистической идее великорусского народа. Даже главы об Украине в 3-й части его «Курса» входят лишь как тема «воссоединения Руси», а не как вопрос истории украинского народа.

Как бы то ни было, историографическое значение Ключевского определяется прежде всего тем, что через него новые течения исторической мысли вошли в буржуазную историческую концепцию, получили в ней известное место. По-своему его «Курс» явился итогом состояния исторических знаний в последние десятилетия XIX века. Но научно-познавательное значение имели прежде всего специальные монографии Ключевского, продукт лучшего периода его творческой научной деятельности, обращенные более непосредственно к изучению народной жизни, к вопросам экономической истории. Не случайно экономическое направление заняло видное место в дальнейшем в школе Ключевского. Индивидуальное значение Ключевского определялось и личными свойствами его таланта, творческим характером его научной мысли, выразившимся в яркости передачи идей и фактов, в особой запечатлеваемости образов, в которые облекалась у него трактовка прошлого. Оно сказалось в том художественном чутье к народной жизни, которое прорывается в его «Курсе» сквозь социологическую схему. Школа Ключевского оказалась в центре буржуазной исторической мысли конца XIX и начала XX века. Из школы Ключевского вышли многие, наиболее видные буржуазные теоретики.

Но вместе с тем или именно в силу этого банкротство буржуазной исторической мысли, бесплодность ее конечных итогов выступили у Ключевского с особенной остротой. Вскрывшиеся внутренние противоречия придали общей концепции сугубо формальный и внешне характер, подменили научное обобщение условной формулой. Своими теоретическими взглядами и своей схемой Ключевский лишь подводит итоги прошлого. Идущее отсюда влияние Ключевского на следующее поколение историков устанавливало не связь Ключевского с будущим, а связь его предшественников с прошедшим.

² Ключевский В. О. «Курс русской истории». Ч. 3-я, стр. 50.

¹ Ключевский В. О. «Очерки и речи». Второй сборник статей; или «Курс русской истории». Ч. 5-я. Приложения. 1937.

Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV веках

1

Образованию русского национального государства при Иване III предшествовала широчайшая идеологическая подготовка, своеобразное культурное возрождение русского народа; оно началось еще с 80-х годов XIV века, вслед за Куликовской битвой. Именно вслед за победой на Куликовом поле, явившейся первым этапом свержения татаро-монгольского ига, возник тот подъем народного самосознания, который еще в конце XIV века, а особенно резко в первой половине XV века привел к усиленной деятельности исторической мысли. Центральное место в этом возрожденном интересе к родной истории принадлежит Москве.

В конце XIV — начале XV века работа московских летописцев стала важнейшим государственным делом. Ведя политику собирания русской земли в единое целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве княжеского рода и русской земли. Московские митрополиты и великие князья свозили в Москву различные областные летописи и широко использовали их в своем летописании. Московская летопись из узкой, областной становилась благодаря этому общерусской, приобретала общеправославный характер и невиданный ранее размах. Эта работа московских летописцев, соединивших в самом конце XIV — начале XV века разрозненное летописание отдельных областей, значительно опережала реальный политический рост Москвы. Характер московского летописания, по выражению крупнейшего исследователя русского летописания А. А. Шахматова, «свидетельствует об общерусских интересах, об единстве земли русской в такую эпоху, когда эти понятия едва только возникали в политических мечтах московских правителей»¹.

В самом конце XIV века в Москве был составлен первый большой летописный

свод, названный «Летописцем великим русским». По одним предположениям (А. А. Шахматов), «Летописец» этот возник в 1396 году, по другим (М. Д. Приsemblков), — в 1389 году². Попытки выйти за пределы узко московских интересов еще очень слабо ощущаются в этом своде. Однако чрезвычайно серьезным новшеством, шаложившим резкий отпечаток на все последующее московское летописание, было то, что в начало этого свода была включена «Повесть временных лет» — замечательный памятник киевского летописания XII века. «Повесть временных лет» была тем произведением древнерусской литературы времени Владимира Мономаха, которое живо хранило идейные традиции литературы домонгольской Руси, сознание единства княжеского рода и русской земли. Отсюда московские летописцы могли заимствовать идею служения князя народу, свободную критику действий князей, идею обороны русской земли от кочевников соединенными усилиями русских княжеств. Именно с этого момента включения «Повести временных лет» в качестве составной, вступительной части в московские летописи мы видим в них не безразличное к политическому смыслу происходящего наименование татар половцами, а татарской степи — половецкой; очевидно, что «Повесть временных лет» не только переписывалась в это время, но и усиленно читалась, и события, изображенные в ней, применялись в определенном смысле к событиям современности. Призывы «Повести временных лет» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами. И летописец не без умысла менял эти названия, сопоставляя тех и других как общих врагов русской независимости.

Первый общерусский свод, по-настоящему вышедший из узких пределов местных интересов: тверских, московских, суздальско-нижегородских, ростовских, рязанских, новгородских — и осветивший историю последнего столетия с точки зрения единства русской земли, был состав-

¹ А. А. Шахматов «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал Министерства народного просвещения». 1900. Т. IX, стр. 91.

² М. Д. Приsemblков «История русского летописания XI—XV вв.», стр. 113 и сл. Л. 1940.

влён в Москве в 1408 году¹. Инициатива составления этого свода принадлежала митрополиту Киприану. Он превратил Москву в религиозный центр всей Руси и фактически подчинил московской митрополии церковные организации отдельных русских областей, в том числе и тех, которые входили еще в состав Литвы. В самые последние годы своей жизни Киприан собрал с различных концов Руси местные летописи, действуя в этом отношении через подчиненную ему церковную организацию. К своду были привлечены Новгородская летопись, Рязанская — княжеская, Суздальская, Тверская, некоторые местные московские летописи (например Серпуховская) и предшествовавший московский «Летописец великий русский». Составленная таким образом летопись (окончание работы над нею относится уже ко времени после смерти Киприана) известна под названием Троицкой. Летопись эта сгорела при московском пожаре 1812 года; выдержки из нее сохранились лишь в Приложениях к «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина. Существенным моментом в Киприановской летописи явился ее учительный, публицистико-памятательный характер по отношению к московским великим князьям.

Следующий за Киприановским сводем свод Фотия не только удержал, но и развил именно эту учительную по отношению к московскому великому князю тенденцию. Критическое отношение к московскому великому князю за недостаточные решительные, по мнению летописца, действия против Орды составляло отныне одну из самых «боевых» сторон Московской летописи. Она ориентировалась на «Повесть временных лет», на возрожденные традиции киевского летописания.

Свод Фотия отразил в своем составе все летописное богатство древней Руси. Он соединил в себе в обширных извлечениях летописи Тверскую, Новгородскую, Ростовскую, Ярославскую, Нижегородскую и т. д. Эти местные летописи не были здесь обезличены: они сохраняли иногда в неизменном виде местные симпатии и политические устремления. Решительной новостью явилось использование в своде народных эпических преданий о богатырях Александре Поповиче, Демьяне Буленевиче, Рагдое Удалом, Добрыне и др. Имена их были включены в летопись². Москва явно стре-

милась придать летописанию общенародный характер.

Соединение в единую летопись разрозненных летописей множества разобщенных областей свидетельствует о вполне созревшей уже мысли о единстве Руси. Мысль эта сочеталась пока с бережливым использованием местной литературы, местных, иногда демократических тенденций и не диктовала еще сурового сокращения и цензурирования местных памятников. Наоборот, Московская летопись в эти годы явно начинала занимать все более и более демократическую позицию, выдвигая роль горожан в защите Руси от кочевников. Иную трактовку получила, например, в новом своде повесть о Тохтамышше³. В предшествующем летописном своде главная роль в защите Москвы от войск Тохтамышша принадлежит внуку Ольгерда Остоею⁴, замешившему ушедшего в Кострому великого князя Дмитрия Ивановича. Гибель этого литовца сломала якобы сопротивление Москвы. В новой редакции повести о Тохтамышше Фотиевский свод с особенным вниманием говорит о московских купцах-гостях: «сурожапах», суконниках и др. Они названы поборщиками земли русской, против них главным образом направлена ненависть татар. Литовский князь Остей не выступает уже защитником Москвы от Тохтамышша, как в своде Киприана: сами горожане оберегают город. В повествование введен новый рассказ о подвиге суконника Адама, который, заметив с Фроловских ворот важного татарского князя, попал ему из самострела прямо «в сердце его гневливое». Взять Москву Тохтамышшу удалось лишь при помощи измены в русском стане и ложных, вероломных обещаний.

Демократический характер этой переделки несомненен. Версия эта носит следы фольклорного происхождения: былины знают горького пьяницу Василия Игнатьевича, который в Киеве со стены города поражает стрелами трех знатнейших татарских вельмож.

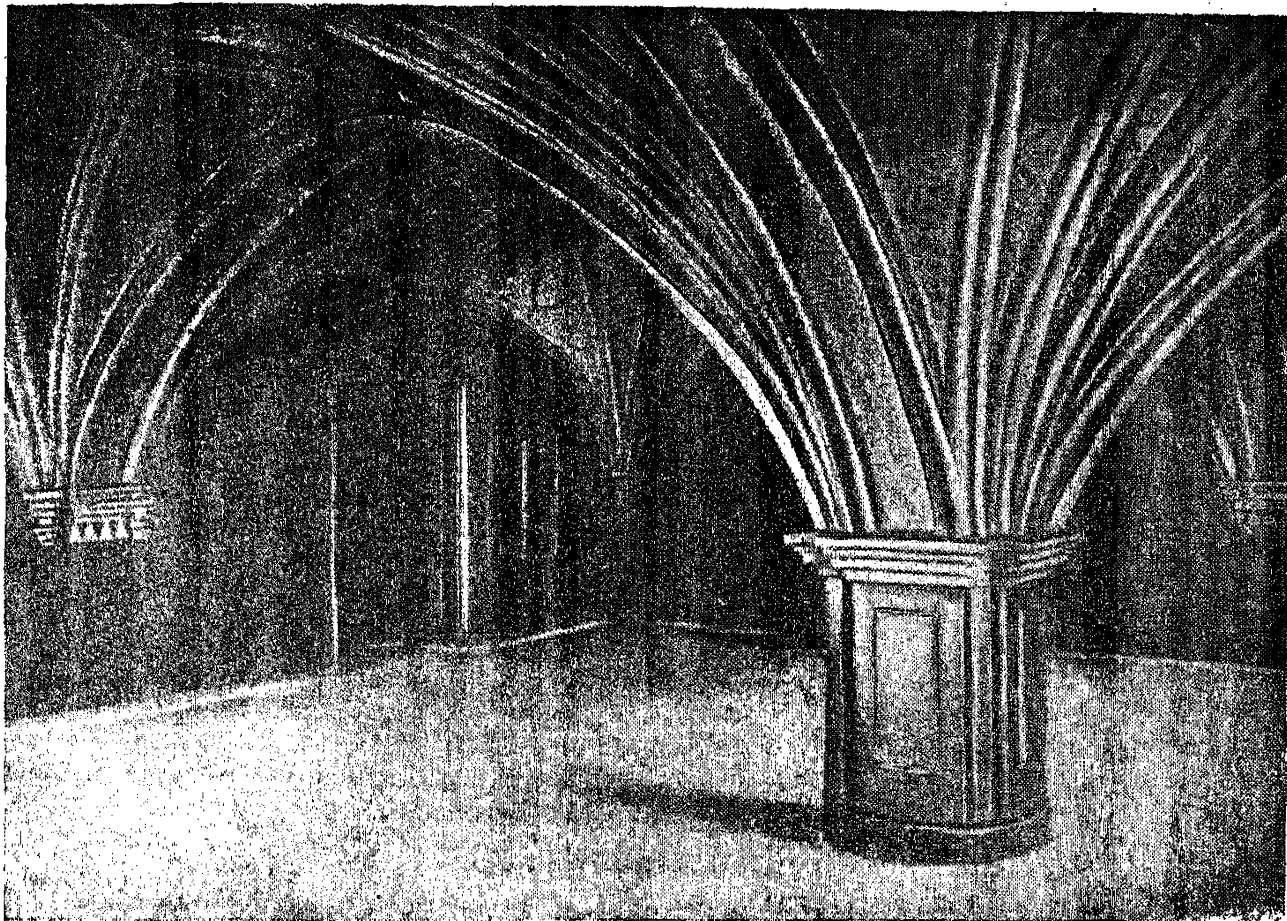
Таким образом, идея единства Руси вошла в московские летописные своды вместе с демократическими тенденциями. Действия великого князя московского обсуждаются в них с точки зрения соответствия их задачам общенародной политики. В этом последнем отношении чрезвычайно пока-

¹ Датировка М. Д. Приселкова («История русского летописания XI—XV вв.», стр. 128 и сл. Л. 1940).

² См. об этом подробно у А. А. Шахматова «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал Министерства народного просвещения». 1901. Т. XI, стр. 73—77.

³ Характер этой перемены вскрыт В. Л. Комаровичем в главе «Московские летописи» II тома «Истории русской литературы» (печатается).

⁴ См. Летописец Рогожский. Полное собрание русских летописей. Т. XV. Изд. 2-е. Вып. 1-й, стр. 144 и сл. 1922; Симеонская летопись. П. С. Р. Л. Т. XVIII, стр. 131 и сл. 1913.

Грановитая палата в Новгороде (место заседаний новгородского правительственного совета).
1433 год.

зательна неясная по своему происхождению, возможно составленная в Твери, странная и витиеватая повесть о Едигее (1408 год). Повесть резко заострена против политики московского великого князя, пригласившего к себе на помощь татар и приютившего «ляха» Свидригайло. Когда пограничные отряды Едигея пришли, чтобы помочь русским против Витовта, «старцы же сего не похвалиша, глаголюще: «Добра ли се будет дума юных наших бояр, иже приведоша Половец на помощь?»¹. Летописец осуждает князей, которые наводят половцев-татар — «брат на брата».

Но особенному осуждению подвергся в летописи великий князь Василий Дмитриевич за то, что отдал Свидригайлу, «ляху верую», кафедральный город митрополита всяя Руси — Владимир. В повесть вставлена похвальная характеристика города Владимира как стола Русской Земли, «мати градом» русским, города пречистой богоматери, в котором «князи велиции Русстии первосадиание и стол земля Русская приемлють»².

Резкому осуждению подвергнуты в повести и нерешительные действия русских

войск: «Да аще явится где один Татарин, то мнози наши не смеяхуть противитися ему, аще ли два или три, то мнози Руски, жены и дети мечюще, на бег обращашуся»³. По поводу оставления великим князем Москвы вставлена цитата из псалма, не оставляющая никаких сомнений в цели ее применения: «добро есть уповати на господа, нежели уповати на князя...»⁴.

Замечательно, что, желая оправдать свою резкую критику светской власти, летописец под конец «Повести» ссылается на «начального летописца Киевского», который «временно богатства земская не обинуяся показуеть», и на великого Селивестра (одного из редакторов «Повести временных лет»), «не украсая пишущего». Ссылается летописец и на первых властодержцев русских, повелевавших без гнева «вся добрая и недобрая прилучившаяся написовати»⁵. Эта небольшая приписка к «Повести», полной укоров и обличений, лучше всего показывает, какого широкого взгляда держался московский летописец на свою работу, какая острота политического обличения влагалась им в летописные своды начала XV века и каким авторитетом пользовалась «Повесть временных лет».

¹ Симеоновская летопись. П. С. Р. Л. Т. XVIII, стр. 156. СПб. 1913.

² Там же, стр. 157.

³ Там же, стр. 158.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 159.

Общенародный, господствующий характер этого обращения ко временам национальной независимости после Куликовской битвы (1380 год), к Киеву, к «Повести временных лет» и к Владимиру как к городу, овеянному еще воспоминаниями, связанными с эпохой независимости, ярко выступает не только в книжности. Сопоставление летописной работы начала XV века с тем, что творилось в это время в области живописи и архитектуры, ярче всего демонстрирует, какого грандиозного размаха достигли в начале XV века восстановительные тенденции. Конец XIV — начало XV века может рассматриваться как своеобразная эпоха национального возрождения, связанного с особым интересом к родной истории и к памятникам прошлого. Резкий перелом в области московского строительного искусства наступил именно в княжение Дмитрия Донского. Архитектурные формы постепенно обнаруживали стремление к внешнему блеску, к пышности и к богатству, как бы отражающим общий подъем народного самосознания после первых побед над татарами. С княжения Дмитрия Донского впервые в русской истории началась реставрация памятников, связанных с воспоминаниями об эпохе национальной независимости. Очевидно, что именно в княжение Донского ремонтировался Успенский собор (1158 год) во Владимире и стал княжеским собором. Реставрационные работы особенно усилились в начале XV века. В 1403 году обновлялся собор 1152 года в Переяславле Залесском. В 1408 году знаменитый русский живописец Андрей Рублев восстановил по приказанию московского великого князя древнюю домонгольскую живопись Успенского собора во Владимире¹. Реставрационные работы над памятниками домонгольской поры велись в Ростове, в Твери, в Звенигороде и т. д. Полоса этих реставраций тянулась вплоть до Ивана III, когда итальянский зодчий Аристотель Фиораванти построил центральную святыню нового русского государства — Успенский собор Московского кремля — по образцу владимирского Успенского собора 1158 года.

Тот же интерес к произведениям домонгольского периода характеризует и русскую книжность. Составлялись новые и вновь редактировались старые переводы произведений, известных еще с XI—XII веков; во

¹ См. проф. Н. Н. Воронин «Владимиро-суздальское наследие в русском зодчестве». Журнал «Архитектура СССР» № 2 за 1940 год; см. также И. Э. Грабарь «Андрей Рублев». «Вопросы реставрации». Вып. 1-й, стр. 65 и сл. О росписях Успенского собора см. там же, стр. 22—33.

множестве создавались новые исторические сказания и повести, главным образом касающиеся борьбы с татарами. В течение всего XV века мы встречаем усиленное подражание литературным произведениям эпохи независимости. Чрезвычайно показательным в этом отношении лучшее из произведений XV века о Куликовской битве — «Задонщина», составленная в литературной манере величайшего произведения домонгольского периода — «Слова о полку Игореве». «Задонщина» восприняла не только стилистическую манеру «Слова»: она применила самые идеи «Слова» о борьбе со степью к современной ей действительности и имела колоссальное агитационное значение в борьбе русского народа с татаро-монгольским игом.

Итак, в конце XIV и в XV веке мы видим в Москве чрезвычайный рост интереса к русской истории, своеобразный культ эпохи национальной независимости, идеализацию киевской старины. Отсюда новая для конца XIV — начала XV века точка зрения на татар, как на тех же половцев. Отсюда взгляд на события современности через призму событий Киевского периода. Отсюда естественное на первых порах стремление судить обо всем «по старине и по пошлине» — на основе традиций эпохи национальной независимости.

Москва явилась всесторонней собирательницей русского исторического предания, объединительницей местных летописей в обширных сводах. Москва не противопоставляла себя другим русским областям, не замыкалась в узких пределах только своего исторического предания. Это идейное собрание всего исторического прошлого русского народа на основе идеализации Киевского периода — периода национальной независимости — опережало реальный процесс собирания русских земель вокруг Москвы.

2

Объединительная политика Москвы встретила чрезвычайно сильное сопротивление новгородского боярства, опасавшегося потерять свои обширные земельные владения, и крупного новгородского купечества, опасавшегося конкуренции Москвы в торговле с Западом. Новгородское государство все более и более становилось в русской жизни реакционной силой, сопротивлявшейся объединительной политике московских великих князей. Новгородское ушкуйничество нарушало московскую торговлю на севере и северо-востоке; беспокойная новгородская политика прозвучала постоянными неожиданностями. Однако в самом Новгороде, как и в других русских

областях, увеличивалось «...в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»¹.

Демократические низы Новгорода явно тяготели к Москве, к сильной великокняжеской власти, в которой надеялись найти опору против боярства. В разное время сторонники подчинения Москве находили себе в Новгороде путь к власти, но в полной мере ни партия новгородских сепаратистов (так называемая литовская), ни партия сторонников Москвы не смогли возобладать на зыбкой почве новгородского «народоуправства».

Конец XIV столетия характеризуется крайним обострением борьбы Москвы с Новгородом. Эта борьба стала особенно напряженной в 90-х годах XIV столетия, в связи с отказом новгородцев выезжать на суд к московскому митрополиту. По старому, испытанному еще в XII столетии пути новгородское боярство посылало послов с жалобой в Константинополь, угрожало Москве переходом в латинство, клялось на вече не судиться у митрополита. Только после того, как войска великого князя захватили Торжок и начали опустошать новгородские волости, новгородцы изъявили покорность.

Новый перевес дало новгородской литовской партии замешательство в церковных делах первой половины XV века, приведшее к образованию двух враждебных митрополий: Московской и Киевской. Оно позволило новгородскому боярству вести двойную политику и постоянно добиваться от Москвы уступок угрозами подчиниться киевскому митрополиту. С этой поры церковный вопрос в Новгороде приобрел первостепенное политическое значение. Пользуясь смутой в церковных делах, архиепископ Евфимий II получил «поставление» в Смоленске у киевского митрополита Герасима, и это дало Новгороду независимость от московской церкви. В Новгороде приобрели значительную силу антимосковские настроения. Архиепископ Евфимий II активно способствовал западному влиянию и оказывал покровительство иностранцам. «От странных же или чуждых стран приходящих всех любовью приймаше, всех упокоиваше, всех

по достоинству милуваше», — говорит о нем Пахомий Серб. Показателем новгородской политики служит то, что в Новгороде находили убежище противники московского великого князя — Дмитрий Шемяка и Василий Гребенка.

Новгородское боярство обращалось к прошлому Великого Новгорода, чтобы в нем найти опору в борьбе против Москвы. Так же как и в Москве, это обращение к прошлому сказалось в усиленном развитии летописания, в целом ряде реставрационных работ, в попытках оживить историческое предание, связанное с героическими страницами в жизни родного города. Во второй четверти XV века началась беспокойная строительная деятельность архиепископа Евфимия II. Евфимий II обстроил новыми зданиями владичный двор Детинца, строил на Софийской и Торговой сторонах, строил в Старой Руссе, в Вяжицах, в Хутыне и т. д. Ко времени Евфимия II относятся здания светского и промышленного назначения, церкви и правительственные палаты.

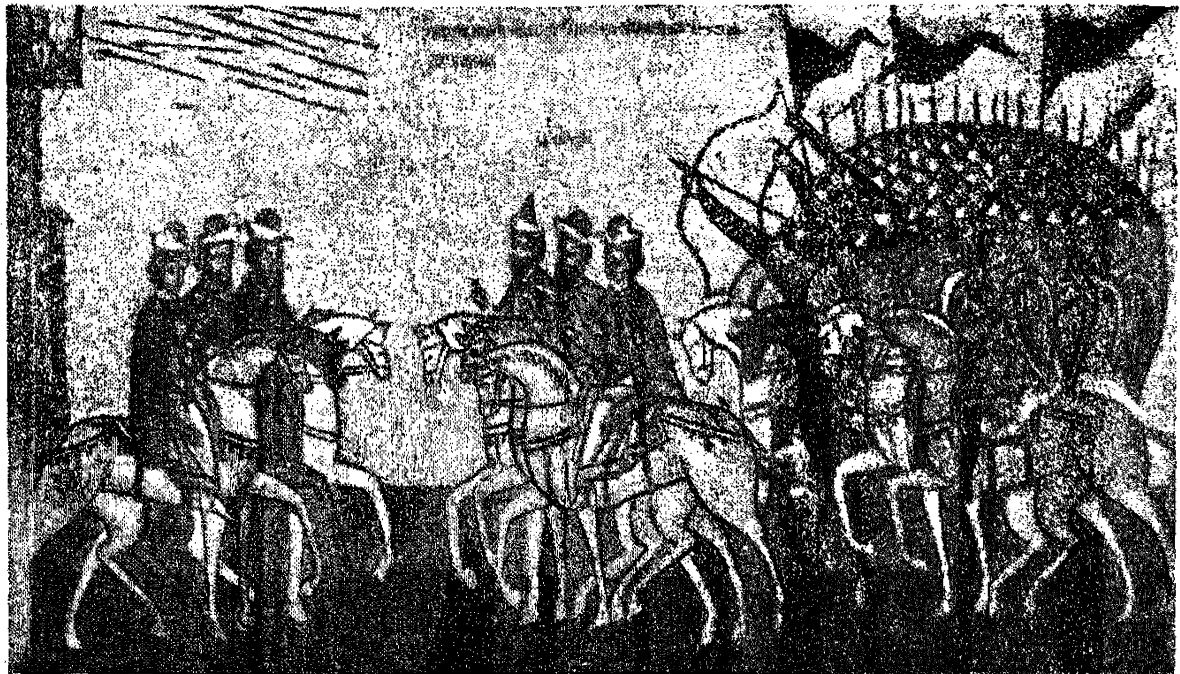
Особое место в строительной деятельности Евфимия II занимало возрождение новгородских архитектурных форм XII века. В 1454 году Евфимий реставрировал церковь Ивана на Опоках, первоначальной постройки 1127—1130 годов. В 1455 году он строил «на старой основе» церковь Ильи на Славне, первоначальное здание которой относилось к 1198—1202 годам. В 1442 году «на старой основе» 1198 года ставил Преображенский собор в Старой Руссе. На «старой же основе» XII века восстанавливались церкви Бориса и Глеба (в 1445 году), Ян-мироносиц (в 1445 году), Богородицы на Торгу (в 1458 году) и др.² Евфимий II возродил строительные приемы монументальной архитектуры XII века, напоминавшие своими выразительными и внушительными формами о былом величии Новгорода. Разнообразной строительной деятельностью Евфимия восхищался Пахомий Серб, в восторженных выражениях описавший выстроенные Евфимием храмы Детинца, которые «яко звезды или горы» стоят вокруг Софии.

Массовое восстановление Евфимием II старых церквей XII века связано с одновременным установлением культа «прежестших» новгородских архиепископов, с возрождением летописного дела, созданием цикла литературных произведений вокруг новгородского архиепископа Иоанна, при котором новгородцы в 1170 году отбили от стен Новгорода войска северо-восточных княжеств. Около 1432 года был составлен обширный летописный свод —

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

² См. Ю. Н. Дмитриев «К истории новгородской архитектуры». «Новгородский исторический сборник». Вып. 2-й. Л. 1937.

Деталь иконы XV века «Битва суздальцев с повгородцами», иллюстрирующей легенду о «чудесном» спасении Новгорода.

«Софийский Временник», который должен был дать новую историческую концепцию, поставив в центр русской истории историю Великого Новгорода. Однако вскоре после составления «Софийского Временника» в Новгороде стал ясен и его основной недостаток, не позволявший ему конкурировать с обширными московскими летописными сводами начала XV века. В то время как московское летописание было в подлинном смысле этого слова общерусским, объединяло в своем составе известия самых разнообразных областей и освещало историю всего русского народа в целом, новгородский «Софийский Временник» по составу своих известий оставался все же летописью узко новгородской. Поэтому при том же Евфимии II в 1448 году в Новгороде было предпринято составление нового летописного свода.

Свод 1448 года был первым новгородским сводом с ярко выраженным общерусским характером. Это далеко уже не узкая, местная летопись, редко выходящая за пределы родного города, какой была новгородская летопись в предшествующие столетия. Свод 1448 года описывает судьбы русского народа в целом, хотя преимущественно отдает Новгороду и в нем видит, очевидно, центр событий русской истории. Характерно, что в основном этот общерусский характер свод 1448 года получает в результате заимствования известий из Московского летописного свода Фотия 1418—1423 годов. Стремясь создать свою историческую и политическую концепцию, противостоящую московской, Новгород все же опирался на Москву и на ее княжескую власть. Характерно также, что в противоположность московским летописцам воица

XIV—начала XV века, нередко оценивавшим события с точки зрения демократических слоев населения, составитель свода 1448 года во многих случаях проявил себя как представитель интересов боярской партии — владычного двора. Он с осуждением отнесся к черному люду — к «голодникам», «ябедникам»¹ — и к городским волнениям. На основе свода 1448 года в Новгороде составлялся еще ряд летописей.

Со времени составления «Повести временных лет» работа исторической мысли никогда не была еще так интенсивна. Летописные своды с чрезвычайной последовательностью следовали один за другим, но самостоятельной новгородской исторической концепции подобно московской все же не получилось. Содержание новгородских летописей осталось таким же противоречивым, как противоречива была и сама новгородская жизнь².

3

В 1436 году в церкви Усекновения главы в Новгородском Детинце упавший сверху камень пробил «велию скважину», в которой обнаружилось «нетленное» тело неизвестного святого. Известия Евфимия, Евфимий, «убедившись» в нетленности мощей, начал молить бога: «да явят имя, кто есть». В ту же ночь «явился» Евфимию архиепископ Иоанн, открылся,

¹ Новгородская IV летопись. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 2-й, стр. 444. Л. 1925.

² Подробнее о новгородских летописных сводах XV века см. А. А. Шахматов «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал Министерства народного просвещения». 1900. Т. IX, стр. 90 и сл.

что мощи принадлежат ему, и велел «праздновать себя» каждое 4 октября. Иоанн (1163—1186) — первый официальный новгородский архиепископ. Он был известен в Новгороде главным образом как лицо, при котором в 1170 году произошло «чудесное» спасение города от подступивших к нему войск северовосточных княжеств, отождествлявшихся в XV веке в Новгороде с Москвой. Само собой разумеется, что открытые так кстати упавшим камнем мощи Иоанна были торжественно водворены в Софийский собор, и почитание этого повольяленного святого приобрело формы почти политической демонстрации. Вокруг архиепископа Иоанна и «чуда» спасения Новгорода от войск суздальцев возник цикл легенд — своего рода культ новгородской независимости.

Основание культа новгородских святых и возвеличение новгородского прошлого несколько позднее было подкреплено и другой легендой. Под 1439 годом летопись сохранила сказание пономаря Аарона¹. В одну из ночей пономарь Аарон увидел, как в церковь Софии «прежними дверми» (очевидно, теми, которыми перестали пользоваться) вошли все «преждеотшедние» новгородские архиепископы, молились в алтаре и перед иконою Курсунской божьей матери. Пономарь рассказал о своем видении Евфимию, и тот, «бысть радостен о таком явлении», повелел служить панихиду по всем новгородским архиепископам, а затем установил и более регулярное чествование своих предшественников.

Выходило так, что не Евфимий II насаждал почитание новгородских святых и воскрешал память о забытых временах новгородского расцвета, а само прошлое напоминало о себе. «Преждеотшедние» архиепископы молились за Новгород, объявляли свои мощи и т. д. Новгородская боярская партия настойчиво искала в новгородском прошлом опоры для своих притязаний на независимость и отъединенность Новгорода от Москвы.

С архиепископом Иоанном был связан целый ряд легенд и сказаний. Центральная легенда цикла архиепископа Иоанна — легенда о чудесном спасении Новгорода во время осады суздальцев 1170 года. Во второй четверти XV века Евфимий II пригласил с Афона знаменитого ритора Пахомия Серба и заказал ему литературное изложение этого «чуда». Простую и непосредственную новгородскую легенду Пахомий «удобрил» витиеватым красноречием, придав ей необходимую пышность и назидательность, усилив элемент чудесности. Заканчивалось описание «чуда» спасения Новгорода от войск северовосточных кня-

жеств в изложении Пахомия молитвой, трафаретные заключительные строки которой должны были звучать особенно остро в политической обстановке половины XV века: молитва завершалась прошением об избавлении «града нашего» (т. е. Новгорода) «от глада, губительства, труса и потопа и нашествия иноплеменных и моров»² (под последними подразумевались москвичи). В этот первый свой приезд в Новгород Пахомий написал кроме того службу новгородскому святому Варлааму Хутынскому, похвальное слово ему же и житие Варлаама. Культ новгородских святых обставлялся, таким образом, как видим, необходимой пышностью. Такое торжественное восстановление авторитетной старины было для XV века делом небывалым.

В конце 50-х годов XV века в результате победы московского великого князя над новгородским ополчением и заключения невыгодного для новгородского боярства мира перевес Москвы настолько определился, что представителям боярской партии в Новгороде приходилось думать уже о политике отсрочки, по существу, неизбежного конца новгородской независимости.росло и сочувствие демократических слоев населения Новгорода Москве. Роль заступника и постоянного ходатая за Новгород перед московским великим князем принадлежала избранному после смерти Евфимия II архиепископу Ионе, искусно лавировавшему между крайностями литовской боярской партии и энергичным натиском Москвы.

Иона ознаменовал свое архиепископство целым рядом предприятий, вложившихся в закрепление мирных отношений с Москвой. Характерно, что, по позднейшей легенде, Ионе было в детстве предсказано архиепископство открытым сторонником московского великого князя — Михаилом Клопским. В житии Ионы отмечено, что «Московскими князи много любяху его и со благоговением почитаху, и писания множицею посыллаху к нему и от него въсписания желавню приимаху»³. Иона установил в Новгороде культ московского святого — Сергия Радонежского, — выстроил ему церковь (1463 год), ездил в Москву, где смело заступался за новгородцев перед великим князем.

При Ионе вторично прибыл в Новгород Пахомий Серб. Иона, как и Евфи-

² В. Яблонский «Пахомий Серб и его агиографические писания», стр. 100. СПб. 1908.

³ «Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Купчелым-Везбородко». Вып. 4-й, 2-й, стр. 30. 1862.

мий II, заказал Пахомию различные переконные службы, но при этом наряду со службами новгородским святым заботился и о службах святым, имевшим общерусское значение. Особенный интерес имеет заказанное Ионой Пахомию «Сказание о чуде преподобного Варлаама Хутынского» (1460 год). «Чудо» это, случившееся в первый же год архиепископства Ионы, весьма симптоматично. Во время приезда в Новгород московского великого князя Василия Васильевича умер его постельничий Григорий Тумган. Привезенный же трубу новгородского святого Варлаама постельничий «воскрес». Так же так и открытие мощей архиепископа Иоанна при Евфимии II, инсценировка воскрешения постельничего московского великого князя у гроба новгородского святого не была случайной: шовое «чудо» знаменовало собою временный перелом в новгородской политике и стояло в связи с новгородской дипломатией, пытавшейся расположить к Новгороду великого князя. Заказывая описание этого «чуда», Иона имел в виду внушить московскому великому князю уважение к новгородским святым, примирить его с Новгородом. Предназначенное для такой цели сказание написано в духе московских взглядов. Оно именует Василия Васильевича «благочестивым и благоверным, великим князем володимерским и московским и новгородским и всея Руси», а Новгород — вотчиной московского князя. Впоследствии, когда отношения Новгорода с Москвою вновь обострились, послушный исполнитель воли своих заказчиков Пахомий Серб переделал свое произведение согласно с требованиями момента: пышное титулование московского великого князя было заменено более простым: «благочестивый великий князь», — а место, в котором говорилось о Новгороде как о вотчине великого князя, было опущено.

В эпоху усиления московских тенденций в Новгороде в самой середине XV века относится житие яркого представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Клопского. Москвич по происхождению, родственник московских великих князей, Михаил избрал местом своего монашеского пребывания небогатый новгородский Клопский монастырь, игумена которого Феодосия низы новгородского населения одно время даже избрали в архиепископы¹. Житие обильно эпизодами

враждебного отношения монастыря к посадникам, к укрывавшемуся в Новгороде неудачному конкуренту московского великого князя Дмитрию Шемяке и вместе с тем в отличие от велеречивых и витийственных произведений Пахомия, выполнявшего заказы боярской партии, носит демократический, просторечный характер со следами влияния фольклора. Ни имени автора, ни имени заказчика (если он только был) этого популярного жития не сохранилось. «Чудеса» — эпиклады, из которых соткано житие Михаила Клопского, — представляют собою самостоятельные рассказы легендарно-сказочного, а порою и жизненно-реального характера, заставляющего предполагать, что они сложились первоначально в устной традиции и лишь затем только были обработаны в форме книжного повествования.

Черты реальности живо переданы и в эпизоде о раздоре монастыря с посадником Григорием Кирилловичем. Посадник Григорий явился однажды в монастырь к обедне и, удержав игумена, когда тот собирался уходить из церкви, заявил ему «таково слово»: «Не пускай ни копей, ни коров на жары (поля под паром), — то земля моя ни по реки ни воряжи ни по болотом ни подвором моим не ловили. А поччете ловити и княз ловыцам вашим велю игоги и руки перебити»². Выпался Михаил и сказал посаднику: «Будещи без рук и без ног, малю в воде не утопещи»³. Когда затем ловцы волокли тоню, посадник «пошел к ним к реки да и в реку за ними сам сугнав, да ударил рукою да хотел другой ряд так мимо ударил да паш в воду, малю не утопуи»⁴. Посадника вытащили из воды с парализованными руками и ногами. Все, следовательно, случилось по слову Михаила.

В этих эпизодах раскрывается характер этого оригинального представителя московской партии в Новгороде. Он умен, строг, не боится посадников и князей, говорит правду в лицо, резок, практичен и по-своему остроумен. В «чудесах» святого нет элементов мистической экзальтации. «Чудесные» деяния его осуществляются не вследствие молитвенной связи с богом, а по типу исполнения желаний героев сказок. Противнику московского великого князя князю Константину Дмитриевичу, отправившемуся в Москву добывать себе силой великокняжеский стол, не сочувствовав-

¹ Прибавление к имени Михаила Клопского эпитета «юродивый», «блаженный» является, повидимому, позднейшей интерполяцией. В исследовании И. С. Некрасова (см. след. сноску) есть справедливое предположение о том, что «прибавление имени юродивого при-

надлежит составителю жизнеописания архиепископа Ионы» (стр. 74). Этот составитель писал в середине XVI столетия.

² И. С. Некрасов «Зарождение национальной литературы в Северной Руси». Ч. 1-я, стр. 5. Одесса, 1870. Приложения.

³ Там же с.

⁴ Там же с.

ший ему Михаил предрек скорую смерть. «Земля вопиет», — повторяет он ему несколько раз. Новгородскому посаднику Григорию, оказавшемуся парализованным в наказание за покушение на монастырские ловли и просившему святого помолиться за него, Михаил раздраженно отвечает: «Молим бога о всем миру не токмо о Григории. Поездишь по монастырем, попросишь у бога милости»¹.

Во всех этих эпизодах-«чудесах» Михаил действует не под влиянием мистической экзальтации, а как политик, сильный и практичный человек. Михаил защищает экономические интересы монастыря, придерживается демократической московской партии. Находясь в оппозиции к официальной новгородской церкви, Михаил только случайно не был, очевидно, причислен к еретикам, каких много было в Новгороде в конце XIV и в течение всего XV века. Само собой разумеется, что идеологические позиции московской партии в Новгороде до его присоединения к Москве не могли получить серьезного отражения в книжности, и житие Михаила Клопского остается в этом отношении памятником исключительным.

5

В эпоху походов Ивана III на Новгород новгородское летописание утратило свою организованность и систематичность. Летопись велась по инициативе представителей обеих враждующих партий, дополнявших и расширявших списки, начатые их предшественниками. В этих дополнениях нет единства между отдельными летописцами ни в политических взглядах, ни в круге отмечаемых ими событий, ни в стиле и манере изложения. Летописцы то ограничивались одними лишь новгородскими событиями, то вводили сведения общерусского значения; иногда эти известия кратки и сдержанны, но иногда же речисты и витийственны. Те части Новгородской летописи, которые отличаются традиционным новгородским лаконизмом стиля, лишены, однако, чуждостью летописного языка XII—XIII веков. Летописец терял присущее ему спокойствие тона, как только подходил к предметам, близко касавшимся его политических убеждений, и раздражался в этом случае многословными тирадами против своих политических врагов всюду, где находил это возможным. Летописец, дополнивший один из списков Новгородской IV летописи (Строевского), так отчитал сторонника московского великого князя — Уладыша, забывшего железом 5 пушек при приближении к Новгороду московского войска: «Блако же востре-

пета, зло смысля на Великии Новгород, не сытны лукавства? на мзды ли предаши врагом Новгород, о Уладышче, сладкого бранна вкусил в Великом Новгороде? О, колика блага не памятив, недостаточное ума достигл еси!.. Уне бы ты, Уладыше, аще не был бы во утробе матерни: не бы был наречен предатель Новуграду...»² и т. д. Не на одного Уладыша сетует летописец. Он осуждает «владычнь стяг» (полк новгородского архиепископа), который не хотел ударить на московскую княжью рать, ссылаясь на то, что «владыка нам не велел на великого князя руки подыбнути». Осуждает летописец и тех новгородцев, которые перед битвой с москвичами «вопили» на «больших людей», не желая сражаться: «Из человек молодши, испротеряхся конем и доспехом»³.

«И бысть в Новгороде молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприязнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам (балням. — Д. Л.) на переменах день и ночь. И разделишася людие: инии хотяху за князя (московского. — Д. Л.), а инии за короля за Литовьского»⁴, — так описывает летописец волнения, порожденные поражением новгородского войска на Шелони.

Иной характер носили дополнения Новгородской IV летописи по списку Дубровского. Помимо обилия в них московских и общерусских известий список включил в свой состав такие направленные против новгородской независимости произведения, как «Словеса избранна от святых писаний»⁵ на новгородцев, «Послание митрополичье»⁶ против них же, московский рассказ о присоединении Новгорода с резкими выпадами против новгородцев и характерным заключительным проклятием новгородским «смутьянам»: «И та земская их беда и вся людская кровь да будет изысканна от бога вседержителя, по писанному: господи! зачинающих рать поруби. И то все на тех главах на изменных и на их душах, в сем веке и в будущем, аминь»⁷.

Утомленные постоянными феодальными раздорами и шаткостью новгородской политики, многие новгородцы с надеждою смотрели на Москву; лишение Новгорода его исконной свободы воспринималось частью населения как наказание новгородцам за грехи. В связи с этим составлялись задним числом легенды о предсказаниях

² П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 2-й, стр. 448. Л. 1925.

³ Там же, стр. 446.

⁴ Там же, стр. 447.

⁵ Там же, стр. 498.

⁶ Там же, стр. 504.

⁷ Там же, стр. 513.

¹ И. С. Некрасов. Цит. Соч., стр. 6.

Пантократор XI века в куполе новгородской Софии, с которым связана легенда, появившаяся в XV веке, о судьбе Новгорода.

конца новгородской независимости. В Новгороде в атмосфере обреченности, усугублявшейся еще ожиданием конца мира в 7000 (1492) году, в период новгородских походов Ивана III, множилось грозные «знаменья». С падением Новгорода многие из таких «знамений» задним числом истолковывались как предвестники поражения новгородцев на Шелони и конца новгородской независимости. Так например к известию 1435 года о падении только что отстроенной церкви позднейший летописец дал такое примечание: «И се знаменье показася, яко хощет власть Новгородских посадник и тысяцких и всех бояр и всея земли новгородские разрушитися»¹. Постепенно эти мелкие «знаменья» превращались в многочисленные и пространные легенды, связанные с концом новгородской воли. «В нашей истории, — говорит В. Ключевский, — не много эпох, которые были бы окружены таким роem поэтических сказаний, как падение новгородской вольности. Казалось, «господин Великий Новгород», чувствуя, что слабеет его жизненный пульс, перенес свои думы с Ярославава двора, где замолкал его голос, на св. Софию и другие местные святыни, вызывая из них предания старинны»².

Легенды о падении Новгорода оспаривались в житиях новгородских святых. Житие соловецкого святого Зосима, составленное

Досифеем в начале XVI века, рассказывает, как Зосима отправился в Новгород просить управы на притеснявших его скит местных жителей и слуг бояр — владельцев Соловецких островов. В Новгороде Зосима побывал у архиепископа и у бояр, и все милостиво приняли его, кроме одной Марфы Борецкой — владелицы острова, на котором жил Зосима. Марфа велела отогнать Зосиму от своего дома. Зосима, «главою позыбав», пророчески сказал своим ученикам:

«Се ныне прядут, иже дому сего жителю не изследят стенами своими двора сего и затворятся двери дома сего и к тому же отверзутся, и будет дом их пуст»³. Однако расположенный к Зосиме архиепископ Феофил заставлял все же Марфу пригласить Зосиму к себе. На полу, сидя на почетном месте, Зосима, по обычаю своему, мало ел. Взглянув на гостей (Марфа пригласила к себе шесть новгородских бояр), Зосима вдруг увидел их без голов. Взглянув еще и еще раз и удивившись, что виденные не проходят, и поняв его значение, Зосима вздохнул и прослезился. После обеда ученик Зосимы Даниил спросил его о причине слез. Зосима объяснил: шесть бояр, виденных им без голов, будут современем обезглавлены. Пророчество Зосимы, рассказывает житие, сбылось: Иван III, заняв Новгород, велел казнить бояр, которых Зосима видел безголовыми.

Поздние новгородские летописи включили в свой состав под 1045 годом легенду об изображении вседержителя в куполе Софийского собора. Легенда рассказывает, как, устроив церковь, приступили к росписям и царьградские иконописцы начали «подписывать во главе» (в куполе) образ вседержителя с благословляющею рукою. Наутро, однако, епископ Лука увидел, что образ написан без благословляющей руки. Три раза переписывали иконописцы образ, и каждый раз рука наутро оказывалась сжатою. На четвертое утро услышали иконописцы голос, исходящий от написанного ими изображения: «Писари, писари, о писари! не пишете ми благословящею рукою (напишите ми сжатою рукою), аз бо в сей руке моей сей Великий Новьград держу; а когда сия (рука) моя распространится, тогда будет граду сему скопчание»⁴. Реально происхождение этой легенды можно объяснить тем, что греческие иконописцы, расписывавшие Со-

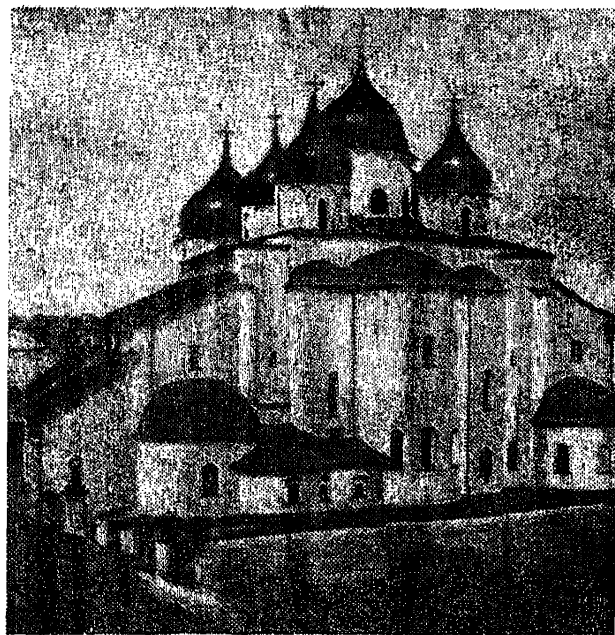
¹ Ср. также Новгородскую III летопись. «Новгородские летописи», стр. 307. СПб. 1879.

² В. О. Ключевский «Древне-русские жития святых как исторический источник», стр. 162. М. 1871.

³ Ф. Вуслаев «Исторические источники русской народной словесности и искусства». Т. II, стр. 270. СПб. 1861.

⁴ См. Новгородскую III летопись. «Новгородские летописи», стр. 181—182. СПб. 1879.

фию еще в XII веке, написали вседержителя с рукою, благословляющею греческим троеперстием, вместо привычного новгородцам русского двоеперстия. Рука на изображении была, таким образом, не благословляющею, но она не была и «сжатою». Последняя деталь чрезвычайно существенна, и она-то именно и раскрывает конечный смысл легенды: рука полураскрыта, а не сжата, как раньше, при написании образа; следовательно, «сжатие» Новгороду близится. Переписывая в летопись известие о сжатой руке вседержителя под 1045 годом, летописец хотел поразить воображение новгородского читателя, который всегда мог сопоставить летописный рассказ с хорошо знакомым ему изображением «разжимающейся» руки в церкви Софии.

София новгородская. 1045—1052 годы.

Помимо легенд, сочувственно изображавших новгородскую независимость и с грустью рассказывавших о ее уничтожении, имелись легенды, в которых «власть новгородских посадников и тысяцких и всех бояр» рассматривалась с позиций сторонников Москвы. Такова, например, легенда о Перуне, заключающая в себе явную насмешку над политическими правами Новгорода, над его усобищами и драками на Волховском мосту. Легенда эта, обычно помещаемая в начале поздних новгородских летописей¹, рассказывает, как первый новгородский епископ Иоанн «пребша разори», сверг статую Перуна, стоявшую недалеко от Новгорода, в местечке Перынь, и велел бросить ее в Волхов. Плывая под Волховским великим мостом, Перун, в которого вошел бес, «верже палицу свою на мост, ею же безумнии убивающиеся утеху творить бесом».

К числу легенд, в которых ощущается несочувственное отношение к новгородским порядкам эпохи независимости, принадлежит и сказание о построении варяжской божницы в Новгороде. В сказании этом любопытно то, что времена мирного процветания Новгорода и его свободы связываются с тем далеким прошлым, когда Новгород признавал власть «господы нашей великих князей русских»². Но уже и тогда, как рассказывает легенда, посадники злоупотребляли своею властью, за посул готовы были изменить православной вере и разрешили построить в Новгороде варяжскую божницу.

Итак, рассматривая легенды о конце Новгорода, нельзя не заметить, что некоторые из них сочувственно, а другие

несочувственно изображали это событие. Факт этого разделения новгородской литературы объясняется продолжавшейся в Новгороде борьбой двух политических партий: демократической московской и боярской литовской.

6

В противоположность узости новгородских местных традиций Москва во второй половине XVI века еще больше чем в начале XV века стремилась к культурному объединению русских областей. В традиционной строительной деятельности Москвы участвовали мастера из Пскова, Новгорода, Владимиро-Суздальского княжества. Оба прибывших в Москву итальянских архитектора — знаменитый зодчий Северной Италии Аристотель Фиораванти и миланец Алезиз Новый — подпали в Москве под мощное влияние русского искусства и сохранили в своих постройках лишь немногие новые для Руси архитектурные приемы. В выстроенном Аристотелем Фиораванти Успенском соборе в Москве (1475—1479 годы) были развиты формы предшествовавшей ему русской архитектуры. Прежде чем приступить к постройке Успенского собора, Аристотель совершил обширное путешествие по русским городам. В Успенском кремлевском соборе Аристотеля сильно отразилось воздействие архитектуры Успенского собора во Владимире и, что особенно интересно, церкви Софии в Новгороде. В 1490 году мастера-псковичи построили в Московском кремле Благовещенский собор.

Особенное значение в культурно-объединительных тенденциях Москвы имела постройка стен и башен Московского кремля в конце XV века на месте обветшалых

¹ См. Новгородскую IV летопись под 989 годом. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 1-й, стр. 90—91.

² «Памятники старинной русской литературы», издаваемые Кушелевым-Возобородко. Вып. 1-й, стр. 251. П. 1860.

Успенский собор в Москве. 1475—1479 годы.

укрепленный Дмитрия Донского. Стены были построены по последнему слову фортификационного искусства, сделавшего в XV веке большой шаг вперед в связи с развитием огнестрельного оружия. Были устроены рвы, пруды для воды, тайники, двойные и тройные стены, подъемные мосты. Вооружение состояло из многочисленной артиллерии, в которой имелись и громадные бомбарды, не уступавшие отлитой в 1488 году «царь-пушке». В XV веке Московский кремль был сильнейшей крепостью Европы, уступая лишь Миланскому замку, законченному постройкой в 1459 году. Замечательно при этом, что Московский кремль стал образцом для крепостного строительства русских городов. Черты Московского кремля отразились в стенах Нижегородского кремля, в укреплениях Серпухова, Тулы, Зарайска и многих других. Москва не только объединила в себе строительные традиции отдельных областей, но в свою очередь оказала обратное воздействие на искусство периферии.

Растущая пышность всего уклада московской жизни конца XV века и грандиозные обобщающие тенденции Москвы неразрывно связаны с присутствием Москве сознанием своей исторической роли, как объединительницы всей русской земли.

Иван III, женившись на последней представительнице византийского императорского дома — Софии Палеолог, — мечтал о своем праве на преемство византийской царственной власти и окружил себя византийской пышностью.

Во второй половине XV века в Россию были перенесены византийские теории им-

ператорской власти. Византийское государство всегда рассматривалось византийскими политиками как вторая Римская империя, а подданные византийского императора официально именовались «ромейми» (т. е. римлянами). С падением Константинополя (1453 год) почти одновременно в Твери и в Москве возникла мысль о преемстве царской власти из Византии, возникла теория третьего Рима, каким должна была стать Россия. Теория эта получила окончательное развитие в XVI веке, но уже в конце XV века основные тенденции ее оказали сильнейшее влияние на политику Москвы. Это был дальнейший этап развития идеи единства Руси. Через идею преемственной связи византийских императоров и московских великих князей последние все энергичнее обосновывали свои притязания на отдельные русские области и, в частности, на Новгород.

Ни один из московских походов ни в прошлом, ни впоследствии не был обставлен такой усиленной пропагандой, таким обилием всяческих посланий, как новгородские походы Ивана III. Идеологическое состязание Новгорода и Москвы достигло в 70—80-х годах XV века особенной напряженности. Везя в обозе своих войск летописи и кликушки, умевших «говорить по летописцам русским» (новгородца Стефана Бородатого)¹, Иван III готовился к сложной идеологической борьбе с Новгородом.

Московские порядки были введены в Новгороде в 1478 году, после вторичного похода, которому Иван III придавал характер защиты русских интересов от наместников — новгородских бояр. Этот поход Ивана III был обставлен с чрезвычайной пышностью. Уничтожение новгородской независимости рассматривалось не как завоевание, а как восстановление исконных русских земель под державой «богоявленянного монарха всея Руси». Наступая на Новгород, Иван III явно не спешил, принимал по дороге перебежчиков и затягивал переговоры, очевидно, выжидая, чтобы московские интересы сами взяли верх в Новгороде. К этому у него были веские основания: так называемая литовская боярская партия, составлявшая крайнее меньшинство, орудовала в Новгороде путем подкупов и террора, которые переставали действовать при одном приближении громадного войска великого князя. Чем ближе подступала к Новгороду московская рать, тем больше перебежало к ней новгородцев, обещавших служить великому князю верою и правдою.

Военные действия против Новгорода, а затем борьба в Новгороде с остатками бо-

¹ См. Софийскую II летопись под 1471 годом.

ярско-литовской партии внесли ненадолго черты озлобления и полемичности в московские литературные произведения, направленные против новгородцев. Первым выступлением на новгородской почве природного москвича (из переселенных или переведенных в Новгород служилых) было пространное произведение, включенное затем в состав Новгородской летописи: «Словеса избранна от святых писавши» на новгородцев¹. «Словеса» составлены в резком антиновгородском тоне: «мушле новгородци» сравниваются в них со всеми злодеями Ветхого и Нового завета. С озлоблением осуждается в «Словесах» «печуротимая мудрость» новгородцев, которые «лукавством мысли возгордевшися». Марфа Борская характеризуется как «окаянная злая аспида: ни бога боится, ни человек срамяется». В «Словесах» проводится мысль о божественном характере княжеской власти, а Новгород называется в них государственной отчиной. В «Словесах» чувствуются внятные отголоски современности и принадлежат они, очевидно, перу какого-нибудь из сопровождавших московское войско великокняжеских чиновников.

Крутая политика первого назначенного Московю новгородского архиепископа — Сергия — вызвала в Новгороде ожесточенное сопротивление. Летописи с сепаратистской окраской (и новгородский Трифологитон) включили в свой состав легенду о посягании Сергия новгородским святым Моисеем². Легенда рассказывает, как Сергию, проезжавшему мимо монастыря Михаила, один из священников указал на гроб святителя Моисея, строителя монастыря. «Он же (Сергий), возрев на священника», велел ему открыть гроб. Священник возразил: «Подобает святителю святителя скрыватьи». «Слышав то Сергий вознесеся умом высоты ради сана своего и яко от Москвы прииде», с гордостью ответил: «Бого сега смердовича ни смотриети?» С этого момента бог наказал Сергия: он впал в «изумление» (сошел с ума). Иногда видели его сидящим без мантии «в одной ряске», на «Евфимиевской паперти» (т. е. на крыльце единственной палаты, где собирался Совет господ и совершался владычный суд) или в полдень у храма Софии. Вскоре Сергия удалили в Троице-Сергиев монастырь. Легенда о Сергии проникла и во вторую Псковскую летопись, где сохранилась с некоторыми подробностями, отсутствующими в новгородских летописях, цензуравшихся москвичами.

¹ Новгородская IV летопись. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 1-й, стр. 498—504. 1915.

² Ср., например, Новгородскую третью летопись. «Новгородские летописи», стр. 309—310. СПб. 1879.

Сергий, по псковскому варианту, пришел в Новгород «с Москвы от великого князя Ивана Васильевича из его руще... и многие игумены и попы испродаде, и многие новыя пошлины введе». Сергий, следовательно, возбудил против себя недовольство и тем еще, что вводил новые административные порядки. В той же летописи рассказывается, что Сергия стали посещать во сне и наяву предшествовавшие ему новгородские архиепископы, культ которых, как мы видели, был введен незадолго до покорения Новгорода, и укоряли его за «безумное дерзновение» — узурпацию архиепископского престола. Любопытно, что московский летописец, сообщая об этом же событии, не преминул обвинить новгородцев в том, что они «волшебством испортили владыку».

Идея святости новгородской старины, которая якобы сама защищает себя от «безумных дерзнутий» москвичей, отразилась и в другой легенде, включенной в качестве одного из «чудес» в житие Варлаама Хутынского. Так же как и Сергий, проезжая мимо Хутынского монастыря, Иван III потребовал открыть ему мощи Варлаама, но испеший из-под пола огонь опалил трость Ивана, которою он пытался помочь вскрывавшим, и заставил его бежать от раки Варлаама. Каждый раз, как Иван III ударял тростью о пол церкви, она высекала огонь. Иван бросил трость и в паническом страхе бежал из монастыря³.

Третья легенда, связанная с тою же идеей неприступной святости Новгорода, переносит действие ко времени расцвета новгородского могущества в XIV веке. Шведский король Магнус — неудачливый инициатор крестового похода на Новгород — оставил, по легенде, «рукописание», в котором отговаривал своих потомков и наследников от походов на Новгород и Русь. Магнус перечисляет неудачные походы своих соотечественников, начиная с Биргера, в которых «не пособлялось» им на Русь. Магнус вспоминает, как у него самого отнял бог ум за поход на Новгород, как он сидел «в изумлении» прикован на цепи и заделан в палате⁴. Во второй половине XVI века звенигородский князь Юрий Иванович Токмоков составил повесть о вырпущеской иконе богоматери⁵ на основании

³ Новгородская III летопись. «Новгородские летописи», стр. 305—307. СПб. 1879.

⁴ Новгородская IV летопись. П. С. Р. Л. Т. IV. Ч. 1-я. Вып. 1-й, стр. 281—282. 1915.

⁵ См. «Памятники старинной русской литературы, издаваемые Кушелевым-Безбородко». Вып. 4-й, стр. 180—184. П. 1862.

легенд аналогичного характера о неприступных святынях Новгорода; возникновение ее относится также к концу XV века.

Так, идея защиты новгородской независимости и величия новгородского прошлого после завоевания Новгорода Москвой сменилась идеей божественной неприступности его святынь. Новгородские сепаратистские построения принимали церковную окраску. Идейное сопротивление Новгорода Москве, начавшееся в первой половине XV века таким торжественным восстановлением авторитетов родной старины, постепенно слабело и становилось все более узким, церковным.

7

Присоединение Новгорода к Москве не сопровождалось стремлением к разрушению его культурных ценностей. Уничтожая новгородскую независимость, москвичи не считали себя завоевателями, точно так же как и представители московской партии в Новгороде не рассматривали себя как врагов родного города. Сознание значительности одного из старейших русских городов постоянно ощущается в отношениях Москвы к Новгороду. Москва широко использовала новгородские летописи, приглашала к себе новгородских иконописцев и каменщиков, подчеркивала славу и величие Великого Новгорода, писконную зависимость его от московских великих князей, усматривая новгородскую измену лишь «в последних letech». Постепенно Москва обстраивала новыми стенами Новгородский Детинец, возвратила в Новгород софийскую казну, увезенную было Иваном III, перепланировала город, расширяя улицы, упорядочила городскую жизнь, наконец, всесторонне пыталась использовать книжные традиции Новгорода.

В первой половине XVI века в Новгороде наблюдалось возрождение организованной работы над летописью. В 1520 году при архиепископе Макарии — будущем участнике «Избранной Рады» Грозного — здесь была составлена особая редакция «Хронографа». В 1539 году был составлен новый

свод Новгородской летописи¹. При Макарии же в Новгороде составлялось грандиозное собрание житий русских святых — так называемые макариевские Четьи-Минеи. Стремясь найти в новгородском прошлом опору для нового порядка, Москва поддерживала культ представителя московской демократической партии в Новгороде — Михаила Кольского. Политическое значение этого культа видно хотя бы из того, что впервые в истории древнерусской книжности в начале XVI века составление нового жития этого святого было поручено светскому лицу — московскому чиновнику, сыну боярскому и «храброму воитю» Василию Тучкову, который значительно усилил московский, антифеодалитский дух жития.

В течение всего XVI и XVII веков в Новгороде осуществлялся целый ряд общерусских культурных предприятий. Москва поддерживала книжность Новгорода, а сам Новгород в целом придерживался общерусской позиции, однако кое-какие отголоски идей боярско-литовской партии в церковной трансформации, как например идея совершенной самостоятельности иконогородской церкви (легенда о белом клобуке), о превосходстве «священства» над «царством» и т. д., еще долго сказывались и в новгородской книжности и в новгородской жизни на протяжении всего XVI и XVII веков.

Идейная борьба Москвы и Новгорода в XV веке показывает, каким интенсивным подъемом политической мысли сопровождалось присоединение Новгорода. Широкие, общенародные, исторические концепции Москвы противостояли в Новгороде узкие политические идеи, попытки найти опору в новгородском прошлом. При этом идейные построения боярско-литовской партии встречали идейное же противодействие в самом Новгороде со стороны широких масс новгородского населения.

¹ См. А. А. Шахматов «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», стр. 371 и др. Л. 1938.

Проф. Э. Ярошевский

Степан Разин

Двести семьдесят лет отделяют нас от июньских дней 1671 года, когда вождь восставшего крестьянства — Степан Тимофеевич Разин — сложил свою голову на эшафоте в дворянской Москве — столице крепостнической Руси.

Годовщина князи Степана Разина «...напоминает нам, сколько столетий мучились и тяжело страдали трудящиеся массы под игом притеснителей...»¹.

* * *

Мятежным и бурным был XVII век — время невиданного размаха народных восстаний против угнетателей и эксплуататоров. Крестьянские войны, восстания городской бедноты и борьба угнетенных народов против колониального грабежа русского царизма наполнили тревогами все XVII столетие. Государство бояр и помещиков было потрясено до основания мощной волной народных восстаний. По словам современника, «закачалась русская земля».

В начале века прошумела на Руси крестьянская война под руководством Ивана Болотникова. Огромной силы стихийное движение крепостного крестьянства потерпело поражение в борьбе с крепостниками и не оправдало надежд и чаяний народных масс. Поражение крестьянства принесло народу «всеконечную свудесть и разорение» и дальнейшее усиление кабалы и гнета. Наряду с усиленным эксплуата-

ции крепостное право росло и количественно, скватывая в первой половине XVII века все новые территории черных (государственных) и дворцовых земель. Настали времена еще более тяжелой и безысходной неволи. Помещики все чаще и решительнее ставили вопрос о полном закрепощении крестьян. В многочисленных челобитьях 1637, 1641, 1645 и 1648 годов дворянство настойчиво требовало сперва удлинения сроков сыска беглых крестьян, а затем и полной отмены урочных лет. Закрепощение крестьянства происходило в обстановке непрерывных крестьянских волнений. Массовым явлением стали крестьянские побегі. От жизни невыносимой и горькой, от растущей кабалы крестьяне бежали на Волгу, на Дон, в вошьные, безбрежные степи. Ни заповедные грамоты, ни усиленный розыск беглых (за 3 недели 1658 года только один сыщик сыскал 1533 беглых крестьянина) не могли остановить побегов.

Во второй половине XVII века отдельные вспышки недовольства среди крестьянства стали переходить в более грозную форму борьбы с крепостниками — назревало всеобщее восстание против феодального гнета. В атмосфере, насыщенной прозой, начал в 1645 году свое царствование Алексей Михайлович.

По словам Маркса: «Царствование Алексея Михайловича (1645—76) было временем побегов и шаталий. Военные обстоя-

¹ Ленин. Соч. Т. XXIV, стр. 271.

т е л ь с т в а еще увеличивали их число... Финансовое положение и бедность народа еще способствовали побегам. В продолжение двадцати лет (1648—1668) происходила постоянная охота за беглецами, в разных частях государства...»¹.

С каждым годом росли крестьянские повинности, все тяжелее становилась барщина и увеличивался оброк.

Не только крепостные крестьяне, но и черный посадский люд — городская беднота — испытывал в непосильном труде и подвергался жестокой эксплуатации. Ремесленников и мелких торговцев эксплуатировали богатые купцы, скупщики и ростовщики. Богатые купцы, «гости», держали в своих руках таможенные и кабацкие доходы и торговали наиболее прибыльными товарами. Они разоряли мелких торговцев и ремесленников, которые пополняли ряды городской бедноты. Наряду с купцами и ростовщиками городскую бедноту грабили и обирали феодалное государство. Непосильной тяжестью легло на плечи народных масс содержание крепостнического государственного аппарата.

Помимо податей посадки были обременены бесчисленными повинностями.

Жестоко страдал народ и от воеводского управления. Взятничество и подкуп достигли небывалых размеров. «Воеводы... грабили народ как голодные волки... Например в 1649 году в Старорусском уезде воевода со своими людьми разъезжал по волостям, подвергал крестьян различным истязаниям и вымучивал у них деньги... Суд в руках этих грабителей был совершенно продажен. Они открыто продавали свои решения той из тяжущихся сторон, которая больше давала. За деньги и каждое преступление могло оставаться безнаказанным. Начать дело значило дать деньги воеводе и всем приказным, да еще в придачу быть битому, чтоб дать больше.

«Дело не велико, но воевода крут — свил мочальный шепут», — говорит пословица XVII века»².

Особо тяжелым налоговым гнет стал в 40—50-е годы XVII века. Резко увеличились прямые и косвенные налоги.

Налоговая политика правительства Алексея Михайловича затронула не только ремесленников и мелких торговцев, но и низшие категории служилых людей (назанных кузнецов, плотников, пушкарей, стрельцов и др.).

Налоговый гнет был настолько тяжелым и невыносимым, что при появлении сборщиков налогов население целыми деревнями бежало в леса. Недмущих тягловцев

сборщики «кнутом били и пытали и всякие шашельства чинили...»

Народ жаловался на жестокий «правеж» при взимании недоимок.

В 1648 году, в ответ на налоговый гнет, кнут и пытку, в Московском государстве поднялась волна городских восстаний. Первыми восстали городские низы Москвы. Непосредственным поводом к восстанию был «соляной налог». Хотя этот налог и был отменен в 1647 году, но вызванное им огромное недовольство масс привело в июне 1648 года к бурному взрыву народного гнева.

Однако стихийное и неорганизованное восстание скоро было жестоко подавлено военной силой. Но огонь, вспыхнувший в Москве, перебросился на другие города Московского государства. В июне и июле начались восстания в Козлове, Сольвычегодске, Воронеже, Курске, Великом Устюге, Чугуеве и Рузе. В 1650 году произошли крупные восстания в Новгороде и Пскове.

Постоянно находясь под угрозой новых восстаний, московское правительство пошло на ряд уступок, обещая собирать недоимку исподволь, ослабить «правеж» и уменьшить налоговый гнет. Но эти уступки были недолговечны.

В связи с восстаниями был созван в Москве Земский собор 1648 года. Правительство стремилось к тому, чтобы подавить оппозиционные настроения среди мелких дворян и в годовину народных волнений сплотить силы господствующего класса вокруг царя. На Земский собор собрались представители дворянства и посадских людей. Для укрепления своей позиции правительство роздало помещикам новые земли и удовлетворило ряд дворянских требований.

К важнейшим решениям Собора относится принятие закона о пожизненном розыске беглых крестьян. В Соборном уложении 1649 года было сказано: «А кому доведутся беглые крестьяне и бобыли по суду и по сыску отдать: и тех крестьян отдавати з женами и з детьми и со всеми их животы и с хлебом стоячим и молоченым»³. Закон предлагал отдавать беглых крестьян тем людям, «из-за кого они выбежат», по переписным книгам без урочных лет и «впредь никому чужих крестьян не принимать и за собой не держать!» В этом решении Собора нашло свое яркое выражение растущее закабаление крестьянских масс.

Дворянство добилося наконец удовлетворения своего старого требования, для

¹ К. Маркс «Степан Разин». Журнал «Молодая гвардия» за 1926 год, № 1, стр. 117.

² Там же, стр. 115.

³ «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года». Гл. XI, стр. 70. М. 1907.

крестьянства же закрылись пути к воле и человеческой жизни.

Уложение завершало собой долгий период крепостнической политики дворянского государства. Оно окончательно утвердило крепостное рабство.

С подавлением городских восстаний в 1648—1650 годах волнения среди городской бедноты не прекратились. Новые волнения, вспыхнувшие в Москве, были связаны с денежной реформой, проведенной правительством в 1654 году. Война с Польшей и Швецией требовала огромных средств, и правительство решило пополнить казну за счет выпуска медных денег, которые должны были иметь хождение паравне с серебряными. Пустив в обращение новые, медные деньги, правительство, однако, требовало уплаты налогов только серебром. Вскоре медные деньги сильно упали в цене: за один серебряный рубль стали платить 15—20 медных. Цены на продукты резко повысились. По словам современника — Котошихина: «...и почала быть от тех денег на всякие товары дороговь великая...»¹.

Положение городской бедноты стало безвыходным. Недовольство городских низов и примкнувших к ним стрельцов и мелких торговцев прорвалось в восстании 1662 года, подавленном с еще большей жестокостью, чем восстание 1648 года. По свидетельству того же Котошихина, «...казнено в те годы смертною казнью больше 7000 человек, да которым отсекали руки и ноги и чинено наказание, и ссыланы в сылки, и дома их и животы иманы на царя больше 15000 человек»².

С 1662 по 1665 год развернулось восстание угнетенных народов (башкир и мордочцев) в Поволжье. Три года упорной борьбы закончились поражением восставших. Борьба городских низов и угнетенных народов в 60-х годах была первым порывом великой бури — крестьянской войны 1670—1671 годов.

Первые вспышки крестьянских восстаний после отмены урочных лет относятся к 60-м годам XVII века (отмена урочных лет и пожизненный розыск беглых неправимой бедой обрушились на голову крестьянства). С ростом неволи и нищеты крестьянских масс по всей Руси, по селам, по постоянным дворам — повсюду, где собирались крестьяне, все громче стали раздаваться жалобы и угрозы.

Народ говорил о том, что в прежние времена крестьянам «выход» давали, а ныне царя Алексея Михайловича «вляну, де,

я государя, чтоб ему пропасть: прежние, де, государи выход давали и тюрьмам роспуск бывал, а нынешней, де, государь к вам немилостив»³. Все чаще слышались про «царское величество хульные словеса». Помещики жаловались на то, что «крестьяне похвалялись лубивством и на живот дядюшки моего и на мой грабжом, и на ту деревню нашу пожогом»⁴.

Призыв Степана Разина к борьбе против воевод и бояр, за лучшую долю упал, таким образом, на готовую почву.

* * *

Главными очагами крестьянской войны стали Дон и Поволжье. На Дону среди казацкой бедноты, кровно связанной с беглыми крестьянами, движение зародилось, отсюда вышли его вожди, здесь образовалось его боевое ядро.

Характеризуя казачество на Руси в XVII веке, Маркс писал: «...Ряды казачества наполнялись недовольными элементами, которые не уживались в обществе, не могли переносить его уз... Вольный Дон был центром казачества...»⁵.

Донское войско в XVII веке являлось автономной областью, управлявшейся по своему «войсковому праву» выборными атаманами. С Москвой Дон был связан важными военно-политическими и экономическими интересами. Население Дона в середине XVII века было невелико. Постоянно живущих казаков, помимо пришедшего люда, непрерывно притекавшего на Дон, было несколько тысяч человек. Жили они в поселениях (городах). Самым верхним был городок Мигулин, самым нижним — город Черкасск, столица Войска Донского.

На Дону казаки занимались главным образом рыболовством, а также скотоводством, разводя лошадей и коров. Широко распространена была на Дону и охота (гульба).

Хотя казаки постоянно нуждались в хлебе, но они не занимались земледелием. Войсковой «ярут» в 1690 году даже принял решение, «чтоб никто нигде хлеба не пахал и не сеял, а если станут пахать, и того бить до смерти и грабить». Отсутствие земледелия на Дону объясняется страхом перед надвигавшимися с севера московскими порядками. На Дону знали, что в южных районах Руси вслед за сохой земледельца появлялись московский писец, тягло и крепостническое ярмо. Эти обстоятельства мешали развитию сельского хозяйства на Дону. Важным, хотя и

³ Н. Новомбергский «Слово и дело государевы». Т. I, стр. 198.

⁴ «Русская историческая библиотека». Т. XXV, стр. 185.

⁵ К. Маркс. Цитированное произведение, стр. 107—108.

¹ «О России в царствование царя Алексея Михайловича». Сочинение Григорья Котошихина, стр. 99. СПб. 1906. 4-е изд.

² Там же, стр. 105.

опасным промыслом на Дону были походы «за зипунами», то есть набеги на соседние страны: Крым, Турцию и Персию — с целью захвата добычи.

В эти походы казаки шли чаще морем — на небольших судах, иногда степью — на конях. В походах участвовало от 1 до 3 тысяч человек. Далеко заходили удалые донские казаки в погоне «за зипунами». Не раз турецкие и персидские города видели под своими стенами казачьи отряды. Немало молодцов сложило свои буйные головы на чужой стороне.

К середине XVII века донское казачество уже не являлось однородной в социальном отношении массой. По словам Маркса, «На Дону постоянно были две партии: «в е р н ы е» (имеется в виду казачья старшина. — Э. Я.), хотевшие соединить свою вольность с повиновением верховной московской власти, и «в о р о в с к и е» (мятежные казачьи низы. — Э. Я.), которые хотели действовать свободно и сохранить независимость и самоуправление Дона»¹. Руководящее положение на Дону занимала казачья старшина — «домовитые казаки», жившие преимущественно в низовьях Дона. Казачья старшина эксплуатировала бедняков — казачью гольтыбю. Старшина владела большими стадами, сенокосами и охотничьими угодьями; она руководила набегами на турецкие и персидские владения, снабжала участников походов оружием, припасами и стругами и получала большую часть добычи. Старшина вела торговлю с приезжавшими на Дон московскими и восточными купцами.

Голос казачьей старшины играл решающую роль в войсковом круте. От старшины резко отличалась «голытбья» — казачья беднота, жившая преимущественно по верховьям Дона. Это были главным образом рыболовы, «гулебщики» и пчеловоды. Казачья гольтбья экономически зависела от старшины, служила в работниках у богатеев и подчинялась им во время походов «за зипунами». Гольтбья была крепко связана с крепостными крестьянами Московского государства. К верховьям Дона постоянно стекались массы беглых крестьян. Их интересы и нужды были близки казачьей бедноте.

Донское казачество несло войсковую и караульную службу на южных рубежах Московского государства. Казаки получали от Москвы жалованье деньгами, оружием, порохом и хлебом. Опираясь на казачью старшину, Москва стремилась использовать донских казаков в своей борьбе против Турции и Персии; одновременно она с

враждой и подозрением относилась к казачьей гольтыбье. Старшина же, жившая за счет эксплуатации гольтыбьи, находила в Московском крепостническом государстве опору для своего господства на Дону.

По мере роста крепостнической эксплуатации в Московском государстве усиливался и на Дону гнет старшины. Усиление старшинского плена на Дону было также связано с сокращением походов «за зипунами».

В 50-х годах XVII века турки заперли выход в море и походы «за зипунами» почти прекратились. В связи с этим старшина усилила свой нажим на гольтыбю и беглых крестьян, пришедших на Дон.

Классовые противоречия на Дону резко обострились. В официальном докладе указывалось: «На Дону-де в войско и во всех низовых городках воровские казаки собираются многим собранием и хотят идти на Дон, на Волгу, в Царицын, а на атамана-де на Корнила Яковлевича и на иных старшин хвалятся воровские казаки, хотя... побить». Неспокойно было на тихом Дону, и взрыва следовало ожидать со дня на день.

Вторым очагом восстания было Поволжье. На большой волжской речной дороге, окруженной несоблюдными земельными просторами, удобными для сельского хозяйства, стояли города-крепости — опора феодальной эксплуатации и колониального грабежа угнетенных народов Поволжья. В этих городах было много ремесленного и мелкого люда, кормившегося на царских, боярских и купеческих промыслах, на поташных заводах Арзамасского, Бадняковского, Шацкого, Нижнеомовского и других уездов, на соляных разработках и рыбных промыслах либо в качестве бурлаков, обслуживавших судовой ход на Волге. Много собралось здесь «скудных и голых людишек», «бурлаченок беспачпортных» и «гулящего люда».

Наряду с этим Поволжье с его пестрым национальным составом — чувашами, мордвы, татары, мари, балкиры — было районом жестокого колониального грабежа со стороны русского царизма.

Еще в XVII веке современник отмечал, что «...народи же, подданнии Российскому государству, сии: татарова, черемиса, мордва, и лопяне, и иных язык, и зело имут их в порабощении, яко да не паки возмогут и сопротивлятися...»². Русские воеводы и служилые люди в Поволжье чувствовали себя господами — победителями. Кроме денежных поборов, которыми были обложены народы Поволжья, казна требовала особых сборов с бортных угодь-

¹ К. Маркс. Цитированное произведение, стр. 108.

² «Документы и материалы по истории Мордовской АССР». Т. I, стр. 187. Саранск. 1940.

ев и зверных ловель. Мари, татары и мордва обязаны были также служить в солдатах.

Помимо бесчисленных поборов, которые взимались с населения, в Поволжье происходили массовый захват земель русскими феодалами, приписка целых ясашных волостей к поташным заводам для тяжелых и изнурительных работ и насильственное введение христианства.

В челобитных, идущих с Поволжья, все громче звучали жалобы на насилия и обиды. Так, чувашин Симбирского уезда жаловались на то, что многие люди умерли от насилий воевод и помещиков. Марийцы писали, что «от обид и палогов им стало жить невмочь».

Немногом лучше было и положение русских крепостных крестьян в Поволжье.

Из центра в Поволжье шли русские феодалы в погоне за богатыми землями и беглыми крестьянами. Феодалская эксплуатация и воеводский произвол на окраинах были еще более жестокими, чем в центре.

В числе недовольных немало было и стрельцов, стоявших в гарнизонах волжских городов. Тяжела и непосильна была стрелецкая служба. Годами задерживалось скудное жалованье. Частым явлением были жестокие побои. Среди стрельцов было много непокорного люда, попавшего на окраину Московского государства за неповиновение и бунт.

В Поволжье, где национальные и классовые противоречия крепостнического государства были резко выражены, положение центральной власти отличалось крайней неустойчивостью.

В 60-х годах XVII века резко усилилось недовольство крестьян и в центральных районах страны. Движению Степана Разина предшествовали выступления крестьян против помещиков на Верхней и Нижней Волге и восстание среди башкир.

Уже в 1665 году воеводы Самары, Саратова, Царицына и Черного Яра выслали в степь детей боярских и стрельцов для борьбы с беглыми крестьянами, направлявшимися на Дон. Летом 1666 года в районе Воронежа и Тулы появился казачко-крестьянский отряд Василия Уса численностью в 500 человек. А в 1667 году Степан Тимофеевич Разин поднял на Дону восстание.

* * *

Любовным вниманием и уважением окружила народная память героический образ крестьянского вождя — Степана Тимофеевича Разина. Однако жизнь Разина до восстания известна лишь в отдельных и очень скудных чертах.

Первое известие о Степане Разине, донском казаке, родившемся в станице Зи-

мовеиской, на берегу Дона, говорит о его хождении осенью 1652 года к Белому морю, в Соловецкий монастырь. Получив разрешение Войска Донского, Разин двинулся в далекий путь. В 1658 году вместе с 20 казаками Разин впервые появился в Москве. По поручению казачьего «крута» казаки вели в течение нескольких месяцев переговоры с московскими боярами о делах Войска Донского. За это время Разин внимательно присмотрелся к московским порядкам.

В 1660 году Степан Разин вместе с атаманом Буданом отправился к калмыкам, кочевавшим близ Астрахани. Войско поручило ему ведение важных переговоров с калмыками о заключении мира.

По возвращении, осенью 1661 года, Степан Разин отправился через Москву в Соловецкий монастырь. Вторичное пребывание в Москве в 1661 году дало возможность Разину ознакомиться с настроениями народных масс накануне восстания 1662 года.

По словам одного иностранца, видевшего Разина в Астрахани (в 1669 году), ему шел уже сороковой год. Это был человек большого и пронзительного ума. Из края в край исходил он Московскую Русь. Он побывал у кочевников-калмыков, в многолюдной и шумной Москве, в толпе бродячего и беспокойного люда в Соловках, прошел от Азовского моря до Белого. Он всюду видел невыносимое положение крепостного крестьянства и городской бедноты и неустранимое стремление народа к избавлению от плена и кабалы.

Смертельных врагов народа видел Разин в боярах и воеводах. Борьба за «толых и бедных», за всех, кто «жил в нужде и труде», становится делом всей его жизни.

Портрет крестьянского вождя оставил нам современник Разина иностранец Стрюйс. Он писал: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое, росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что бы ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно»¹.

В первый период движение, поднятое Степаном Разиным, носило обычный характер походов «за зипунами».

Ранней весной 1667 года в казачьих городках Пашинском и Качалинском собралось до 2 тысяч беглых крестьян, которых неволя и голод привели на Дон. В Пашинский городок пришел с 600 казаками Степан Разин, решивший органи-

¹ «Путешествие по России Голландца Стрюйса». Русский архив. Книга первая, стр. 90. 1880.

зовать поход голытьбы «за зипунами». Поход был попыткой казачьей голытьбы уйти от старшинского гнета на Дону, уйти на волжские просторы в поисках воли и добычи.

В мае 1667 года Разин появился на Волге. Между Саратовом и Царицыном он разгромил несколько судов, принадлежавших царю, патриарху и богатому купцу Шорину. Царские и купеческие приказчики были убиты. Захватив суда и освободив находившихся на них ссыльных, Разин обратился к работным людям, ссыльным и стрельцам со следующими словами: «Вам всем воля; идите себе, куда хотите; силою не стану принуждать, а кто захочет быть со мною, будет вольный казак. Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться»¹. Стрельцы, судовые гребцы и ссыльные перешли на сторону Разина.

Усилив свои отряды, Разин в июне 1667 года на 35 стругах вышел в Каспийское море и направился к Яицкому городку. С яицкими казаками заблаговременно была установлена связь.

Попытка астраханского воеводы Беклемишева помешать Разину идти на Яик потерпела неудачу. Отряд Беклемишева был разбит. Три струга астраханских стрельцов перешли на сторону Разина. Взятото в плен воеводу казаки после порки отпустили. Гарнизон Яицкого городка, состоявший из 400 астраханских стрельцов, не оказал серьезного сопротивления казакам, и Яицкий городок был занят Разинным.

Овладев Яицким городком и разбив высланных против него из Астрахани солдат и стрельцов (около 300 человек), Разин прочно обосновался на Яике. Московское правительство с помощью донской старшины безуспешно пыталось уговорить Разина покориться царским властям. Одновременно Москва послала в Астрахань сильное военное подкрепление в составе 3—4 тысяч стрельцов и 200 служилых людей из городов «Симбирской черты» — Самары и Саратова. В Астрахань также были посланы из Москвы новые воеводы — Прозоровский и Львов. Прибывшие войска направились к Яицкому городку.

Но Разин не стал дожидаться их прихода: 20 марта 1668 года, имея в своих отрядах несколько тысяч человек, Разин вышел в Каспийское море и направился в свой знаменитый, предпринятый в невиданном до того масштабе персидский поход.

Слава об отважном атамане, громившем царские отряды и купеческие караваны,

разнеслась по Волге и Дону. Сотни удальцов устремились к Разину. Возбужденная слухами об успехах своего вожака, на Дону поднялась казачья голытьба, стремясь вырваться на волю.

Во главе голытьбы стал отважный казак Сергей Кривой. С 700 казаками — допцами и запорожцами — он направился на соединение с Разинным и встретился с ним у устья Терека. На Дону будущий сподвижник Разина Василий Ус также стал собирать в помощь ему силы. Войсковая старшина попала в затруднительное положение. Страх перед восставшей голытьбой толкал ее к союзу с Москвой; но этот же страх и невозможность подавить движение казачьих низов мешали ей выступить активно на стороне Москвы. Старшина затаилась, выжидая исхода событий. Хитрый атаман К. Яковлев решил на время удалиться от дел. Войсковым атаманом был избран старый казак Самаренников.

Между тем войско Разина приближалось к персидским берегам. Высадившись на дагестанском побережье, казаки от Ширвана направились к Баку, где разгромили посады и захватили пленных и много добра. Первое крупное столкновение казаков с войсками персидского шаха произошло у города Репта. Персидские войска напали внезапно на Разина, но казаки после жестокой схватки одержали победу над персами.

После битвы у Репта Разин начал с шахом переговоры о предоставлении казакам земель у реки Куры для заселения, но, не дождавшись результатов переговоров, к которым персы отнеслись отрицательно, двинулся дальше на восток, вдоль побережья, и разорил персидские земли от Ферах-Абада до Астрабада.

Во время похода в Персии разинцы освобождали везде рабов, и к казачьим отрядам пристало много местных бедняков, «иноземцы скудные многие люди». Приближалась зима, а казаки и не думали возвращаться назад. На полуострове Миян-Кале они построили деревянный городок и окружили его земляным валом. Здесь казаки провели зиму 1668 года, отбивая нападения персидских отрядов. Однако положение казаков в Персии было непрочным. Из-за наступившей жары в войске начались болезни, и Разин весной 1669 года двинулся на восток, к «Трухменскому» (туркменскому) берегу, где пробыл некоторое время. От берегов Туркмении казаки направились к Гиляни и 10 недель прожили на Свином острове. Здесь произошла у казаков крупная битва с персидскими войсками.

Астаринский хан выступил против казаков с отрядом в 3700 человек, со-

¹ А. Попов «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина», стр. 21—22. М. 1857

стоявшим из персов и шаемшиков — бумьков и горских черкесов.

В июне 1669 года это войско на 50 кораблях окружило Свиной остров и вступило в бой с казаками. Ожесточенная битва закончилась решительной победой казаков. Спаслось только три персидских струга. Казаки хотя и захватили 33 пушки и много добра, но сами также понесли большие потери.

Персидский шах готовился к широким военным действиям, но Разин, погрузив на струги несметную добычу, взятую в Персии, в конце июля 1669 года направился к Волге, с тем чтобы оттуда пробраться на Дон.

После почти полугодового похода за пределами Московского государства Степан Разин в августе 1669 года подал о себе весть астраханским воеводам.

Вот что рассказывает народная песня:

«Как далеченько-далеченько, во чистом поле,

А еще как подальше, на синем море,
Что на синем славном море Хвальнском,
Как не белые лебедочки слетались,
Как не ясные соколики спорхались,
Соходилися музурушки¹ персидские,
И низовые бурлачаськи беспашпортные.

Атаман речь возговорит, как в трубу трубит:

Не пора ли вам, ребята, со синя моря,
Что на матушку Волгу, на быстру реку».

Из Астрахани против казаков был послан на стругах крупный военный отряд, состоявший из 3 тысяч стрельцов под командой воеводы Львова. Силы были слишком неравны, и казаки, не приняв боя, ушли в море. Впрочем, и сами астраханские воеводы не хотели войны с казаками. Устрашенные громкой боевой славой и растущей популярностью защитника казацкой гольтыбы, испуганные растущим возмущением городских низов и зная, что «астраханских служилых людей малоллюдно и те шатки и к воровству склонны», воеводы намеревались мирно договориться с Разиным об уходе казаков на Дон. Разины было объявлено, что царь «прощает ему все вины». 25 августа 1669 года Разин явился в Астрахань.

Началась новая полоса в жизни Степана Разина. Из казацкого атамана он стал превращаться в народного героя, страшного для угнетателей.

Народ начинал смотреть на него как на избавителя от гнета воевод и приказ-

Грамота СС (персидская)
Хто хоуи зоти да гред полхфид
и вединомт воу ду дай (вот)
нутаим. фдсаиуи я вилла (но).
но ива ду зило и змникови
вади и мити ира ва хи чо во
вади и фиди и казаки на сорр.
та в бранхт з чини и на во
~~.....~~
Об (об) дтмт и мот да к вийнай
ны. едди зис о) по из мот
на за манду

Воззвание Разина «Прелестное письмо». XVII век. Музей революции СССР.

ных. В эти осенние месяцы 1669 года Разин и задумал «тряхнуть Москвой».

Народ ждал призыва к восстанию, и Разин стал готовиться к выступлению. Все оружие, привезенное из персидского похода, Разин оставил у себя. Надо было спешить на родной Дон, чтобы поднять там казацкую бедноту — ядро, вокруг которого должен был сплотиться крепостной люд в грядущей борьбе с дворянской Москвой.

Перед отъездом из Астрахани, по словам голландца Стрюйса, Разин на увещания посланца воеводы вернуть перебежчиков ответил: «Возвратись к своему господину и скажи ему, что я не думаю ни о нем, ни о царе. Он советует мне отослать к нему моих друзей! Скажи ему, что вот мой замысел: он увидит меня раньше, нежели думает, и что я скоро приду наказывать его за дерзость...»².

Стиль этой речи неказацкий, но смысл ее разинский. Разин собирался в самом недалеком будущем «навестить» воевод.

4 сентября 1669 года Разин двинулся вверх по Волге, направляясь к Дону. По пути из Астрахани он был свидетелем многочисленных сцен воеводских насилий и притеснений. Попрежнему стонал народ под властью угнетателей. Все больше убеждался Разин в том, что народ готов к восстанию и страстно рвется к воле.

¹ Музурушки — бурлаки.

² Стрюйс. Цитированное произведение, стр. 94.

Царицын. XVII век. Со старинной гравюры. Государственный Исторический музей.

По дороге к Разину приставали и стрельцы с царских стругов, и «рабочные люди», и беглые крестьяне. Не раз по пути на Дон Разин выступал защитником угнетенного люда. В Царицыне ему сообщили о взяточничестве и насилиях воеводы Унковского. Разин обратился к воеводе с требованием прекратить насилия, угрожая в противном случае жестокой расправой. К воеводе явился казак-запорожец и «бранил всякою неподобною бранью и за бороду его Андрея драл». Открыта была тюрьма, и выпущены из нее «сидельцы».

В октябре 1669 года, овеянный легендарной славой и с радостью встречаемый казацкой гольтибьей, Разин явился на Дон.

Так закончился первый период (1667—1669 годы) казацкого движения под руководством Разина, период, предшествующий стихийному выступлению крепостного крестьянства против феодального гнета.

На Дону Разин устроился отдельно от казацкой старшины. Крестьяне и казацкая гольтимба, бывшие холопы и беглые крестьяне, составлявшие войско Разина, вырыли себе землянки на одном из донских островов, около городка Кагальника, который и стал центром разинского движения на Дону. Кагальник был расположен на важнейших путях с Дона на север. Со всех сторон потянулись в Кагальник казацкая гольтимба и беглые крестьяне.

Зиму 1669 года Разин провел в энергичной подготовке к новому походу. Ряды разинцев все увеличивались. Уже в войске Разина насчитывалось до 4 тысяч человек, а с Дона, Хопра и из Запорожья все продолжали приходить казаки. Шобег

крепостных из Руси на Дон приняли массовый характер.

Разин тем временем старался заручиться союзниками. Он повел переговоры с германом Правобережной Украины турецким вассалом. Дорошенко и с кошевым Серко, организовывал новые казацкие сотни, ставя во главе их есаулов и атаманов, и закупал для войска продовольствие у купцов, торговавших на Дону.

Подготовка к выступлению подходила к концу. К весне 1670 года на Дону фактически сложилось два войска: войско гольтибьей, собравшееся вокруг Разина под Кагальником, и войско домовитых казаков, главарями которого были К. Яковлев и Самаренинов — сторонники московской политики. Оба войска не вступали в открытую борьбу и выжидали. Развязку ускорило выступление Разина в марте 1670 года на войсковом «звуче» в Черкасках, где он открыто «учал говорить воровские развратные речи, наговаривая, чтоб к их воровству (бунту) иные приставали».

Прямым вызовом московскому правительству было выступление Разина против Евдокимова, московского посла на Дону, закончившееся убийством последнего. Пробыв некоторое время в Черкасках, Разин направился в верхние городки и объявлял о походе на Волгу, чтобы «с боярами повидаться».

Война с боярско-помещичьей Москвой началась.

Ночью 13 апреля 1670 года на Волгу были спущены казацкие боевые челны. Разин во главе 7-тысячного войска окружил Царицын — важнейший форпост Москвы.

Царицын был сильной и подготовленной к защите крепостью. Но внутри ее находились преданные союзники Разина: городская беднота, бурмаки, «рабочие люди». К Василию Усу, руководившему осадой Царицына, явились представители городских низов с предложением открыть ворота. Обещание было исполнено, и разинцы, почти не встретив оппора, заняли город. Сопротивление оказал только воевода Тургенев с небольшим отрядом стрельцов. Башня, в которой он заперся, была взята приступом, и воевода утонел в Волге.

Власть царских слуг и воевод в Царицыне была уничтожена. В городе было введено казачье устройство. Все жители были объявлены равными. Уничтожены были всякие привилегии, и все власти становились выборными. Отныне жители сходились на общее собрание — «на круг». Здесь выбирали главного управителя — атамана городского — и его помощников — сотских и десятских.

Взяв Царицын, Разин приступил к укреплению города. Построен был новый острог (деревянная стена), заготовлены запасы продовольствия. В первые же дни по взятии города Разин созвал «круг» и сообщил собравшемуся народу о своих ближайших планах: «Воевод из городов выводить» и «йти на Москву против бояр». «Круг» с горячим сочувствием отнесся к предложению Разина. И казаки «...на его слова положили на том, как он говорил...»

Военные приготовления еще не успели закончиться, когда было получено известие о том, что на город идет сильный отряд царских войск под командой Ивана Лопатина. Разинцы вышли навстречу царским войскам, и в 7 верстах выше Царицына в жестокой битве тысяча стрельцов Лопатина была разбита палочку. Из Царицына Разин двинулся к Черному Яру, где находился второй отряд царских войск, посланный против Разина из Астрахани.

Под Черным Яром Разин не встретил сопротивления, так как стрельцы уже по дороге решили перейти на сторону Разина с тем, чтобы, «соединяясь с ним, идти под Астрахань и боярина и воевод и приказных и иных чинов добрых людей побить».

Усилив свои отряды за счет перешедших на его сторону стрельцов, Разин в июне 1670 года двинулся к Астрахани. Эту дорогу он выбрал потому, что ему необходимо было обеспечить свой тыл на великом волжском пути, на котором главной цитаделью московского правительства была Астрахань — крупнейший торговый центр, через который шла оживленная

торговля Московского государства с Востоком.

В военном отношении Астрахань была очень хорошо укреплена. Ее защищали многочисленный и сильный гарнизон. Городская крепость имела сильную артиллерию.

Астраханский воевода Прозоровский энергично готовился к обороне. Были починены валы и раскаты, выставлены пушки. Команду над артиллерией поручили англичанину Бойлю. Военный корабль «Орел» с голландским экипажем был приведен в боевую готовность. Днем и ночью укрепляли стены города. Сваливали кучи камней для метания. Свозили ядра, припасали смолу, чтобы обливать ею осаждавших. Мобилизованы были и восточные кучцы. Иноземным офицерам были розданы богатые подарки, после годовой задержки выплачены жалованье и стрельцам. Казалось, что Астрахань непреступна. Но сочувствие городской бедноты и значительной части стрельцов было на стороне Разина, и это обстоятельство решило участь города.

На рассвете 23 июня Разин начал штурм Астрахани. Еще издали с крепостных стен воеводы заметили приближение разинцев, направлявшихся к Вознесенским воротам. Главные силы защитников Астрахани были брошены туда. Между тем движение разинцев к Вознесенским воротам было только ловким маневром: свои главные силы Разин направил в противоположную сторону города, где были сады и виноградники. Там Разина ждали городские бедняки и сочувствующие ему стрельцы. Из-за зубцов башни были спущены лестницы. С их помощью разинцы скоро оказались в осажденном городе.

Воеводы в ужасе услышали условный сигнал: пять пушечных выстрелов, один вслед за другим. Это означало на военном языке того времени, что город взят неприятелем. Городская беднота вместе с разинцами бросилась бить воевод, бояр и помещиков. Расправа была коротка и беспощадна. Воевода Прозоровский был брошен с колокольни. Персидские купцы и черкесы напрасно пытались сопротивляться. Жители поделили между собой богатства купцов и бояр.

Город получил казачье устройство по типу «войска», с делением на сотни и десятки. Городовыми атаманами были выбраны помощники Разина Василий Ус, Федор Шелудяк и Иван Терский, старшинами — стрельцы Красулин и Дементьев.

Взятие Астрахани имело огромное значение для Разина: в руках восставших оказался крупнейший город Московского государства, важный торговый пункт, сильная крепость; у восставших теперь

имелся обеспеченный тыл с выходом в море.

20 июля 1670 года Разин выступил из Астрахани и направился вверх по Волге. Весна и лето 1670 года — новый этап в движении Разина. Выступление казацкой гольбты превратилось в широкое крестьянское восстание. По призыву Разина поднимались крепостные крестьяне, городские низы и угнетенные народы Поволжья: чувашаи, мари, мордва, татары и башкиры.

Из армии Разина рассылались «прелестные письма» — воззвания — во все концы: вверх по Волге — к татарам, чувашам, мордве, марицам, — в центр страны и на Украину. Разин призывал «изменников выводить и мирских кровопивцев выводить»¹. Обращаясь к украинским казакам Харьковского полка, Разин призывал их восстать «за всю чернь, чтобы шам всем от них, изменников бояр в конец не погибнуть»². По словам воевод, Разин обращался «с воровскими прелестными письмами на соблазн незнающим бездомным... и бездомные люди в разных местах пошатались и к ним вораи, к Стеньке Разину с товарищами пристали».

Говоря о восстании крестьян под руководством Разина, Маркс отмечал, что «в своих воззваниях и везде, где он бывал сам, Разин говорил: что идет истребить бояр, дворян, приказных людей, искоренить всякое чиновничество и власть, установить во всей Руси казачество и учинить так, чтоб всякий всякому был равен. «Я не хочу быть царем, — говорил он, — хочу жить с вами, как брат»³. Все сильнее разгоралось стихийное движение крепостного крестьянства. В вооруженной борьбе с крепостниками народ искал выхода из нищеты и рабства. Думы и чаяния измученного народа отразились в его песнях. В народной песне говорилось:

«Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедных,
Добрых молодцев, людей беглых,
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички».

Воззвания Разина дошли даже до Барелии и Рима. Современник Разина, голландский дипломат фан Кленк, пишет: «сила его с каждым днем увеличивалась и в яемного дней доросла до 27.000: кре-

стьяне и рабы, Татары и казаки приходи-ли большими массами...»⁴.

«...Чтобы привлечь жителей на свою сторону, он обещал им свободу и освобождение от тяжелого ига бояр, которых он называл притеснителями населения...»⁵. По словам того же иностранца, он (Разин) добился того, что вся страна по Волге и далее, во внутрь государства, до городов Алатыря и Арзамаса, избрала его сторону: большая часть «черемисских и мордовских татар» и русских крестьян, находившихся в этих местах «под властью великих московских вельмож», восстала против своего гачагыства и избива тех, кого могла захватить; «огонь дошел даже до мест, отстоявших от Москвы всего верст на 12».

Между тем войско Разина все дальше продвигалось вверх по Волге. Чтобы обеспечить себе опору на Дону, Разин послал туда из Царицына сильный отряд в 2 тысячи человек под командой казака Гаврилова и своего брата Фрола. К Саратову Разин подошел с войском в 10 тысяч человек. Саратов, а затем Самара сдались без боя. В этих городах был также установлен казачий «крут» и выбраны атаманы. Воевод, дворян и приказных людей перебили. До Симбирска Разин шел, не встречая сопротивления и пользуясь повсюду горячим сочувствием и поддержкой народных масс.

Восстание разгоралось стремительно и бурно и охватило все Среднее Поволжье и Слободскую Украину. Разинские отряды взяли ряд мелких городов: Ломов, Беренск, Корсунь, Пензу, Наровчат и др. Десятки крестьянских отрядов рассеялись по уездам и громили помещичьи усадьбы.

В донесении, направленном в Москву, современник писал: «Заворовали (восстали. — Э. Я.) в селах и деревнях крестьяне помещиков и вотчинников побивают, а которые, государь поместья и вотчины московских людей, или в тех поместьях и вотчинах нет, и в тех местах избивают приказчиков их с женами и с детьми, и поместья и вотчины их разоряют»⁶.

Вместе с русскими крестьянами против угнетателей отважно бились и татары, чувашаи, мордва, мари и башкиры. По сообщению князя Урусова, посланному в Москву, его встретили «казаки и татарове и чувашаи и черемиса и мордва и учинили с ним бой».

Вокруг Разина сплотились смелые и отважные атаманы — люди бесстрашные и преданные народному делу: Василий Ус,

¹ Грамота от имени Степана Разина 1670 г. ГАФКЭ, Белгородский стол № 687, лл. 74—76.

² Там же, л. 398.

³ К. Маркс. Цитированное произведение, стр. 122—123.

⁴ «Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу», стр. 449. СПб. 1900.

⁵ Там же, стр. 453.

⁶ А. Попов. Цитированное произведение. М. 1857.

Федор Шелудяк, Иван Черноярец; позже — Михаил Харитонов, атаманша Алена, родом из Арзамаса, и другие. Особую стойкость проявила Алена. Эта крестьянская женщина во главе многих повстанцев отважно сражалась с царскими войсками в районе Арзамаса и Темникова.

Однако при всей отваге и преданности народному делу руководство разинского войска не смогло объединить сотни очагов восстания, разбросанных на огромной территории. Крестьянские отряды были плохо организованы и связаны с Разиным лишь общей целью — борьбой против помещиков. Они оперировали в пределах своих небольших районов, и это облегчало царским войскам возможность разбивать их поодиночке.

Атаманы Разина могли создать боевые отряды, занимать отдельные пункты, но не смогли превратить захваченную территорию в организованную крепость восстания, не сумели закрепить одержанные победы. Организация разинского движения отставала от его размаха и стихийной силы.

Боевым ядром разинской армии, владевшим военной техникой, были донские казаки. Войско Разина делилось на конные и пешие отряды. Во главе отрядов стояли атаманы, им подчинялись командиры сотен и десятков. Лучшие всего были вооружены казацкие отряды, у которых были пикалы (ружья) и пушки. Крестьянские отряды имели чрезвычайно плохое вооружение: топоры, рогатины, луки, кистени, пики и пр. По сообщению современника, «многие де люди у него, Стенки, без ружья, только де одни у них тротилки» (дротики).

При укреплении городов разинцы строили остроги (деревянные стены), в лесу сооружали засеки и оборонительные линии. Хорошо была поставлена у разинцев разведка.

О разинской тактике при осаде городов очевидец рассказывает следующее: «Вор Стенька наваливал на телеги сено и солому, подвозил под город и зажатал, а людьми многими шел на приступ»¹.

Численный состав армии Степана Разина все время колебался. Массовый прилив повстанцев приводил к тому, что Разин имел большие людские резервы, но большинство его бойцов не было обучено, не умело стойко сопротивляться царским войскам.

* * *

В сентябре 1670 года начались бои 20-тысячной армии Степана Разина под Симбирском. Местный воевода Милослав-

ский и подошедший к Симбирску князь Барятинский оказали решительное сопротивление Разину. Находящаяся в Симбирске городская беднота сочувствовала Разину и постоянно помогала ему. С ее помощью Разину удалось взять «острог», но центральная крепость не сдавалась, и разинцы вынуждены были перейти к осаде.

Осада Симбирска длилась с 4 сентября до 1 октября 1670 года. Эта задержка в продвижении разинских войск оказала чрезвычайно пагубное влияние на дальнейшую судьбу восстания. Дворянское государство использовало задержку и мобилизовало все силы для борьбы с крестьянством. В Москве была мобилизована огромная армия, был объявлен сбор всего столичного дворянства, вновь сформированы полки иноземного строя и призвано к оружию дворянское ополчение.

Царские войска стали громить крестьянские отряды по частям, но главная масса их войск направилась к Симбирску.

Крестьянская война к осени 1670 года достигла невиданного размаха. В сентябре движение охватило огромный район — от Вятки до Слободской Украины. Разинские отряды, поддержанные восставшими крестьянами, действуя под начальством Михаила Харитонова под Саранском, наступали на Пензу. Отряд Максима Осипова взял Алатырь и другие города. Мещеряков осаждал Тамбов. Восстание охватило Пензенский, Казанский, Тамбовский, Симбирский и Нижегородский уезды. Оно достигло Рязани и распространилось на Ярославский, Вятский и Вологодский уезды.

В далеком Заволжье, в районах Унжи и Велуги, крестьянство поднялось против помещиков и воевод. Город Козьмодемьянск, примкнувший к восстанию, стал центром повстанческого движения. В восстании приняли активное участие марийцы и посадские люди.

В Козьмодемьянске собралось около 15 тысяч повстанцев, во главе которых стояли донской казак Иван Васильев с помощниками Сериком, марийским приставом Мумариным и казаком Ильей Пономаревым. Вскоре Пономарев вместе с Мумариным во главе отдельного небольшого отряда двинулся на Велугу. Здесь к восставшим присоединились сотни крепостных крестьян из окрестных деревень. Образовался крупный отряд в 700 человек. Повстанцы сделали 5 пестрядинных и красных знамен и распределились по сотням и десяткам. С Велуги восставшие двинулись к Унже, которой они и овладели 3 ноября 1670 года.

Через 10 дней к Унже подошли царские войска. 13 декабря повстанцы подверглись нападению отряда воеводы Ва-

¹ «Белгородский стол». Столбец 692, л. 350.

Казнь Разина. С картины худ. Медведева.

Музей революции СССР.

силлия Нарбекова. С поразительной стойкостью и отвагой встретили плохо вооруженные и не обученные военному делу восставшие крестьяне царские войска. Битва, однако, закончилась поражением крестьян. В бою пало больше 200 повстанцев, с остальными попавшими в плен 70 крестьянами воевода жестоко расправился, подвергнув их всех казни. От Ветлуги и до Днепра во многих районах страны с огромной стихийной силой полыхал пожар крестьянского восстания.

В украинских городах: Харькове, Полтаве, Богодухове и других — шло сильное брожение. На Дону действовал брат Разина Фрол. Восстание вспыхнуло и в Коломенском уезде, под Москвой.

Угроза прощиповенкиа крестьянской войны в центр страны заставила правительство расположить свою армию таким образом, чтобы, с одной стороны, удерживать в своих руках центральные районы, а с другой — направить главный удар непосредственно против Разина. Центром царских войск стал Арзамас. 1 октября

1670 года начался решительный бой под Симбирском. Разин был ранен саблей и пулей, но несмотря на раны продолжал руководить битвой. Только потерпев решительное поражение после штурма 3 октября, Разин отступил от Симбирска и двинулся вниз по Волге, направляясь на Дон.

Несмотря на то что осень 1670 года была периодом огромного размаха разинского движения, поражение под Симбирском имело для него роковое значение.

Разин потерял здесь свое боевое ядро, свои лучшие в военном отношении казачьи кадры. Отправляясь на Дон, он стремился восстановить казачьи части, чтобы с новыми силами броситься в борьбу. Но к концу 1670 года положение на Дону коренным образом изменилось. Пока Разин окружал ореол непобедимости, казачья старшина притаялась и выжидала. После серьезного поражения под Симбирском влияние Разина на Дону было подорвано. Москва требовала от старшины решительных действий против Разина. Нужно было сделать выбор между Разиным и москв-

ским царем, и донская старшина выступила против Разина.

В апреле 1671 года Корнило Яковлев — этот лютой враг казацкой гольгиббы — во главе низовых казаков выступил из Черкаска на Кагальник в поход против Разина. После жестокой сечи, в которой polegло много народу, Корнило Яковлев занял Кагальник и захватил в плен Разина.

Закованный в цепи, он с братом Фролом был выдан Москве. Пленный вождь крестьянской армии был привезен в Москву, где его подвергли страшным пыткам. Казнь была совершена 6 июня 1671 года.

Москва напоминала в этот день военный лагерь. На всех перекрестках стояли вооруженные отряды стрельцов и иноземных войск. Огромная площадь была окружена тройным кольцом войск. Стоя на эшафоте, спокойно и мужественно выслушал Разин царский приговор. Дворянские палачи подвергли вождя восставшего крестьянства мучительной и страшной казни.

* * *

Поражение Разина и его казнь не были концом крестьянской войны: еще целый год бушевала она в разных частях государства. Особенно широкого размаха достигло движение угнетенных народов. В огне восстания пылал Казанский район. На реке Брыске, в Козьмодемьянском уезде, «по обе стороны засечены засеки, а в тех засеках сидели воровские люди (бунтовщики) и чуваша и черемиса (мари)...» В другом сообщении указывалось, что башкирцы и калмыки в Казанском уезде объявились «...ли село да девять деревень повоевали и пожгли».

Воеводы доносили о том, что осенью поднялись Ядринский и Ломовский уезды, что разинцы «рубят помещиков и вотчинщиков, за которыми крестьяне».

В Тамбовском, Керенском и соседних уездах «воевод и всяких чинов приказных людей в уездах и детей боярских до смерти шобивали и дома их разоряли».

В октябре восставшие крестьяне осадили Макарьевский Желтоводский монастырь. Разбитые в одном месте, крестьяне поднялись на борьбу в другом. В ноябре 1670 года казаки вместе с «градскими и уездными всех слобод и сел и деревень всяких чинов многими людьми» напали на Тамбов, но были отбиты. В декабре царские войска взяли Пензу. Битва, происшедшая в декабре у Алатыря, закончилась поражением разинцев. В руках восставших оставались еще Царицын и Астрахань, где сидел Василий Ус. Федор Шелудяк пытался вновь овладеть Симбирском, но был разбит. Осенью 1671 года крестьянская война потерпела окончательное поражение.

Об ужасающих размерах кровавой расправы с восставшими крестьянами можно судить по утверждению одного из усмирителей восстания, князя Барятинского: «На поле и в обозе и в улицах в трупы нельзя было конному проехать, и пролилось крови столько, как от дождя большие ручьи потекли».

Исход борьбы был предрешен, ибо «отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Степки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за «хорошего царя»¹.

В этих мудрых словах товарища Сталина дан глубокий и исчерпывающий анализ причин поражения крестьянских войн.

Помимо основной причины поражения крестьянства неудача крестьянского восстания была вызвана и другими причинами. Среди крепостных крестьян в XVII веке еще существовала легенда о каком-то «добром крестьянском царе», враждебном помещикам. В воззваниях Разина писалось, что «...мы, великое войско Донское, стали за дом пресвятые богородицы и за ево, великого государя и за всю чернь».

Распространялась легенда о том, что на одной из барок Степана Разина находился царевич, сын царя Алексея.

Крепостным крестьянам XVII века неизвестно было, что русский царь, воеводы и помещики — их единый и смертельный враг. Отсутствие ясных и правильных политических лозунгов и перспектив, локальный и стихийный характер движения, отсутствие достаточной организованности и знания военного дела, недостаточность вооружения — все это обрекало восстание на поражение.

Тем не менее крестьянская война под руководством Степана Разина оставила неизгладимый след в истории нашей страны. Она была отражением «...стихийного возмущения угнетенных классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнета»².

Образ «батьюшки Степана Тимофеевича» остался в народной памяти как символ протеста против рабства, как призыв к борьбе с угнетателями.

¹ И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эм. Людвигом», стр. 23—24. 1937.

² Там же, стр. 23.

Балканские войны 1912—1913 годов

1

Балканский полуостров, обладающий значительными природными богатствами и расположенный на перекрестке великих морских путей, ведущих из Черного в Средиземное море, а отсюда в Суэцкий канал и Гибралтарский пролив — на перекрестке трех континентов, — с давних пор являлся ареной соперничества, узловым пунктом противоречий и борьбы великих держав.

Рудные богатства (бурый уголь, железо, свинец, цинк, шпатель, бокситы, нефть, асфальт) Югославии, Болгарии, Турции, Румынии, Албании и Греции представляют собой большой соблазн для империалистов. Не только накануне, но и после первой мировой империалистической войны 1914—1918 годов балканские государства остались преимущественно аграрными странами, являясь значительным источником сырья, сельскохозяйственных продуктов и крупным рынком сбыта промышленных товаров. Известные сдвиги в развитии легкой промышленности в период между первой и второй мировыми империалистическими войнами не внесли коренных изменений в экономическую балканских стран.

Борьба между великими державами за наследство «большого человека» — разлагавшейся Османской империи, — процесс освобождения от турецкой зависимости и образования на Балканском полуострове ряда небольших государств создавали такую обостренную и напряженную обстановку, которая превращала Балканы в «пороховой погреб Европы», где небольшая искра могла разжечь кровавое пламя войны. И недаром еще Маркс указывал, что «настоящим яблоком раздора является... большой полуостров к югу от Саввы и Дуная»¹.

На Балканах было расположено несколько небольших государств, постоянно враждовавших между собой, номинально независимых, но фактически находившихся в экономической и политической зависимости от великих держав и прежде всего от наиболее близко соприкасавшихся с ними России и Австро-Венгрии, которые все время вели между собой упорную борьбу за гегемонию на Балканах.

Положение, создавшееся на Балканах после Берлинского конгресса 1878 года, последовавшего за русско-турецкой войной 1877—1878 годов, отнюдь не благоприятствовало миру и спокойствию. Территория Болгарии оказалась разорванной на несколько частей. Территория Сербии была также расчленена: две сербские области: Босния и Герцеговина — были оккупированы Австро-Венгрией.

Встретив на Берлинском конгрессе сопротивление со стороны Англии, Австрии и косвенно Германии, России пришлось примириться с тем, что вместо «Великой Болгарии», к созданию которой стремилась русская политика, была создана малая Болгария, в которую вошла лишь северная Болгария, а южная часть — Восточная Румелия — осталась автономной провинцией Турции. Македония же полностью, без всякой автономии, осталась за Турцией. Лишь в 1885 году Болгарии удалось присоединить Восточную Румелию.

Некоторые круги господствующих классов Болгарии надеялись, что с помощью царской России удастся аннексировать Македонию и Фракию. Вопрос о Македонии, на которую претендовали и болгары, и сербы, и греки, являлся основой балканских противоречий, источником непрерывных споров между балканскими государствами. Буржуазия балканских государств, и прежде всего Болгарии и Сербии, стремилась к расширению своих территорий за счет Фракии и Македонии, населенных славянскими народами. Растущее национально-освободительное движение в Македонии возбуждало надежды буржуазии балканских государств, в частности болгарской, на осуществление ее «национальных идеалов».

Болгарская буржуазия под видом «освобождения» Македонии подготавливала присоединение последней к Болгарии. Но тут Болгария встретила сопротивление со стороны Сербии.

Судьба Сербии схожа с судьбой Болгарии, с той только разницей, что Сербия после Берлинского конгресса с 1878 по 1903 год придерживалась австрийской ориентации. Достаточно указать, что в 1888 году австро-венгерский капитал сосредоточил в своих руках 67,5% сербского ввоза и 81% вывоза. Нарождавшаяся сербская буржуазия,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 373.

желая избавиться от этой «опеки», вела борьбу с австрийским влиянием. Сербская буржуазия внушала массам идею «Великой Сербии» и создавала ряд националистических организаций вроде «Народной Охраны» и «Черной руки».

Младотурецкая революция 1908 года вызвала новое обострение борьбы вокруг Балкан. Европейская реакция, опасаясь распространения этой революции на другие страны Востока, спешила произвести раздел Турции.

«...все бо я тся успеха турецкой революции, — писал Ленин, — но этот успех означал бы неминуемо, с одной стороны, развитие стремлений к автономии и действительной демократии во всех балканских народах, с другой стороны, — победу персидской революции, новый толчок к демократическому движению в Азии... Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав против растущего демократизма в Азии»¹.

Действительно, младотурецкая буржуазно-демократическая революция явилась крайне неприятным сюрпризом для европейской реакции. Ее пример мог оказаться заразительным не только для всей Азии, но и для Европы. Отсюда стремление империалистов задушить эту революцию. При этом каждая империалистическая держава пыталась обеспечить себе большую долю добычи в случае раздела Турции. Особенно ожесточенная борьба развернулась между Россией и Австро-Венгрией. Обе они применяли тактику «кнута и пряника», действуя заигрыванием, обещаниями и угрозами. Ленин по этому поводу указывал, что «...нет ничего реакционнее, как заботы австрийцев, с одной стороны, русских черносотенцев, с другой, о «братьях-славянах». Эти «заботы» прикрывают самые подлые интриги, какими издавна прославилась себя Россия на Балканах. Эти «заботы» всегда сводятся к покушению на действительный демократизм в тех или иных балканских странах»².

Австро-Венгрия, не удовлетворившись недавней аннексией Боснии и Герцеговины, мечтала о дальнейшей экспансии на Балканы, о захвате Салоник — самого крупного порта в Эгейском море. Но на пути ее стояла Сербия. Поэтому австрийская буржуазия ставила себе целью во что бы то ни стало уничтожить Серию. Еще с 1905 года велась определенная подготовка общественного мнения к войне против Сербии. Австрийский генеральный штаб разрабатывал план войны, по которому был

точно установлен срок начала военных действий — 1 апреля 1909 года.

Начавшаяся уже в 90-х годах XIX столетия агрессивная политика германского империализма на Ближнем Востоке, ярким проявлением которой явились деятельность «Дейче банк» в Турции, концессии в Анатоллии и строительство Берлин-Багдадской железной дороги, свидетельствовала о новом фазисе в ближневосточной политике Германии.

Между тем рост местной буржуазии на Балканах и связанные с этим стремления к национальной консолидации и расширению территорий за счет Турции, с одной стороны, а с другой, — желание избавиться от иностранной «опеки», как австро-германской, так и русской, стимулировали объединение балканских государств.

Подчеркивая зависимость балканских государств, нельзя совершенно игнорировать относительную самостоятельность их политики, которая определялась развитием национального капитализма каждой отдельной страны, интересами местной буржуазии. Без учета этих моментов нельзя понять причины возникновения и хода войны в 1912—1913 годах.

В октябре 1911 года по инициативе Сербии начались непосредственные переговоры между Болгарией и Сербией о заключении конвенции. Узнав об этом, Россия приняла все меры к тому, чтобы взять под свой контроль эти переговоры. Обещав свою помощь Сербии и Болгарии в борьбе против Турции, Россия в дальнейшем приняла деятельное участие в делах складывавшегося Балканского союза.

Уже начало переговоров свидетельствовало о далеко не мирном содержании будущих договоров. Первым делом было определено, что поводом для совместного выступления должно явиться:

- а) Нападение кого бы то ни было на Сербию и Болгарию;
- б) Нападение со стороны Турции на одно из балканских государств;
- в) Возможная попытка со стороны Австрии оккупировать Македонию или Албанию;
- г) Внутренние беспорядки в Турции, опасные для мира и тишины на Балканском полуострове»³.

Албанию намечено было разделить, присоединив северную часть ее к Сербии, а южную — к Греции. Далее в переговорах предусматривалась возможность распада Австро-Венгрии, в итоге которого Сербия получила бы Боснию и Герцеговину, а Румыния — Трансильванию, для предотвращения румынского выступления против Балканского союза. Возможность вмеша-

¹ Ленин. Т. XII, стр. 357, 358.

² Там же, стр. 364.

³ Гешов «Балканский союз», стр. 16.

тельства Румынии особенно беспокоила Болгарию, которая в переговорах с Россией прежде всего требовала обеспечения своего тыла от нападения Румынии.

Если по этим вопросам Болгария и Сербия быстро пришли к соглашению, то долго и упорно спорили они из-за Македонии. Болгария, ссылаясь на свои исторические права, претендовала на значительную часть Македонии. Сербия возражала и в свою очередь доказывала свои исторические права на Македонию. Спорили чрезвычайно упорно, чуть ли не из-за каждого села, из-за каждого небольшого клочка территории.

Затягивавшиеся споры беспокоили русскую дипломатию. 20 декабря 1911 года Неклюдов, посланный Россией в Болгарию, писал в министерство иностранных дел: «Необходимо спешить. Если соглашение не будет подписано до рождества, то оно, вероятно всего, никогда не состоится»¹. Опасения эти имели основания, ибо в Болгарии, в связи с неудачными переговорами с Сербией, активизировались австрофильские группировки. Перед Россией вырастала угроза перехода Болгарии на сторону Тройственного союза.

Наконец, после долгих споров, 29 февраля 1912 года был подписан договор о дружбе и союзе между королевством Сербским и царством Болгарским. Через месяц начались переговоры по поводу предусмотренной в договоре военной конвенции, которая была подписана 29 апреля 1912 года. Одновременно был заключен болгаро-греческий договор. Вопрос о соглашении был поднят еще в мае 1911 года. 16 октября 1911 года в Софии состоялась беседа греческого посланника с болгарским премьером Тешовым по вопросу о взаимопомощи в случае нападения Турции на одну из договаривающихся сторон. Как и в переговорах с Сербией, вновь возникли ожесточенные споры вокруг Македонии и Адрианополя. 29 мая был подписан греко-болгарский договор. К союзу примкнула и Черногория.

Таким образом, к лету 1912 года Балканский союз был окончательно оформлен.

2

Тройственное согласие в общем весьма сочувственно отнеслось к созданию Балканского союза, видя в нем барьер против австро-германской экспансии. Однако у Франции наряду с сочувствием Балканскому союзу наблюдалась известная сдержанность.

Пуанкаре приходилось считаться с туркофильскими настроениями определенных кругов французской буржуазии, опасав-

шихся в связи с приближавшейся на Балканах войной за судьбу французских интересов на Востоке. «*Matin*», официальная французская газета, заявляла: «Не надо обманываться: победа союзников будет иметь последствием уменьшение роли, принадлежащей на Востоке французскому языку, и кризис французской школы»². Но дело, конечно, было не в языке и не в школе. За этой тревогой скрывались более реальные мотивы. У французской буржуазии были значительные интересы в Турции. Из общей суммы государственных долгов Турции в 2750 миллионов франков на долю французского капитала падало 1600 миллионов франков. Крупнейшие банки Турции (Оттоманский, Салоникский) принадлежали Франции. На французские деньги был построен ряд железных дорог в Турции. Французским компаниям принадлежали в Турции многие промышленные и коммерческие предприятия. Турецкая табачная монополия опиралась на французский капитал.

Помимо этого правительственные круги Франции упреждали, что в глазах масс балканские события не являются достаточно убедительным поводом для включения Франции в войну. Пуанкаре неоднократно указывал русскому послу в Париже Извольскому, что из-за чисто балканских дел Франция не начнет войны даже в случае выступления Австро-Венгрии: «Но, если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, Французское Правительство заранее признает это за «*casus foederis*» и эти минуты не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства»³.

Позиция Франции в балканских вопросах в значительной степени зависела от позиции Англии. Во время переговоров русского министра иностранных дел Сазонова с английским королем в Балльморале в сентябре 1912 года балканские дела занимали значительное место. В вопросе о Турции Англия проявила чрезвычайную холодность, так как отнюдь не желала допустить Россию к проливам. Кроме того, как правильно отмечает Сазонов в своем докладе в сентябре 1912 года, Англия стремилась «не навлекать на себя недовольства мусульманского мира, ввиду необходимости для обеспечения своего владычества в Индии, опираться там на могометанскую часть населения»⁴.

Таким образом, планы России в отно-

² Цитирую по «Вестнику Европы» за 1913 год, стр. 319.

³ «Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.», стр. 275. Москва. 1922.

⁴ «Красный архив». Т. III, стр. 25.

¹ «Красный архив». Т. IX, стр. 14.

шения Турции не встретили сочувствия со стороны ее союзников.

А между тем события назревали с молниеносной быстротой. Война на Балканах начинала развязываться.

Непосредственным поводом к войне явились албанские события. Албания, небольшая страна на берегу Адриатики, принадлежала Турции. Здесь часто вспыхивали восстания против турецкого владычества, а 1912 год был особенно беспокойным.

В связи с этим Балканский союз швел переговоры с албанскими вождями о совместном выступлении, но соглашение не было достигнуто. Одной из причин этого было то, что небольшая Албания состояла из многочисленных племен, враждующих между собой. Однако, несмотря на внутреннюю борьбу, летом 1912 года волнения в Албании приняли характер общего, массового восстания. Успехи албанцев послужили заразительным примером для всего Балканского полуострова, особенно для Македонии, где начались столкновения между турками и болгарами.

Национальное возбуждение охватило и Сербию. В стране происходили митинги в связи с столкновениями, происшедшими между турецкими властями и сербским населением в Новобазарском Санджаке.

Греция, используя обострение обстановки на Балканах, пыталась форсировать присоединение Крита и ряда других островов. 14(1) октября 1912 года на заседании греческого парламента присутствовало 60 критских депутатов, которым греческий премьер-министр Венизелос объявил, что Критом будет управлять Греция.

30 сентября произошла мобилизация во всех четырех союзных балканских государствах.

9 октября выступила Черногория, а за нею — все остальные союзники.

Война началась.

Такой быстрый поворот событий на Балканах вызвал замешательство русской дипломатии. Преждевременное выступление союзников могло привести к несвоевременному столкновению с Австро-Венгрией, которого Россия пока желала избежать, тем более что в данный момент она не надеялась на непосредственную помощь Франции и Англии. Помимо этого Россию беспокоила излишняя поспешность союзников и опасение, как бы из ее рук не была вырвана инициатива в решении вопроса о проливах и Константинополе. Вот почему русская дипломатия вступила в переговоры с Австро-Венгрией по поводу предложения ее министра иностранных дел Берхтольда от 14 августа о проведении реформ в Турции, выдержав при этом атаку недовольства воинствующих националистических славянофильских кругов.

Сазонов в телеграмме от 18 сентября решительно предостерегал союзников: «Если же теперь, вопреки настойчивым нашим предостережениям, оба государства решат использовать свое соглашение в целях совместного наступления на Турцию... то мы считаем долгом откровенно предупредить их, что в этом случае нами будет руководить только забота о прямых и непосредственных интересах России»¹.

Между тем начавшиеся 9 октября военные действия разворачивались все шире. Союзники, хотя и обладавшие меньшими военными силами нежели Турция, одерживали победу за победой. Турция в отношении техники вооружения значительно уступала союзникам. К тому же турецкая армия, только что закончившая войну с Италией, находилась в стадии реорганизации и вовсе не была подготовлена к новой войне. С другой стороны, победам союзников способствовало то обстоятельство, что на их стороне оказались крестьяне Македонии, Фракии и Албании, находившиеся под феодально-абсолютистским и национальным гнетом Турции.

Черногорские войска, ставшие первыми наступление на Албанию, легко завладели несколькими крепостями и приступили к осаде Скутари. Сербские войска при Куманове, заняли всю Косовскую область, город Ускюб и утвердились в Приштине, Митровицах и Новом Базаре. Так же успешно продвигались болгары. Завяв Кирк-Калисе, Люле-Бургас и Чорлу, они заставили турецкую армию отойти на оборонительную позицию в Чаталдзу и начали осаду Адрианополя.

Неожиданно быстрое победы союзников вызвали в правительственных кругах России планы молниеносного захвата Босфора наподобие плана дипломата Нелидова в 1896 году. Однако от этого воздерживались, учитывая плохое состояние флота и недоброжелательное отношение Англии и Франции к захвату проливов Россией.

В Австро-Венгрии успехи Сербии — захват ею Албании и выход к побережью Адриатического моря — вызвали крайнее недовольство. Возможность создания большой Сербии по соседству с австрийскими окраинными областями, заселенными славянскими народами, сильно беспокоила Австро-Венгрию. Поэтому в албанском вопросе Австро-Венгрия заняла непримиримую позицию и категорически предложила Сербии покинуть албанскую территорию.

Агрессивные круги Австро-Венгрии стремились к покорению Сербии, которое должно было явиться началом осуществления генерального плана австро-германского империализма — покорения всего Балканско-

¹ «Красный архив». Т. XV, стр. 23—24.

го полуострова. Путем создания пограничных инцидентов австрийская военщина неоднократно пыталась спровоцировать войну с Сербией.

Сосредоточив военные силы на русской и сербской границах, Австро-Венгрия одновременно обратилась к Германии за помощью в албанском вопросе. В меморандуме от 4 декабря 1912 года она сформулировала следующие свои требования:

1. Признание независимости Албании.
2. Категорическое возражение против каких бы то ни было территориальных приобретений Сербии в Албании и на берегу Адриатического моря.

3. Удовлетворение коммерческих и торговых интересов монархии в Салониках¹.

Германия поддержала эти требования своей союзницы. Англия же, весьма сочувственно относившаяся к Балканскому союзу как к барьеру, препятствовавшему германскому проникновению на Ближний Восток, не разделяла, как уже говорилось, планов Балканского союза и России в отношении Турции. Поэтому Англия поддержала в данном случае Австрию и Германию.

3

Все спорные вопросы, вызванные балканской войной, должны были получить разрешение на мирной конференции, созванной по просьбе разбитой Турции.

Неоднократные обращения Турции к великим державам с просьбой о посредничестве еще в начале войны ни к чему не привели. Только 3 декабря 1912 года было заключено временное перемирие, а 17 декабря в Лондоне начала работать конференция шестов, которая должна была обсудить условия мира и ряд других балканских вопросов, возникших в связи с войной.

Уже подготовка конференции предсказывала острую и сложную борьбу. Так, сразу же возник спор о том, какие именно государства примут участие в конференции и где она будет происходить. После длительных споров конференцию решено было провести в Лондоне.

На открывшейся 17 декабря 1912 года лондонской конференции албанский вопрос становится центральным. Решено было объявить Албанию автономным государством под гарантией великих держав, оставив ее попрежнему под суверенитетом турецкого султана. Одновременно решено было предоставить Сербии коммерческий выход к нейтральному порту на албанской территории. Этот порт предполагалось соединить с Сербией международной же-

лезной дорогой, охраняемой интернациональным отрядом жандармерии и полиции под контролем великих держав. Это решение, являвшееся уступкой австро-германскому блоку со стороны Антанты, было принято по инициативе Англии.

Большие споры происходили на конференции вокруг вопроса о границах Албании. Прежде всего возник спор о том, кому — Сербии или Албании — будут принадлежать Скутари, Дибра, Дьяково, Ипек и Призрен. Австро-Венгрия, ссылаясь на то, что в этих областях живут католики, а Сербия, мол, ведет антикатолическую политику, требовала, чтобы эти местности отошли к Албании. Россия, наоборот, отстаивала право Сербии и Черногории на эти территории. Споры происходили и по другим территориальным вопросам. Наконец, после долгих споров, по предложению Грея, английского статс-секретаря по иностранным делам, было решено окончательное разрешение вопроса о границах Албании передать специально созданной комиссии, которая должна была разрешить этот вопрос согласно «этнографическому принципу».

В то время как в Лондоне заседали, положение в Албании становилось все более напряженным. Несмотря на грозные ультиматумы и предложения лондонской конференции Черногория не прекращала военных действий в Албании.

В связи с этим чрезвычайно обострились отношения между Россией и Австро-Венгрией. Оба государства сосредоточили на границе значительное количество войск. В конце 1912 года начались переговоры между Россией и Австрией о взаимном сокращении количества войск на границах. Но прийти к соглашению было трудно. Австро-Венгрия, соглашаясь на сокращение войск на русской границе, в то же время перебрасывала их на сербскую границу. Сазонов указывал, что Россия может стать на путь сокращения войск на австрийской границе лишь в том случае, если Австро-Венгрия то же самое сделает не только на русской, но и на сербской границе.

Наконец, в марте 1913 года было достигнуто соглашение, по которому Австрия соглашалась демобилизовать свою армию, а Россия — распустить запасных, оставленных на военной службе после 1 января 1913 года. Впрочем, обе стороны, особенно Австро-Венгрия, не спешили выполнить это решение.

Весной 1913 года борьба вокруг Албании достигла высшей точки напряжения. Австро-Венгрия использовала для развязывания войны упорное пешемание Черногории прекратить осаду Скутари.

В генеральном штабе Австро-Венгрии обсуждали план выступления против Сер-

¹ «Die Grosse Politik». Bd. 34 (I), 12511.

бии и Черногории. По этому плану, в результате победы намечался раздел Сербии: западная часть должна была перейти к Австро-Венгрии; Нишский и Широтский округа — к Болгарии; северо-восточная часть — к Румынии.

Россия, отстаивая интересы Сербии и Черногории в Албании, в то же время сдерживала их, предупреждая, что из-за вопроса об Албании Россия в войну не вступит.

В двадцатых числах марта 1913 года Австрия послала эскадру к берегам Далмации. Но в Лондоне решили для «успокоения» Австрии заставить мажентулировать Черногорию. С этой целью в Албанию был послан международный десант. В начале апреля в албанском порту появилась международная эскадра под командованием генерала Верна.

Но Черногория все-таки продолжала осаду. Узнав о решении держав отдать Скутари Албании, Черногория вступила в переговоры с начальником осадочной крепости Эсад-пашой. 23 апреля 1913 года Черногория заключила с ним соглашение, по которому признала его королем Албании, а за это получала Скутари.

Скутарийский кризис едва не привел к войне в Европе. В конце концов, под давлением России, обещавшей Черногории добиться для нее некоторых компенсаций, черногорские власти сдали Скутари командованию международной эскадры.

Помимо албанского вопроса, в связи с обсуждением вопросов мира, в Лондоне возник целый ряд других спорных вопросов. Особенно ожесточенно спорили вокруг Адрианополя, который Турция упорно не хотела отдавать Болгарии.

В связи с упорством Турции союзники поставили на конференции вопрос об организации коллективной морской демонстрации держав в Константинополе. Однако против этого возражали Германия и Англия, ссылаясь на то, что дальнейшее давление на Турцию может привести к новой революции, угрожающей интересам европейских держав. Взамен этого Греция предложила компромисс, по которому Адрианополь должен остаться за Турцией с предоставлением в этом городе Болгарии целого ряда экономических льгот. Но Болгария в вопросе об Адрианополе также не соглашалась ни на какие уступки. Переговоры явно шли на срыв. 14 января 1913 года представители союзников на лондонской конференции послали телеграмму военному командованию о необходимости быть готовыми к прекращению перемирия и возобновлению военных действий. 3 февраля 1913 г. военные действия возобновились.

С падением Адрианополя, 26 марта 1913 года, исчезли основные препятствия,

мешавшие окончанию войны, но Болгария, перебросив силы на чатагджинский фронт, предъявила новые требования. Однако, встретив резкий отпор со стороны России, Болгария вынуждена была согласиться на перемирие.

Вопрос о южноалбанской границе и островах Эгейского моря вызвал резкие противоречия между Италией и Грецией. Лондонская конференция согласна была «в принципе» удовлетворить претензии Греции на острова Эгейского моря, за исключением островов Имброса, Тенедоса, Демноса и Самофракии, расположенных вблизи Дарданеллы, которые решено было оставить в руках Турции. Но вопрос осложнялся тем, что ряд островов находился в руках Италии, которая захватила их во время войны с Турцией. Хотя, по договору, Италия должна была передать Турции острова, но, воспользовавшись войной на Балканах, она островов не отдавала. Сейчас, когда встал вопрос о передаче этих островов Греции, Италия не соглашалась на это, равно как и на присоединение к Греции островов, расположенных у побережья Малой Азии, опасаясь, что это укрепит позиции Англии и Франции в Средиземном море. Италия возражала также против территориальных приобретений Греции на побережье Адриатики.

Вопрос об островах Эгейского моря к моменту заключения мирного договора так и остался нерешенным.

Наконец, 30 мая 1913 года мирный договор был подписан.

По статье 2-й, союзникам передавались, за исключением Албании, все земли Турецкой империи на европейском континенте на запад от линии, идущей от Эноса на Эгейском море до Миши на Черном море. Статья 3-я санкционировала, что установление албанских границ и урегулирование всех вопросов, касающихся Албании, передавались представителям шести великих держав. Статья 4-я утверждала право союзников на остров Крит, а статья 5-я оговаривала, что вопрос об Эгейских островах будет решаться великими державами. Урегулирование финансовых вопросов передавалось по статье 6-й международной комиссии, созданной в Париже.

29 июля 1913 года на конференции послан в Лондоне был принят органический статут Албанского государства. Албания провозглашалась автономным княжеством под гарантией шести великих держав. Но после утверждения статута Албанского государства вопрос о границах Албании не был разрешен и продолжал обсуждаться в Лондоне. Попрежнему продолжались споры: Австро-Венгрия и Италия всячески старались ущемить Грецию, в частности возражали против передачи

Греции Архиепископа, Коричи и других пунктов, которые были включены в состав Албании. Только 12 августа 1913 года в принципе был решен вопрос о южных границах Албании. Фактическое же установление границ продолжалось до середины 1914 года. В ноябре 1913 года на албанский престол был посажен принц Вид — креатура австро-германского блока.

4

Не успела закончиться первая война, как уже нависла угроза новой войны между недавними союзниками. Эта война назревала с момента создания союза, так как внутри него не прекращались разногласия и распри, переходившие иногда в явственные столкновения. Весьма активная роль в деле провокации новой войны между союзниками принадлежала Австро-Венгрии. Австро-Венгрия с ведома Берлина вела секретные переговоры то с Болгарией, то с Черногорией, стремясь разорвать Балканский союз и перетянуть кого-либо из союзников на сторону Тройственного союза. Так например Черногория обещала сначала Новобазарский Санджак, затем Скутари «при условии заключения... таможенного союза с Австрией, при условии ей части высот Брестца, расположенных между австрийской границей и Негушем»¹. С другой стороны, австрийская пресса внушала Черногории, «будто Сербия стремится к перемене династии в Черногории... к объединению с Черногорией под властью Карагеоргиевичей»². Особенно энергично «обрабатывалась» Болгария, которой обещалась полная поддержка при условии разрыва союза с Сербией. За эту поддержку Австро-Венгрия требовала, конечно, определенных материальных компенсаций, в частности «допустить участие Австро-Венгрии в эксплуатации железных дорог в присоединенных землях»³.

После подписания лондонского мирного договора быстро шло развязывание новой балканской войны. Лондонский договор указывал, какая территория отходит от Турции, но не указывал, как именно распределяется добыча между союзниками. Это привело, разумеется, к ожесточенным спорам.

Непосредственным поводом к войне послужили следующие обстоятельства: по ходу военных операций сербские войска заняли те местности, которые, по предварительному подписанному договору, должны были принадлежать Болгарии. Но Сербия, не желая отдавать захваченную террито-

рию, выставляла требование ревизии ранее составленного договора. При этом Сербия ссылаясь на то, что лондонская конференция лишила ее Албании, и в связи с этим требовала компенсации в Македонии. Далее Сербия указывала, что она выставила значительно большую армию, нежели было обусловлено договором, а потому победы болгар на восточном театре войны были обусловлены сербским оружием. В разрешении спорного вопроса была взята и «наука». Казенные «профессора» доказывали права той или иной стороны на Македонию и пробовали даже обратиться к арбитру русских «ученых». Так, Болгарская академия выпустила этнографический лингвистический меморандум о Македонии и обратилась к русским академикам с просьбой высказаться по этому вопросу. В свою очередь сербский профессор Велич выпустил в Петербурге брошюру «Сербь и болгарь в Балканском союзе», где категорически настаивал на том, что на основании данных «науки» Македония не может принадлежать Болгарии, ибо она «естественными препадами отделена» от нее и должна принадлежать лишь Сербии. «В современном македонском диалекте имеются самые типичные черты сербской фонетики»⁴, — утверждал профессор Велич.

Готовясь к войне с Болгарией, Сербия вела переговоры с Грецией, у которой тоже возникли споры с Болгарией по поводу Эгейского побережья. В результате 5 мая 1913 года были подписаны союзные договоры между Грецией и Сербией, где было указано:

«Статья 2. Поправочные или иные преклоболгарская и сербо-болгарская должны быть установлены на основе принципа действительной оккупации и равновесия между тремя государствами.

Статья 3. Греческое и Сербское правительства обязуются выступать совместно и оказывать друг другу постоянную поддержку при переговорах, которые откроются по поводу раздела уступленных Турцией территорий...

Статья 4. В случае, если бы Болгария... заняла бы угрожающую позицию или попыталась бы осуществить свои притязания силой, то оба правительства обязуются, в целях обеспечения целостности их владений, оказать друг другу военную помощь и заключить мир лишь совместно и согласнo»⁵.

⁴ Велич А. «Сербь и болгарь в Балканском союзе», стр. 36.

⁵ Проф. Ю. В. Ключников и А. Сабанин «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях». Т. I, стр. 366. Москва. 1925.

¹ Архив внешней политики МИД, д. № 3721, л. 181.

² Там же, д. № 3721, л. 299.

³ Там же, д. № 34, л. 40.

Одновременно Сербия вела переговоры с Румынией, а Греция — с Турцией о совместных выступлениях против Болгарии. Греция обещала Турции отдать обратно Фракию в случае победы над болгарскими войсками и пойти на уступки в вопросе об уплате военных долгов. Но вокруг островов Эгейского моря у них возник спор: Турция требовала возврата части островов, с чем Греция не соглашалась. Поэтому Турция одновременно вела переговоры с Болгарией. Последняя обещала поддержать ее в вопросе об островах Эгейского моря и пойти на уступки в окончательном определении границ, а также в вопросе о военных долгах.

Попытки недавних союзников договориться между собой ни к чему не привели. Уже в конце мая и на протяжении июня, хотя война еще не была официально объявлена, все время происходили кровавые столкновения на границах. В обоих лагерях решающее влияние приобрели военные круги. В Болгарии воинствующие авантюристические круги большие надежды возлагали на помощь Австро-Венгрии и, очевидно, имели для этого определенные основания.

30 июня 1913 года Болгария начала наступление на сербские и греческие позиции в Македонии. В ответ на это Сербия и Греция перешли в контр наступление.

Вскоре против Болгарии выступила и Румыния. Не получив компенсации, на которую она рассчитывала, за соблюдение нейтралитета в первой балканской войне, Румыния теперь решила добиться нужных ей территорий военным путем.

За Румынией выступила против Болгарии и Турция. Вмешательство Румынии и Турции окончательно решило результат войны и привело к быстрому разгрому Болгарии, которая принуждена была просить мира. 10 августа 1913 года в Бухаресте был подписан мир, по которому Болгария лишилась значительной части ее приобретений в Турции и некоторой части ее собственной территории, отошедшей к Румынии. Сербия получила югозападную Македонию, а Греция — южную Македонию, Серес, Кавалу, Драму и западную Фракию. Болгарии удалось сохранить только Струмицу и часть Фракии с выходом в море в Дедеагаче. К Румынии перешла вся болгарская провинция Добруджа. По константинопольскому договору (сентябрь 1913 года), Турция получила обратно всю восточную Фракию с Адрианополем, оставив Болгарии лишь небольшую территорию.

* * *

«Вопрос о балканской войне и об отношении к ней «Европы» — самый живо-

трепещущий вопрос современной политики»¹, — писал Ленин. И этому «животрепещущему вопросу» он уделяет немало внимания.

Ленин прежде всего указывает на историческое значение балканских войн: «Балканская война есть одно из звеньев в цепи мировых событий, знаменующих крах средневековья в Азии и в восточной Европе»². А «...победы сербов и болгар означают подрыв господства феодализма в Македонии, означают создание более или менее свободного класса крестьян-землевладельцев, означают обеспечение всего общественного развития балканских стран, задержанного абсолютизмом и крепостническими отношениями»³.

Но «эту задачу балканские народы могли решить вдесятеро легче, чем теперь, и с жертвами, во сто раз меньшими, устройством федеративной балканской республики»⁴.

Что явилось исторической причиной того, что насущные вопросы Балкан решались войной, а не революцией, спрашивает Ленин и отвечает: «Главная причина — слабость пролетариата на Балканах, а затем реакционные влияния и давления монархической европейской буржуазии»⁵.

Ленин, таким образом, чрезвычайно глубоко вскрывает диалектическое переплетение прогрессивного и реакционного в этих войнах.

Подводя итоги балканских войн 1912—1913 годов, необходимо указать, что прежде всего эти войны были использованы для усиленной милитаризации, для материальной и идеологической подготовки к будущей войне, для борьбы за союзников в этой будущей европейской войне.

Балканские войны явились непосредственным прологом к мировой империалистической войне.

«Никто не может сказать, что Балканская война является концом, а не началом осложнений»;⁶ — пророчески указывал товарищ Сталин в начале 1913 года.

И действительно, едва на горизонте рассеялись тучи последней балканской войны, как сразу же надвинулись новые, еще более грозные тучи, которые в августе 1914 года разразились ураганом первой мировой империалистической войны.

¹ Ленин. Т. XVI, стр. 159.

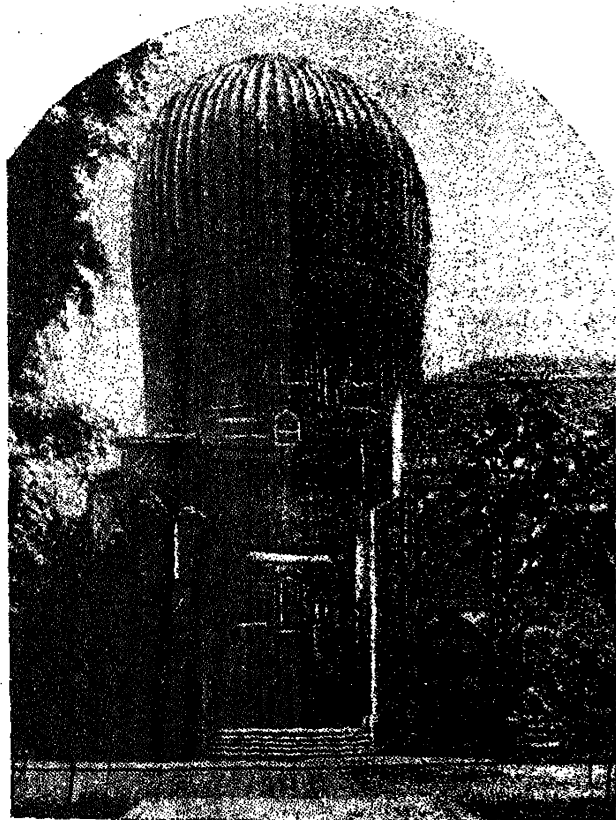
² Там же, стр. 356.

³ Там же, стр. 186.

⁴ Там же, стр. 356.

⁵ Там же.

⁶ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 57. Госполитиздат. 1939.

Б. Заходер,

доктор исторических наук

Империя Тимура

Грандиозное государство, образованное в первой четверти XIII столетия знаменитым монгольским завоевателем Темучином-Чингис-ханом, начало распадаться вскоре же после его смерти (1227 г.). Постоянные междоусобицы между ближайшими наследниками Чингис-хана привели к раздроблению колоссального государства на ряд мелких независимых или полунезависимых друг от друга государств. Династии, называвшие себя и бывшие по происхождению монгольскими, по существу превратились в династии властителей — князей местного значения.

Средняя Азия составила отдельное владение, называвшееся по имени сына Чингис-хана улусом Чагатай¹. Раздробление, наметившееся во всех областях, завоеванных Чингис-ханом, имело место также и в улусе Чагатай. В XIV столетии Средняя Азия разделялась на следующие владения:

¹ Под словом «улус» монголы разумели «удел», имея в виду, впрочем, скорее владение людьми, чем территорией.

Моголистан (в который входили Семиречье и Кашгар) и так называемый Мавераннахр (арабское слово, означающее в буквальном переводе «то, что за рекою»; под рекою подразумевалась Аму-Дарья). С 60-х годов XIV столетия область по нижнему течению реки Аму-Дарья — Хорезм (позднее называвшаяся Хива) — также выделилась в самостоятельное владение; главным городом ее стал Ургенч.

Политической дробности соответствовала разнородность в хозяйстве, культуре и быте народов, населявших Среднюю Азию в XIV веке. Значительная часть населения Средней Азии вела кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Многочисленные стада баранов, лошадей, верблюдов передвигались по пустынным степным пространствам. Вместе с ними двигались кибитки с женщинами, детьми и домашним скотом. Трудна и тяжела была жизнь скотовода. Постоянные опасности и лишения вырабатывали в кочевнике умение переносить голод, жажду, нестерпимый летний зной и мертвящую зимнюю стужу. Железная дисциплина связывала в одно целое кочевую стоянку, кочевой род, пле-

мя; вне своего рода, вне своего племени человек не мог существовать, он обречен был или на голодную смерть или на порабощение.

Некоторые скотоводческие роды уже обнаруживали тенденцию осесть. Таков, например, был район Сыгнака, в низовьях реки Сыр-Дарья, на правом ее берегу. Остатки оронительных сооружений, сохранившиеся до наших дней, говорят о существовании здесь земледельческого населения, кормившего стапные, скотоводческие районы.

Современный Таджикистан, районы Самарканда, Бухары, низовья Аму-Дарья, граничившие со степным севером, были областями стариннейшего в нашей стране оседлого земледелия. Веками и тысячелетиями среднеазиатское земледельческое население вырабатывало здесь искусство ирригации, искусство обращать пустынные районы в цветущие, плодородные поля, орошаемые водой, проведенной к полям по каналам. Даже в XIX веке путешественники по Средней Азии с изумлением отмечали необычайную способность безграмотных, забитых среднеазиатских крестьян производить без помощи инструментов, на глаз, сложнейшие промеры по пересеченной, холмистой местности.

Возникшие еще в древности среднеазиатские города славились ремесленным производством. Людные, оживленные базары были центрами внутренней и внешней торговли. Караваны верблюдов перевозили продукцию среднеазиатских ремесленников не только в близлежащие районы, но далеко на восток, в Центральную Азию, в Китай, привозя на обратном пути дальневосточные товары, чтобы транспортировать их дальше, в Иран, на Поволжье, в генуэзские, итальянские колонии по берегам Черного моря. Великая торговая магистраль, шедшая с Дальнего Востока в Европу через Среднюю Азию, в XIV веке еще не потеряла своего значения.

Военное преобладание кочевников над оседлым населением Средней Азии, определившееся задолго до монгольского завоевания, в XIII—XIV веках отразилось самым наглядным образом на составе эксплуататорского класса. Большинство ханов, эмиров, беков и т. д. было тесно связано с кочевым, скотоводческим населением, поставлявшим для знати отважных и предприимчивых воинов.

Уделом трудового населения были беспроектная нужда, голод, эпидемии. Представители господствующего класса, сосредоточивая в своих руках значительную часть народного дохода, окружали себя всяческой роскошью. Арабский путешественник Ибн-Батута, посетивший в первой

половине XIV столетия Среднюю Азию, рассказывает о великолепных дворцах хорезмской знати, украшенных мозаикой, коврами и другим замечательным убранством. Даже в суровых условиях кочевой жизни юрта хапа резко выделялась богатством своей внутренней и внешней отделки.

Многочисленная бюрократия жила также за счет народа. Мусульманская церковь в XIV столетии вновь, после некоторого перерыва, стала могущественной классовой организацией. Мусульманское духовенство всемерно внушало народу мысль о необходимости «повиноваться богу и тем, кто имеет власть» (коран). Подавляющее большинство кочевых населения, так же как и оседлого, исповедывало ислам.

Со времени Чингис-хана основой феодального владения на Востоке стал лен, носивший название сююргала. Этот сююргаль предоставлялся тому или иному эмиру или беку на основе ленной службы, компенсацией за которую служило право эксплуатации населения лена. В случае необходимости ленник обязывался являться к государю с отрядом воинов, снаряженных за свой счет.

Такое феодальное владение вначале формально носило временный характер; пожалование во владение того или иного района обуславливалось определенным сроком, причем ленник, владелец сююргала, юридически не считался хозяином пожалованного владения; хозяином пожалованного владения юридически продолжал оставаться государь. Но временность эта была чистой фикцией; фактически всюду владелец сююргала становился полноправным наследственным владельцем своей земли и проживавшего на этой земле населения.

Развитие сююргала вызывало обострение междоусобной борьбы между отдельными ленниками, постоянно стремившимися расширить свои владения за счет своих ближайших соседей.

Борьба феодалов вызывала усиление эксплуатации населения. В результате районы, недавно еще являвшиеся цветущими земледельческими центрами, в XIII—XIV столетии были покинуты крестьянством; лишь отдельные остатки ирригационных сооружений, погребенные под песком, напоминали о бывших когда-то в этих местах культурных оазисах. Жестокая эксплуатация порождала общее народное недовольство, создавались предпосылки для крупных крестьянских восстаний.

Городское купечество и ремесленники также страдали от усобиц. Частые столк-

Тимур. Со старинной миниатюры. Музей восточных культур.

новения и войны нарушали движение торговых караванов, вредили торговым интересам среднеазиатских купцов, международные связи которых простирались далеко на восток и запад.

Все это, вместе взятое, не могло не вызвать среди верхушки эксплуатирующего класса стремления к созданию сильной власти, которая могла бы противостоять народному возмущению; заинтересованность большинства крупных землевладельцев в торговых прибылях также диктовала необходимость путем организации сильной власти обезопасить торговлю от хищнических нападений и самоуправства отдельных, подчас весьма мелких феодальных владетелей. Стремление к организации сильного государства было столь сильно в Средней Азии, что еще в 1304 году, как отметил акад. В. В. Бартольд, именно по почину среднеазиатской знати «всем монгольским государям было сделано предложение восстановить единство империи в единственной форме, в которой оно тогда было возможно, — в форме федерации государств»¹. Предложенный среднеазиатской знатью план не был, конечно, осуществлен; в 1305 году нача-

лись смуты среди самих предлагавших «федерацию государств» эмиров. Тем не менее попытки создать сильную власть в Средней Азии не были оставлены и в последующее время.

Такова была обстановка в Средней Азии XIV века.

2

Тимур родился в 1336 году в районе Кеша, иначе называвшегося в то время Шахрисябз. Род Тимура принадлежал к знати отуреченного монгольского племени Барлас. Эмир Тарагай, отец Тимура, был правителем шахрисябзской области и при слабости центральной монгольской власти пользовался большой независимостью. Как и все знатные молодые люди, Тимур с молодости приобрел необходимые навыки воина и предводителя, участвуя с детства в многочисленных военно-разбойничьих экспедициях и охотах. И позднее, став владельцем огромного государства, Тимур не утерял вкуса к военным упражнениям, принимая личное участие в рукопашных схватках, стрельбе из лука и объезде лошадей, великим знатоком которых он слыл по всей Средней Азии.

В 40-х годах XIV столетия распадение Чагатайского улуса было уже свершившимся фактом; ханы из рода Чагатая признавались, правда, верховными государями, но фактически вся власть находилась в руках отдельных эмиров. После смерти Тарагая во главе знати племени Барлас встал брат (или дядя) Тимура — Хаджи Барлас. Не найдя себе достойного места в Шахрисябзе, Тимур занялся разбоем и получил известность в качестве предводителя преданных ему нукеров (дружинников).

Вторым этапом этого периода жизни Тимура была служба у различных ханов в роли главы наемной дружины. К. Маркс, характеризуя карьеру Тимура, замечает, что Тимур «возвысился как начальник кондотьеров на службе у разных князей»².

Таким «начальником кондотьеров» являлся Тимур и в начале 60-х годов, когда, используя феодальную усобицу эмиров Мавераннахра, хан Моголистана Туклу-Тимур захватил в 1361 году Самарканд и родину Тимура — Кеш. Глава племени Барлас и Тимур бежали в соседний Хорасан. Через некоторое время Тимур, оставив Хаджи Барласа в Хорасане, вновь появился в Средней Азии и поступил на службу сначала к Туклу-Тимуру, а затем к его врагу — эмиру Хусейну, правившему в Балхе. Борьба с эмирами Моголиста-

¹ В. В. Бартольд «История Туркестана», стр. 38. Ташкент. 1922.

² Архив Маркса и Энгельса. Т. VI. стр. 184.

на вынудила Хусейна вместе с Тимуром покинуть Среднюю Азию. В одном из военных приключений в Систане Тимур был опасно ранен: стрела пронзила ему правое бедро и два пальца правой руки. С этого времени Тимур стал хромым и получил прозвище «Тимур-ленг» (то есть «хромой Тимур», откуда европейское «Тамерлан»). Лишь в 1364 году Хусейну и Тимуру удалось вновь отнять Мавераннахр у хана Моголистана. Эмир Хусейн стал владельцем Мавераннахра, а Тимур — начальником войска и владельцем Беша.

В 1365 году моголистанские чагатаи вновь напали на Самарканд; Хусейн и Тимур были разбиты и бежали. В это время в городе «произошло восстание ремесленников во главе с падафом (чистильщиком хлопка) Абу-Бекр Келеви и учащимся самаркандского медресе Мавляназаде Самарканди. Восставшие на целый год захватили власть в городе в свои руки и показали образцы исключительного умения управлять им в тяжелые дни осады города. Не рассчитывая взять открытой силой восставший Самарканд, феодалы в лице своих эмиров Хусейна и Тимура заманили народных вождей хитростью и только таким образом ликвидировали восстание. Характерно, что учащийся медресе Мавляназаде был помилован, в то время как чистильщик хлопка Абу-Бекр Келеви казнен»¹.

Вышедшая в 1937 году в пражском издании летопись придворного историка Тимура Низам-ад-дина Шами приводит некоторые подробности о замечательном восстании в Самарканде, отсутствующие в известных ранее исторических сочинениях; в перечне главнейших восстаний Шами упоминает о третьем лице, Мавляна Хордек Бухари, казненном, как и Абу-Бекр Келеви. Все три вождя восстания именуются сербедарами, то есть висельниками.

Согласие между эмиром Хусейном и честолюбивым «начальником кондотьеров», естественно, не могло быть длительным. Пятилетнее соперничество между обоими эмирами окончилось в 1370 году: эмир Хусейн был осажден Тимуром в Балхе, взят в плен и убит. Став полновластным владельцем Мавераннахра, Тимур тем не менее не провозгласил себя государем; по примеру всех среднеазиатских эмиров «законным» государем Тимур на торжественном курултае провозгласил отдаленного потомка Чагатая — Сохургатмыша. Власть последнего, конечно, была чистой фикцией и характеризовала лишь политические чаяния среднеазиатского ханства, мечтав-

шего о реставрации империи Чингис-хана. Когда умер Сохургатмыш, «законным» государем был провозглашен его сын Махмуд (1380—1402). Сам Тимур даже в период наибольшего могущества именовался эмиром, великим эмиром, к у р а к а н о м — зятем хана (он был женат на чингизидке), с а х и б к и р а н о м — властелином времени; с 1388 года официальный титул Тимура — с у л т а н. Подобная фикция была нужна среднеазиатской знати, чтобы оправдать грабительские, завоевательные походы, направленные лишь отчасти на среднеазиатские владения, входившие в улус Чагатая.

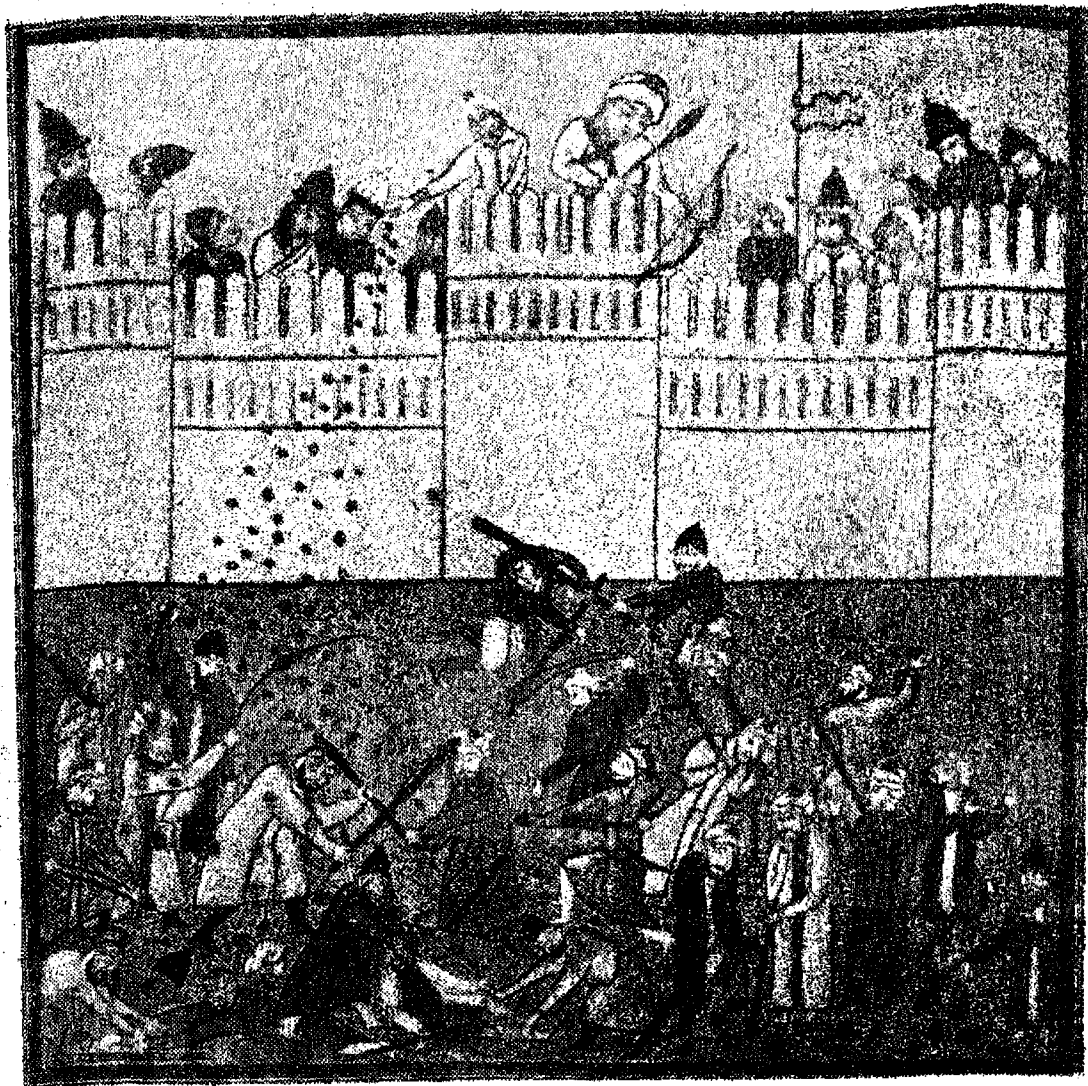
Первой жертвой этих грабительских вождений стала область, никогда не входившая в состав улуса Чагатая, — Хорезм. Как было указано в начале настоящего очерка, Хорезм в 60-х годах XIV столетия выделился из состава бывшего улуса Джучи и стал независимым владением под властью династии Суфи; тесно связанная в политическом и экономическом отношении с Поволжьем, в частности с Сараем, хорезмская знать не могла благожелательно относиться к усилению Мавераннахра. Враждебные действия начались вскоре же после убийства эмира Хусейна. С 1370 по 1380 год Тимур совершил четыре похода; богатый, многолюдный Ургенч, о котором с таким восторгом рассказывает арабский путешественник Ибн-Балута, посетивший столицу Хорезма в первой половине XIV века, был разграблен и опустошен. Одновременно с завоеванием Хорезма Тимур совершил ряд экспедиций против Моголистана, стремясь обезопасить свои владения от возможности вторжения с северо-востока.

В 70-х годах государство Тимура стало настолько мощным, что именно в Самарканде, столице этого государства, искал убежища Тохтамыш, преследуемый Урус-ханом (1361—1375); военная поддержка Тимура обеспечила Тохтамышу после смерти Урус-хана владычество над Белой Ордой (восточный Кипчак).

Таким образом, объединение Средней Азии осуществилось. На месте разрозненных владений эмиров и беков возникло сильное государство Тимура. Но, характеризуя это государство, нельзя не вспомнить слова товарища Сталина, сказанные им о великих государствах Кира и Александра: «Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»². Государство это

¹ А. Ю. Якубовский «Самарканд при Тимуре и тимуридах», стр. 13—14. Ленинград, 1933.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 9. Госполитиздат, 1939.

Осада среднеазиатского города Тимуром. Со старинной миниатюры. Государственный Исторический музей.

было лишь случайным объединением знати различных племен (преимущественно кочевых) вокруг удачливого и талантливого полководца. Естественно, что единственным средством, которое могло спаять во едино это случайное объединение, были грабеж и война. Тридцатипятилетний период правления Тимура — время непрерывных и грандиозных по размаху военно-грабительских предприятий.

Подчинив Хорезм, Тимур начал свои завоевания на юг от Средней Азии, на территориях, занятых ныне Ираном и Афганистаном. Подобно улусам Джучи и Чагатай бывшее владение иранских монголов Хулагидов в XIV столетии не представляло единого целого и состояло из нескольких государств, непрерывно враждовавших между собой. В 1380—1383 годах Тимур захватил восточный Иран и Афганистан, назначив наместником захваченных областей одного из своих сыновей. В 1386 году было предпринято покорение западных областей. Исфаган, Шираз и другие большие торгово-ремесленные города сдались на волю завоевателя; население этих городов было обложено тяжелой

данью, всюду были поставлены гарнизоны для наблюдения за непрерывным поступлением колоссальных контрибуций. Малейшее сопротивление каралось самым жестоким образом, вплоть до истребления всего населения, осмелившегося оказать неповиновение.

Из Ирана Тимур двинулся в Азербайджан, куда незадолго перед тем вторгся Тохтамыш, соединивший к тому времени в своих руках власть над Белой и Золотой Ордой. Тавриз, только что ограбленный Тохтамышем, подвергся вторичному разграблению со стороны войск Тимура. Пройдя через Карс на Грузию, Тимур опустошил ее, подчинил северозападных независимых правителей, так называемых ширван-шахов, и зазимовал в Бабабахе. Дальнейшие завоевания были прерваны известиями о восстании в Хорезме и наступлением на Мавераннахр вероломного Тохтамыша (в свое время получившего поддержку от Тимура) в союзе с семиреченскими монголами.

Возвратившись в Среднюю Азию, Тимур жестоко расправился с хорезмийцами: Ургенч был разрушен до основания, место,

где находился город, по приказу Тимура было перепахано и засеяно ячменем (1389 год). Совершив экспедицию на север против монголов (1390 год) и на Урал против Тохтамыша (1391 год), Тимур возвратился в следующем году к продолжению своих завоеваний на западе. В 1393 году западный Иран, Азербайджан и Месопотамия уже целиком находились в руках завоевателя. Таким образом, пятое объединение Средней Азии привело к образованию к середине 90-х годов XIV века огромного государства, включавшего в свои пределы, кроме Средней Азии, также Афганистан, Иран, Месопотамию, Азербайджан и Кавказ.

Образование такого государства встретило решительное сопротивление со стороны двух, таких же как Тимур, крупных владетелей того времени: Тохтамыша и османского султана Баязида, прозванного «Молнией».

Султан Баязид (1389—1402) после победы турок при Косове и Никополе владел Малой Азией и почти всем Балканским полуостровом. Усиление Тимура на восточных границах османских малоазиатских владений, естественно, не могло быть по душе главе османов, претендовавшему, как и Тимур, на господство над всей Западной Азией.

Тохтамыш же стремился расширить границы своих владений. Поход Тохтамыша на захваченное Тимуром Закавказье привел к решительному его столкновению с Тимуром. Последний, пройдя с опломным войском по западному берегу Каспийского моря, достиг Тохтамыша на Тереке и, разбив его, преследовал до русской земли. Блеп был захвачен, торговые города Азов и Бафа (Крым) разграблены, цветущие поволжские города Сарай и Астрахань сожжены (1395—1396).

О страшном погроме, учиненном Тимуром во владениях Тохтамыша, весьма картинно рассказывает младший современник Тимура—арабский историк Ибн-Арабшах: «полчища Тимура разбрелись по владениям Дештским, да расположились (в них). Он покорил племена их и (ему) подчинились последние и первые из них. Завладел он движимым и разделил его, да недвижимым и унес его с собою, собрал (все) захваченное и роздал добычу, дозволил грабить да полонить, произвел гибель и насилие, уничтожил племена их, истребил говоры их, изменил порядки да увез (с собою все) захваченные деньги, пленных и имущество»; он же сообщает далее, что Тимур «не мог остаться в Персии, вследствие (множества) народа Дештского, находившегося с ним, и потому направился в Самарканд, где он вытряс свои бурдюки и

опорожнил мешки свои от Дештского добра»¹.

Решительное столкновение Тимура с Баязидом было отсрочено предпринятой среднеазиатским завоевателем в 1398—1399 годах грабительской экспедицией в северную Индию. Формальным предлогом для похода Тимура на индийские владения было якобы желание искоренить идолопоклонников. Весною 1398 года Тимур покинул Самарканд, совершил поход в Кафиристан и в сентябре пересек реку Инд. Дели и другие богатые индийские города были безжалостно разгромлены, население или перебито или обращено в рабство; при паступлении на Дели Тимур отдал приказ перебить сто тысяч беззащитных пленников. Весною 1399 года Тимур возвратился в Самарканд со сказочной добычей.

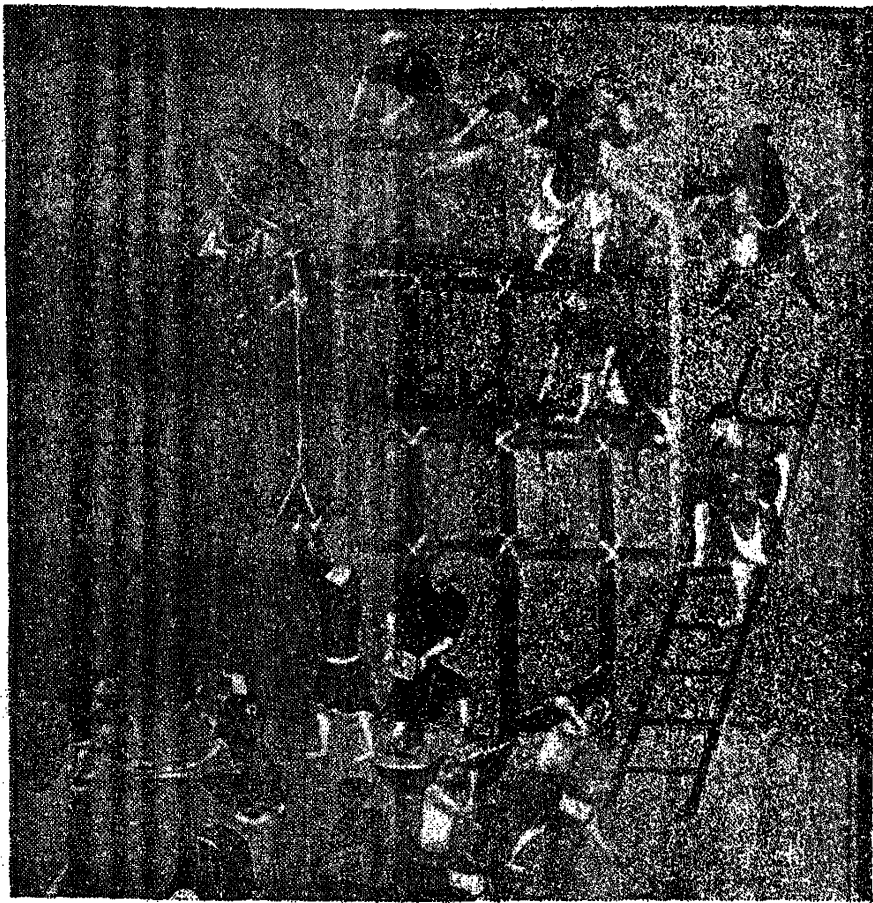
Враждебные действия против османского султана и его египетского союзника начались в 1400 году. В течение двух лет Тимур захватил большую часть Малой Азии, Сирию с Дамаском. Чагатайские всадники купали своих лошадей в водах Средиземного моря.

Решительное сражение между Тимуром и Баязидом произошло при Анкаре в 1402 году. Османский султан не только потерпел страшное поражение, но и был сам взят в плен (через девять месяцев после поражения Баязид умер в плену). Назначив наместников в завоеванных областях, Тимур в 1404 году вернулся в Самарканд.

В январе 1405 года Тимур, семидесятилетний старик, выслушал в последний свой поход — в Китай. Но, прибыв в Отрар, Тимур заболел и умер в феврале этого года.

Трудно представить себе вторую историческую фигуру, которая оставила бы по себе столь неизгладимое воспоминание и которая вместе с тем возбуждала бы к себе столь противоречивое отношение, как великий среднеазиатский завоеватель. Основатель огромной империи, простиравшейся от берегов Средиземного моря до Центральной Азии, Тимур, по выражению Э. Гиббона, был «скорее бичом, чем благодетелем человеческого рода». Безжалостно уничтожавший людей и материальные ценности в завоеванных странах, Тимур известен вместе с тем, как строитель многочисленных сооружений в Средней Азии, некоторые из которых дошли до нашего времени и поражают грандиозностью плана и исполнения. Неграмотный, так и не научившийся до конца жизни писать и читать, Тимур был поистине самым великим полководцем (после Чингис-хана), которого

¹ В. Тизенгаузен «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». Т. I, стр. 466 и 467 (примечание). СПб. 1834.

Постройка мечети в эпоху Тимура. О миниатюры XV века. Британский музей. Лондон.

знала средневековая Азия, и поражал современников своей необыкновенной памятью и наблюдательностью.

Рассказывают, что Тимур любил повторять слова одного поэта: «Как существует один бог на небе, так должен быть один царь на земле; все царства населенной части мира не заслуживают того, чтобы иметь больше одного царя».

Ибн-Арабшах так описывает этого замечательного человека: «Тимур был высокий ростом, могучий, белый по цвету кожи, отдававшей в красноту (рыжеватый), с широкими плечами, длинными ногами, мощными дланями, превосходного телосложения, длинной бородой, стройными могучими руками, хромой на правую ногу, с глазами, похожими на свечи, но без блеска, могучим голосом; он не боялся смерти, был крепок в мысли и крепок в теле, мужественен и бесстрашен, как твердая скала, он не был мрачен в несчастии и не был весел в случае успеха»¹.

Персидский историк Хафиз-и-Абру сообщает следующий рассказ о последних днях Тимура: «Когда Тимур был болен, к нему собрались эмиры и он поднял сначала один палец, а затем два, сделал глазами знак окружающим и спросил их: «Что я хочу этим сказать?» Некоторые из эмиров решились ответить: «государь этим

выражает, что осталось еще одно или два средства к выздоровлению». Тимур без всяких признаков досады сказал, что смысл его движения был иной: «больше одного или двух дней меня среди вас уже не будет». Врачи, призванные к одру больного и получившие приказ сказать всю правду, объявили, что по правилам врачебной науки дело обстоит так, как сказал государь. Некоторые из присутствовавших стали бранить врачей за слишком откровенные речи, но сам Тимур похвалил их»².

Что же представляло собою государство, созданное этим замечательным человеком, воплотившим в своей незаурядной личности все достоинства и пороки своей среды и своей эпохи?

Начав свою житейскую карьеру в качестве «начальника кондотьеров», Тимур, по существу, оставался таковым до конца жизни. Как было упомянуто выше, основу того случайного объединения, которое представляло собою государство Тимура, составляла разноплеменная знать Средней Азии. Тесно связанная родовыми и традиционными узлами со скотоводческим кочевым населением, составлявшим основную боевую силу для военных пред-

² Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, год XVIII, стр. 51. Ташкент, 1914.

¹ Ибн-Арабшах «Чудеса в деяниях Тимура». Каирское издание.

приятней, эта знать занимала командное положение как в военной, так и в гражданской администрации; предводимые этой знатью племена являлись костяком войска.

Классический посол Клавихо следующим образом описывает чагатаев — племенное ополчение Тимура: «Эти чагатаи имеют особые льготы от царя. Они могут ходить везде, где хотят, зимой и летом. Они свободны, не платят податей царю, потому что служат ему на войне, когда он их позовет. И не думайте, чтобы они оставляли где-нибудь своих жен, детей или стада, они берут с собой все, что у них есть, когда идут на войну или переходят с места на место... И не только те, которые понадались по дорогам, кочуют по полям, но еще многие, кроме них, потому что когда мы где-нибудь проходим, встречаем их то с одной стороны, то с другой стороны, и видно было их еще много на целую лигу или две, и нам приходилось идти между этим народом сутки и более, и все же мы не могли выбрать из него»¹.

Продвижение такого войска означало опустошение даже самых цветущих районов. Население, заслышав о движении войска Тимура, покидало свое жилище задолго до того, как авангардные отряды успевали показаться на горизонте.

Кроме чагатаев войска Тимура включало части, состоявшие на регулярно выплачиваемом содержании, — хорасанскую пехоту, технические, инженерные отряды, личную гвардию. Военные стоянки Тимура были поистине грандиозны. Около войсковых стоянок разрастались целые города, образовывались ремесленные слободы, торговые улицы. Клавихо оставил описание одной такой стоянки: «В этот день посланников повезли туда, где стояла орда. Приехавши, они увидели много прекрасных палаток, из которых большая часть стояла на берегу реки. Они были очень красивы на вид и стояли очень близко одна от другой. Посланников повели по улице, где продавались разные вещи, необходимые для войска, когда оно идет в поход»².

Клавихо был свидетелем, как однажды Тимур «велел объявить по всему городу Самарканду, чтобы все городские торговцы, мяпалы, продавцы тканей, так же как жемчуга и разных других вещей и всевозможных товаров, шовара, мясники,

хлебники, портные и балмачники, и всякие другие ремесленники, какие только были в городе, собрались на поле, где стояла его орда, поставили свои палатки и продавали свои товары здесь, а не в городе»³. Среди всего этого собрания палаток, кибиток, юрт резиденция чагатайского «императора» представляла самое роскошное зрелище. Приемная палатка была шириною в сто шагов, потолок ее опирался на двенадцать столбов и был расписан лазурью и золотом. Здесь во время совещаний и приемов собирались приближенные эмиры в платьях из голубого материала с золотым шитьем, в высоких шапках, с верхушки которых спускались две косы из красных волос, сплетенных в три пряди, доходившие до плеч. Палатка была украшена большим серебряным позолоченным орлом с распушенными крыльями, а пониже его находились три серебряных сокола с распушенными крыльями, обращенные носами к орлу.

Как и во времена Чингис-хана, войска Тимура состояло из следующих основных частей: центр — кул, левая сторона — джунгар, правая сторона — барунгар, отборные части составляли авангард — мункала. Каждое племя точно знало свою принадлежность к той или иной части, каждый военачальник обязан был привести в поход воинов и лошадей (кавалерия составляла основную массу войск Тимура); каждый воин должен был иметь с собою лук, деревянные стрелы, волчя, щит. На каждого двух человек полагалась запасная лошадь; отряд в десять человек должен был иметь палатку, два заступа, кирку, пилу, топор, шило, веревки для лассо, котелок и кроме того запас продовольствия. В трудные и опасные предприятия обычно выступали только воины, оставляя позади под солидным прикрытием обозы с семьями и имуществом. В случае острого недостатка в снабжении продовольствие всех отрядов собиралось вместе и устанавливался рацион. Часто устраивались охоты; животные и птицы, убитые во время таких охот, составляли общую собственность.

В качестве военачальника Тимур не знал себе равного. В этом отношении между чагатайским полководцем и его монгольским предшественником было много общего; Тимур, как и Чингис-хан, тщательно готовился к каждому походу, лично производя смотр вооружению и припасам каждого воина. Отмечая качество исполнительности службы при Тимуре, К. Маркс указывает: «Тимур ввел систему шпионажа, причем орудиями служили ему дервиши, факшры,

¹ Рюи Гонзалес де Клавихо «Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 годах». Перевод И. И. Срепаневского. Сборник отделения русского языка и словесности АН. Т. XXVIII, № 1, стр. 220 и 221.

² Там же, стр. 269.

³ Там же, стр. 282.

монахи, от лам до христианских отшельников»¹. Осведомленность Тимура о слабых и сильных сторонах противника вызывала удивление даже такого достойного соперника по этой части, как Тохтамыш.

Тимур не знал поражений. Его военная тактика базировалась на старинной монгольской тактике, но в ней было много нового в военном отношении. Впереди основной массы войск шел отряд конных разведчиков, задачей которых являлось, во-первых, осведомление о силах противника, во-вторых, оказание противнику первого сопротивления. За этими легкими разведывательными отрядами шли авангардные отряды, разделенные на центр, правое и левое крыло. За авангардом двигалась основная часть войска; левое и правое крыло обычно занимала кавалерия, центр — тяжело вооруженная пехота в панцирях, с щитами, мечами и кошками. Наконец, своды двигался с тяжелым арьергардом сам Тимур. Войска противника, прорвавшись через один из упомянутых заслонов, неминуемо должны были встретить сопротивление следующего заслона.

Подобно Чингис-хану, Тимур в широких масштабах применял методы устрашения. «Политика Тимура, — указывает Маркс, — заключалась в том, чтобы тысячами истреблять, вырезывать, истреблять женщин, детей, мужчин, юношей и таким образом всюду наводить ужас»².

Глава и защитник интересов среднеазиатской, преимущественно мавераннахрской знати, Тимур особое внимание обращал на благоустройство областей, которые считал основой своей силы и могущества. По распоряжению Тимура в Мавераннахр насильно стоялось земледельческое население, очевидно, разбежавшееся за предшествующий период усобиц. Не только ремонтировалась и исправлялась прежде существовавшая ирригационная система, но строились новые каналы в местах, где ранее не занимались хлебопашеством; так например в Мургабе по приказу Тимура все высшие чины государства, вплоть до членов семьи императора, обязаны были провести каналы и таким образом создать земли, удобные для земледелия. Клавихо сообщает, что именно Тимур впервые ввел культуру конопли и льна в Средней Азии.

Не менее энергичные меры были употреблены для того, чтобы превратить Самарканд в торгово-ремесленный центр всего Востока. Из Сирии, Малой Азии, Ирана, Индии — отовсюду, где проходили войска завоевателя, в Среднюю Азию направлялись искусные ремесленники: тка-

чи, каменщики, керамисты, бронзировавшие, ювелиры, строители. Самарканд стал производителем различных тканей, оружия, веревок, особо необходимых в военном деле, всевозможных предметов роскоши.

Нужно отметить, что положенно всего этого ремесленного люда было ужасно. Эксплуатируемое нещадно феодальной знатью, ремесленное население Самарканда, достигавшее 150 тысяч человек, нередко не только не имело средств к существованию, но и в буквальном смысле кровли над головой; многие из ремесленников жили под открытым небом, в пещерах и т. д. Вынужденные отдавать значительную часть, если не всю свою продукцию чагатайской знати, ремесленники ничего не выигрывали от процветания Самарканда. Феодальная знать была весьма заинтересована в развитии торговли; купцы не только должны были отдавать часть торговых барышей всяким владельческим ханам и эмирам, но весьма часто выступали просто как комиссионеры этих ханов и эмиров по продаже произведенных ремесленным населением изделий.

Эта прямая заинтересованность феодальной знати в развитии торговли отразилась на переустройстве города. Клавихо рассказывает: «Так как в нем (Самарканде. — Б. З.) не было большого места, где можно было продавать все в порядке, царь приказал провести через город улицу, в которой по обеим сторонам были бы лавки и палатки для продажи товаров. Эта улица должна была начаться в одном конце города и, проходя сквозь весь город, доходить до другого конца. Эту работу царь поручил двум своим мирассам (чиновникам), давши им знать, что если они не приложат к ней всего старания, заставляя работать день и ночь, то заплатят головой. Мирасы (чиновники) начали дело и принялись разрушать дома, которые встречались в тех местах, где царь велел провести улицу, чьи бы они ни были, не обращая внимания на хозяев; так что хозяева, видя, что их дома разрушались, собирали свое добро и все, что у них было, и бежали. Как только одни работники кончали ломать, сейчас являлись другие и продолжали работу. Улицу провели очень широкую, и по обеим сторонам поставили палатки; перед каждой палаткой были высокие скамейки, покрытые белыми камнями. Все палатки были двойные, а сверху вся улица была покрыта сводом с олопками, в которые проходил свет. Как только оканчивались работы в палатках, тотчас же помещали в них торговцев, которые продавали в них разные вещи»³.

Тимур вполне отчетливо сознавал значение мусульманской церкви для господ-

¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. VI, стр. 185.

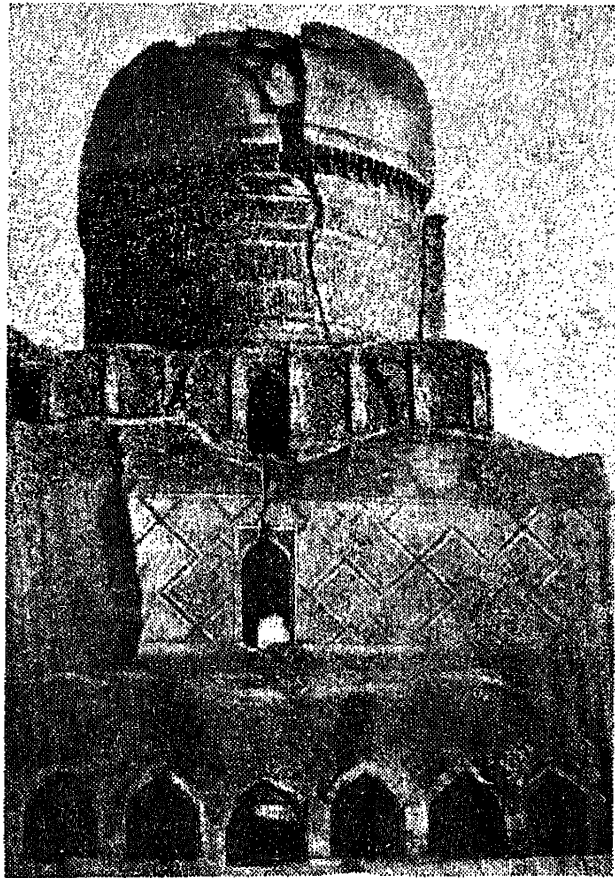
² Там же.

³ Клавихо. Цит. соч., стр. 310—317.

ствующего класса и всячески поддерживал всевозможные мечети, медресе (духовные училища) и тому подобные учреждения, щедро жертвуя на их содержание деревни, награбленные сокровища и так далее. Любимым окружением чагатайского «императора» были муллы, дервиши и богословы всех рангов. Для поднятия престижа мусульманской церкви Тимур распорядился возвести в Самарканде и других городах новые здания мечетей и усыпальниц. Среди подобного рода сооружений дошли до нашего времени знаменитые постройки Тимура в Самарканде, известные под именем «Шах-и-зижде» (живой шах). Это первоклассный архитектурный памятник среднеазиатского средневековья, сделанный искуснейшими мастерами того времени. Большой известностью пользуется также построенная Тимуром в Самарканде мечеть Биби-ханым. Начатое после индийского похода, это грандиозное сооружение было закончено в 1403—1404 годах, то есть постройка его продолжалась всего около пяти лет; в качестве тягловой силы применялись не только волы и люди, но и захваченные в Индии слоны.

Стремление Тимура всячески возвеличить авторитет мусульманской церкви иногда доходило до курьеза, как об этом повествует один рассказ: «Знаменитый мастер в письменном искусстве Омар не имел правой руки, а левой зато писал таким образом, что взоры знатоков изумлялись. Он написал для господина времени эмира Тимура копию Корана таким мелким почерком, что всю работу можно было уместить под гнездом перстня. Эту рукопись он принес господину времени. Тот не принял работы, но одобрил ее, так как считал недостойным, чтобы кто-нибудь осмелился писать мелко слова Корана. Тогда Омар сделал другую рукопись такой величины, что каждая строка рукописи равнялась одному зару (около аршина). Окончив работу, он переплел ее, затем положил на тележку и повез во дворец господину времени. Когда это известие дошло до слуха султана, он вышел навстречу мастеру со всем духовенством, вельможами, эмирами и оказал мастеру большие милости»¹.

Поддержка, оказываемая Тимуром мусульманской церкви, была одним из весьма немногочисленных мероприятий, направленных к созданию какого-то подобия единства среди стран и народов, покоренных завоевателем. Тимур фактически в ряде своих завоеваний не преследовал иных целей, кроме грабежа. Рассказывая о зверствах, учиненных Тимуром в Малой Азии во время борьбы с османским султаном

Архитектурный памятник времен Тимура. Музей восточных культур.

Баязидом, Ф. Маркс замечает: «...как и всюду, жители — и турки и греки — подвергались истязаниям или же под угрозой предания огню вынуждены были выдавать все свое ценное имущество»².

Откровенный, ничем не прикрытый разбой, соединенный с варварскими разрушениями и жестокостями, знаменовал каждый поход Тимура. Кратковременное пребывание полчищ Тимура на Поволжье, во время последней войны с Тохтамышем, настолько разорило весь край, что стоимость одного барана, как указывают хронистки, поднялась до неслыханно высокой цены в 100 динаров. Пребывание Тимура в Индии вызвало здесь полную хозяйственную разруху — из сказочно богатой страны Тимур ушел, оставляя позади себя голод, эпидемии и дымящиеся от пожаров развалины городов и селений. Ни в Поволжье, ни в Индии, ни в западной части Малой Азии после завоевания Тимур не установил сколько-нибудь упорядоченной администрации, наличие которой указывало бы на стремление завоевателя присоединить эти страны к своему государству на более или менее продолжительное время. Мавераннахрская племенная знать оказалась неспособной создать крепкое централизованное государство. Даже в

¹ «Рисале» Казн Ахмеда (перевод сделан с рукописи Музея восточных культур в Москве).

² Архив Маркса и Энгельса. Т. VI, стр. 186.

тех странах, которые Тимур считал основой своей империи, — современные территории Ирана, Афганистана, Месопотамии, отчасти Кавказа — не были установлены какие-либо единообразные порядки.

Боле того, империя Тимура уже с самого начала своего существования несла в самой себе зародыш разложения. Практика раздачи территорий и населения в ленное владение, существовавшая до Тимура, не только не прекратилась с организацией империи, но получила дальнейшее распространение. Многие из приближенных к Тимур и отличившихся военачальников получали обширные владения в наследственное и бесконтрольное пользование. Сама войсковая система порождала возможность выделения полунезависимых от верховной власти владений. Как и ранее, при Тимуре во главе отрядов воинов стояли эмиры, тысячники (мин баши), сотники (юзбаши), десятники (он баши), которые должны были за собственный счет содержать и приводить на службу государю отряды определенной численности. Свои материальные средства эти начальники отрядов черпали также из находившихся в их руках ленных владений.

Грабительские вождения группировавшейся вокруг Тимура знати, отсутствие стройной, упорядоченной администрации, широкое распространение откупа доходных мест отдавали завоеванное население на полный произвол всевозможных представителей военной и гражданской бюрократии. Даже угроза нового нашествия Тимура не могла удерживать от выступлений население, измученное непосильными поборами, пытками и казнями. Самая массовость репрессий, следовавших за подобными выступлениями, указывает на то, что в этих выступлениях принимали участие широкие народные массы.

В условиях постоянной угрозы как со стороны отдельных феодалов, так и со стороны широкой народной массы, при отсутствии упорядоченной администрации, единственным средством сохранить империю являлись организация разветвленной осведомительной службы и жесточайшие террористические меры. Клавихо сообщает, что при Тимуре, как и при Чингис-хане,

исключительное значение имела почтовая служба, тесно связанная на Востоке с древних времен со службой осведомления. Нарочные, ехавшие с сообщением ко двору Тимура, пользовались всякими привилегиями. «Обычай таков, что если кто-нибудь едет по дороге верхом, будь то князь или какой-нибудь другой человек, или купец и посланник, или кто другой, кто отправляется к царю, скажет, чтоб он встал и отдал ему лошадь, так как он едет к царю, или пошлет его с каким-нибудь поручением, он должен отдать сейчас и не смеет сказать нет, потому что за это замятит головой; такова воля царя»¹.

В мерах устрашения, которые предпринимались против оказавших неповиновение, Тимур не знал пощады и проявлял жестокость. При восстании населения города Себзеvara Тимур залил алмастром и известно три тысячи человек живыми. Во время подавления Исфганского мятежа по приказу Тимура было убито семьдесят тысяч человек; из голов убитых была сооружена башня. Подобные башни из человеческих голов украшали и другие места империи. Европейцы, проезжавшие в XVI—XVII веках по областям, входившим в состав владений Тимура, рассказывают, что еще в это время кое-где сохранились эти чудовищные сооружения.

Но естественно, что все эти меры могли лишь на время приостановить неминуемое разложение государства, отдельные части которого были так слабо спаяны. Не успел еще Тимур умереть, как среди его ближайших наследников началась ожесточенная борьба за право владеть теми или иными областями. Через короткий промежуток времени от могущественной империи остались лишь враждовавшие между собой тимуридские княжества.

Гегель в своей «Философии истории» образно сравнил государство Тимура с лесным потоком, который все уничтожает на своем пути, а затем исчезает².

¹ Клавихо. Цит. соч., стр. 200—201.

² См. Гегель. Соч. Т. VIII, стр. 85. Соцэкгиз. 1935.

А. Бокщанин

Восточно-эллинистические государства III—II веков до нашей эры

(Греко-Бантрийское царство)

Конец IV и первая половина III века до нашей эры были одним из наиболее бурных периодов истории древнего мира. Падение окрахлевшей персидской деспотии, сделавшей добычей Александра Македонского, и неожиданно быстрый распад его собственной «мировой» монархии, произошедший вскоре после его преждевременной смерти, дали могучий толчок образованию новых политических объединений. Но и вновь возникшие государства не были прочны. Государство Селевка Никатора и его преемников, являвшееся наиболее крупным из обломков империи Александра, постепенно теряло отдельные провинции, выходявшиеся из него в самостоятельные политические единицы.

«Великие государства Кира или Александра, — пишет товарищ Сталин, — не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации,

а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»¹. Это замечательное определение политической сущности персидской деспотии и монархии Александра вполне можно отнести и к державе Селевкидов, растянувшейся от берегов Эгейского моря до гор Гиндукуша и пустынь Средней Азии.

Только военная сила могла удерживать под пятой греко-македонских завоевателей многочисленные племена и народности, находившиеся на весьма различных стадиях общественно-политического развития. Как только азиатское население владений Селевкидов ощущало ослабление военной мощи своих поработителей, оно тотчас же

¹ И. В. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 9. Партиздат. 1939.

поднималось для свержения иноземного гнета. Вся история греко-восточных, так называемых эллинистических, держав полна сообщений о подобных восстаниях. В результате этих движений огромные владения полководцев Александра — диадохов — в течение III века до нашей эры распались на ряд менее крупных, но достаточно значительных государств¹. Некоторые из них управлялись выходцами из среды местной азиатской аристократии, в то время как другие продолжали оставаться в руках греко-македонских династий. Однако в ряде восточных стран господствующие слои азиатского общества настолько сроднились с греко-восточной эллинистической культурой, что сохраняли и развивали ее и после восстановления политической независимости своих областей.

Культурное влияние эллинизма держалось поэтому значительно дольше, чем существовало политическое господство греко-македонских колонизаторов. Неизгладимый след его оставался на всем последующем развитии экономики и культурной жизни населения не только стран, некогда входивших в состав владений Александра, но и в соседних с ними районах. Сфера влияния эллинистической культуры была исключительно велика, охватывая огромную территорию от западных берегов Средиземного моря до верхней части долины Инда и до Бактрии и Согдианы, расположенных в Средней Азии.

1

Бактрия и Согдиана, включавшие в свои пределы Туранскую низменность и прилегавшие к ней горные массивы, являлись одним из древнейших очагов цивилизации, на что указывают нам как сообщения ряда античных писателей², так и данные археологических раскопок.

Древнейшими памятниками культуры обитателей степей и речных оазисов Средней Азии являются палеолитические орудия, найденные советскими археологами в некоторых районах Туркменской ССР³. Эти так называемые микролитические орудия

¹ Так например после смерти полководца Александра — Лисимаха — из его владений выделились царства Пергамское, Вифинское, Фракийское. Из монархии Селевкидов в течение III века до нашей эры выделились Капподокция, Понт, Армения, Мидия-Атропатена, Парфия, Бактрия.

² Сведения об этнографии и древнем периоде истории среднеазиатских стран встречаются в произведениях Геродота, Диодора, Страбона, Плутарха, Арриана и Юстина, излагающего утерянную работу Помпея Трога.

³ Кызыл-Такыр в центральных Каракумах, Дуз-Юзи, на берегу Каспийского моря, и т. д.

весьма характерны для быта бродячих охотников переходной эпохи от палеолита к неолиту.

О следующем этапе культурного развития свидетельствуют остатки поселений оседлых земледельцев и скотоводов, следы которых впервые были открыты в 1903—1905 годах близ Алау⁴ иностранной экспедицией Пумпелли и затем обнаружены в ряде других местностей⁵. Алауские стоянки, позднейшие слои которых относятся к концу III тысячелетия до нашей эры, содержат разнообразные предметы домашнего обихода, оружие, гончарные изделия, остатки зданий, построенных из необожженного кирпича.

Остатки первобытных поселений — многочисленные холмы, называемые в настоящее время «тепе», — повидимому, представляли собою укрепленные становища родоплеменных групп, неоднократно упоминаемые в произведениях античных историков, называвших их городами. Пержитки первобытно-общинных отношений у народностей Средней Азии сохранялись в течение долгого времени, даже в эпоху преобладания рабовладения, которое начинает складываться в этих районах к середине I тысячелетия до нашей эры. К моменту включения Бактрии и других районов Средней Азии в состав персидской деспотии Ахеменидов среднеазиатские степи и речные долины были населены многочисленными племенами, родственными скифским племенам, обитавшим в степной полосе Юго-восточной Европы.

В VI—V веках до нашей эры все эти племена находились еще на разных стадиях развития родоплеменных отношений, занимаясь собирательством, охотой, рыбной ловлей, скотоводством и только в некоторых районах земледелием. Географ Страбон указывает, что «в древности согдийцы и бактрийцы мало отличались от кочевников по образу жизни и нравам...»⁶.

Основной военной силой среднеазиатских племен являлась прекрасная конница, боевые качества которой были хорошо известны во всех странах древнего Востока.

Среднеазиатские племена мужественно защищали свою независимость. В борьбе с ними погиб основатель персидской державы Кир. Однако силы были слишком неравны, и в конечном счете значитель-

⁴ В районе Ашхабада.

⁵ К памятникам алауского типа могут быть отнесены находки на местах древних поселений на Ак-Тепе, близ Ашхабада, Намазга Тепе, близ Каахка, в бассейне реки Зеравшана, в районе Термеза в Ферганской долине и ряде других мест.

⁶ Страбон «География». Кн. XI. Гл. II, 3.

ные части Средней Азии — Бактрия, Хорезм, Парфия и Маргиана — оказались в составе державы Ахеменидов. Но и покоренные области оказывали сопротивление чужеземному игу, неоднократно восставая против своих поработителей.

Персидское господство значительно изменило облик среднеазиатских стран и их населения. Податная система, военные походы и различного рода повинности ускорили процесс социальной дифференциации населения — процесс выделения местной родовой аристократии, постепенно обращавшейся в вершнюю земле- и рабовладельческую знать. Формирование же земледельческой аристократии, обладавшей значительным количеством ценностей, и экономическая связь с более развитыми в хозяйственном отношении частями персидской монархии вызвали быстрый рост торговли и ремесел, способствуя развитию городских центров.

Паряду с большими городскими центрами в среднеазиатских областях появилось значительное количество мелких укрепленных пунктов, служивших резиденциями — «замками» — местных аристократических фамилий.

В 329 году до нашей эры армия Александра Македонского, совершившая свой победоносный марш по территории персидской деспотии, вторглась в Бактрию и Согдиану и после тяжелой, более чем двухлетней борьбы сломала в 327 году до нашей эры сопротивление свободолюбивых среднеазиатских племен.

2

Греко-македонское завоевание Бактрии и Согдианы оказало исключительно сильное воздействие на весь ход последующего экономического и социально-политического развития среднеазиатских народностей.

Не говоря о влиянии, оказываемом на местное население значительным по тому времени греко-македонским гарнизоном и различными сопутствовавшими солдатам элементами греческого населения (лагерные торговцы, гетеры, солдатские семьи и т. д.), самый факт македонского завоевания явился сильным толчком, ускорившим развитие процесса социальной дифференциации местного населения. Усилилось влияние и упрочилось положение местной земле- и рабовладельческой аристократии. Стремясь привлечь ее симпатии на сторону завоевателей, Александр увеличивал ее земельные владения, а это усиливало ее экономическое и политическое влияние на соседние земледельческие общины. Получив из рук македонского царя свои прежние земельные владения увеличенными, владея ими теперь на основе полного права собственности, обрабатывая свои по-

местья толпами рабов, подаренных им завоевателем, представители местной бактрийской и согдийской племенной знати считали, естественно, для себя выгодным поддерживать власть иппоземца. Недаром с течением времени Александр под именем Искандера становится их любимым мифическим героем, память о котором в песнях и сказаниях сохранилась до нашего времени.

Бактрийско-согдийская рабовладельческая знать переняла греческий язык и обычаи и образовала смешанный господствующий эллинизированный слой общества, явившийся надежной опорой греко-македонских властителей в этих отдаленных районах.

Не меньшее значение для укрепления власти Александра и его преемников в среднеазиатских областях имело бурное развитие торговых отношений с соседними областями Центральной Азии, Индии, а несколько позднее (II век до нашей эры) — даже с Китаем. Благодаря тому что в состав монархии Александра была включена северозападная Индия, через Бактрию и Согдиану прошли новые мировые торговые пути, что оказало колоссальное влияние на быстрый рост населения как древних, так и вновь основанных городов. В III веке до нашей эры, кроме восьми городов, основанных самим Александром, в Бактрии и Согдиане существовало уже до тысячи городских поселений. Среди этих городских центров особенно выделялась количеством населения и богатством Александрия-Есхате, через которую шли торговые пути за Яксарт и в «страну Серов» — Китай. Население всех этих городов было весьма смешанным. Согласно указаниям античных авторов¹, подтверждаемым находками советских археологов², здесь было очень много греческих торговцев и других предприимчивых лиц из среды греков, искавших счастья и удачи в этих отдаленных от Эллады странах.

Неожиданная смерть «повелителя вселенной» (323 год до нашей эры) не поколебала греко-македонского господства в Средней Азии, несмотря на то что поселенные здесь греческие военные колонисты (20 тысяч пехоты и 3 тысячи конницы), узнав о смерти царя, восстали против его преемников и решили самовольно возвратиться на родину. Однако македонские правители не дали им исполнить это намерение. По приказанию регента Пердикки сатрап Мидии Пифон Грегградил им дорогу и наместо истребил их.

¹ Полибий. Кн. X. Гл. 31-я.

² Отчет об экспедиции С. П. Толстова. «Вестник древней истории» № 3 за 1939 год.

В течение периода жестоких войн между военачальниками Александра — диадохами, — делившими на части его империю, «верхние сатрапии», в том числе и Бактрия с Согдианой, поддерживали секретаря Александра — Эвмена. После гибели Эвмена (316 год) Средняя Азия первоначально попала в руки Антигона Одноглазого, а впоследствии — Селевка, который овладел в 312 году Вавилоном, а затем подчинил себе Сузиану и Мидию.

В течение последующих 5 лет Селевк покорил все среднеазиатские сатрапии и, защищая греческие владения в Индии, в войне с основателем индийской династии Маурья — Чандрагуптой — дошел до реки Ганга (307 — 305 годы до нашей эры), получив за эти походы прозвище Никатора (победителя).

Объединив под своей властью большую часть азиатских владений Александра, Селевк разделил свое огромное царство на 72 мелкие сатрапии, стремясь, таким образом, воспрепятствовать отложению наместников. Однако впоследствии он сам стал нарушать это деление, объединяя по нескольку сатрапий под властью военачальников, получивших название эпархов. Своими восточными владениями Селевк очень дорожил, но, будучи занят ведением войн на западных границах своего царства, он отдал восточные сатрапии в управление своему сыну и наследнику Антиоху. Последний укрепил Александрию-Ескате и обнес стеной оазис Маргианы для защиты его от нападения кочевников. В центре этого плодороднейшего района он построил город Антихию-Маргиану.

Эти мероприятия, а также развитие торговли и ремесел, способствовавшее росту городского населения, не могли не содействовать дальнейшему углублению процесса эллинизации общественного строя Бактрии и Согдианы. Укреплялось экономическое благосостояние и политический вес крупной земле- и рабовладельческой знати. Однако по мере укрепления своего положения эллинизированная знать среднеазиатских областей все менее и менее нуждалась в поддержке и защите селевкидских властителей. С другой стороны, бесконечные войны, которые вели преемники Селевка и Антиоха I на западных окраинах своей огромной державы, вызывали все большее и большее повышение налогового бремени в восточных сатрапиях. Увеличение налогов и усиление произвола селевкидских наместников вызывали недовольство среди населения и привели в середине III века до нашей эры к отпадению от державы Селевкидов ряда восточных сатрапий. Около 256 года выделилась в самостоятельное государство Парфия, а несколькими годами позже

среднеазиатские области образовали эллинистическое Греко-Бактрийское царство.

Движение за независимость в Маргиане, Согдиане и Бактрии возглавил бактрийский сатрап Диодот, объявивший себя в 250 году до нашей эры самостоятельным царем восточных областей державы Селевкидов. Политическая обстановка сделала неизбежным подобное развитие событий. Царствовавший в это время селевкидский царь Антиох II Теос (261—247 годы до нашей эры) был занят бесконечными войнами с Египтом из-за южной Сирии и Финикии; к тому же это был слабовольный человек, предававшийся пьянству и разврату. Управление восточными областями он переделал своим клевретам, которые своей грабительской политикой вызвали в Парфии возмущение. В 256 году представитель местной парфянской аристократии Аршак, бежав к соседним кочевникам — дагам, — поднял знамя восстания против греко-македонского владычества. Восставшие одержали победу, и Парфия сделалась независимой.

Отпадение Парфии, власть в которой захватила местная, азиатская аристократия, вконец поколебало господство Селевкидов и в соседних с ней среднеазиатских сатрапиях, создавая благоприятную почву для осуществления честолюбивых стремлений отдельных наместников восточных областей. Некоторые из них, как Диодот, сатрап Бактрии, и другие греческие наместники, объявили себя самостоятельными властителями.

Сообщая об этом, писатель Юстин указывает, что «когда Диодот, правитель тысячи городов Бактрии, отложился и провозгласил себя царем, его примеру последовали народы всего востока, отделившиеся от Македонии»¹.

При этом ни Юстин, ни упоминавший об этом географ Страбон ничего не сообщают о каких-либо вооруженных столкновениях между войсками отложившегося сатрапа и сторонниками селевкидского правительства. Возможно, что выступление Диодота было подготовлено исподволь, так как некоторые из монет основателя Бактрийско-Согдийского государства наряду с изображением Диодота имеют также и имя Антиоха II. Последующие мирные отношения между Диодотом и селевкидскими царями объясняются крайней слабостью центральной власти, вынужденной напрягать все силы в борьбе с птолемеевским Египтом, которая как раз около этого времени приняла особенно неблаго-

¹ Юстин. Кн. 41-я. Гл. 4-я.

приятный оборот для потомков Селевка Никатора.

В 246 году Птолемей III разгромил сирийскую армию и захватил ряд западных областей селевкидской державы — Сирию, Финикию — и, по некоторым сведениям, дошел даже до Вавилона.

Вполне естественно, что сменивший Антиоха II его сын Селевк II (247—226), принявший грозный титул Баллиника (Пре-краснопобедного), выпущен был мириться с отпадением восточных областей, для того чтобы сосредоточить все силы на борьбе с более опасным противником, угрожавшим основным областям государства Селевкидов.

Стремясь обеспечить свой тыл и фланги, он заключил мир и союз с царями Понта и Каппадокии, выдав за них замуж своих сестер. Подобный же династический брак заключен был между селевкидской принцессой и Диодотом.

Заключение мира и установление союзных отношений между Селевком и отложившимся сатрапом Бактрии и Согдианы объясняется также той напряженной борьбой, которую пришлось вести обоим правителям против вновь образовавшегося Парфянского государства.

Повидимому, Диодот, добившийся некоторых успехов в борьбе с парфянами, доказательством чего является титул Сотера (спасителя), принятый им по обычаю других эллинистических властителей, все же не считал себя гарантированным от новых нападений со стороны Парфии, что и толкнуло его на заключение наступательного антипарфянского союза с Селевком II Баллиником.

Союзники готовили совместное выступление против парфянской державы, о чем сообщает Юстин, указывающий, что основатель Парфянского царства Аршак, «начав управлять двумя царствами (Парфией и Гирканией), страшась Селевка и Диодота, царя бактрийцев, подготовил большое войско»¹.

Однако этот союз распался после смерти Диодота (около 230 года), так как наследовавший ему сын от первого брака — Диодот II — заключил не только мир, но даже союз с парфянами.

Эта резкая перемена внешнеполитической ориентации Бактрии объясняется внутренней династической борьбой, происходившей при бактрийском дворе, где, повидимому, не прекращалось соперничество между Диодотом II и партней, во главе которой стояла жена Диодота I, и мужем ее дочери Евтидемом, уроженцем маллозиатского города Магнезии.

Евтидем, как рассказывает историк По-

Монета с изображением Диодота I.

либий², опираясь на греко-македонскую знать, свергнул с престола Диодота II и убил его вместе с его ближайшими родственниками и сторонниками. Переворот, произведенный Евтидемом, вызвал вспышку восстания среди населения Согдианы, что наглядно подтвердило крайнюю непрочность положения греческих правителей бактрийской державы.

Тем не менее Евтидему удалось укрепить власть за собой и своими потомками и сделаться основателем одной из наиболее мощных эллинистических династий, владевшей не только Бактрией и Согдианой, но завоевавшей южные области Ирана и северозападные районы Индии.

Характеризуя могущество Бактрийского государства, географ Страбон писал: «Вообще Бактриана по словам Аполлондора служит украшением всей Арианы. Бактрийские цари простерли свои владения до Серов (китайцев. — А. Б.) и Фрифов...»³. Один из наиболее выдающихся современных исследователей эллинизма, английский историк В. В. Тарн, писал: «Есть не четыре эллинистических династии — Селевкиды, Птолемеи, Антигониды, Атталиды, — а пять; в известном отношении Евтидеиды как по размерам их владений, так и по тому, что они пытались осуществить, гораздо более значительны, чем

² Полибий «Всеобщая история». Кн. XI. Гл. 94-я.

³ Страбон «География». Кн. XI Гл. 2-я.

¹ Юстин «История». Кн. 41-я. Гл. 4-я.

Монета Евтидема.

Атталиды»¹, находившиеся первоначально под покровительством Египта, а потом — Рима»².

Опираясь на греко-македонских выходцев и эллинизированные элементы местной бактрийско-согдийской знати, Евтидем и его преемники, повидимому, были вынуждены предоставлять последней значительную власть, вплоть до права чеканки монет и постройки укреплений. Кроме того они вынуждены были бороться с враждебным грекам влиянием зороастрийского жречества, явно сочувствовавшего родственной им парфянской знати. Объединенные в мощную корпорацию магов, зороастрийские жрецы сохраняли попрежнему влияние в различных областях Ирана и соседних странах.

Стремясь оказать противодействие магам, Евтидем и особенно его сын Деметрий искали поддержки какой-либо другой восточной жреческой корпорации, как бы признавая полное бессилие примитивных греческих религиозных верований в сравнении с развитыми теологическими религиозными системами Востока. Они усиленно покровительствовали буддийскому проповедникам, начавшим проникать в это вре-

мя не только в восточнотранские области, но также в Бактрию и Согдиану. Повидимому, это же обстоятельство явилось одной из причин, побудивших их, особенно Деметрия, установить более тесные политические и культурные связи с Индией путем расширения границ своего государства за счет северозападных индийских областей.

Но прежде чем Евтидем и Деметрий смогли реализовать свои завоевательные планы, им пришлось отражать новую, наиболее серьезную попытку Селевкидов восстановить свое господство в Восточном Иране и в Средней Азии. Во предпринял Антиох III (223 — 187), организованный в 212 — 205 годах до нашей эры большой поход на Восток. Разгромив силы правителей Мидии — Атропатены и Парфии, — признавших себя его подчиненными, Антиох во главе сильной армии подошел в 208 году до нашей эры к границам Бактрийского государства.

На низовьях реки Оха его войска разбили армию Евтидема, состоявшую из бактрийской конницы, и принудили бактрийского владетеля к отступлению.

О ходе этой битвы Полибий рассказывает: «...По его (Антиоха. — А. Б.) сведениям, неприятельская конница днем стояла на страже на берегу реки, а на ночь удалялась в некий город... Антиох за ночь прошел оставшийся ему путь и успел переправить через реку большую часть войска на рассвете... бактрийская конница устремилась на место происшествия и ударила на врагов... царское войско одержало верх над передовым отрядом неприятельской конницы; затем, когда ринулись в битву второй и третий отряды, сирийцы начали сдаваться под жестоким натиском врагов. Большая часть уже построилась в боевой порядок, когда Панэтол (полководец Антиоха. — А. Б.) отдал приказ перейти в наступление... и принудил бактров, нападавших нестройной толпой, бежать во весь опор. Преследуемые по пятам Панэтолом, бактры остановились тогда только, когда добежали до Евтидема и когда большая часть их войска была истреблена...»³.

Укрывшись в городе Бактрах, Евтидем героически защищался в течение целых двух лет. Принужденный, наконец, начать переговоры, Евтидем предложил Антиоху мир с условием, что за ним будет сохранено его царство, угрожая в противном случае открыть варварам-кочевникам дорогу в Бактрию.

«Евтидем просил... Антиоха оставить за ним царское имя и сан; если Антиох не исполнит его просьбы, то положение обоих станет небезопасным. На границе стоят

³ Полибий. Кн. X. Гл. 49-я.

¹ Атталиды — эллинистическая династия, управлявшая Пергамским царством (283 — 133 годы до нашей эры).

² W. W. Tarn «The Greeks in Bactria and India», p. XX. 1938.

огромные полчища кочевников, угрожающие им обоям, и если только варвары перейдут границу, то страна, навверное, будет завоевана ими»¹, — рассказывает Полибий, описывая эти переговоры. Эта угроза, с одной стороны, и усталость его собственных войск, утомленных упорным сопротивлением противника, — с другой, заставили Антиоха III согласиться на заключение мира на предложенных Евтидемом условиях. Антиох лишь потребовал передачи ему всех боевых слонов бактрийского царя.

Для завершения переговоров в лагерь Антиоха явился сын и наследник Евтидема — Деметрий. «Приняв его, царь убедился, что юнчюпа достоин царской власти и по внешности и по разговору, и, во-первых, обещал дать ему в жены одну из своих дочерей, а во-вторых, предоставил титул царя его отцу»², — пишет Полибий, рассказывая о заключении мира.

В результате похода Антиоха Греко-Бактрийское царство номинально вновь было признано зависимым от селевкидских правителей. Но фактически его цари сохранили полную самостоятельность.

4

По возвращении из похода на Восток Антиох ввязался в новые войны — с Египтом и Римом, поглотившие все его силы и внимание, вследствие чего он был уже не в состоянии поддерживать свои непрочные завоевания на далекой восточной окраине эллинистического мира.

Благодаря этому Греко-Бактрийское царство было вновь предоставлено самому себе, и Евтидем и наследовавший ему Деметрий смогли предпринять ряд походов с целью расширения своих владений и захвата новых торговых путей.

Некоторые из исследователей предполагают, что Евтидем совершил поход за Аксарт, в северовосточные области, стремясь овладеть золотоносными районами Алтая. Но, повидимому, он дошел лишь до озера Иссык-Куль, откуда вынужден был повернуть обратно, не добившись выполнения своей цели.

Евтидему наследовал его сын Деметрий (189—167), при котором Греко-Бактрийское государство достигло высшей степени своего могущества и при котором началось и его падение. В результате ряда завоевательных походов Деметрий широко раздвинул границы бактрийских владений. Он завоевал Арию, Арахазию и Дрангиану, покорил гористую область Паропамисад с долиной реки Кабула и, спустившись по ней в северозападную Индию, овладел

Пенджабом, а также областями по нижнему течению Инда. В ряде завоеванных им областей он построил новые города, назвав их Деметриадами.

Разбирая обстоятельства похода Деметрия в Индию, Тарн высказывает весьма правдоподобные предположения, что завоевания в Индии Деметрий проводил, ссылаясь на свое фиктивное родство с древнеиндийской династией Маурья, основатель которой Чандрагупта был будто бы женой на дочери Селевка I.

Если Маурья действительно имели селевкидскую кровь, то Деметрий мог возвестить, что пришел «как родственник и наследник угасшей династии»³, — пишет Тарн.

Взросшее могущество Бактрийско-Индийского царства не могло не озаботить соседних властителей и возбудило против Деметрия многих из них. Одновременно с этим длительное отсутствие Деметрия вызвало недовольство среди основного населения Греко-Бактрийского царства, так как возникшие в связи с этим внутренние усобицы ослабляли государство и облегчали возможность нападения степных кочевников. Крайняя политическая неустойчивость и все усиливавшиеся междоусобные войны привели в конце концов к полному падению власти Евтидемов.

³ W. W. Tarn «The Greeks in Bactria and India», p. 176. 1938.

Монета Деметрия.

¹ Полибий. Кн. XI. Гл. 34-я.

² Полибий. Книга XI. Гл. 34-я.

Монета греко-индийского царя Менандра.

В то время как Деметрий находился еще в Индии, в западные области его владений вторгся некто Евкратид, повидимому, военачальник селевкидского царя Антиоха IV. Евкратид привлек на свою сторону бактрийское население, недовольное перенесением столицы Греко-Бактрийского государства в индийский город Таксилу. Свергнув сыновей Деметрия, оставленных последним в качестве своих наместников, ему удалось овладеть Бактрией, нанеся непоправимый удар могуществу державы Евтидемидов. Одновременно против Греко-Бактрийского царства выступил и парфянский царь Митридат I (174—135 годы до нашей эры), овладевший рядом югозападных областей государства. Описывая политическую катастрофу греко-бактрийской державы, историк Юстин пишет: «Приблизительно в одно и то же время пришли в власти у парфян — Митридат, а у бактрийцев Евкратид, — оба великие мужи. Бактрийцы, ослабленные различными войнами, потеряли не только царство, но и свободу, ибо, утомленные войнами с согдийцами, арахозьянцами, драугианцами и индусами, они захвачены, будучи как бы обескровлены, были подчинены более слабыми, чем они, парфянами. Однако Евкратид вел многие войны с большой доблестью»¹.

После смерти Деметрия (около 167 года до нашей эры) Евкратид вторгся даже в индийские владения Евтидемидов, но был разбит на Инде полководцем Деметрия Менандром, сделавшимся после смерти Деметрия властителем самостоятельного Греко-Индийского царства. Расширив границы своих владений, Менандр подчинил себе не только весь Пенджаб и долину Инда, но также и области по среднему течению Ганга.

По несколько преувеличенному рассказу

географа Страбона, Менандр был одним из наиболее мощных правителей восточно-эллинистических государств. «...Эллины, отделившие эту страну (Бактрию. — А. Б.), достигли такого могущества, что подчинили себе Ариану и индийцев... и покорили большее число народов, чем сам Александр. Отличился больше всех Менандр, который на Востоке перешел Гипанис (реку Ганг. — А. Б.) и дошел до Имая...»². Однако отсутствие достаточно широкой социальной базы делало греческие завоевания в Индии весьма непрочными. Греки в Индии оставались пришельцами, чуждыми местному населению, которое всегда готово было восстать против чужестранных завоевателей. Этим и объясняется, что после смерти Менандра (около 150—145 годов до нашей эры) могущество греков в Индии стало постепенно клониться к упадку. Все новые и новые претенденты выступали в борьбе за власть друг против друга, истощая силы Греко-Индийского царства.

В то же время быстро ослабляется и соответственно греко-бактрийская держава. Евкратид, временно объединивший под своей властью страну, был убит собственным сыном Гелиоклом, которому пришлось вести непрерывную борьбу со все усиливавшимся натиском враждебных соседей. Парфянский царь Митридат I захватывал одну за другой югозападные области греко-бактрийской державы; а с севера и северо-востока, из-за Яксарта, появились новые страшные враги — дочевые племена, называемые в греческих и индийских источниках тохарами, а в китайской исторической литературе известные под именем ма-чжи. Повидимому, тохары, или ма-чжи, представляли собой большей союз дочевых племен, среди которых ведущее ме-

¹ Юстин. Кн. 41-я, Гл. 6-я.

² Страбон «География». Кн. XI. Гл. 2-я.

это занимало племя кушалов, давшее свое имя новому государственному образованию — Кушанскому царству, — возникшему к I веку до нашей эры на месте Греко-Бактрийского и Индийского государств.

Обитая первоначально в Джунгарии, юэчки под натиском кочевавших восточнее их гуннских племен около 170 года до нашей эры передвинулись в районы реки Или, а в 159 году до нашей эры захватили ряд согдийских областей. Вторая фаза их движения вперед относится к 133—129 годам до нашей эры, когда они, завоевав Бактрию, овладели основной частью бывшей державы Евтидеидов. Наконец, еще несколькими десятками лет позднее, около 93 года до нашей эры, они завоевали и греческие владения в северной Индии, положив конец существованию восточно-эллинистических государств.

5

Песмотря на относительно кратковременность своего существования Греко-Бактрийское государство явилось одним из центров могучей эллинистической культуры, оказавшей большое влияние на все последующее культурное развитие народов Средней Азии и прилегающих к ней областей Индии.

Как греческие, так и китайские писатели древности сообщают о высоком развитии земледелия в оазисах Согдианы, славившихся культурой пшеницы, риса, винограда и люцерны, заимствованной отсюда китайцами. Не меньшей достопримечательностью страны являлись ценные породы лошадей, из которых одна, называемая китайцами шень, считалась настолько замечательной, что китайский император дважды снаряжал военные экспедиции в Согдиану с целью захвата хотя бы нескольких экземпляров этих благородных животных.

Не меньшую славу, чем земледелие и скотоводство, доставляли Бактрии и Согдиане богатства их недр. Еще в эпоху персидского владычества Бактрия была известна как страна, богатая золотом и драгоценными камнями: рубинами, лазуритами и сердоликами. Эти ценные ископаемые наряду с сельскохозяйственными продуктами и кровными лошадьми были предметом вывоза из Бактрии и в эпоху греческого господства, способствуя большому оживлению ее торговли со всеми соседними странами: Ираном, Индией, Китаем.

Развитие земледелия и торговли не могло не оказать влияния на развитие ремесел: гончарного промысла, ковровоткацкого, выделки ювелирных изделий и художественно украшенной металлической посуды. О высокой технике выработки металлических изделий бактрийских ремес-

ленников можно судить по довольно многочисленным образцам их производства, найденным советскими археологами. Многие из этих вещей представляют собою настоящие художественные произведения¹. Образцом высокой техники обработки металла и изобразительного искусства могут служить и монеты греко-бактрийских правителей, находимые на территории среднеазиатских советских республик, в Афганистане и северозападных областях Индии.

Экономическое процветание и оживленная внешняя торговля, делавшая Бактрию и Согдиану центром караванных путей, вызывали в свою очередь быстрый рост как существовавших ранее довольно многочисленных городских поселений, так и появление новых городских центров. В числе крупных городских центров Бактрийского государства географ Страбон, помимо древних Бактр, Мароканды и Александрии-Есхате, называет большой город Деметрияду, построенную царем Деметрием, и Александрию-Капишу, находившуюся в северозападной Индии. Не менее крупным эллинистическим городом была и Таксила, являвшаяся некоторое время столицей Греко-Индийского государства.

Все эти города, по сведениям античных и древнеиндийских писателей, были украшены роскошными храмами и дворцами, к сожалению, не сохранившимися до настоящего времени.

Наиболее подробное и красочное описание городского быта эпохи Греко-Бактрийского и Греко-Индийского царств содержится в индийской поэме «Милинда-Паньха», повествующей о царе Менандре и его столице Шакале (греческая — Сагалу, или Евтидемия).

Автор поэмы рассказывает о большом городе, обведенном стенами с зубцами и башнями, укрепленными воротами, с массой домов, широкими улицами и площадями.

Многочисленное население города состояло из жрецов — брахманов, — воинов, массы торговцев и ремесленников. В числе различных категорий последних упоминаются ювелиры, гончары, кожевники, резчики слоновой кости, корзинщики, оружейники, канатчики, прядильщики, ткачи, портные, повара, брадобреи и т. д.

Наряду с торговцами и ремесленниками в городе жили различного рода актеры, певцы, фокусники и заклинатели змей и болезней, заполнявшие городские базары и площади и тут же показывавшие зрителям

¹ Подробный разбор памятников греко-бактрийского искусства содержится в специальной работе К. В. Тревер *«Памятники греко-бактрийского искусства»*. Изд. Академии наук СССР. 1940.

Статуя Будды из северозападной Индии — образец влияния греческого искусства.

свое искусство. Судя по надписям на монетах, со II века до нашей эры наряду с греческим языком среди господствующих слоев общества Греко-Бактрийского и Индийского царств все более и более получали распространение и местные наречия. Это нашло свое отражение в появлении на монетах надписей письмом Барошты, употреблявшимся в северозападной Индии с V века до нашей эры до IV века нашей эры.

О государственном строе Греко-Бактрийского царства в настоящее время можно судить лишь по данным той же «Милинда-Паньха», сообщающей о семи главных вельможах, окружавших царя и являвшихся его ближайшими помощниками и советниками. Эти вельможи выбирались среди представителей наиболее знатных фамилий, служивших опорой власти эллинистических правителей.

Об организации военных сил греко-бактрийских правителей в настоящее время можно судить только в самой общей форме. Судя по «Милинда-Паньха», армии греко-бактрийских властителей, состояв-

шие из конницы, лучников, отрядов боевых слонов и боевых колесниц, не имели ничего общего как по своей организационной структуре, так и по технике вооружения воинов с македонской армией Александра и его ближайших преемников, обратившись в типичные восточные полчища, ничем не отличающиеся от военных сил соседних индийских правителей. О характере тактических приемов и военной дисциплине греко-бактрийской армии можно судить по описанной Полибием битве Евтидема с Антиохом III.

Чрезвычайной пестротой отличались религиозные верования населения греко-бактрийской державы. Наряду с официальными культами ряда божеств олимпийского пантеона (Зевса, Афины, Посейдона, Диониса, Геракла, Гекаты, Аполлона) бактрийцы почитали и местные божества солнца, богиню-мать Анаитис, подательницу плодородия, богиню земли и воды. Кроме того в Греко-Бактрийском государстве было распространено зороастрийское вероучение, а также начиная с середины III века до нашей эры и буддизм, нашедший себе последователей даже в среде греко-индийских правителей.

О высоком развитии духовной культуры отдельных представителей греко-бактрийской и индийской аристократии можно судить по данным «Милинда-Паньха», рисующей царя Менандра как мудрого и просвещенного правителя, находившего интерес в философских диспутах и беседах. Но, отдавая должное культурному развитию эллинистического общества, нельзя упускать из виду, что эллинистическая культура была достоянием лишь небольшой господствующей прослойки общества, жившей за счет крайнего угнетения и эксплуатации массы городского и сельского населения. Это обстоятельство делало эллинистическую цивилизацию чуждой широчайшим массам населения восточных стран, видевшим в ее носителях лишь чужеземных захватчиков и эксплуататоров. Подобная отчужденность и даже открыто враждебное отношение масс покоренного населения к греко-македонским правителям и определило слабость эллинистической государственности и относительную кратковременность существования греко-македонских колониальных империй.

Однако падение греческого владычества в Согдиане, Бактрии, Индии все же не повлекло за собой полного уничтожения эллинистической культуры на их территориях. Ряд ее элементов был заимствован представителями азиатских господствующих классов и оказал весьма сильное влияние, особенно в области изобразительных искусств и науки, на последующее развитие местных цивилизаций.

М. Красовская

(инспектор-консультант Ленинградского горОНО)

Теоретические вопросы в теме «Первая русская революция»

(Из опыта работы в 10-х классах Ленинграда)

Задача преподавателя истории — дать учащимся не только полноценные исторические знания, но и привить им важнейшие практические навыки марксистского анализа общественных явлений.

Особого внимания требует к себе с этой точки зрения курс истории 10-го класса, программа которого содержит в себе ряд важнейших теоретических вопросов.

Настоящая статья является результатом исследовательской работы в двух 10-х классах ленинградской средней школы (№ 22 Куйбышевского района и № 28 Василеостровского района). Работа в этих школах была построена следующим образом.

В начале года в курсе истории в центре внимания была поставлена русская революция 1905—1907 годов, как первая буржуазно-демократическая революция эпохи империализма. Первая русская революция была выделена для того, чтобы на ее материале привести в стройную систему имеющиеся у учащихся теоретические понятия о буржуазных революциях вообще и об особенностях первой, а затем и второй русских революций, а также для того, чтобы выявить, насколько учащиеся усвоили учение марксизма-ленинизма о буржуазных революциях.

Для этого надо было сделать следующую работу:

1. Предварительно определить, какие теоретические вопросы связаны с буржуазными революциями доминирующего капитализма.
2. Выявить степень усвоения учащимися этих вопросов.
3. Определить круг теоретических вопросов по теме «Первая русская революция».
4. Распределить их по отдельным подтемам.
5. Проверить, насколько учащиеся усвоили учение марксизма-ленинизма о революции 1905—1907 годов, как первой революции эпохи империализма.

1

При определении круга теоретических вопросов по буржуазным революциям доминирующего капитализма были намечены, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма о буржуазных революциях Западной Европы XVI—XIX веков, следующие вопросы:

1. Общее понятие о буржуазных революциях.
2. Характерные признаки буржуазных революций.
3. Соотношения классов и движущие силы буржуазных революций XVI—XIX веков.
4. Буржуазные и буржуазно-демократические революции.

Для того чтобы проверить теоретические знания учащихся по вопросу о буржуазных революциях доминирующего капитализма, была проведена предварительная контрольная письменная работа.

Учащимся были предложены вопросы:

1. Какие революции называются буржуазными?
2. Назовите известные вам буржуазные революции в Западной Европе XVI—XIX веков.
3. Какие классы активно участвовали в этих революциях в целях победоносного завершения революции?
4. Какие из этих революций можно назвать буржуазно-демократическими и почему?

Анализ предварительной контрольной работы в школах по отдельным вопросам дал следующие результаты.

По 22-й школе Куйбышевского района.

В контрольной работе участвовало 34 учащиеся.

1-й вопрос: «Какие революции называются буржуазными?»

Часть учащихся (15) определила буржуазные революции как борьбу буржуа-

зии за власть, причем только трое из них указали на то, что борьба была направлена против феодального строя. Остальные (19) учащиеся дали или расплывчатые определения буржуазных революций, как революций, происходящих в интересах буржуазии (8 учеников), или указывали лишь на руководящую роль буржуазии в этих революциях (10 учеников), или, не раскрывая понятия буржуазных революций, указывали на один из характерных признаков буржуазных революций — замену у власти одной эксплуататорской группы другой (1 ученик).

Анализ ответов на 1-й вопрос показал, что социально-экономическое содержание буржуазных революций большинством учащихся не раскрыто. Учащиеся не указали (за исключением 2—3 человек), против чего и за что боролись эти революции и каковы были их социально-экономические предпосылки. Таким образом, понятие революции вообще и, в частности, понятие буржуазных революций ими усвоено не было.

2-й вопрос: «Какие вам известны буржуазные революции из истории Западной Европы XVI—XIX веков?»

Припоминая буржуазные революции Западной Европы, учащиеся преимущественно называли: французскую революцию конца XVIII века (29 учеников), затем английскую революцию XVII века (19 учеников), французскую и германскую революции 1848 года (23 ученика), нидерландскую революцию XVII века (11 учеников) и др.

Трое из учащихся ошибочно отнесли к буржуазным революциям Парижскую коммуну.

3-й вопрос: «Какие классы активно участвовали в этих революциях в целях победоносного завершения революций?»

Вопрос о движущих силах буржуазных революций освещен лишь в 25 работах, причем только в 10 из них дан анализ движущих сил конкретных революций. В остальных работах дана суммарная характеристика движущих сил буржуазных революций эпохи монополистического капитализма.

Все учащиеся, кроме одного, совершенно правильно называли буржуазию руководящей силой буржуазных революций XVI—XIX веков. Некоторые из них особо отмечали передовую, прогрессивную роль буржуазии в эту эпоху (к сожалению, без дифференциации по периодам степени прогрессивности).

Но о боевой армии буржуазных рево-

люций¹ учащиеся, как оказалось, имели весьма смутное представление. Часть из них отнесла к этой боевой армии пролетариат (13 учеников), часть — пролетариат и крестьянство (12 учеников). При этом роль рабочих и крестьян осталась не дифференцированной по историческим периодам. Таким образом, выходящая роль крестьянства в ранних революциях, XVI—XVIII веков, и пролетариата в более поздних революциях, XIX века, осталась невыявленной. Невыявленными остались и экономические условия, толкавшие крестьян и рабочих на участие в революциях.

Касаясь конкретных революций, некоторые учащиеся (2) отмечали динамичную движущую силу французской революции 1789—1793 годов (орудия буржуазия — вначале, мелкая — в конце). В отношении революции 1848 года во Франции в одной из работ сделано указание на поворот буржуазии в сторону реакции в связи с усилением пролетариата.

Отдельные учащиеся (4) при характеристике движущих сил отметили один из важнейших отличительных признаков буржуазных революций: временный союз боевых сил миллионов трудящихся и эксплуатируемых масс с буржуазией «именно потому, что они являются трудящимися и эксплуатируемыми»².

Отсутствие у большинства учащихся четких представлений о боевых армиях буржуазных революций не случайно. Оно явилось логическим следствием непонимания социально-экономического содержания буржуазных революций. Особенно характерна здесь недооценка роли крестьянства, которое в ранних буржуазных революциях (крестьянская война в Германии XVI века, английская революция XVII века и французская революция XVIII века) играло выдающуюся революционную роль. Учащиеся твердо запомнили только одну, — что буржуазия была руководящей силой этих буржуазных революций. Это представление, само по себе правильное, к сожалению, у ряда учащихся срослось, как было указано выше, с самым понятием буржуазных революций (буржуазная революция потому, что руководящей силой была буржуазия). Это мешало учащимся уточнить понятия, относящиеся к эпохе монополистического капитализма, и освоить новые теоретические вопросы, связанные с буржуазными революциями эпохи империализма.

4-й вопрос: «Какие из этих революций можно назвать

¹ См. Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 268 и 416. Госполитиздат. 1938.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 112. 11-е изд.

буржуазно-демократическими и почему?»

Этот вопрос чрезвычайно затруднил учащихся; 18 человек не дали на него никакого ответа, 11 учащихся дали неправильные ответы, характеризуя буржуазно-демократические революции или как революции, направленные против самодержавия (5 учеников), или как революции, в которых были выдвинуты демократические требования (5 учеников), или как революции, которые завершились (1 ученик). Только в немногих работах (5 учеников) буржуазно-демократические революции охарактеризованы как революции, в которых участвовали народные массы. Но и в этих ответах не было дано полного определения буржуазно-демократической революции как революции, в которой широкие массы рабочих и крестьян выступают со своими требованиями, стремясь уничтожить до конца угнетательский аппарат помещичьего государства. Учащиеся не указали также, что в буржуазно-демократической революции гегемоном является пролетариат, а его ближайшим союзником — широчайшие массы крестьянства.

В примерах, которые приводили учащиеся в своих работах, к буржуазно-демократическим революциям были отнесены: французская революция XVIII века (2 ученика), ошибочно — испанская революция 1812 года (1 ученик) и также ошибочно — Парижская коммуна (2 ученика).

Анализ ответов на 4-й вопрос показал почти полное отсутствие у учащихся правильных представлений о буржуазно-демократических революциях.

Итоги той же работы по 28-й школе Василеостровского района.

В контрольной работе участвовало 30 человек.

Характерно, что учащиеся 28-й школы Василеостровского района допустили в контрольных работах почти те же ошибки, что и учащиеся 22-й школы Куйбышевского района, лишь с небольшими отклонениями.

Так, раскрывая понятие буржуазных революций и указывая, что в этих революциях буржуазия боролась против абсолютизма (29 учеников), часть учащихся (12) внесла в свои ответы оговорки о том, что буржуазия боролась не за свержение королевской власти, а лишь за ее ограничение.

Такого рода ответы вскрыли неправильное представление учащихся о путях развития европейской буржуазии, которая, как известно, на заре капиталистических отношений дралась за республику, а уже потом, по мере укрепления капиталистических

отношений и роста пролетариата, изменила революцию.

Анализ предварительной письменной работы был проведен до начала изучения темы «Первая русская революция». При этом в связи с анализом перед учащимися был поставлен вопрос о роли производства в жизни общества и в историческом развитии.

На конкретных примерах из истории Западной Европы были раскрыты социально-экономические предпосылки буржуазных революций и сущность самого понятия революции.

2

После проверки того, насколько учащиеся усвоили марксистско-ленинское учение о буржуазных революциях эпохи монополистического капитализма, последовало окончательное определение круга теоретических вопросов, которые нужно поставить в связи с изучением революции 1905—1907 годов, как первой революции эпохи империализма.

При этом определяющим моментом была задача — показать черты, общие для революции 1905—1907 годов и буржуазных революций монополистического капитализма, и новые черты, т. е. те особенности, которые отличали русскую революцию от всех прочих революций.

Памечен был следующий план изучения теоретических вопросов:

1. Социально-экономические предпосылки революции. (Предварительная беседа обобщающего характера на основе имеющихся у учащихся знаний по курсу 9—10-го классов.)
2. Война и революция. (Чтение и конспектирование статьи Ленина «Падение Порт-Артура».)
3. Отличительные условия первой русской революции. (Обобщающая беседа на основе материала курса 9-го и 10-го классов по теме «Империализм».)
4. Движущие силы первой русской революции. Тактика большевиков и меньшевиков. Теория перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. (Чтение и конспектирование «Краткого курса истории ВКП(б)», глава III, § 3.)
5. Народный характер революции 1905—1907 годов. (Чтение и конспектирование статьи Ленина «Доклад о революции 1905 года».)
6. Борьба основных общественно-политических направлений в революции.
7. Поражение революции. (Чтение и конспектирование «Краткого курса истории ВКП(б)», глава III, § 6)

и статей Ленина «Уроки Московского восстания» и «Уроки революции»).

В обобщающей беседе на тему о социально-экономических предпосылках революции был раскрыт конфликт между производительными силами и производственными отношениями в России в конце XIX—начале XX века. Учащиеся вспомнили о развитии капитализма в России в промышленности и в земледелии после реформы 1861 года, при наличии крепостнических пережитков в сельском хозяйстве. В процессе беседы были использованы данные об аграрном характере страны, о крепостнических латифундиях, о распространенной отработочной системе и пр.

По образной терминологии Ленина, было показано, что новый хозяйственный организм в России (капитализм) «вылезает у нас из крепостнической скорлупы»¹, но отмирание пережитков крепостничества происходило так медленно, что «новому хозяйственному организму потребовались насильственные способы быстрого очищения от крепостничества». Своеобразное развитие России Ленин характеризовал следующим образом: «...самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»². Крепостнические пережитки явились главной помехой развития производительных сил сельского хозяйства и тормозом в развитии всего хозяйственного и общественного строя, «источником угнетения, варварства, бесконечных форм татарщины в русской жизни»³.

Беседа показала, что «1861 год породил 1905-ый»⁴, что аграрный вопрос в России был основным вопросом первой русской революции. Беседа раскрыла социально-экономическую сущность первой русской революции, как революции, направленной против остатков крепостничества и самодержавия, за самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма.

Из всего этого был сделан вывод о наличии общих черт революции 1905 года с буржуазными революциями доминирующего капитализма в отношении непосредственных задач революции, направленной против крепостничества и абсолютизма.

Соотношение между войной и революцией было раскрыто в связи с подтемой «Русско-японская война» на материале статьи Ленина «Падение Порт-Артура». Здесь было показано, что военный крах был началом глубокого политического кри-

зиса самодержавия. Учащимся были даны следующие вопросы для конспектирования указанной статьи:

1. Почему падение Порт-Артура было ударом для всей реакционной Европы?
2. Каково значение этого события в ходе русско-японской войны?
3. В чем причина позорного поражения самодержавия?
4. Каково политическое значение этого краха для русского и всемирного пролетариата?

Обобщающая беседа об отличительных условиях первой русской революции проведена была перед подтемой «Тактические разногласия между большевиками и меньшевиками».

В этой беседе было показано на фоне военно-феодалного империализма новое соотношение классов в русской революции, показана контрреволюционность русской буржуазии, обусловленная и страхом перед революцией и экономической зависимостью от царизма (таможенные пошлины, премии, льготы, военные заказы и субсидии), а также тесной связью русского царизма и буржуазии с западноевропейским империализмом. С другой стороны, была показана исключительная революционность русского пролетариата, занявшего к этому времени почетное место авангарда международного революционного движения и имевшего свою революционную социал-демократическую партию; пролетариата боровшегося за гегемонию в революции, боровшегося вместе со всем крестьянством против пережитков прошлого и вместе с полупролетарскими элементами города и деревни — за будущее, за социализм.

При характеристике тактики большевиков и меньшевиков были выявлены важнейшие разногласия между ними: по вопросу о роли буржуазии в революции 1905—1907 годов, по вопросу о движущих силах данной революции и о методах борьбы.

На основе анализа экономических условий было показано, что единственно правильной, подлинно революционной была тактическая линия большевиков, отстаивавших руководящую роль пролетариата в революции (пролетариат — гегемон революции), необходимость союза пролетариата с крестьянством и изоляции либеральной буржуазии. Большевики считали вооруженное восстание народа важнейшим средством свержения царизма и установления революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Особое внимание было уделено отношению партии и рабочего класса к вопросу о временном революционном правительстве и теории Ленина о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую.

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 266.

² Там же, стр. 124.

³ Там же, стр. 233.

⁴ Ленин. Соч. Т. XV, стр. 146.

Учащимся было дано задание законспектировать 3-й параграф III главы «Истории ВКП(б)» по следующим вопросам:

1. Какие классы являлись движущей силой революции и почему?
2. Какой класс был гегемоном революции и почему?
3. Какое средство считали большевики единственным правильным для окончательного завершения демократической революции и почему?
4. Какие лозунги выдвинули большевики для организации масс в вооруженном восстании?
5. Как ставился большевиками вопрос о власти в революции 1905—1907 гг.?
6. Для чего нужна диктатура пролетариата и крестьянства?
7. Какая перегруппировка классовых сил должна была произойти при переходе к социалистической революции?
8. Чем отличалась тактика меньшевиков от тактики большевиков?
9. Как характеризовал Ленин тактику буржуазии?

Учащимся было дано задание законспектировать статью Ленина «Доклад о революции 1905 года», ориентируясь на следующие вопросы: 1. Какую роль играл в революции пролетариат? 2. Каковы были главные методы борьбы? Как разворачивалась борьба пролетариата? 3. Каковы были методы борьбы? Как разворачивалась борьба крестьянства? 4. Какую роль играла армия? Каковы были методы борьбы? Как разворачивалась борьба армии и флота? Какую роль играли угнетенные народы? Каковы были методы борьбы? Как разворачивалась борьба угнетенных народов?

Вопрос о борющихся политических направлениях был выдвинут для более детальной проработки путем самостоятельной работы учащихся. Из этой работы, охватившей значительное количество учащихся, в дальнейшем выросла теоретическая конференция.

По вопросу о причинах поражения революции учащиеся конспектировали материалы из «Краткого курса истории ВКП(б)», конец 3-й главы, и статьи Ленина «Уроки Московского восстания» и «Уроки революции», группируя материал по следующим моментам: 1. Причины поражения московского вооруженного восстания. 2. Взгляд большевиков и меньшевиков на восстание. 3. Причины поражения и уроки первой русской революции.

В заключительной беседе по теме в целом было выявлено своеобразие русской революции в отношении движущих сил, руководства и методов борьбы. При этом использованы были выдержки из произведений Ленина, в которых давалась яркая характеристика особенностей русской буржуазной революции (см. Ленин. Т. XII, стр. 209—210. Т. XIX, стр. 345).

По окончании темы была проведена вторая письменная работа с целью проверить, насколько учащиеся усвоили теоретические вопросы, связанные с революцией 1905—1907 годов, как первой революцией эпохи империализма.

Тема второй контрольной работы была «Буржуазно-демократическая революция в России 1905—1907 годов». Учащимся были даны следующие вопросы:

1. Почему революция 1905 года называется буржуазной?
2. Почему революция 1905 года называется буржуазно-демократической?
3. Чем отличаются условия революции 1905—1907 годов от условий буржуазных революций доминионистического капитализма?
4. В чем своеобразие революции 1905—1907 годов в отношении движущих сил и методов борьбы?
5. Какие социальные силы боролись в революции 1905—1907 годов и каким путем они решали выдвинутые революцией вопросы?
6. Чем отличалась революция 1905—1907 годов и каковы ее уроки?

Вторая контрольная работа показала значительные сдвиги в усвоении учащимися марксистско-ленинской теории буржуазно-демократических революций. Учащиеся обнаружили правильное понимание сущности буржуазных и буржуазно-демократических революций и своеобразие революции 1905—1907 годов в отношении условий, движущих сил и методов борьбы.

Анализ этой второй контрольной работы дал следующие результаты.

Итоги работы по 22-й школе Кузнецовского района.

В работе участвовало 33 учащихся.

1-й вопрос: «Почему революция 1905—1907 годов называется буржуазной?»

При оценке сущности революции все учащиеся указали, что эта революция была направлена против абсолютизма и крепостничества, и многие совершенно правильно перечислили ее основные революционные лозунги: за демократическую республику (15 учеников), за конфискацию помещичьей земли (12 учеников), за восьмичасовой рабочий день (11 учеников).

2-й вопрос: «Почему революция 1905—1907 годов называется буржуазно-демократической?»

Выявляя буржуазно-демократический характер революции 1905 года, большинство учащихся (29) называло революцию народной, так как в ней участвовали широкие массы народа, задавленные гнетом

и эксплуатацией и выдвигавшие в ходе революции свои самостоятельные классовые требования. Значительная часть учащих дополняла эту характеристику (буржуазно-демократической революции) конкретными указаниями на выступления рабочих, крестьян и угнетенных национальностей в ходе революции в различных городах, губерниях и окраинных областях России. Так, отмечались выступления рабочих в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Лодзи, Варшаве, Одессе и других городах; выступления крестьян в Гурии, Латвии; восстания во флоте (15 учеников).

Но при характеристике революционных лозунгов народных масс у некоторых учащих обнаружилась искусственная дифференциация требований различных классов (рабочие — за восьмичасовой рабочий день, крестьяне — за землю, и т. п.). В этом сказались недостаточное понимание отдельными учащимися роли рабочего класса в революции, как передового борца за демократию.

3-й вопрос: «Чем отличаются условия революции 1905—1907 годов от условий буржуазных революций доминирующего капитализма?»

При выявлении условий, в которых происходила революция 1905—1907 годов, большинство учащих совершенно правильно указало, что: 1) это была первая буржуазно-демократическая революция эпохи империализма (31 ученик); что 2) она происходила в обстановке, когда буржуазия уже не могла играть революционную роль (29 учеников); что 3) в России было наличие пролетариата, который выступал как самостоятельный класс (32 ученика); что 4) у пролетариата в революции 1905 года была своя политическая партия, опирающаяся на самую революционную теорию (26 учеников); что 5) в России было две войны: одна против остатков феодализма, другая против капитализма (23 ученика); что 6) буржуазно-демократическая революция в России, будучи направлена против царизма, могла перерасти в революцию против империализма (21 ученик).

4-й вопрос: «Каково своеобразие революции 1905—1907 годов в отношении движущих сил и методов борьбы?»

Говоря о своеобразии революции 1905 года в отношении руководства и методов борьбы, учащиеся дружно отмечали пролетарский характер революции, указывали, что: 1) революция была буржуазно-демократической, а гегемоном был пролетариат (25 учеников); что 2) основными методами борьбы были специфически пролетарские методы — стачки, перерастаю-

щие, в конце концов, в вооруженное восстание (31 ученик).

Характеризуя движущие силы революции 1905 года, большинство учащих называло пролетариат и крестьянство; трое учащих отнесли к движущим силам революции наряду с пролетариатом и крестьянством и буржуазию.

5-й вопрос: «Какие социальные силы боролись в революции 1905 года и каким путем они решали выдвинутые революцией вопросы?»

Характеристика борющихся сил дана достаточно четко, при разной степени детализации и конкретизации относящихся к этому вопросу данных.

Так, царизм представлен как злейший враг революции, пытавшийся различными способами задуть революцию и в конце концов давший жалкие податки в виде Булыгинской думы, манифеста 17 октября и пр.

Либеральная буржуазия представлена как соглашатель-маклер, добивающийся мирной сделки между царем и революционным народом в своих классовых интересах, а пролетариат — как единственный, до конца революционный класс, борющийся в союзе с крестьянством за свержение царизма, за временное революционное правительство, за демократическую республику, за программу-минимум.

6-й вопрос: «Чем отличалась революция и каковы ее уроки?»

Революция показала, отмечают в своих ответах ученики, 1) что рабочий класс вел самую решительную и упорную борьбу с самодержавием, что это самый революционный класс, что он таит в себе огромную революционную энергию, что он должен быть гегемоном и последующих революций; 2) что крестьянство должно сплотиться вокруг пролетариата и 3) что буржуазия должна быть изолирована.

Половина учащих указала, что одним из уроков революции для народных масс был вывод о необходимости более решительной борьбы с царской властью в следующей революции («недостаточно подорвать, ограничить царскую власть. Ее надо уничтожить». Ленин. Т. XIV, стр. 370).

Анализ контрольной работы в 28-й школе Василеостровского района дал также положительные результаты, показав значительно более глубокое усвоение учащимися теории марксизма-ленинизма.

Изучение теоретических вопросов дало учащимся возможность полнее осознать последовательность и обусловленность изучаемых событий и правильно ориентироваться в их сущности.

Преподавание истории и военное воспитание учащихся

(из опыта работы в 9-х классах)

1

Рассмотрим, какой материал в каждой из тем программы 9-го класса должен быть особенно тесно связан с военным воспитанием учащихся.

В теме «Образование Российской империи» важно выделить следующие моменты: 1) отсталость армии русского государства XVII века, низкое качество дворянского ополчения (очень характерна поговорка того времени «Дай бог крепко государю послужить, саблю из пожен не выпимая»), прогрессивное значение военной реформы Петра I и ее результат — первые победы русской армии; 2) создание Петром Балтийского флота. Победоносная битва при Галгуте, как начало его славных боевых традиций. Этот вопрос полезно связать с материалом современности: наши враги пытались запретить красный Балтийский флот «в финской луже», по выражению моряков, но договоры с прибалтийскими странами, победа над белофиннами и советизация прибалтийских стран открыли ему выход на простор Балтийского моря и полностью обезопасили наши северозападные границы; 3) в рассказе о Северной войне и Полтавской битве нужно отметить, что армия Петра получала горячую поддержку от широких масс русского, украинского и белорусского народов, что в совместной борьбе с интервентами крепла дружба этих народов¹.

Непременным пособием при всех рассказах является карта.

В теме «Преемники Петра I» преподаватель рассказывает учащимся о молодости Суворова; особо следует остановиться

на том, как Суворов закалял свое здоровье, будучи от рождения физически очень слабым.

В теме «Дворянская империя XVIII века» выделяются такие вопросы: 1) военная техника и тактика восстания Пугачева, его военная организация; отмечаются также его ошибки в ведении военных операций; 2) участие и роль Суворова в войнах с Турцией; Суворов, как русский патриот; недоброжелательство к нему дворянской знати.

В теме «Буржуазная революция в Европе и царизм в конце XVIII века» необходимо дать яркие картины знаменитого итальянского похода Суворова, показать героизм русских солдат, близость Суворова к солдатам, охарактеризовать основные положения его тактики. Очень большой интерес среди учащихся вызывали рекомендованные преподавателем книги о Суворове: они берутся нарасхват.

В теме «Царизм в период наполеоновской войны» учащимся дается характеристика войны 1812 года, как справедливой со стороны русского народа, описывается борьба крестьянских партизанских отрядов против захватчиков; одновременно подчеркивается предательская тактика царя, болящегося своего народа. Из всего изложенного преподаватель делает вывод, что если тогда еще поработенный народ отстаивал свою родину от захватчиков, то какой же могучий отпор ждет врагов СССР теперь от свободного советского народа.

Полезно использовать здесь высказывание вождя партизан Дениса Давыдова: «Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой — и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется...»².

Характеризуя первоначальную малочисленность, тактику отступления русской армии в 1812 году как единственно правильную

¹ Для подробного описания Полтавской битвы много ценного материала имеется в статьях, помещенных в связи с 230-летием со дня битвы в журналах и газетах летом 1939 года. Из художественной литературы используется, конечно, в первую очередь «Полтава» Пушкина. Как наглядное пособие я применял снимок с мозаичной картины М. В. Ломоносова «Полтавская баталия».

² Сборник «Изгнание Наполеона из Москвы», стр. 118. «Московский рабочий». 1938.

в тогдашних конкретных условиях, нужно отметить, что теперь, располагая лучшей в мире военной техникой, Красная Армия бьет и будет бить врага всегда на его территории.

При изучении темы «Кризис крепостнической системы» у учащихся возникает жгучая ненависть к царизму при противопоставлении героизма армии и всего народа, с одной стороны (героическая оборона Севастополя), и, с другой стороны, жаждалства и бездарности царских генералов. Здесь же обязательно освещается техническое превосходство союзников (нарезные ружья, паровые суда)¹.

В теме «Отмена крепостного права в России» при изложении военной реформы 1874 года преподаватель рассказывает учащимся о всеобщей воинской обязанности, являющейся почетным, священным долгом каждого советского гражданина.

В теме «Развитие капитализма в 60—70-х годах» ценный материал для военного воспитания дает урок «Внешняя политика царизма». Для показа преступного отношения царского правительства к человеческим жизням и несовершенства военной организации при самодержавии я использовал известную картину Верещагина «На Шипке все спокойно».

В теме «Начало борьбы рабочего класса против царизма», говоря о зависимом положении царской России во франко-русском союзе, следует противопоставить этому полную самостоятельность внешней политики СССР, ярко подчеркнутую в докладе тов. Молотова на VIII сессии Верховного Совета СССР, а также и в последующих актах советского правительства.

2

Новая история также дает обильный материал для военного воспитания учащихся. В теме «Франко-прусская война и Парижская коммуна» преподаватель имеет благодарный материал, чтобы «объяснить... реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается» (Ленин). Дипломатический пролог к этой войне и история с эмской депешей покажут учащимся, как искусственно создавались поводы для войны. В этой теме, далее, необходимо особо остановиться на системе шпионажа. В связи с этим следует объяснить учащимся, что такое военная тайна и почему важно ее хранить.

¹ При изучении этой темы я всегда черчу схему обороны Севастополя на классной доске, чтобы учащиеся точно представляли себе расположение города, бухту, линию потопления судов, Малахов курган и прочее.

Подробно освещается военная политика Коммуны, создание ею народной армии, причины ее поражения, и особо выделяется тезис Ленина «Оборона — смерть восстания».

В темах «Интернационал после Коммуны», «Испанская революция 1868—1873 годов» и «II интернационал в конце XIX века» преподаватель особенно подчеркивает предательскую роль анархистов, отрицавших необходимость дисциплины и централизации в вооруженной борьбе рабочего класса (здесь уместно привести примеры из гражданской войны в Испании в 1936—1939 годах).

В теме «Германия в конце XIX века», в связи с изложением учения Маркса о государстве, преподаватель приводит сформулированное товарищем Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) положение о том, что нужно сохранять и всемерно укреплять наше государство и его органы, в том числе и армию, и при коммунизме, если будет продолжаться существовать капиталистическое окружение.

При прохождении темы «Япония в начале XX века» я зачитал учащимся ряд отрывков из романа Купера «Перед закатом» и, опираясь на них, развернул беседу об отсталости военной техники царской России и преступной беспечности ее командного состава.

Тема «II интернационал в период довоенного империализма» заостряет вопрос об отношении II интернационала к войне; тема «Международные отношения в начале XX века» дает возможность, рассказывая о росте вооружений, осветить вопрос о быстром росте военной техники в начале XX века (дирижабли, самолеты, подводные лодки, дредноуты, танки). Следует также подробно остановиться на шпионаже перед войной 1914 года (с этой целью можно использовать книгу Ричарда Роуана «Война шпионов и диверсантов»).

Много материала для военного воспитания дает тема «Первая мировая империалистическая война». Во время этой войны родилась тактика, возможная только при капитализме, когда жизнь человека — ничто («способ тарана» — битва на Сомме; попытки пробить застывший фронт применением ОВ и танков).

Говоря о начале войны, важно осветить традиционную политику Англии — политику провоцирования войны. В этой теме даем характеристику позиционной войны.

Еще раз надо подчеркнуть преступное отношение царизма к жизни трудящихся, предательское повеление союзников, бесцельно расстреливавших миллионы артил-

лерийских снарядов на Сомме в то время, как наступление русских, спасшее Верден, выдохлось из-за недостатка боеприпасов. Нужно также показать всю глубину нищеты и отчаяния, в которую были ввергнуты народные массы в период войны, и отметить ту великую роль, которую сыграли большевики во главе с В. И. Лениным и И. В. Сталиным, поднимая массы на борьбу за превращение преступной войны, империалистической, в справедливую войну, гражданскую.

В этой теме можно использовать много

художественного материала: «Огонь» Барбюса, «Доберло» Матэ Залка, «На западном фронте без перемен» Ремарка и т. д., а также и I том «Истории гражданской войны».

Заключившая эту тему, мы говорим о великом международном значении Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Умелая постановка военного воспитания учащихся сыграет немалую роль в подготовке средними школами кадров для Красной Армии.

Ю. Соколов,

преподаватель школ №№ 89 и 147 Ташкента

Письменные работы по истории в средней школе

В преподавании истории в средней школе за последнее время мало применяются письменные работы. Очевидно, преподаватели истории недооценивают их значения. Между тем письменные работы дают возможность преподавателю полнее изучить каждого ученика, определить слабые его стороны, проверить, насколько точно он знает исторические термины и имена. Тема письменной работы может быть сформулирована таким образом, что заставляет учащегося для ответа вспомнить материал за большой период времени. Это побуждает учащегося к активному мышлению, заставляет его анализировать отдельные факты, находить их причинную связь и таким образом помогает овладеть методом самостоятельного изучения истории. Письменные работы к тому же являются дополнительным средством повышения общей грамотности.

Однако письменный опрос должен проводиться с таким расчетом, чтобы не слишком загружать учеников. На основе практики установлено, что достаточно проводить примерно две работы в первой четверти, одну — во второй, две — в третьей и одну — в четвертой четверти.

1

К домашним письменным работам относятся сочинения на заданную или свободную тему, письменные доклады-рефераты, работы графического порядка: составление

исторической карты по контуру, составление синхронистических таблиц, схем, диаграмм и т. д.

Домашние письменные работы позволяют ученикам углублять знания, но целям учета знаний может служить лучше всего классная письменная работа. Она требует от ученика умения быстро ориентироваться в пройденном материале, находить в памяти нужные фактические данные и самостоятельно излагать их.

Можно применять три типа письменной классной работы по истории: 1) на заданную тему, 2) по исторической картине, 3) на вольную тему.

Целью классной работы на заданную тему является проверка успеваемости ученика за определенный период времени. Вторая форма работы имеет еще дополнительную цель — развить у ученика умение самостоятельно выбрать тему и самостоятельно определить ее содержание. Третья форма работы наименее важна с точки зрения учета знаний и служит лишь для изучения интересов учащихся.

Общими для всех трех типов классных письменных работ являются следующие требования: 1) работа должна быть рассчитана на 45 минут, т. е. на один урок, для любого класса; 2) работа должна проводиться после прохождения определенных разделов программы и повторения этих разделов (наиболее целесообразно прово-

дуть работу не сразу после окончания раздела, а спустя одну—две недели); 3) за несколько дней до работы следует предупредить о ней учеников, сказать, какие примерно разделы курса может охватить работа и какого она будет типа.

В 5—6-х классах неполной средней школы учащиеся еще не вполне подготовлены к самостоятельному письменному изложению. В этих классах нужно написать на доске план работы.

В 7-м классе можно уже требовать более сложной работы. Однако и здесь следует давать учащимся план изложения темы, только краткий. Тема письменной работы для 7-го класса может быть более общей по формулировке и обширной по содержанию, чем в 5—6-х классах, но обязательно должна быть связана с конкретным вопросом (например: «Столетняя война», «Крестьянская война в XVI веке в Германии» и т. д.); дается также короткий план (например: 1) причины войны, 2) ход войны, 3) результаты войны).

Таким образом, в 7-м классе письменная работа отличается от работ 5—6-х классов некоторым обобщением исторического материала.

Письменные работы в старших классах средней школы проводятся по-иному, чем в неполной средней школе.

Учащиеся 8—10-х классов обычно уже умеют разбирать и обобщать исторические факты. Результаты контрольных письменных работ в этих классах зависят в большей мере от подготовки к работе самого преподавателя, т. е. от того, насколько правильно сформулирована тема, своевременно ли будет проведена контрольная работа и соответствует ли тема силам учащихся. Выбор темы является наиболее ответственной задачей, стоящей перед преподавателем.

С каждым классом и в течение учебного года темы работ становятся все сложнее. Например по курсу истории СССР в 8-м классе дается тема «Героическая борьба русского народа под руководством Минина и Пожарского против польских захватчиков»; такая тема по силам восьмиклассникам, которые начинают уже сознательно относиться к историческим событиям. В 9-м классе следует давать более широкие, обобщающие задания, например «Методы борьбы капиталистов с рабочим движением в начале XX века». В 10-м классе нужно давать темы, которые обеспечат учащимся возможность развернуть собственную инициативу. Примером является тема: «От первого субботника к массовым народным стройкам».

Таким образом, тема классной письменной работы по истории должна подбираться исходя из следующих основных требований: 1) тема должна охватывать исторические факты, характеризующие сравнительно длительный исторический период; 2) тема должна давать возможность анализа исторического материала и его обобщения (требование это повышается в старших классах). Классную контрольную письменную работу нужно назначать после того, как определенный раздел пройден и повторен.

При соблюдении этих требований классная письменная работа по заданную тему покажет фактический уровень знаний учеников.

Более сложна классная письменная работа по исторической картине, так как учащиеся должны дать не описание темы самой картины, а, используя мотив картины, дать характеристику соответствующей эпохи, выбирая для этого наиболее типичные факты и события данной эпохи.

Подобная тема является стимулом к возбуждению творческих сил учащихся, но, как показала практика, она является наиболее трудной. Некоторые ученики затрачивают по 15—20 минут только на одну подготовку к работе, т. е. на выбор темы и определение ее содержания.

Когда такая работа проводится впервые, нужно объяснить ученику, как за нее браться, рассказать, что вместо названия темы на классной доске будет висеть историческая картина и каждый ученик, внимательно рассмотрев картину, должен сам дать название своей работе и составить ее план. Тема работы должна быть обязательно связана с основной идеей картины и периодом, характеризующимся данной картиной.

Давая письменную работу, учитель говорит название картины, имя художника и кратко рассказывает содержание картины (картина обязательно должна быть формата настенной серии исторических картин).

При проведении такой работы впервые преподаватель перечисляет несколько заранее продуманных им тем, которые можно связать с темой картины. Например в 8-м классе дается контрольная работа по картине «Вече в Новгороде»; преподаватель указывает, что по этой картине можно писать о внутреннем положении в Новгороде, о жизни новгородцев, о формах управления Новгородской землей, о внешней политике и т. п., т. е. дает ряд общих указаний, из которых ученики могут выделить ту или иную конкретную тему.

Третий тип письменной работы — на вольную тему, т. е. на любую тему в пределах пройденного материала, — не требует особой подготовки преподавателя или учащихся. Тут ученики берут как тему то, что им больше понравилось и что они лучше знают. Такие работы можно проводить один, максимум два раза в год, только с целью выявления склонностей учеников.

До сих пор мы рассматривали вопрос, считая, что на письменную работу учащихся дается одна общая тема, однако можно давать и несколько тем, так, чтобы каждый ряд учеников писал разные темы.

Процесс письменного опроса не заканчивается уроком, на котором проведена контрольная работа. Этот процесс будет завершён после того, как результаты письменной работы будут доведены до каждого ученика в отдельности и до классного коллектива в целом.

Окончив проверку письменных работ и исправив все ошибки, преподаватель даёт в классе развернутую критику характерных сочинений учащихся, указывая на недостатки и достоинства отдельных работ. Ознакомясь со своими ошибками в отношении содержания, стиля, грамотности, каждый ученик получает наглядный урок, который помогает ему избегать таких ошибок в дальнейшем (об орфографических ошибках учеников нужно ставить в известность преподавателя языка и литературы).

Последний вопрос, которого следует коснуться, говоря о методике проведения классных письменных работ по истории, — это вопрос об оценках письменных работ. Классная письменная работа обязательно должна получить оценку, причем основное внимание следует обращать на ценность работы с точки зрения освещения исторических фактов и включения в текст всех нужных дат, терминов и географических названий. Кроме того следует учесть стилистическое оформление работ, предъявляя при этом повышенные для учащихся требования. Обычно плохо и несвязно изложенный материал встречается в работах, не заслуживающих высокой оценки и с точки зрения содержания. Таким образом, оба эти показателя обычно сопутствуют друг другу.

2

Материалом для некоторых обобщений по вопросу о классных письменных работах по истории послужила полугодовая практика применения их в школах №№ 89 и 147 при текстильном комбинате имени Сталина, Фрунзенского района Ташкента.

В середине 1938—1939 учебного года в этих школах впервые, в порядке опыта, были проведены в 8—10-х классах письменные работы, но они носили эпизодический характер.

В 1939—1940 учебном году письменные работы были включены в план работы по истории с 7-го по 10-й класс и проводились в систематическом порядке. Помимо работ на заданную тему впервые стали применяться работы по исторической картине и на вольную тему.

Тематика письменных работ и сроки их проведения были различны. Классные письменные работы во всех параллельных классах проводились в один и тот же день, на одинаковую тему. Это создавало наиболее благоприятные условия для обобщений и выводов о работе во время заключительного разбора классных сочинений и позволяло каждому ученику использовать опыт всех учащихся параллельных классов.

В 1939—1940 учебном году были даны в 7-х классах (три параллельных группы) следующие три темы: 1) «Столетняя война»; 2) «Крестьянская война в Германии в XVI веке»; 3) «Тридцатилетняя война».

В 8-х классах (три параллельных группы) было проведено 5 работ: 1) работа по картине художника К. В. Лебедева «Полюдь»; 2) работа по картине художника Н. Лебедева «Вече в Новгороде» или по картине художника С. В. Иванова «Суд в Московском государстве»; 3) «Героическая борьба русского народа под руководством Минина и Пожарского против польских захватчиков»; 4) «Как участвовала во французской революции 1789—1794 годов мелкая буржуазия; ее вожди и идеологи»; 5) «Причины и результаты гражданской войны в США».

В 9-х классах (две параллельные группы) были проведены работы: 1) по картине художника А. Ф. Максимова «Военные поселения» («На вечных квартирах»); 2) по картине художника И. Е. Репина «Митинг у стены коммунаров»; 3) «Возникновение оппортунизма в западноевропейском рабочем движении и сущность его»; 4) «Методы борьбы капиталистов с рабочим движением в начале XIX века»; 5) «Начало борьбы за создание марксистской партии в России».

В 10-х классах было только 4 классных письменных работы: 1) работа по картине художника А. Морозова «Ленский расстрел» или по картине художника И. Владимировича «Баррикады в Москве в 1905 году» («На баррикадах»); 2) работа по картине художника М. Соколова «При-

езд Ленина в Петроград»; 3) «Борьба за Красный Царицын»; 4) «От первого субботника к массовым народным стройкам» или «Борьба за социалистическую индустриализацию».

Эти классные работы назначались после того, как был окончательно проработан весь круг вопросов, прямо или косвенно связанных с темой работы. Учащимся давалась таким путем возможность широкого обобщения фактов.

Постепенно они научились давать анализ исторических событий; их работы становились содержательнее, более насыщенные фактическим материалом.

Просматривая работы учеников 8-го класса на мотивы картин «Полюдь», «Вече в Новгороде» или «Суд в Московском государстве», можно сказать, что тематика этих работ сравнительно полно характеризует все связанные с картинами основные вопросы из жизни Киевского государства, Новгородской земли или Московского княжества.

Учащиеся проявили достаточную инициативу в подборе и формулировке тем. Например по картине «Полюдь» наряду с такими темами, как «Полюдь в Киевской Руси», «Феодалный гнет в Киевской Руси», которые были взяты большинством учащихся, были поставлены и более конкретные темы, например «Полюдь — одна из форм эксплуатации крестьян (князьями) в Киевском княжестве и положение крестьян в Киевском княжестве», «Последовательность закрепощения крестьян в Киевской Руси» и т. д.

Работы по картине «Полюдь» упоминают об общественной организации крестьян (вервь), описывают жизнь крестьян, условия их труда, бесправное состояние крестьянства и процесс его дальнейшего закрепощения, противопоставляют этой тяжелой жизни трудового населения вольную, сытую жизнь феодальной знати, князей, «которые полюдем разоряли крестьян», а сами «жили в больших хоромах, окруженные своей свитой — дружиной, защищавшей интересы князя».

Учащиеся приводят примеры безуспешной борьбы смердов с княжеским самовластием.

Судя по работам, первый опыт самостоятельного разрешения большой исторической темы, характеризующей положение крестьянства Киевской Руси, можно считать удачным. Однако многие учащиеся не сумели справиться с заданием. Их работы были схематичны.

Третья, последняя работа по истории СССР в 8-м классе была на тему «Герои-

ческая борьба русского народа под руководством Минина и Пожарского против польских захватчиков». Яркий материал этого исторического периода, дающий примеры героических подвигов простых русских людей из народа — патриотов своей родины, — нашел образное отражение почти во всех контрольных работах по этой теме. С большим чувством гордости описывали учащиеся героические события этого периода нашей истории. В этих работах чувствуется глубокая вера в неисчерпаемый источник народной силы, подчеркивается свободолюбие и патриотизм русского народа. «В борьбе против польских захватчиков русский народ боролся героически и упорно, несмотря на все препятствия», — пишут учащиеся.

Последние две работы восьмиклассников — «Как участвовала во французской революции 1789—1794 годов мелкая буржуазия; ее вожди и идеологи» и «Причины и результаты гражданской войны в США» — также проводились на заданную тему, потому что по курсу всеобщей истории школа не располагает нужными наглядными картинками.

С точки зрения полноты освещения материала и стиля изложения, качество работ к концу учебного года значительно повысилось, и, таким образом, практика письменного изложения стала приносить положительные результаты.

В качестве примера работы 10-го класса можно остановиться на одной теме, которая отличает работы десятиклассников от работ учащихся 8 — 9-х классов как охватом материала, так и углубленностью анализа и обобщения. Это работа на тему «От первого субботника к массовым народным стройкам».

К этой теме учащиеся 10-го класса отнеслись с большим вниманием. Основная часть учащихся 10-го класса писала не на эту тему, а на вторую, более легкую: «Борьба за социалистическую индустриализацию». Первую тему разрабатывали только наиболее подготовленные ученики. Они ее развили в общем по такому плану: 1) внутренняя и внешняя обстановка в СССР в 1919 — 1920 годах; 2) московский передовой индустриальный пролетариат — инициатор и организатор первых субботников; 3) «Великий почин» В. И. Ленина. Значение субботников; 4) массовое развертывание социалистического соревнования, его перерастание в высший этап — стахановское движение; 5) товарищ Сталин о стахановском движении (труд в СССР — дело чести, славы, доблести и геройства); 6) мощный подъем трудового творческого энтузиазма масс в стране социализма; 7) массовые народные стройки

(Большой Ферганский канал и др.) — школа коммунистических методов труда.

Ошибки, допускаемые учениками в контрольных работах и являющиеся более или менее типичными, разделяются на две категории: 1) ошибки морфологического порядка, 2) ошибки стилистического и смыслового порядка.

Наибольшее количество грамматических ошибок оказалось в работах 7-го класса в новых для них словах — терминах, названиях, именах и т. п. Многие из учащихся, например, не справились с правильным написанием таких слов, как «себор», «бюргер», «ремесленник», «голландец» и др., с некоторыми именами и названиями, например Лютер, Джованни Кабот, Магеллан, Калькутта и т. д.

Многие ученики употребляют слова в не соответствующем им смысловом значении. Например ученик 8-го класса пишет: «все эти виды славян» вместо «племен»; другой употребляет такие выражения, как «жизнь при Олеге была самой беспощадной».

Неумение пользоваться словами и недостаточный лексический запас приводят иногда учеников к полному искажению мысли, которую они хотели выразить, например ученик употребляет слово «должности» вместо «долги», «рассвет» вместо «расцвет» и т. д.

Положительные результаты классных письменных работ 1939—1940 года позволили в этом году практиковать систематический письменный опрос в школе № 89.

На разработку домашнего сочинения давался месячный срок. Задачей домашней письменной работы была разработка учеником самостоятельно выбранной темы

с привлечением дополнительной литературы, а в некоторых случаях и исторических документов.

В качестве задания ученикам давалась только ведущая тема сочинения. Например в 8-м классе была дана тема «Государственность и сепаратизм в Московском государстве XV—XVI веков». В соответствии с этой темой учащиеся взяли себе различные подтемы: «Опричнина», «Царь и боярство России в XV—XVI веках», «Россия в царствование Ивана Грозного» и т. д.

Домашние работы многих учащихся были иллюстрированы рисунками, снабжены картами; текст работ был тщательно обработан стилистически и содержал выдержки из художественной литературы и высказываний классиков марксизма-ленинизма.

Двухлетний опыт применения письменных работ показал, что письменная работа помогает глубже узнать уровень развития ученика и определить, на что должна быть направлена помощь учителя в первую очередь.

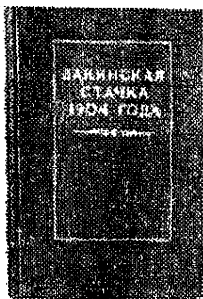
Нужно отметить, что в связи с классными письменными сочинениями у учащихся наблюдается довольно быстрый рост культуры письма и речи. Устные ответы также становятся более четкими, стройными и последовательными.

Таким образом, практика систематического классного письменного опроса учеников дала хорошие результаты и позволила учащимся не только глубже и тверже усвоить изучаемый исторический материал курса, но и помогла ученическому коллективу под руководством преподавателей повысить свой культурный уровень.

БАКИНСКАЯ СТАЧКА 1904 ГОДА. Сборник документов. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1940. 126 стр. 3 р. 35 к.

Всеобщая стачка рабочих Баку в декабре 1904 года принадлежит к числу знаменательнейших битв российского пролетариата против самодержавия и капитала. Развернувшись в условиях предреволюционного подъема рабочего

движения, когда противоречия внутри страны достигли крайнего напряжения, бакинская стачка «послужила сигналом славных январско-февральских выступлений по всей России» (Сталин), которыми началась революция.

Руководство этой стачкой, непосредственно осуществлявшееся товарищем Сталиным, является образцом большевистского руководства стачечными боями. Несмотря на исключительно трудную обстановку, на многонациональный состав бакинского пролетариата, на дезорганизаторскую деятельность и провокацию со стороны бакинских меньшевиков, героическая борьба рабочих Баку закончилась их победой. Ее непосредственным результатом было, как известно, заключение первого в истории рабочего движения России коллективного договора рабочих с предпринимателями.

В рецензируемом сборнике собраны историко-партийные документы, прокламации Бакинского комитета большевиков, выпущенные накануне и во время стачки, а также прокламации других комитетов РСДРП, представляющие собой оплотнение стачки в Баку. Эти материалы дают возможность изучить деятельность бакинских большевиков по подготовке и руководству стачкой. В качестве приложений в сборник включены и официальные правительственные документы: донесения местных властей в центр, выдержки из отчетов сенаторских ревизий по Баку и некоторые другие. Документы, приведенные в сборнике, извлечены из фондов Центрального архива революции, библиотеки ИМЭЛ, Института истории партии имени Шаумяна в Баку и Центрального государственного архива народного хозяйства в Ленинграде. Многие из документов публикуются впервые.

Документы сборника содержат богатый материал, рисующий картину полного бесправия и угасающей эксплуатации, которой подвергались рабочие на нефтепромыслах Баку. Нефтяная промышленность Баку, как известно, к началу XX века в большей своей части находилась в руках иностранных капиталистов, которые выкачивали из нее колоссальные прибыли. Так например фирма Нобель на основной капитал в 15 миллионов рублей получила за 1902—1904 годы 9370 тысяч рублей прибыли.

Это достигалось путем чудовищной эксплуатации местных рабочих, которые в основной своей массе рекрутировались из разоряющегося азербайджанского, армянского, татарского крестьянства, а также выходцев из персидских деревень. Эксплуатация эта носила колониальный характер. В то время как иностранные рабочие и служащие и отчасти квалифицированные русские рабочие были поставлены в привилегированное положение, рабочие, азербайджанцы, татары, армяне, персы и другие, были заняты по преимуществу на самых тяжелых, черных работах с ничтожной заработной платой. Сенатор Кузминский в своем отчете о ревизии по Баку и Бакинской губернии в 1905 году, характеризуя жилищные условия рабочих-нефтяников, указывал, что жилища эти резко разделяются на две основные группы: в то время как жилища, занятые высшими рабочими, представляют собой «иногда довольно уютные «квартиры», жилища промышленных рабочих, то есть основной массы рабочих, являются «исключительно казарменными помещениями». Вот типичное описание одной из таких казарм. В казарме, сообщает сенатор, «имеется кирпичный пол с липкой грязью; в потолке ничем не прикрытые сквозные дыры, через которые открыт свободный доступ для дождевой воды, покрывающей пол и обрабатывающей его в грязную лужу; стены казармы грязные, облезлые. Деревянные нары отличаются поразительной грязью и чрезмерным обилием насекомых» (стр. 73). В районах, где жили промышленные рабочие, отсутствовали канализация, бани, не хватало воды. Вода Сабунчинского озера, расположенного в центре промышленной площадки, была заражена бактериями. «Произведенным бактериологическим анализом обнаружено, — писал сенатор Кузминский, — что в одном кубическом сантиметре воды содержится 22 тысячи колоний, являющихся причиной постоянно свиреп-

ствующего в этой местности тифа» (стр. 79).

Ужасающим жилищным условиям соответствовали все остальные условия жизни, быта и труда рабочих. Как общее правило, 12-часовой рабочий день, средняя дневная заработная плата — 80 копеек, полный произвол администрации, штрафованней и даже избивавшей рабочих, отношение к ним как к «выючным животным» — вот характерные черты положения рабочих бакинских нефтяных промыслов. Даже казаческое горное управление вынуждено было в одном из своих обзоров отметить: «Само собою разумеется, нефтепромышленник, зная свои права и бесправно рабочего, не стеснялся пользоваться трудом последнего елико возможно дешевле...» (стр. 85).

Многонациональность бакинского пролетариата (среди рабочих Баку было представлено свыше 30 национальностей, натравливаемых друг на друга царскими властями) создавала крайне сложные условия для социал-демократической работы в Баку, для сплочения бакинских рабочих в единую революционную организацию. Ленинская национальная политика, проводимая закавказскими организациями, возглавлявшимися товарищем Сталиным, привела к блестящему разрешению этой трудной задачи. Созданные и руководимые товарищем Сталиным ленинско-искровские организации Закавказья с самого начала были построены на принципе пролетарского интернационализма, в их рядах были объединены передовые рабочие всех национальностей Закавказья. Известно, что Ленин неоднократно давал высокую оценку этой стороне деятельности закавказских большевиков. Так, написанная им резолюция Бракосского (1913 год) совещания ЦК РСДРП с партийными работниками призвала рабочих всех национальностей к самому тесному сплочению социал-демократических рабочих на местах «в единые организации Р.С.-Д.Р.П., ведущие работу на каждом из языков местного пролетариата и осуществляющие на деле единство снизу, как это ведется издавна на Кавказе»¹.

В результате этой последовательно проводившейся бакинскими большевиками линии бакинский пролетариат, разделенный на многочисленные национальности, смог выступить как единая, мощная революционная сила в первых рядах борющегося русского пролетариата.

Стачка началась 13 декабря. Надо отметить, что Бакинский комитет подготавливал выступление рабочих Баку к весне 1905 года, считая условия конца 1904

года неблагоприятными для стачки. Но когда бакинские рабочие, выведенные из терпения, поднялись раньше этого срока на борьбу, Бакинский комитет немедленно возглавил их движение. 14 декабря в Баку приехал товарищ Сталин, который пробыл здесь 10 дней. В тот же день Бакинский комитет выпустил прокламацию, которая сформулировала основные политические лозунги стачки. Стачка с самого начала имела ярко политический характер. «Стачка началась... — писалось в прокламации. — Чаша страданий и притеснений переполнилась... Каково бы ни было наше отношение к объявлению войны капиталистам в данный момент, мы обязаны приложить все наши усилия, чтобы победа осталась за нами, рабочими. Но не забывайте, товарищи (вспомните прошлогоднюю стачку), что никакая наша победа над капиталистами не будет прочна, пока наш главный враг (царское правительство), друг и приятель наших капиталистов, не будет повергнут в прах» (стр. 37).

Листовка выдвигала требования: прекратить русско-японскую войну, созвать учредительное собрание, выдвигала лозунг демократической республики. Выпущенная на следующий день, 15 декабря, прокламация Бакинского комитета РСДРП и Бакинского комитета армянской партии гечакистов выдвинула разработанные стачечным комитетом по инициативе и под руководством товарища Сталина «общие требования всех организованных рабочих Баку», состоявшие из 34 пунктов.

Эти требования, разработанные с величайшей тщательностью, свидетельствовали о прекрасном знании условий труда и быта бакинских рабочих. Все наиболее важные вопросы их тяжелой жизни нашли в требованиях свое отражение. Наряду с требованиями обеспечить рабочих бесплатными банями, керосином, бесплатным провозом на diligжансах от квартир до промыслов и т. д. в прокламации было выдвинуто программное требование РСДРП: 8-часовой рабочий день² и прекращение работ в день 1 Мая.

Эта прокламация также подчеркивает: «Не забывайте нашего главного врага — царское самодержавие. Товарищи, заявим протест против нашего бесправия, нашего угнетения! На улице, товарищи, под на-

² Выставив требование 8-часового рабочего дня, Бакинский комитет считал, что максимальная уступка, на которую могут пойти рабочие, — это 9-часовой рабочий день. Поэтому в процессе дальнейших переговоров с предпринимателями это требование и было выдвинуто, как совершенно обязательное.

¹ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 235.

ши красные знамена социализма!» (стр. 38).

В борьбе с шендрикотцами, пнуснейшей разновидностью кавказских меньшевиков, стремившимися удержать движение в рамках исключительно экономической борьбы, бакинские большевики поднимали движение на высшую ступень. По материалам сборника видно, какая интенсивная деятельность была развернута Бакинским комитетом в дни стачки. В документах нашел отражение характер движения как организованного, сплоченного выступления рабочих; по документам можно изучить весь ход событий, развертывание стачки, превращение ее во всеобщую, ход переговоров с предпринимателями и т. д.

В доносениях местных чиновников центральным властям то и дело сообщается, что полицией разогнаны «сборища» стачечников, на которых выступали политические агитаторы, и что на месте этих собраний или при обысках найдены «преступные воззвания».

Героическая борьба бакинского пролетариата встретила горячий отклик в других промышленных центрах царской России. Среди историко-партийных документов сборника — прокламация Петербургского комитета большевиков, выпущенная в конце 1904 года. Овеянный дыханием приближающейся революции, этот волнующий документ с особой силой свидетельствует о том, что терпение народных масс России подходило уже к концу. «Как один человек поднимался пролетариат одного из крупнейших городов России, — писалось в прокламации, — и он мстит самодержавию за все его преступления, за тот гнет и бесправие, которые железными тисками давят русского пролетария, за бессмысленную войну с Японией, за киншиневский погром и якутскую бойню — за все, что в продолжение стольких лет взывало к протесту и искало себе выхода...» (стр. 43).

В своем письме к бакинским стачечникам петербургские рабочие пишут:

«В вашем новом выступлении мы видим начало того революционного движения широких масс, которое окончательно свалит ненавистное нам самодержавие... Новое ваше дело даст нам надежду на то, что вместо скромного шопота либералов скоро загумит грозящая волна рабочей революции» (стр. 44 и 45). Написанные буквально за несколько дней до 9 января, эти слова оказались пророческими.

Бакинские нефтепромышленники, которым вследствие падения цен на нефтяные продукты стачка была вначале даже в известной мере на руку, напуганные огромным размахом стачки, стойкостью и упорством рабочих, пошли на уступки. Но

лишь тогда, когда промышленники согласились на важнейшее основное требование рабочих — установление 9-часового рабочего дня — и приняли коллективный договор, Бакинский комитет, презво взвесив соотношение сил, дал лозунг прекращения стачки: дальнейшее продолжение стачки в создавшихся тогда условиях могло лишь повредить движению. Прокламация, выпущенная Бакинским комитетом 31 декабря, призывает рабочих организованно закончить борьбу. Бакинский комитет клеймит провокационные действия шендрикотцев, которые всяческими эскападами, поджогами вышек пытались продлить стачку в тот момент, когда она была выгодна лишь врагу. «Наши партийные враги, желая затянуть стачку, преследуют не выгоды рабочего класса, а свои собственные выгоды, выгоды своего небольшого кружка, им во что бы то ни стало хочется прославиться. Повторяем, что забастовка, начатая в невыгодное для рабочих и выгодное для капиталистов время, должна быть немедленно закончена; этого требуют интересы всего бакинского пролетариата. Затягивая забастовку из-за гадательной прибавки нескольких копеек (5—10% прибавки), мы рискуем очень многим, рискуем и тем, чего уже добились...» (стр. 47).

Бакинские большевики призывали рабочих к напряжению всех сил для организованной работы, ибо крепкая организация — основное условие для предстоящих еще новых классовых боев.

О том, какие настроения вызвало победоносное окончание стачки в правительственных кругах, свидетельствует следующая любопытная выдержка из отчета главного начальствующего гражданского частью на Кавказе министру внутренних дел. В ней сообщается, что «проявленная нефтепромышленниками уступчивость... обратила на себя внимание его императорского величества государя императора, так как уступчивость эта может отразиться чрезвычайно неблагоприятными последствиями на других фабричных и заводских районах» (стр. 114).

После поражения революции, в период мрачной реакции, когда партия в условиях глубокого подполья потеснила силы для нового натиска на самодержавие, воспоминания о героической стачке бакинских рабочих вливали новые силы в ряды борющихся. В своей агитовке, написанной 9 декабря 1909 года от имени Бакинского комитета в связи с пятой годовщиной бакинской стачки, товарищ Сталин подвел итоги этого исторического выступления рабочих Баку. Перечисляя все то, чего рабочие добились в области экономической, он

пишет: «Но это не все. Основное, что дала нам декабрьская борьба,— это вера в свои силы, уверенность в победе, готовность к новым битвам, осознание того, что цели капиталистического рабства можно будет разбить «своей лишь собственной рукой...» (стр. 69).

Исключительной бодростью, верой в силы революционного пролетариата дышат следующие слова этого замечательного сталинского документа: «И мы возьмем свое, товарищи, несмотря на вселихальные репрессии, несмотря на растущую органи-

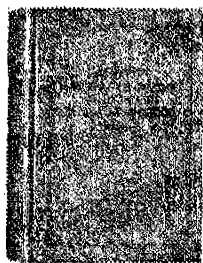
зованность нефтепромышленников, мы скрутим наших хозяев, так скрутили их 5 лет назад, если усилим подготовительную работу к общей забастовке, если укрепим наши同盟ники, если расширим наши союзы, если сплотимся вокруг Социал-демократии» (стр. 70).

Взыгненный Госполитиздатом сборник — ценное пособие по изучению истории нашей партии, в частности истории закавказских большевистских организаций.

О. ВЕЙЛАНД.

ПРОТИВ АНТИМАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ М. Н. ПОКРОВСКОГО

Сборник статей. Часть вторая. М. и Л. 1940. 506 стр.

М. Н. Покровский оставил после себя большое литературное наследство. Его «Русская история с древнейших времен» и «Русская история в самом кратком очерке» одно

время получили широкое распространение по всей нашей стране. «Русская история» М. Н. Покровского долго была почти единственным источником, который знакомил с историей нашей страны широкую советскую аудиторию. Литературный талант М. Н. Покровского подчас увлекал читателей; к тому же М. Н. Покровский пользовался репутацией марксиста. Однако анализ произведений Покровского с позиций подлинного марксизма вскрыл антиисторизм его концепции, показал, что методологические приемы Покровского были, по существу, антимарксистскими.

Вред, причиненный глубоко ошибочной концепцией Покровского, усугубился тем, что некоторые историки усердно протаскивали и «развивали» его концепцию в советской исторической литературе. Часть этих историков, впоследствии разоблаченных как враги народа, сознательно искажала марксистскую историческую науку. Так появилась историческая «школа» Покровского.

Требуется огромная работа советских историков для ликвидации последствий деятельности «школы» Покровского и создания марксистской истории СССР.

М. Н. Покровский — своеобразная историческая фигура. Выйдя из исторической школы В. О. Ключевского, он скоро порвал с ней. Находясь за границей, в эмиграции,

М. Н. Покровский приступил к составлению «Русской истории с древнейших времен» в противовес широко распространенному «Курсу русской истории» В. О. Ключевского. Первый том «Русской истории» М. Н. Покровского был встречен с усмешкой дореволюционной историографией, тогда как молодое поколение историков отнеслось к нему с энтузиазмом. В глазах последних это был опыт марксистского построения «Курса русской истории», работа, которая позволяла порвать с буржуазной эклектической концепцией В. О. Ключевского.

Однако, по существу, М. Н. Покровский, стоя на позициях экономического материализма, часто не только сближался во взглядах со своим антагонистом, но иногда отдельные положения Покровского были, собственно, развитием мнений В. О. Ключевского (например вопросы о татаро-монгольском завоевании, об Иване IV, о Петре I и его реформах, о значении внешней торговли для Киевской Руси и т. д.).

Поскольку «Русскую историю» М. Н. Покровский писал за границей, он не располагал иногда самыми необходимыми источниками и заимствовал факты из работ западноевропейских историков, в которых материал освещался далеко не полно, а часто и неверно. М. Н. Покровский был хорошо знаком с западноевропейской исторической литературой, но недостаточно — с русской. Это отразилось в его «Русской истории».

Искажения, вызванные недостаточным знакомством с первоисточниками, усугублялись неправильной исторической концепцией М. Н. Покровского. Теорией марксизма-ленинизма Покровский так и не сумел овладеть до конца жизни, не сумел преодолеть идеалистические построения и схемы Ключевского, Виноградова и других буржуазных историков.

Великая Октябрьская социалистическая революция предоставила все возможности для углубленного изучения классиков марксизма и для пересмотра прежних теоретических точек зрения на характер исто-

рического процесса и его движущие силы. Совершенно очевидно было, что «Русская история» М. Н. Покровского нуждалась в радикальной переработке. Однако М. Н. Покровский не приступил к пересмотру и переработке этого труда. Наоборот, он несколько раз переиздавал эту работу почти без всяких изменений основного текста.

Больше того, М. Н. Покровский опубликовал «Русскую историю в самом сжатом очерке», в которой высказал ряд своих новых соображений, также далеких от подлинного марксизма. К тому же М. Н. Покровский не придерживался хронологической последовательности в изложении исторических событий, и поэтому его работа не могла дать систематических исторических знаний. Недаром В. И. Ленин отметил, что в «Русской истории в самом сжатом очерке» отсутствуют хронологический указатель и критика буржуазных историков. В. И. Ленин требовал от Покровского, чтобы его книга была перестроена так, чтобы у учащихся, работающих с ней как с учебником, «не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую».

Однако Покровский не прислушался к словам Ленина и оставил свою книгу без радикальной переработки. Правда, М. Н. Покровский занялся историографическими вопросами, но, исходя из своих теоретических позиций, он свалил всех историков в одну кучу, не подметил закономерности в развитии русской историографии, не сумел правильно оценить оставленное буржуазной историографией богатое литературное наследство, без которого «Русская история» М. Н. Покровского никогда не появилась бы в свет.

Уже в постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 26 января 1936 года об учебниках по истории было отмечено наличие в них множества извращений и несостоятельных установок, имеющих «в своей основе известные ошибки Покровского». В этом постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР отмечали, что «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку»¹. В замечаниях товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу конспекта учебника по истории СССР, представленного группой учеников Покровского, отмечен ряд крупнейших извращений: «свалены в одну кучу феодализм и дофеодалный период... самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств... свалены в одну кучу понятия

реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая»² и т. д. Все эти указания свидетельствовали, что на историческом фронте, где господствовала «школа» Покровского, крайне неблагоприятно.

В своем постановлении «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» ЦК ВКП(б) отметил, что «в исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой «школой» Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю»³.

Рост советской марксистской исторической науки требовал незамедлительного пересмотра всего теоретического и исторического наследства М. Н. Покровского и критики его исторической концепции по существу.

В то же время эта критическая работа должна была быть и позитивной, так как она должна была дать правильную оценку исторических событий и периодов с позиций исторического материализма. Результатом такой работы явился первый сборник статей—«Против исторической концепции М. Н. Покровского»,—а затем второй сборник—«Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», в котором напечатаны следующие статьи: 1) Е. М. Ярославского «Антимарксистские извращения и вульгаризаторство так называемой «школы» Покровского»; 2) С. В. Юшкова «М. Н. Покровский о раннем периоде русского феодализма»; 3) А. Н. Насонова «Татарское иго на Руси в освещении М. Н. Покровского»; 4) В. И. Шичеты «Крестьянская война и борьба с иностранной интервенцией в начале XVII века»; 5) Б. Б. Жафенгауза «Реформы Петра I в оценке М. Н. Покровского»; 6) М. В. Джервиса «Внешняя политика русского самодержавия в XVIII веке в изображении М. Н. Покровского»; 7) С. К. Бушуева «Искажение образа Н. С. Чернышевского в работах М. Н. Покровского»; 8) А. Л. Полова «Внешняя политика самодержавия в XIX веке в «кривом зеркале» М. Н. Покровского»; 9) А. В. Пяскова «Критика антиленинских

² Там же, стр. 22.

³ «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», стр. 6. Госполитиздат. 1938.

¹ Сборник «К изучению истории», стр. 21. Партиздат. 1937.

взглядов М. Н. Покровского на буржуазно-демократическую революцию в России»; 10) Е. А. Луцкого «Извращение М. Н. Покровским истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР (1918—1920 гг.)»; 11) А. В. Фохт «Ошибки М. Н. Покровского в вопросах преподавания истории».

Второй сборник статей позволяет на основе марксистско-ленинской методологии составить научно-объективное представление о тех исторических проблемах, которые извращенно толковались М. Н. Покровским.

Руководящее место в настоящем сборнике занимает статья тов. Ярославского, который вскрывает антимарксизм и вулгаризаторство Покровского и его «школы». Ошибочность исторической концепции М. Н. Покровского тов. Ярославский объясняет тем, что М. Н. Покровский, находясь под идейным влиянием Богданова, являлся сторонником экономического материализма. «Эта «теория», — пишет в своей статье тов. Ярославский, — все сложные и противоречивые события и факты общественного развития объясняет автоматическим действием экономики. Она фактически совершенно игнорирует классовую борьбу, сводя объяснение исторического процесса только к слепой силе стихийного экономического развития. Самый термин «экономический материализм» — буржуазного происхождения... «Экономический материализм» был излюбленной теорией «легальных марксистов», экономистов и меньшевиков, стремившихся выхолостить революционную диалектику марксизма и использовать его для апологии капитализма.

Вместо глубоко жизненной и единственно правильной теории исторического материализма сторонники вулгарного экономического материализма изобретали абстрактные социологические схемы и применяли их с полным пренебрежением к подлинному историзму. Живую творческую деятельность и борьбу классов, партий, отдельных личностей они игнорировали»¹.

Покровский оставался «экономическим материалистом» до конца своей жизни. «Покровский в своих произведениях не стоял на точке зрения диалектического материализма, а проводил линию буржуазных и мелкобуржуазных «попутчиков» пролетариата, защищавших идеалистические взгляды» (стр. 7).

Находясь под сильным влиянием философии Э. Маха, Покровский «прямо призывал применять в области истории идеалистическое учение Маха о господстве принципа целесообразности. Покровский этим самым примыкает, с одной стороны, к буржуазной школе таких социологов, как

Спенсер и др., и с другой — к вулгарным экономистам» (стр. 8).

М. Н. Покровский был противником объективной исторической науки. В одном из своих последних выступлений (1 декабря 1931 года) он призывал «не идти «академическим» путем, каким шли мы, ибо «академизм» включает в себя как непременное условие признание этой самой объективной науки, каковой не существует. Наука большевистская должна быть большевистской»².

«С одной стороны, — отмечает тов. Ярославский, — как будто очень радикальное и правильное заявление: отбросьте академизм, отставьте партийность в науке. Но с другой стороны, — прямое заявление, что объективной науки не существует. Это заявление только на руку врагам марксизма-ленинизма. Оно дает повод врагам большевизма утверждать, что и большевистская наука не есть объективная наука, а это полностью противоречит марксизму-ленинизму» (стр. 9).

«Покровский и его «школа» учили, — пишет тов. Ярославский, — что «история есть политика, опрокинутая в прошлое». Это ведет к извращению исторической перспективы; исторические события берутся не в той связи, в какой они происходят, на них субъективно переносятся характеристики и оценка сегодняшнего дня, происходит модернизация истории» (там же).

М. Н. Покровский «преуменьшает огромную роль Ленина как историка России, тогда как ряд трудов Ленина — «Развитие капитализма в России» и позднейшие его работы... являются, как и работы товарища Сталина, ценнейшим вкладом в историческую науку» (стр. 10).

М. Н. Покровский был против последовательного, хронологического изложения истории. «Прикрываясь громкой фразой, что «марксизм и ленинизм ориентируются не на прошлое, а на будущее», Покровский отрицал самую необходимость изучения истории с древнейших времен... Он даже уверял, что «хронологические даты не имеют ничего общего ни с какой действительностью» (там же).

Такая точка зрения на историю не имела, конечно, ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Ленин на III съезде РКПМ отмечал: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (см. там же).

Не удивительно, что М. Н. Покровский и его ученики нанесли советской школе большой вред своими теориями и практикой.

Основным стержнем исторического про-

¹ «Сборник», стр. 6 (далее указываются только страницы).

² М. Н. Покровский «Историческая наука и борьба классов». В 2 й, стр. 406.

Песса Покровский считал борьбу торгового и промышленного капитала. Вопреки высказываниям Маркса и указаниям Ленина, что всякий исторический анализ и всякое обобщение должны вытекать не из субъективного отношения к ним, а из фактов, установленных «с точностью естественно-исторического наблюдения», Покровский «стирает исторические грани всех эпох и событий и приводит к полному их извращению» (стр. 11).

М. Н. Покровский допустил множество извращений в своем понимании русской истории. Так, Покровский отрицал существование русского государства в Киевскую эпоху и утверждал, что «городская Русь X—XI вв. еще не знала общественных классов» (там же). Покровский не понял прогрессивного значения принятия христианства. Считая торговый капитал основным стержнем исторического процесса, Покровский полагал, что «войны Киевской Руси — это войны торгового капитала; и борьба опричнины с боярами — это борьба торгового капитала; и восстание Емельяна Пугачева — это борьба торгового капитала («казацкого») против торгового же капитала (московского); и восстание декабристов — это борьба торгового капитала; и реформа 1861 г. проводилась также под влиянием торгового капитала; и русско-японская война есть война торгового капитала; и последняя империалистическая война 1914—1918 гг. произошла в результате борьбы между двумя видами капитализма в России — торгового и промышленного» (стр. 12).

Разумеется, такое объяснение является не чем иным, как «антиленинским извращением истории ради искусственно придуманной социологической схемы» (там же).

Какого бы сложного исторического вопроса ни касался М. Н. Покровский, он изображал его в искаженном виде. Так, в вопросе о феодализме М. Н. Покровский защищал, по существу, идеалистическую теорию Павлова-Сильванского. Он видел «силу, создававшую Московское самодержавное крепостническое государство, не в классе феодальных землевладельцев, а в торговом капитализме» (стр. 12—13), идя таким образом в разрез с учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина «о смене общественно-экономических формаций».

Правда, иногда Покровский отказывался от своих частных ошибок, например от термина «торговый капитализм», но «на самом деле... а н т и л е н и н с к о й была вся его схема исторического процесса России, а не только отдельные ее частности» (стр. 13). Тов. Ярославский раскрывает это на ряде конкретных примеров.

М. Н. Покровский не понимал социальной сущности крестьянских движений, как

противофеодальных движений. Большие крестьянские движения XVII и XVIII веков Покровский презрительно называл «разинщиной», «пугачевщиной». В восстании Разина он видел борьбу торгового капитала Поволжья с торговым капиталом центра, а восстание Пугачева объяснял как казацкое, затушевывая его крестьянский характер.

Отечественную войну 1812 года Покровский объяснял неправильно. Вопреки указаниям Ленина он умалял о грабительском характере войны Наполеона, объявляя единственным виновником войны русское дворянство.

В оценке движения декабристов Покровский также расходится с Лениным, считавшим декабристов революционными демократами, борцами против крепостничества и царского самодержавия. Для Покровского декабрист — «это обиженный самодержавием дворянин», тогда как для Ленина декабристы — дворянские революционеры, зараженные демократическими идеями Европы.

Тов. Ярославский отметил, что «народничество в изображении Покровского также получило неправильное антиленинское освещение» (стр. 16). Для Покровского «народничество есть общественное мировоззрение мелкобуржуазной интеллигенции», тогда как Ленин «определял народничество как идеологию мелкобуржуазной крестьянской демократии. Народнический, утопический социализм — это крестьянский социализм» (там же).

В русско-японской войне, по мнению Покровского, «руководителем авантюры был торговый капитал», между тем Ленин и Сталин установили, что царизм — это «военно-феодальный империализм». Покровский «не показал грабительских целей японского империализма, а изобразил дело так, что Япония только защищалась от хищнических устремлений царского правительства», что было, «несомненно, на руку японским империалистам» (стр. 17).

Покровский считал ненужным буржуазно-демократический этап русской революции, утверждая, что для ликвидации остатков крепостничества достаточно было провести правительственную реформу. Ленин же указывал, что покончить с остатками крепостничества и расчистить путь для классовой борьбы в России можно только революционным путем.

«Опасной и вредной, — как указывает тов. Ярославский, — являлась и данная Покровским характеристика причин возникновения империалистической войны 1914 — 1918 г.г.», так как Покровский считал «главным виновником империалистической войны русское самодержавие и русскую военную олиху» (стр. 20), видя

не показывая «трусой роли германского империализма и Англии как главных виновников войны и тем самым ревизовал взгляды Ленина и Сталина на войну 1914—1918 гг.» (стр. 21).

Ошибочны взгляды Покровского и на февральско-мартовскую буржуазно-демократическую революцию, которую Покровский считал «рабочей революцией». «Февральская революция,— писал Покровский,— была... не только пролетарской революцией по социальному составу той массы, которая низвергла самодержавие и фактически стала у власти, но неизбежно была и социалистической революцией совершенно объективно» (стр. 21). Покровский клеветнически изобразил позицию Ленина и партии большевиков, утверждая, что в 1917 году Ленин будто бы не шел дальше буржуазно-демократической революции и что будто Ленин в апреле 1917 года «ехал в Россию с убеждением, что социалистическая революция в России невозможна» (там же).

Во взгляде на сущность революции Покровский допустил крупнейшие извращения, ибо он «вопреки учению Ленина и Сталина о том, что главным и основным вопросом всякой революции является вопрос о завоевании власти... утверждал, что основным вопросом пролетарской революции является вопрос о постепенном процессе перехода производства в руки рабочих» (там же). Покровский, не понимая ленинского учения о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, «трактовал февральскую революцию как социалистическую, а Октябрьскую — просто как высшую точку подъема революционного движения 1917 г.» (стр. 22). Вместе с тем Покровский, «стоя на позициях «левого коммунизма», не верил в возможность победы социалистической революции в одной стране» (там же).

М. Н. Покровский был автором многочисленных исторических работ. Его учебник был до последнего времени единственным в советский период учебником по русской истории. Покровский руководил многими советскими учреждениями, под его руководством воспитывались кадры историков на протяжении многих лет. «Поэтому,— пишет тов. Ярославский,— особенно важны разоблачение и критика антимарксистских взглядов Покровского... «Краткий курс истории ВКП(б)» помогает разоблачить эти антиленинские установки исторической «школы» Покровского... Без этого полного разгрома «школы» Покровского нельзя развернуть подлинную марксистско-ленинскую историческую науку» (стр. 23, 24).

Охватив в своей статье всю историческую концепцию М. Н. Покровского в целом, тов. Ярославский показал, как

далеки схемы Покровского от подлинной истории.

В других статьях подвергнуты разбору и критике отдельные исторические проблемы, в первую очередь вопрос «о раннем русском феодализме», которым в последнее время много занимались советские историки: акад. В. Д. Греков, С. В. Юшков, С. В. Бахрушин. В учебнике по истории СССР (часть 1-я) были подведены итоги этого изучения.

С. В. Юшков осветил в своей статье точку зрения М. Н. Покровского на ранний феодализм, начиная с Киевской Руси и кончая XVI веком — временем образования Русского государства, история которого в работах М. Н. Покровского занимает весьма скромное место. В самом определении феодализма М. Н. Покровским, по мнению С. В. Юшкова, допущены серьезные теоретические ошибки, благодаря чему его взгляд на феодализм далек от «тех ярких характеристик феодального государства и феодальной идеологии, которые имеются в сочинениях Маркса и Энгельса» (стр. 26). Для определения сущности феодализма Покровский привлек «политико-правовые признаки», следуя в этом отношении за буржуазной историографией, в частности за Павловым-Сильванским. Покровский очень далек «от марксистско-ленинского понимания феодализма как общественно-экономической формации» (стр. 26). Покровский неправильно подошел к вопросу о происхождении русского феодализма, не составив себе сначала отчетливого представления «об общественно-экономическом строе, который предшествует феодализму и на основе разложения которого феодализм стал развиваться» (стр. 29).

Игнорируя работы основоположников марксизма-ленинизма, в частности работу Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», Покровский вслед за историками-юристами: Б. Н. Чичериным, В. И. Сергеевичем и др.—объяснял появление общины не на основе разложения первобытно-общинного строя, а ставил ее развитие в связь с финансовыми и политическими условиями и «земельной теснотой», о которой, как он говорил, «помину не было в домосковской и даже ранней Московской Руси» (стр. 31). Не понимая, что феодальная собственность могла возникнуть только на основе разложения общинного землевладения, Покровский не понял сущности общественно-политического строя Киевской Руси, отрицая самое существование Киевского государства.

Неправильны суждения Покровского о возникновении феодального города, развитие которого он, как и В. О. Ключевский, ставил в связь с внешней торговлей Киевской Руси, не разобравшись в высказываниях классиков марксизма-ленинизма о фео-

дальной торговле, о средневековом городе (см. стр. 34). Поэтому М. Н. Покровский не различает городов, возникших в дофеодальное время, от городов феодальной эпохи, XI—XII веков.

Для Покровского город Киевской Руси— не производственный и политический центр, а только «стоянка купцов-разбойников». Покровский не обратил внимания на развитие процесса отделения ремесла и торговли, процесса, который привел к возникновению посадов (см. стр. 35). Равным образом М. Н. Покровский не дал ясной картины политического строя Киевского государства XI—XIII веков как феодального государства. Не имея четкого представления о городе и не понимая сущности классовой борьбы в Киевской Руси, М. Н. Покровский неправильно называл стихийные городские восстания 1068, 1113, 1175 годов народными революциями, «совершенно игнорируя борьбу феодальных групп в городе» (стр. 39).

Не понимая феодальной сущности Киевского государства, М. Н. Покровский не понял и причин его упадка, объясняя его экономическим оскудением Киевской Руси, завоеванием Руси татарами и переменой торговых путей, что привело к упадку города и к «перегниванию ее в Русь деревенскую» (стр. 42). Между тем упадок Киевской Руси был связан с феодальным распадом Киевского государства, с ростом местных феодальных центров, с усилением княжеских междоусобиц, с упадком торговли Киева с Византией, с проникновением половцев в черноморские степи. Дав голую схему экономического развития Киевской Руси, в частности процесса феодализации, Покровский прошел мимо того факта, что степень экономического развития и процесса феодализации была не везде одинаковой.

М. Н. Покровский не понял, как правильно указывает С. В. Юшков, что «возникновение, возвышение и дальнейшее расширение и создание централизованного русского государства предопределялись развитием феодального хозяйства и классовой борьбы, а также необходимостью обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока» (стр. 57). Следует отметить, что М. Н. Покровский излагает этот вопрос крайне запутанно и вместе с тем игнорирует такие вопросы, как борьба Московского государства с татарами, окончившаяся освобождением от татарского ига, борьба с Литвой. Покровский не дает анализа деятельности московских князей, считая вслед за В. О. Ключевским московских князей «серыми и незаметными», причем делает из этого несколько странный вывод, что «именно поэтому им везло больше, нежели другим» (стр. 58).

Всесторонней критике А. Н. Насонова подверглись взгляды Покровского на татарское иго. В своей статье А. Н. Насонов показал, что Покровский при оценке татарского ига не считался с высказываниями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Под влиянием Костомарова Покровский объяснял возникновение самодержавия исключительно татарским завоеванием. Но при этом Покровский в отличие от Костомарова считал татарское нашествие «внешним» толчком, который помог развитию страны, завершив процесс разложения городской Руси X—XII веков. Покровский не понял, что «основы феодального строя не были сломенны татарским нашествием» и что «татарщина оказала, в действительности, огромное депрессивное влияние на развитие нашей страны» (стр. 87), задержала ее культурное развитие. Неверно утверждение Покровского, что татары застали на Руси «процесс перегнивания городской Руси в деревенскую». Покровский упустил из виду, что в связи с татаро-монгольским завоеванием Юго-Западная и Западная Русь отошли к Польше и Литве, даже не упомянул о существовании Галицко-Волынской Руси. Правильно указав «на политику Орды на Руси, а также на политику князей в Орде, как на одну из причин возвышения Москвы... он забывает о роли татарских нашествий в усилении Москвы, на что указывал Соловьев...» (стр. 80).

Покровский не понял положения товарища Сталина о решающем значении борьбы с монголами в образовании централизованных государств в Восточной Европе. Между тем изучение документов показывает, что именно со времени открытой борьбы с монголами началось объединение Руси вокруг Москвы. Покровский также совершенно не учитывал того, что монголы в своих интересах использовали существовавшие на Руси политические отношения. Все это исчерпывающе показал в своем исследовании А. Н. Насонов.

М. Н. Покровский не раз возвращался в своих трудах к «Смутному времени». Он подверг критике концепции «Смуты», существовавшие в буржуазной историографии, и требовал изучения «Смуты», как классовой борьбы, но тем не менее он не дал картины развернутой классовой борьбы во время «Смуты». М. Н. Покровский придавал второстепенное значение иностранной интервенции, идя в этом отношении за С. М. Соловьевым, В. О. Ключевским и С. Ф. Платоновым. Подробный анализ всех ошибочных концепций «Смуты» в освещении Покровского дан в статье В. И. Пичеты. Опираясь на источники, В. И. Пичета раскрыл всю ошибочность утверждения Покровского о «Годунове, как крестьянском

царе», тогда как в действительности политика царя Бориса была дворянской. «Названный Димитрий» Покровского был не кем иным, как Самозванцем-Лжедмитрием I, агентом Речи Посполитой, которого Покровский также превратил в «крестьянского царя».

Ставленник бояр — царь Василий Шуйский — оказался у Покровского «посадским царем». При этом Покровский неправильно анализировал политическое содержание «Записки» Шуйского, видя в ней ограничение царской власти в пользу бояр и посадских людей, тогда как в действительности подкрестная запись Шуйского была не ограничением, а попыткой обеспечения личных и имущественных интересов от возможного произвола сверху, который имел место при Грозном и при Годунове (см. стр. 125).

Извращенно истолковал Покровский движение Болотникова. В оценке социальной программы Болотникова — вождя крестьянского движения — Покровский сделал шаг назад по сравнению даже с эпигоном буржуазной историографии С. Ф. Платоновым. Покровский не понял классовой сущности движения, его антифеодалного характера. Не понял Покровский и того, что польская интервенция явилась реализацией восточных планов Батория, а отнюдь не была следствием того, что Москва заключила договор со Швецией. В этом отношении Покровский находился под сильным влиянием В. О. Ключевского. Неправильно освещена Покровским и освободительная борьба русского народа против интервентов, которой, кстати, он уделил сравнительно мало внимания. Национально-освободительное движение Покровский объясняет стремлением «буржуазии и дворянства» восстановить порядок и закрепостить крестьян. Покровскому нет дела до того, что его концепция находится в противоречии с фактами. Он игнорирует национальный подъем, охвативший широкие народные массы и нашедший свое выражение в выступлении нижегородца Минина и князя Пожарского. По Покровскому, Минин и Пожарский боролись не против интервентов во главе народных масс, а стремились закабалить «меньших людей». Покровский органически не хотел или не мог понять того, что борьба русского народа против поляков была не борьбой в интересах излюбленного Покровским торгового капитала, а борьбой за национальное освобождение (см. стр. 138).

Чрезвычайно ценна и обстоятельна статья «Реформа Петра I в оценке М. Н. Покровского», принадлежащая перу Б. Б. Кафенгауза, одного из лучших советских знатоков времени Петра I. Б. Б. Кафенгауз указывает, что, изучая реформы Петра I,

Покровский допустил ряд крупнейших ошибок, не поняв значения внешнеполитических успехов при Петре I и огромной важности реформы армии и создания флота. По мнению Покровского, экономическим базисом петровских реформ был «торговый капитализм» и власть в начале петровской эпохи перешла к «торговой буржуазии». Покровский замалчивает заслуги Петра в создании крупной промышленности. Он не понял классовой природы петровской империи, как национального государства помещиков и торговцев. Политику правительства в отношении крестьян Покровский оставил вовсе без рассмотрения. Вне поля зрения Покровского осталась также классовая борьба крестьянства против феодального гнета. История народов СССР совершенно не освещена. Петра I Покровский изображал лишь как грубую и примитивную натуру, игнорируя марксистско-ленинское учение о роли выдающихся личностей в истории.

Автор отмечает, что оценка петровских реформ Покровским находится «в противоречии с высказываниями Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина...», но все же считает, что при всех указанных недостатках концепция М. Н. Покровского представляет известный интерес, как попытка преодолеть буржуазные взгляды.

Истории международных отношений царской империи — этому наименее изученному советской наукой участку — Покровский, как правильно указывает М. В. Джервиг, уделил «минимальную долю внимания». Гражданская история в его работах является иллюстративным материалом к его социологической схеме. По Покровскому, «все международные отношения и внешняя политика России в XVIII в. руководились политической активностью торгового капитала» (стр. 197). Фактический материал в освещении истории международных отношений у него очень беден.

М. Н. Покровский искажил образ Н. Г. Чернышевского, не поняв его роли и значения в истории освободительного движения того времени, времени, которое Ленин называл «эпохой Чернышевского». С. Б. Бушуев характеризует образ Н. Г. Чернышевского как величайшего деятеля своего времени, «боевого и последовательного демократа, имя которого так дорого было основоположникам марксизма-ленинизма» (стр. 199). У Покровского же, «то Чернышевский рисуется славянофилом, идеалистом в истории, защитником своекорыстных интересов меньшинства, либералом, представителем «меньшевистской тактики» и т. д., то он оказывается «близко подошедшим к Марксу, как никто из социалистов до марковского периода» (стр. 203).

Не поняв того, что Н. Г. Чернышевский был последовательным революционным борцом против крепостничества, что он «всецело стоял на стороне крестьянских масс, требуя передачи помещичьей земли крестьянам без выкупа» (стр. 206), Покровский приписал Н. Г. Чернышевскому «меньшевистскую тактику в аграрном вопросе». Только в дни столетнего юбилея со дня рождения Н. Г. Чернышевского Покровский вынужден был отказаться от этого утверждения, извращающего историю революционного движения 60-х годов. Покровский должен был это сделать, «потому что стали широко известны освещенные Лениным факты истории 60-х гг.— эпохи Чернышевского, неопровержимо доказывающие громадную историческую роль Н. Г. Чернышевского как боевого и последовательного демократа в борьбе за идею крестьянской революции, за идею свержения всех старых властей» (стр. 207).

В обстоятельной и богатой фактами статье А. Л. Попова подвергаются критическому разбору взгляды Покровского на внешнюю политику самодержавия в XIX веке. Покровский не раз возвращался к вопросам внешней политики самодержавия в XIX веке и дал ряд концепций, внутренне противоречивых и часто взаимно исключаящих одна другую.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла дипломатические архивы, что в известной степени подтолкнуло М. Н. Покровского к более глубокому изучению вопросов внешней политики самодержавия в XIX веке. Оставаясь сторонником «экономического материализма» и неправильно понимая классовую природу самодержавия, М. Н. Покровский не мог объективно-научно разобраться в направлении и сущности внешней политики самодержавия. Покровский часто находился под сильным влиянием исследователей-иностранцев. С их позиций он критиковал внешнюю политику самодержавия, упуская из виду, что западноевропейские историки в сущности выступали апологетами политики своих правительств. Вполне понятно, что Покровский был не в состоянии дать научно-объективное объяснение внешней политики царизма.

В «Русской истории» Покровского вся внешняя политика царизма «автоматически» вытекала из экономики. Поэтому «на почве кризиса хлебных цен и «катастрофического» подъема русской промышленности выростала на страницах истории Покровского внешняя политика николаевского самодержавия как политика промышленного капитала» (стр. 389). Неправильно представляя себе классовый характер самодержавия, М. Н. Покровский был

не в состоянии подойти к оценке политики Николая I как жандарма Европы. М. Н. Покровский считал, что Россия была «колонизальной державой наиболее примитивного типа — аппаратом торгово-капиталистической эксплуатации малокультурных стран» (стр. 384).

В статье А. В. Пяковского дана «Критика антиленинских взглядов М. Н. Покровского на буржуазно-демократическую революцию в России». М. Н. Покровский не раз возвращался к проблеме «буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.» и посвятил ей около 20 статей. После 1930 года Покровский внес некоторые изменения в свое понимание буржуазно-демократической революции, но в основном остался верен своим антиленинским взглядам. Тов. Ярославский указал в своей статье на основные ошибки Покровского, которые в работе тов. Пяковского нашли развернутое толкование.

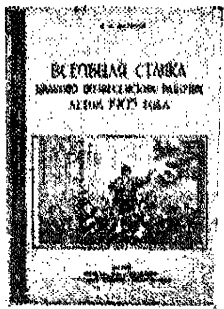
Е. А. Луцкий в статье «Извращение М. Н. Покровским истории интервенции и гражданской войны в СССР (1918—1920)» дал марксистско-ленинский анализ содержания работ М. Н. Покровского в этой области. Е. А. Луцкий делает правильный вывод о том, что «в периодизации Покровского сказалось его антиленинское понимание Октябрьской социалистической революции, экономической политики диктатуры пролетариата, неправильное, антимарксистское и антиленинское понимание соотношения экономики и политики» (стр. 485). Автор показывает, что схема Покровского идет вразрез с конкретными фактами.

Статья А. В. Фохт, заключающая сборник, посвящена разбору ошибок М. Н. Покровского в вопросах преподавания истории. Ошибки здесь выразились в том, что из средней школы было изгнано преподавание систематического курса истории, и живая гражданская история была заменена сухой «историей общественных форм».

Таково содержание второго сборника статей «Против антиленинской концепции М. Н. Покровского», которые и в методическом и в фактическом отношении производят полный разгром антиисторической концепции Покровского.

Еще много вопросов осталось нерассмотренными, в частности вопросы, связанные с историей Белоруссии, Украины и Польши. М. Н. Покровский допустил и в этой области грубейшие извращения, и их следует внимательно рассмотреть с точки зрения исторического материализма. Тогда разгром исторической концепции Покровского по всему фронту будет полным.

В. ПИЧЕТА,
член-корреспондент Академии наук СССР

Работа В. А. Галкина представляет собой научно-популярное изложение истории всеобщей стачки иваново-вознесенских рабочих летом 1905 года. Написана книга на основании архивных и печатных материалов и документов.

В книге дано в общем верное описание подготовки, хода и завершения стачки. Автор правильно оценивает руководящую роль партийной организации большевиков в стачке и работавшего под ее руководством совета уполномоченных.

Книга начинается с описания материальных условий жизни и труда иваново-вознесенских рабочих до революции 1905 года. Заслугой автора надо считать то, что он использовал для этого описания малоизвестные материалы, не использованные в ранее вышедших на эту тему работах.

Так например (на стр. 6) автор приводит выдержку из газеты «Пролетарий» (№ 5 за 1905 год), в которой говорится о неимоверно тяжелых и вредных для здоровья санитарных условиях фабричных помещений, «в воздухе с гудушливыми, ядовитыми испарениями, которым рабочий должен дышать во время своего тяжелого, 11½-часового рабочего дня, о грубой брани и всяких других оскорблениях, которые наносились рабочим и особенно работницам фабричной администрацией.

Выдержки из воспоминаний рабочих об условиях жизни и труда иваново-вознесенских ткачей, приводимые в книге, дают наглядное представление о чудовищной эксплуатации, которой подвергались рабочие и работницы иваново-вознесенских текстильных фабрик. Рабочий Капитонов вспоминает: «В 1903 г. поступил я на фабрику Кузаева в отбельные барабаны 16-летним мальчиком. Работа была адская. Поставили меня расправлять товар, идущий из отбельной жгутом. Расправляли руками и ногами... Жара доходила до 40°, никакой вентиляции не было» (стр. 6). Работали здесь по 16—17 часов, не выходя из помещения фабрики.

То же было на фабрике Ивана Карелина, где рабочие за 16-часовой рабочий день получали в месяц в среднем по 10 рублей.

Но и этот ничтожный заработок еще более сокращался штрафами и беспредечными взятками, которые брали с рабочих мастера и табельщики при пайме на ра-

боту, при переводе с одной работы на другую и т. д. (стр. 9).

Достоинством книги является также и то, что автор использовал ряд новых архивных документов. К ним относится, например, письмо директора департамента полиции директору департамента торговли и мануфактур в связи со стачкой 1897 года, в котором сообщалось, что «окончившаяся забастовка, по полученным в департаменте указаниям, должна быть отнесена к разряду наиболее серьезных...» и что она «посила характер образцовой сплоченности и организации...» (стр. 13).

В донесении городского полицейского пристава владимирскому прокурору содержится любопытная характеристика выступления известного вождя стачки Евлампия Александровича Дунаева на общегородском митинге рабочих перед городской управой. Доложив по начальству об этом митинге, городской пристав писал:

«Из среды толпы появились ораторы, первым вышел ткач фабрики Бакулина — Дунаев, который впоследствии руководил всей сходкой, он высказал цель забастовки — улучшить положение рабочих в экономическом и моральном отношении, призывал рабочих дружно продолжать забастовку. Если не будут выполнены фабрикантами все требования рабочих, приглашал рабочих оказывать дружное сопротивление войскам, в случае принуждения их прекратить сходку» (стр. 30).

В ряде других полицейских донесений имеются сведения о роли отдельных рабочих-депутатов. Так например о В. П. Сошовева сказано, что это «выделяющийся из всех депутатов; считается главным», о Смеловой А. И., — что «она первая прекратила работу на фабрике и вовлекла в забастовку остальных женщин», и т. д. (стр. 36—37).

О возникшем с самого начала стачки и появления Совета смятении среди фабрикантов и о фактическом двоевластии в городе свидетельствует выдержка из письма фабриканта Бурмыгина своему родственнику. Бурмыгин пишет: «То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий... Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось... Чувствуется в городе двоевластие...» (стр. 41).

В книге приведены материалы, рисующие малоизвестные стороны и эпизоды стачки. После расстрела фабриканты пытались сорвать стачку, заманить колеблющуюся, наиболее изголодавшуюся часть рабочих на фабрики; 9 июня заголосили фабричные гудки, раскрылись ворота всех фабрик. Однако попытка эта не удалась: «желаю-

щих работать не нашлось», — доносил губернатор министру внутренних дел (стр. 60).

О страхе фабрикантов перед рабочими, об их растерянности говорит и тот факт, что они, как сообщал в своих докладах губернатор, «...без взаимного между собой согласия за последние три дня стали выдавать рабочим своих фабрик единовременные выдачи, частью в счет будущего заработка, частью в виде подарка от одного до трех рублей» (стр. 62).

Материалы из архива старшего фабричного инспектора Владимирской губернии, использованные автором рецензируемой книги, дают точные сведения о том, когда и на какой фабрике была закончена стачка и было приступлено к работе (стр. 66).

Использование перечисленных и других интересных документов и материалов дало автору возможность осветить ряд важных моментов в истории стачки, разработанных далеко не достаточно.

К сожалению,ряду с достоинствами в книге имеется и ряд серьезных недочетов.

Так, в ней ничего не сказано о борьбе рабочих за сокращение рабочего дня «явочным путем». Эта борьба имела место в первые же дни по возобновлении работы после стачки: на многих фабриках рабочие самовольно заканчивали работу раньше установленного времени. В истории борьбы иваново-вознесенских рабочих в 1905 году это был весьма существенный момент. На этой почве отношения между рабочими и фабрикантами доходили до крайнего обострения — до локаутов и пр.

Далее автор ничего не сообщил о попытке властей и фабрикантов отколоть от бастующих наиболее квалифицированных рабочих, лучше оплачиваемую «мастеровщину». Эта попытка имела целью внести замешательство и дезорганизацию в ряды бастующих и, в конечном счете, сорвать забастовку. Однако на организованное властями на ярмарочной площади собрание указанной части бастующих явились члены Совета, которые в своих выступлениях разоблачили этот маневр врагов рабочего класса и привели всех собравшихся на общий митинг на Талку.

Едва ли верным является утверждение, что казаки, участвовавшие в разгроме лавок, делали это с целью провокации. Вернее всего, участвовавшая в разгроме часть просто воспользовалась случаем безнаказанно поживиться в личных интересах.

Что касается «мелкобуржуазных элементов», об участии которых в разгроме лавок говорится в книге, то неясно, кого автор имеет в виду: то ли это мелкие предприниматели и домовладельцы, то ли сами владельцы разгромленных лавочек? Бесспорно то, что никакой «мелкой бур-

жуазии», могущей громить своего же брата, мелкого торговца, в Иванове не было. Разгромы произвела часть изголодавшихся забастовщиков, и, конечно, сделано это было вопреки воле руководства стачкой, которое в этот момент не смогло предотвратить нежелательных выступлений.

На стр. 83 автор дает описание митинга на Талке вечером 22 октября, сообщая о том, что на нем якобы выступал М. В. Фрунзе и были ранены десятки рабочих. Этого митинга в действительности не было, а произошли в этот день следующие события.

Во второй половине дня, под давлением отряда астраханских казаков и охраняемой ими толпы черносотенцев, мы, члены Ивановской партийной организации большевиков, небольшой группой (три—четыре десятка человек) пришли на Талку и, перейдя через пешеходный мостик, остановились у сторожки на опушке леса. Не успели мы опомниться, как у мостика на противоположном от нас берегу появились преследовавшие нас казаки и черносотенцы. Из ушедших от нас на переговоры с казаками (Афанасьев и «Павел Павлович», см. об этом подробно мою книгу «По следам минувшего», стр. 101—102) один был убит (Афанасьев), а второй тяжело ранен, как только они, перейдя мостик, очутились лицом к лицу с черносотенцами. По каким-то непонятным причинам отмеченный выше, но не имевший места «эпизод с митингом» приведен в книге С. Борисова («М. В. Фрунзе». Краткий биографический очерк. Воениздат. 1940). Оттуда, надо полагать, и взял его тов. Галкин, не проверив достоверности этого факта.

В книге ничего не сказано о митинге у «Клуба приказчиков» 21 октября вечером, на котором председательствовал Афанасьев, где он произнес свою последнюю речь перед тем, как ровно через сутки он был убит на Талке черносотенцами, о чем сказано выше. Это был первый открытый многолюдный митинг в городе после царского манифеста о «свободах» (17 октября), и о нем сказать было необходимо.

В книге ничего не сказано о руководящей роли Иваново-вознесенской большевистской организации до 1905 года. Не следовало автору книги ограничиваться беглым упоминанием о руководящей роли «Северного союза» социал-демократической рабочей партии, организованного в 1900 году.

Наконец, в книге не уделено должного внимания ряду крупнейших руководителей движения, как например руководителю городского комитета большевиков М. В. Фрунзе, направлявшему вместе с Афанасьевым, Балашовым и другими членами торкома стачку и партийную работу.

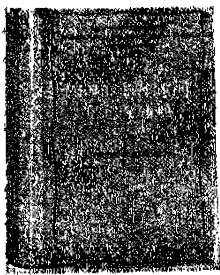
Б более мелким подочетам книги можно отнести следующее. «Отряды казаков, — пишет автор, — рабочие встречали песней:

«Нагайка ты, нагайка,
Сильна в стране родной.
Романовская шайка
Царит тобой одной».

На самом деле куплет песни о нагайке, которую с большим увлечением пели ба-стующие на Талке, звучал иначе:

«Нагайка ты, нагайка,
Тобой лишь одной
Романовская шайка
Сильна в стране родной».

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ 1870—1918 гг.». Сборник документов. Составили А. Г. Королев и О. Н. Фрейфельд. Под редакцией проф. В. М. Хвостова. 1940 год. 405 стр. Цена 13 р. 30 к.

Военно-политическая орден Ленина Академия Красной Армии имени В. И. Ленина издала этот сборник, чтобы помочь своим слушателям в изучении курса истории международных отношений. Можно только

приветствовать этот шаг Академии, ибо для изучающего как общегражданскую историю, так и ее сложнейшую часть — историю международных отношений — пользоваться документацией, безусловно, необходимо.

Создание учебного сборника документов представляет для автора немалую методическую трудность: из моря документов разного характера и ценности надо выбрать наиболее характерные, отражающие наиболее полно ту эпоху, к которой они относятся.

В распределении документов рецензируемого сборника его составители приняли тематический порядок, единственно правильный в учебном пособии. Для удобства пользования в конце сборника дан и хронологический указатель документов. Все материалы: дипломатические документы, отрывки из мемуаров, извлечения из прессы и др. — даны в шести разделах.

Первый из них — «Международные отношения в 70—90-х гг. XIX века» — открывается документами 1871 года о франко-германских мирных переговорах и завершается конвенциями и декларациями международной Гаагской мирной конферен-

Притом вряд ли при появлении казаков, набрасывавшихся на безоружных рабочих как дикие звери, рабочие могли распевать песни.

Совершенно не отвечают действительности сообщения о баррикадах (стр. 56): никаких баррикад ни в 1905 году, ни позднее в Ивалово-Вознесенске не было.

Кроме того в книге недостает ряда ссылок на источники приведенных материалов, что является существенным недочетом.

В общем книга пуляная. Если в случае ее переиздания указанные недочеты будут устранены, ценность ее повысится.

Ф. САМОЙЛОВ

ции (июль 1899 года). Материалы этого раздела освещают период военной тревоги 1875 года и включают важнейшие договоры — рейхштадтское соглашение 1876 года, русско-австрийскую конвенцию 1877 года, заключенную в Будапеште, Сан-Стефанский русско-турецкий договор 1878 года, англо-турецкую конвенцию 1878 года (Кипрскую), акт Берлинского конгресса 1878 года, германо-австрийский союзный и оборонительный договор 1879 года и последовавшее вскоре соглашение о Тройственном союзе (1882 год), заключенное в Вене, акт о «Союзе трех императоров» (австро-русско-германский договор 1881 года), секретное соглашение России и Германии — «договор перестраховки» (1887 год), русско-французские соглашения 1891—1893 годов. В первый раздел включены также материалы о военной опасности 1887 года, итало-абиссинский, испано-американский мирные договоры и довольно подробная документация, иллюстрирующая закабаление Китая.

Второй раздел книги — «Начало англо-германского империалистического соперничества. Англо-японский союз» — менее всего посвящен англо-германским противоречиям, но дает текст грабительского «Заключительного протокола» 1901 года, навязанного Китаю силою оружия, и показывает дипломатическую подготовку русско-японской войны. Эта часть сборника заканчивается англо-бурским договором 1902 года.

Третья часть — «Русско-японская война и возникновение Антанты» — открывается документами о тайном франко-итальянском соглашении 1900—1902 годов. Помимо англо-французского договора (так называемого «Сердечного согласия») 8 апреля 1904 года, дано датированное тем же числом секретное франко-английское соглашение о Марокко. В нескольких доку-

монтах показаны неудачные попытки Вильгельма II заключить русско-германский союз. Освещаются события первого марокканского кризиса и решение конференции держав в Алжире (1906 год). Особый интерес представляет меморандум сэра Эйр Кроу «О взаимоотношениях Англии с Францией и Германией». Почти полностью публикуется текст англо-русского колониального соглашения 1907 года по среднеазиатским делам.

Обострение международного положения в 1909—1914 годах показано в четвертом разделе сборника. Балканский кризис (1908—1909 годы), русско-итальянское соглашение в Ракошиджи (1909 год), второй марокканский кризис (1911 год) были следующими этапами в подготовке мировой войны. После документов, характеризующих эти события, составители поместили материалы о балканских войнах 1912—1913 годов и о дальневосточных событиях с 1905 по 1911 год: англо-японские союзные договоры 1905 и 1911 годов, японо-корейские договоры 1905 и 1907 годов, установившие протекторат Японии над Кореей, русско-японские договоры 1907 и 1910 годов о взаимном уважении интересов на Дальнем Востоке, франко-японское соглашение 1907 года и обмен нотами между Японией и США о поддержке «независимости и неприкосновенности Китая».

Пятый раздел сборника, посвященный подготовке Антанты и австро-германского блока к войне, открывается описанием вооруженных сил и стратегических планов Антанты и Тройственного союза (большое извлечение из книги Зайончковского «Мировая война 1914—1918 гг.»). После нескольких документов о консолидации сил Антанты в 1912—1914 годах составители довольно подробно осветили июльский кризис 1914 года. Здесь даны интересные отрывки из мемуаров Конрада фон Гетцендорфа, германо-австрийская дипломатическая переписка в июле и переговоры держав Антанты. Секретное германо-турецкое соглашение о союзе от 2 августа 1914 года, заключенное уже после начала войны, опнесено составителями к документам июльского кризиса.

Наконец, значительную часть сборника занимает шестой раздел, где собраны материалы по международным отношениям в годы войны. В них показано, как вступали в войну Япония (август 1914 года), Турция (октябрь 1914 года), Италия (май 1915 года), Болгария (октябрь 1915 года), Румыния (август 1916 года), а также даны некоторые документы о нейтралитете Швеции, Голландии, Испании. В этом разделе освещены сформулированные в обоих воюющих лагерях цели вой-

ны и последовавший на третьем году военных действий поворот от империалистической войны к империалистическому миру. Показана роль США, вступивших в войну в ее наиболее критический момент. Последние материалы сборника представляют собой первые после войны мирные договоры.

Таков краткий перечень основных документов сборника. Они взяты составителями более чем из 40 источников. Большинство материалов заимствовано из публикации «Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях», 1926 год. Привлечены также отрывки из мемуаров виднейших современников и участников событий. Некоторая часть документов перепечатана из ранее изданных сборников. Основные материалы, как сказано в предисловии сборника, проверены по фундаментальным публикациям «Documents diplomatiques français 1871—1914», «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», «British Documents on the Origins of the War, 1898—1914». Отсюда были взяты и некоторые документы дополнительно. Ценность рецензируемой книги сравнительно с аналогичными справочными пособиями, изданными ранее, заключается в том, что ее составители воспользовались недавно появившейся литературой, откуда приведены новые интересные документы.

По числу привлеченных источников сборник превосходит другие советские издания подобного рода. Но выбор документов, произведенный в основном удачно, страдает все же некоторыми погрешностями.

Начало сборника датировано 1870 годом, однако в нем отсутствуют документы, рисующие дипломатическую борьбу накануне франко-прусской войны. Здесь уместно было бы привести в кратких извлечениях материалы о переговорах французского посла Бенедетти с Вильгельмом I, текст знаменитой «эмской депеши». В материалах о военной тревоге 1875 года отсутствуют английские документы. Некоторой скупостью отличается и освещение колониального вопроса. Составители дали документацию главным образом по балканским и китайским делам, но не осветили колониальную борьбу в Африке. По последнему вопросу читатель найдет в сборнике только англо-германскую конвенцию 1890 года, но не увидит следов англо-французского соперничества в борьбе за Египет, документа о Берлинской конференции 1884—1885 годов (раздел Конго), документов о борьбе за Судан и о фашодском инциденте, когда Англия и Франция были на волосок от начала военных действий.

Балканские дела, особенно Берлинский конгресс 1878 года, интересно освещены большой запиской графа П. А. Шувалова (документ № 27), которая обрисовывает все пружины английских интриг в подготовке и проведении конгресса. Жаль, что в подробной документации о Балканах нет материалов о болгарском кризисе 1885—1886 годов, разорвавшем «союз трех императоров».

Франко-германская военная тревога 1887 года изложена несколько односторонне: приведены лишь два документа из «Grosse Politik». Нет французских материалов — документа об инциденте Шисбеле, состряпанном по указанию Бисмарка. Агрессивная тенденция Германии в событиях 1887 года подчеркнута, таким образом, слабо.

Наряду с Англией, Японией и Францией активно стремилась к закабалению Китая и Россия. Воспользовавшись поражением Китая в войне 1894—1895 годов, русские дипломаты заключили в 1896 году русско-китайский союз, предусматривавший помощь России Китаю в случае новой агрессии со стороны Японии. В подкрепление союзных связей Россия вскоре получила от Китая концессию на постройку КВЖД (1896 год). Текст соответствующего контракта приведен в сборнике, но отсутствует русско-китайский договор, который лежал в основе русского хозяйничанья в Китае.

Англо-русское соперничество на Дальнем Востоке было одной из европейских предпосылок русско-японской войны. Это соперничество наряду с перегруппировкой сил в Центральной Европе привело к концу английской политики «блестящей изоляции» (англо-японский союз 1902 года). Однако в сборнике не освещены англо-русские трения на Дальнем Востоке.

Интересные материалы приведены составителями о китайских делах. Здесь прежде всего следует отметить «Обращение английской China Association к лорду Солсбери 14 апреля 1898 года» (документ № 58), показывающее аппетиты английских капиталистов и их боязнь народного движения в Китае. «Узды управления нигде в Китае не находятся в твердых руках», поэтому «Ассоциация рекомендует считать мятеж с его спутником — анархией — обстоятельством, которое могло бы служить извинением интервенции, пределы которой было бы трудно определить». Это был открытый призыв к грабежу Китая. Методы его определялись знаменитой политикой «открытых дверей» (открытого грабежа. — Н. П.) — документы №№ 60, 61, — а первые результаты были зафиксированы в «Заключительном протоколе» 1901 года (документ № 68). И любопыт-

но, что Англия стремилась несколько сдерживать Японию в ее захватнических намерениях (документы №№ 71 и 72), опасаясь чрезмерного ее усиления в Китае и ослабления позиций английского империализма. Англия желала иметь в лице Японии лишь баланс для своей политики относительно России и в конце концов с этой целью пошла на союзный договор 1902 года с Японией (документ № 73).

Но самым большим вопросом Британской империи был рост англо-германских противоречий. Среди нескольких документов сборника по этому вопросу особый интерес представляет меморандум Эйр Кроу, одного из ближайших сотрудников Эдуарда Грея (документ № 93). Выдержанный в беспристрастно-объективном тоне, этот документ, датированный 1907 годом, говорит, что англо-германский «антагонизм слишком глубоко коренится в положении обеих стран, в их отношении друг к другу, чтобы допустить возможность его преодоления какими-либо временными мерами... Германия обдуманно ведет политику, направленную, по существу, против интересов Англии, и... недалек момент вооруженного столкновения...» Свой меморандум сэр Эйр Кроу назвал исследованием...

Материалы об англо-германском соперничестве очень скупо представлены в сборнике. Нет текста нашумевшей телеграммы Вильгельма II Кронеру (1896 год). Отсутствуют документы о переговорах Джозефа Чемберлена (март 1898 года), пытавшегося создать англо-германский союз. Наконец, нет следов англо-германских переговоров в начале века о приостановке морских вооружений.

Обострение международного положения перед войной составители охарактеризовали прежде всего материалами о Боснийском кризисе 1908—1909 годов. Среди них мы не находим ультиматума Булова (21 марта 1909 года). Германия потребовала в нем, чтобы Россия добилась признания Сербией факта аннексии Боснии. В противном случае Булов угрожал войной Сербии. Этот ультиматум, по существу, и расклевывал порохом узел Боснийского кризиса.

Подробно показали составители сборника попытки Вильгельма II оторвать Россию от союза с Францией. В этом отношении большой интерес представляет переписка императоров. В октябре 1904 года Вильгельм II писал Николаю II: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба тайно, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе. Конечно, союз должен быть

чисто оборонительным... нечто вроде компании взаимного страхования от огня против поджогов» (документ № 83). Спустя несколько дней Вильгельм II писал Бюлову о царе: «Его величество начинает прошибать холодный пот из-за галлов и он такая тряпка, что даже этот договор с нами не желает заключать без их разрешения... И я не удивлюсь, если ваш друг Битте вместе с этой тряпкой Ламздорфом испортит нам суп» (документ № 84). В сборнике имеется текст Бюркского договора русского и германского императоров об оборонительном союзе, заключенного в 1905 году и вскоре аннулированного. Напрасно не привлечены материалы о русско-германских переговорах в Петодеме (ноябрь 1910 года), которые были второй решительной атакой кайзера, стремившегося оторвать Россию от Антанты.

Дальнейшее обострение империалистических противоречий проиллюстрировано документами о втором марокканском кризисе (1911 год). Он показал в сборнике бледнее, чем первый кризис. Нет никаких следов переговоров французского посла Камбона со статс-секретарем германского департамента иностранных дел фон Бидерленом. Эти переговоры показали притязания Германии. Их весьма интересно сравнить с результатами франко-германского соглашения (ноябрь 1911 года), которое дало Германии лишь небольшую часть французского Конго, т. е. значительно меньше, чем ей хотелось.

Большую роль в дипломатической борьбе в период между балканскими войнами сыграла Лондонская конференция 1912 года. В сборнике она вовсе не освещена. Отсутствует и австрийский ультиматум Сербии (октябрь 1913 года) об эвакуации Албании, положивший конец дальнейшим успехам сербов и притупивший на время балканский пожар.

Июльский кризис 1914 года освещен составителями с достаточной полнотой. У читателя складывается правильное представление, что июль был месяцем необычайного напряжения всех сил империализма. События развивались с необычайной быстротой, ибо в несколько дней становилось действительностью то, что подготавливалось десятилетиями. Наибольшее обострение июльской дипломатической борьбе придавала не совсем определенная позиция Англии. 24 июля ее министр иностранных дел Грей держался неопределенно, и Вильгельм не усматривал в его поведении ничего опасного (документ № 153). 25 июля Франция еще не совсем была уверена в достаточно эффективной помощи Англии (документ № 154). Лишь кладнокровный англичанин Эйр Кроу в этот день составил следующее замечание к телеграмме Бьюке-

нена (документ № 154), английского посла в Петербурге: «Ясно, что Франция и Россия решили поднять брошенную им перчатку. Какого бы мнения мы ни были о правовой стороне австрийских обвинений против Сербии, Франция и Россия считают, что это предлоги и что окончательно встал более крупный вопрос о борьбе Тройственного союза против Тройственного соглашения».

Я считаю, что было бы неразумно, — если не сказать опасно, — если бы Англия пыталась выступить против этого мнения или затуманить это ясное положение представлениями в Петербурге и Париже... Имеется еще возможность пропалтывать решимость Германии, видя в ней опасность, что в случае войны Англия будет на стороне Франции и России» (документ № 157).

27 июля русский посол в Лондоне Беллендорф доносил в Петербург (документ № 158): «Тон речи Грея с сегодняшнего дня значительно более ясен, гораздо более тверд, чем до сих пор... Во всяком случае, уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы». И через два дня, 29 июля, германский посол Лихновский не имел больше оснований для сомнений в позиции Англии (документ № 162). На его реплику, посланной в Берлин, имеются пометки Вильгельма: «Гнусный обманщик! (в адрес Э. Грея. — Н. П.) ...Чтобы мы оставили Австрию на произвол судьбы, какая мефистофельская гнусность! Чисто по-английски!»

Среди многих документов, рисующих июльский кризис, нет очень важного австрийского ультиматума Сербии (23 июля), а также ультиматума Германии России, переданного 31 июля.

Попытки сформулировать цели войны были сделаны державами уже в первые дни военных действий. Большую активность в этом направлении проявил русский министр иностранных дел Сазонов. 14 и 26 сентября 1914 года он направил предложения союзникам, которые внесли в них свои коррективы. Русские предложения касались всего комплекса предполагаемых завоеваний. В рецензируемом сборнике нет указанных документов. Даны лишь предложения Сазонова от 1915 года, касающиеся только восточных территорий. Но и в этой части имеются существенные пропуски. Например отсутствует русско-английское соглашение от 16 сентября 1916 года о разделе Азиатской Турции. Публикация первоначальных планов передела мира для сравнения их с более поздними вариантами имеет большой принципиальный интерес, позволяет глубже анализировать рост международных противоречий в годы войны.

Более полно показаны цели австро-германского блока. Можно лишь пожалеть, что составители не включили в материал этого раздела отрывка из книги Ф. Наумана «Срединная Европа», выразившей чаяния германской буржуазии.

Наиболее интересным этапом дипломатической борьбы в годы войны был переход США от войны экономическими ресурсами против центральных держав к прямому военному союзу с Антантой. Для характеристики всего лицемерия «пацифизма» дельцов Бродвея авторы сборника привлекли интересный материал из «Архива полковника Хауза» и книги Mc. Master, T. B. «The United States in the world War 1914—1918». 1933.

2 апреля 1917 года Вильсон сказал конгрессу: «Наша цель сейчас, как и всегда, восстановить принцип мира и справедливости в международной жизни против эгоистической и автократической силы и установить среди действительно свободных и самоуправляющихся народов мира такое согласие целей и действий, которое и впредь обеспечит соблюдение этих принципов.

У нас нет недоразумений с немецким народом. У нас нет иного чувства к нему, кроме симпатии и дружбы. Не по его по-

чину его правительство вступило в войну. Это произошло без ведома и одобрения германского народа...

Миру должна быть обеспечена демократия. Мир должен быть установлен на прочной основе политической свободы».

И 6 апреля 1917 года Вудро Вильсон, «добрый американский дядюшка» Антанты, огласил резолюцию конгресса о войне с Германией.

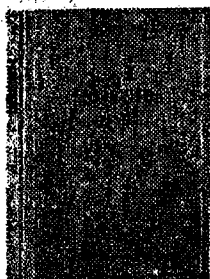
* * *

Ценность сборника повысилась бы еще более, если бы в него были включены дополнительно некоторые другие документы, хотя бы за счет сокращения чисто литературных материалов. Можно также пожалеть, что в хорошо изданной книге имеется так много опечаток: более тридцати замеченных редакцией и немало оставленных ею без внимания (стр. 71, 156, 158, 181, 258, 297, 398 и др.).

А. Г. Королев и О. Н. Фрейфельд, составители сборника, проделали очень полезную работу. Собранные документы составили необходимое пособие не только для учащихся, но и для каждого читателя, интересующегося историей международных отношений.

Н. ПЕВЗNER

Русский революционер в технике*

В кратком введении к этой книге академик С. Г. Струмилин справедливо указывает, что она «представляет интерес не только для лиц, занимающихся историей техники, но и для всех тех, кого волнуют героические страницы истории нашей родины».

В последние годы, при общем росте выпуска исторической литературы в Советском Союзе, было опубликовано слишком мало капитальных исследований по истории науки и техники. Между тем такого рода работы имеют исключительное значение для историков в самом широком смысле этого слова. В частности история общественных отношений в России не может быть достаточно полно и глубоко изучена, если отвлечься от истории раз-

вития научной и технической мысли в нашей стране.

Биография Ивана Ивановича Ползунова, великого русского теплотехника XVIII века, строителя первой в мире паровой машины для непосредственного обслуживания механических агрегатов, бросает яркий свет на условия, в которых приходилось работать борцам за новую технику в крепостной России XVIII века, и в то же время показывает величие творческих сил нашего народа, его одаренность, самостоятельность, непреклонность в борьбе.

27 мая этого года исполнилось 175 лет с того дня, как Иван Иванович Ползунов погиб на своем трудовом посту, посту революционера в технике. Тем более своевременным представляется выпуск издательством Академии наук СССР в конце истекающего года фундаментальной биографии Ползунова, написанной историком техники профессором В. В. Данилевским. Автор проделал огромную работу над обширным материалом. Он объездил те алтайские и уральские места, где развертывалась жизнь великого изобретателя, изучил местные архивы и извлек из них множество

* В. В. Данилевский «И. И. Ползунов. Труды и жизнь». Изд-во Академии наук СССР. М. и Л. 1940. 446 стр., с илл. Тираж — 5 тыс. экз. Цена в переплете 24 рубля.

равне неизвестных, ценнейших архивных документов и чертежей, в том числе сделанных рукой самого Ползунова.

Эти новые материалы дали возможность профессору Данилевскому по-новому и более полно, чем это делали прежние биографы, осветить жизненный путь Ползунова.

Работа Данилевского распадается на следующие разделы: «Материалы и документы о жизни и деле Ползунова», «И. И. Ползунов на Урале (1728—1747)», «Первые годы работы И. И. Ползунова на Кольвалено-Воскресенских заводах (1748—1753)», «Техника производства на заводах и рудниках Алтая», «Годы хозяйственной работы И. И. Ползунова (1754—1758)», «Работа И. И. Ползунова в годы, предшествовавшие созданию «парамы действующей» машины (1759—1763)», «Огнедействующие машины, известные до изобретения И. И. Ползунова», «Предложения и изобретения Ползунова (апрель 1763 г.)», «Положение дела И. И. Ползунова в 1763 году», «Постройка огнедействующей машины», «Огнедействующая машина, построенная И. И. Ползуновым», «Смерть И. И. Ползунова», «Испытания и эксплуатация машины», «Гибель дела И. И. Ползунова», «О причинах гибели дела И. И. Ползунова».

Таким образом, жизнь и деятельность Ползунова излагаются в хронологическом порядке, если не считать некоторых технико-экономических экскурсов в прошлое.

Биографию изобретателя профессор Данилевский начинает с вопроса о происхождении и дате рождения Ползунова. Отметим, кстати, что за полуторавековой период изучения жизни и деятельности Ползунова в царской России было поставлено столь примитивно, что основные документы, характеризующие его жизнь и деятельность, оставались совершенно неизвестными. Ползунов родился в 1728 году в Сибири. Он происходил из «солдатских детей». Не имея возможности получить высшее образование, он с упорством овладевал теоретическими и практическими знаниями и добился в этом великих успехов.

Ползунов учился сначала в «словесной школе», которую окончил в 1738 году, а затем в «арифметической школе» при Екатеринбургском заводе. В связи с этим Данилевский дает интересный очерк о системе начального и технического образования в Уральском заводском районе, организованного в начале XVIII века Татищевым и Лепнинным (стр. 37—40). В 1742 году, еще до окончания «арифметической школы», Ползунов, проявивший выдающиеся способности, был переведен в «механические ученики» с жалованьем в

60 копеек в месяц. Ползунов и другие ученики были помощниками «механикуса», т. е. мастера при водоподъемных, рудоподъемных и иных применявшихся в то время машинах. Эти машины приводились в действие водяными колесами различной конструкции или силой животных.

На Екатеринбургском горнометаллургическом заводе, где учился и работал молодой Ползунов, не было ни одной «огневой» (паровой) машины». Как известно, «огневые машины» появились в Англии еще в конце XVII века. Но и в передовых странах Запада эти машины — типа Савери или Ньюкомена — могли применяться лишь для откачки воды из шахт. Чтобы заставить паровой молот или воздуходувку при печах работать от «огневой машины», приходилось накачивать «огневой машиной» воду в резервуар при водяном колесе, а рабочие машины приводить в действие (как и прежде) этим водяным колесом.

Ползунов прекрасно изучил устройство несложных машин того времени. В 1747 году он вместе с группой других наиболее одаренных «механикусов» и учеников был направлен на Алтай для работы на «кабинетских», иначе говоря, государственных заводах по разработку полиметаллических руд. Он поступил на Барнаульский завод, входивший в группу Кольвалено-Воскресенских заводов при «серебряных, свинцовых и медных рудниках и приисках».

Автор приводит интересные данные, иллюстрируя их планами, картами и схемами, о деятельности этих заводов, поставивших правительству огромное количество благородных металлов. Ползунов стал мастером — сначала тигельшрейбером, затем уштерниктмейстером. Документы гласят, что Ползунов всегда был «к горным, заводским и другим делам рачителен и прилежен, жития воздержанного». Он славился знанием математики — ему поручали проверку знаний по арифметике, геометрии, тригонометрии.

Как мы уже упоминали, автор делает в своей работе большие экскурсии историко-технического порядка, выходящие за пределы биографии Ползунова. Так например обширный раздел III посвящен им описанию техники производства на заводах и рудниках Алтая. Лицам, занимающимся русской историей XVIII века, будет, несомненно, очень полезно ознакомиться с этим очерком (стр. 79—99), дающим богатый конкретный материал о русской промышленности в этот период.

Возвращаясь к биографии Ползунова, Данилевский описывает хозяйственную деятельность Ползунова в 1754—1758

годах при Комиссарском правлении канцелярии Кольывано-Воскресенских заводов. Ползунов занимался водными перевозками, постройкой новых судов, приемкою руд, снабжением рабочих и т. д., и т. д., вплоть до врачебных и судебного-административных вопросов.

В 1758 году капитан Ширман и унтер-шихтмейстер Ползунов были отправлены в Петербург с грузом серебра и золота и с отчетами о работе заводов. Канцелярия просила петербургский кабинет о производстве Ползунова в чин шихтмейстера (первый офицерский чин в горном деле), так как он фактически давно уже выполнял круг работ, выходящий далеко за пределы обязанностей унтершихтмейстера, получавшего оклад в 60 рублей годовых. Обоз, занимавший 21 ямскую подводу, должен был проделать путь в 4800 километров. На 64-е сутки обоз прибыл в Петербург.

Ползунов вынес из этой поездки множество новых впечатлений и знаний. В частности он встретился с выдающимся специалистом в области горнозаводского производства, автором «Обстоятельного наставления рудному делу» (1760) Иоганном Шлаттером. Данилевский подчеркивает, что мы не располагаем данными о содержании бесед Ползунова со Шлаттером: «Невольно вспоминается, что именно в эти годы Шлаттер работал над своей книгой, включающей первое опубликованное на русском языке описание огнедействующей машины. Но были ли у Шлаттера беседы с Ползуновым об этой книге?» Отметим, кстати, что предположение автора о возможной встрече Ползунова с Ломоносовым малоубедительно. Лишь через год после возвращения Ползунова из Петербурга ему после неоднократных напоминаний с его стороны дали чин шихтмейстера с годовым окладом в 72 рубля. Следует заметить, что уже к этому времени рационализаторские предложения Ползунова — говоря пышным языком — в области производства, речного транспорта и администрации дали заводам и кабинету дополнительный доход, измеримый многими тысячами рублей. Ведь каждое улучшение в работе заводов непосредственно отражалось в росте добычи серебра и золота.

Особенно обрадовало Ползунова то, что ему было предложено «к совершенству обучаться... в строении горных работ и машин». Однако текущие производственные и административно-хозяйственные работы, которыми был завален Ползунов, не позволяли ему всерьез заняться техническим изобретательством. Лишь в 1763 году разработал он проект паровой

машины, обнаруживший всю мощь и весь размах таланта Ползунова.

Переходя к вопросу о машине Ползунова, Данилевский начинает с описания огнедействующих машин, известных до изобретения Ползунова (стр. 161—182), причем высказывает ряд предположений (часто, впрочем, дискуссионных) о том, с какими именно работами мог быть знаком Ползунов. Большую ценность для читателя представляют воспроизводимые в книге рисунки из книг Леупольда и Белидора, дающие возможность при сопоставлении с машиной Ползунова наглядно видеть то новое, что внес Ползунов в ее конструкцию. Бесспорно, правильны выводы автора о том, что до изобретения Ползунова существовали лишь огнедействующие машины для подъема воды, неспособные по своей конструкции для выполнения иных функций, и что «в отличие от своих предшественников Ползунов сразу смело пошел по пути реального проектирования и постройки огнедействующей заводской машины» (стр. 182).

К важным достоинствам работы Данилевского относится то, что автор подчеркивает и богато документирует утверждение о наличии у Ползунова широкой и продуманной энергетической концепции, приводившей к выводу о необходимости замены «водяного руководства» (т. е. системы водяных двигателей) паровым двигателем. Данилевский цитирует в тексте и полностью приводит в приложениях (стр. 377—379) замечательную докладную записку Ползунова начальнику Кольывано-Воскресенских заводов Порогину от апреля 1763 года.

Изложив недостатки, связанные с применением водяных двигателей, Ползунов пишет начальнику, что подобное положение побудило его бескорыстно стараться, «дабы способом огня действующею механикою с промысла сей недостаток отвести, и сложением огненной машины водяное руководство пресечь и его, для сих случаев, вовсе уничтожить, а вместо плотин за движимое основание завода ее (паровую машину.—В. В.) утредить так, чтобы она была в состоянии все наложенные на себя тягости, каковы к раздуванию огня обычно к заводам бывают потребны, носить и, по воле нашей, что будет потребно, исправлять» (стр. 378). Ползунов доказывает далее, что наука о паровых машинах еще не разработана, а потому вопросы, связанные с устройством новых двигателей, лучше решать не теоретически, а практически — «примечаниями (наблюдениями.—В. В.) и опытами» (там же).

«При чем бывают более случаи,— до-
бавляет он,— новые иметь вымыслы
(изобретения.—В. В.), потому как теория,
а особливо в воздушных и огненных де-
лах, бывает слабее практики, потому как
сила воздушного знания поныне не дале-
ко найдена и при том еще будучи вели-
кой тьмой закрыта» (там же).

Зная, что переход к паровой энергетической базе сопряжен с огромными трудностями, Ползунов убеждает начальника, что «нам не надлежит совсем отчаянным быть, и такое предприятие, светом возделенное, без подвига (продвижения.—В. В.) оставить против общества есть... Дабы сей славы (если силы допустят) Отечеству достигнуть и чтоб то во всенародную пользу, по причине большого познания о употреблении вещей, поныне не весьма знакомых (по примеру наук прочих) в обычай ввести» (там же). Он выражает горячее желание, «облегчая труд по нас грядущим», исполнить свой долг: «Так что я должен все возможные труды и силы на то устремить, коим бы образом огонь слугою к машинам склонить» (там же). Ползунов ясно сознает, «что новых и полезных дел начинателям не всегда вдруг делается удача» (там же), но это не останавливает его.

В том же приложении дается полное описание проекта машины, разработанного Ползуновым к 1763 году. Анализ этого проекта посвящены стр. 183—215 работы Данилевского. Получив первый в истории теплотехники проект двухцилиндровой поршневой машины непрерывного хода с непосредственной передачей к воздухоудвнной установке и со своеобразным парораспределительным механизмом, Канцелярия недооценила это изобретение, не поняв его оригинальности. Тем не менее Канцелярия признала, что машина может принести «знатную пользу... если сверх упомянутого сумнительства будет удача», причем «нестолько при одних здешних, но и при многих в России заводах, фабриках и мануфактурах». Канцелярия просила у петербургского кабинета «конфирмации» (разрешения) строить машину. Проект Ползунова пошел на утверждение к Шлаттеру. Шлаттер не оценил главного значения изобретения — того, что Ползунов предлагал универсальный двигатель для заводской промышленности, а не для откачки лишь воды из шахт. Однако он указал на оригинальность проекта: «Он, шихтмейстер, так похваляет достойною хитростию оную (ньютоновскую.—В. В.) машину умел переделывать и изобразить, что сей его вымысл за новое изобретение почесть должно...» (стр. 393). В целом Шлаттер поддержал решение Канцелярии.

Ползунова по докладу Екатерине II произвели в чин «механикуса», что соответствовало инженерному подпоручику, с жалованьем вдвое против обычного при этом чине, а именно 240 рублей в год, и обещали выдать 400 рублей наградных.

С 1764 года началась постройка машины. К этому времени Ползунов создал второй проект машины, с некоторыми отличиями. Сразу же изобретатель убедился, что благосклонность барнаульского и петербургского начальства, вплоть до «сушей и щедрой наук покровительницы» — царицы, — оставалась преимущественно на бумаге. Вместо 22 человек, необходимых для постройки огромной по тем временам машины, ему дали 4 учеников и 2 мастеровых. Остальных обещали давать по возможности. Это означало, что на Ползунова возлагались в дополнение к функциям изобретателя, проектировщика и инженера также и функции целого коллектива квалифицированных мастеров. Он должен был выполнять работу, совершенно непосильную для одного человека. Правильно отмечает Данилевский, что Ползунова следует отнести к числу мировых пионеров не только теплотехники, но и машиностроения, так как Ползунов должен был сам проектировать и строить станки и иные устройства для изготовления деталей своей машины, начиная с котельной установки и кончая передаточным механизмом. Подробное описание машины Ползунова автор дает на стр. 268—307. Чрезвычайно ценны иллюстрации к этому разделу, воспроизводящие, в частности, оригиналы чертежей Ползунова. Как и все другие иллюстрации, в полиграфическом отношении они выполнены превосходно.

Здоровье изобретателя не вынесло непосильного напряжения. Он не располагал собственными средствами для найма квалифицированных помощников, и ему никак не удавалось получить даже обещанных 400 рублей (ему вручили их на смертном одре). «Понес я немалую тягость и в здоровье изнурение», — с горечью писал Ползунов начальству. Он заболел скоротечной горловой чахоткой. Уже было почти готово невиданное сооружение: паровой котел, 2 непрерывно действующие цилиндра со сложным парораспределительным механизмом, водяной коммуникационной системой и своеобразным передаточным механизмом, соединенным с воздухоудвнной установкой. Эта воздухоудвнная установка обслуживала несколько печей одновременно. А творцу ее становилось все хуже и хуже. 16 (27) мая 1766 года великий изобретатель, не дожив нескольких дней до пуска

своей машины, скончался от «чахоточного припадка». Машина была достроена после его смерти. Однако, нерационально используемая, скверно обслуживаемая и не ремонтируемая, она быстро пришла в негодность при полном равнодушии начальства. Между тем машина Ползунова вполне оправдывала себя и технически и экономически. В короткий срок она дала 13 тысяч рублей прибыли. В 1780 году, как раз в тот год, когда Уатт создавал в Англии свою вторую, универсальную машину, «построенная механикусом Ползуновым действующая парами машина и строение» были сломаны во исполнение указа кабинета от 24 сентября 1779 года: «Огнедействующую машину... разобрать; находящуюся при оной фаб-

рику разломать и лес употребить на что годен будет» (стр. 351).

Трагическая история жизни и деятельности великого русского революционера в области техники, о котором современник его Эрик Лаксман писал: «горный механик Иван Ползунов — муж, делающий истинную честь своему отечеству», — изложена в книге Данилевского с недостатком прежним биографам глубиной и знанием дела. Все интересующиеся историей нашей страны получают большую пользу, ознакомившись с этой книгой (к сожалению, слишком дорогой — 24 рубля! — и отпечатанной малым тиражом).

В. ВИРГИНСКИЙ,

кандидат исторических наук

По страницам «Военно-исторического журнала»

В конце 1940 года и в начале 1941 года в «Военно-историческом журнале» появился ряд статей и публикаций, представляющих большой интерес не только для военного, но и для гражданского читателя. Мы считаем целесообразным рассказать на наших страницах о некоторых из этих материалов, относящихся к 1917—1921 годам.

В № 11 за 1940 год заслуживает внимания публикация документов «Октябрьские бои в Москве». В вводной заметке Г. Костомарова кратко охарактеризована восьмидневная вооруженная борьба героических московских рабочих и революционных солдат за важнейшие объекты города. Затем публикуются обращение Московского военно-революционного комитета, донесения разведчиков, сводки и другие материалы об этих боях. Документы взяты из фонда Московского военно-революционного комитета ЦГАОР. Мы здесь укажем некоторые из документов, отражающих в себе накаленные дни борьбы.

«В Петрограде крепкая революционная власть и порядок, — говорится в обращении, — еще одно усилие и в Москве мы ее тоже получим.

Решаются судьбы страны и революции. К оружию, к оружию!

Настал последний и решительный бой».

В разрозненных лаконичных документах, в мелких донесениях разведчиков, в сводках и в приказах ощущается подлинный пафос беспощадной борьбы за дело социалистической революции.

Вот выдержки из одной сводки:

«29-го мы стояли на позициях у Смоленского рынка. Выехал блиндированный автомобиль, мы бросили в него несколько бомб. Он остановился, мы стали подходить, но с опаской, так как автомобиль палил из пулемета, а за автомобилем — 70—80 человек юнкеров шло, мы их не

заметили... 18 человек красногвардейцев юнкера окружили в проходном дворе и всех перекололи».

Разведчика, избитого прикладами, доставили в белую разведку. Начальник ее увидел на груди захваченного красногвардейца георгиевский крест и, как сообщается в донесении, «...набросился на меня с руганью, сорвал с меня крест и стал бить, выбил зуб, раскровянил лицо, как, мол, я, унтер-офицер и георгиевский кавалер, нахожусь в лагере большевиков».

В той же сводке говорится о коварных действиях эсеров из юнкерского лагеря, которые с фальшивыми пропусками в Военно-революционный комитет подходили к патрулям и, когда те просматривали пропуск, стреляли в красных в упор.

Тут же приводится волнующее донесение мальчика-разведчика Кочурова: «У Никитских ворот в магазине Бландова на втором этаже стоит легкое орудие все время бьет по направлению к Страстному монастырю. На Страстной площади немного большевики отступили ввиду сильного обстрела. Мальчик Кочуров».

Шаг за шагом, в кровопролитной борьбе захватывали красные дом за домом, улицу за улицей: «Утром 29 октября революционным войскам удалось героическим натиском очистить от юнкеров и буржуазной гвардии Тверскую улицу. Нашими войсками заняты Малый театр и губернаторский дом на Леонтьевском переулке. Захвачен автомобиль и взяты в плен около 500 «белых гвардейцев».

В час дня, после продолжительного артиллерийского обстрела, революционные войска захватили 3 корпуса Алексеевского военного училища, а в 9 часов вечера телефонную станцию.

30 октября, после краткого перемирия, нарушенного врагами революции, Революционный комитет Замоскворецкого района С.Р. и С.Д. обратился к массам:

«Отныне никаких уступок, никаких колебаний. Враг должен быть сломлен, должен быть побежден. Буржуазия все усилия употребит на то, чтобы не уступить свою власть классам, которые ей ненавистны... Вперед за свободу, за землю, за народную власть».

Обстановка напряженных боевых действий видна в сводке из района Остоженки от 31 октября. Здесь «поперек улицы вырыты наши и неприятельские окопы... Угольная церковь и колокольня в наших руках. Но по колокольне ведется из противоположного дома пулеметный обстрел. Закрепиться на колокольне нам не удастся. Было предположено поставить на колокольне бомбомет, но это не удалось из-за сильного обстрела.

В настоящее время бомбомет стоит в окопах. Из него произведено несколько выстрелов по штабу округа... обстрел причинил штабу значительные повреждения».

Засевшие в продовольственной управе контрреволюционеры, саботировавшие снабжение населения хлебом, извещали о том, что «по вине большевиков запас хлеба настолько истощился, что хлебный паек должен быть сокращен до $\frac{1}{4}$ фунта хлеба в день».

Революционный комитет пресек саботаж и позаботился о снабжении трудящихся хлебом.

Силы социалистической революции все увеличивались. На помощь московским пролетариям прибывали революционные солдаты и матросы из других городов. Например 30 октября, вечером, из Петрограда приехало 500 кронштадтских матросов. В революционную армию вступали также целыми группами солдаты, выходявшие из лазаретов.

Здесь уместно упомянуть о «Деле кадетского милосердия», о котором говорится в сводке Бутырского ревкома: «В городском лазарете № 1683 сестра Корнилова наотрез отказалась сделать перевязку раненому солдату большевику. Ранение в пятку. Пробита артерия, в продолжении 20 минут больной истекал кровью».

Жестокость и коварство этих людей поистине не имели предела. После заключения перемирия, когда парламентарии обеих сторон сошлись на нейтральной зоне, «из окон юнкерского училища раздалась выстрелы, коими убито четыре представителя советских войск».

Борьба продолжалась день и ночь. В Военно-революционные комитеты непрерывно поступали донесения, сводки, а также запросы о помощи. 1 ноября один из членов комитета сообщил: «Ночь на 1-е ноября прошла спокойно, был выстрел шрапнелью, которая разорвалась над Дорогомиловым. Люди страшно устали, дежурят пятые сутки, смены нет. Сообщения и помощи от центра не получали. Пришли те люди и оружие».

Из Мыза-Раевского артиллерийского склада доносили, что в Сокольнический район послано 500 вооруженных товарищей и 14 бомбардиров с бомбами. А с Трубиновского переулка сообщали, что

юнкера ведут наступление, скопясь на Собачьей площадке. Требовалась срочная помощь для противодействия наступлению.

Положение бойцов социалистической революции становилось все более устойчивым. Связь с боевыми участками становилась бесперебойной. Разведчики направлялись по четко определенным маршрутам. Бдительность постов усиливалась. Однако контрреволюция не хотела сдаваться. Активизировались шпионы. В одном из донесений сообщалось: «Караульным на дворе Совета замечена сигнализация в окне пятого этажа высокого дома сзади двора дома Совета (смежного). Было дважды потушено электрическое освещение и затем, когда в третий раз зажжено, то человек, вставший в окне, дважды махнул белыми салфетками на крест, держа их в двух руках».

Однако победа сил пролетарской революции приближалась.

2 ноября 1917 года Военно-революционный комитет Московского совета сообщает: «Революционные войска победили. Юнкера и «белая гвардия» сдают оружие... Все силы буржуазии разбиты на голову и сдаются, приняв наши требования».

Вся власть в Москве — в руках Военно-Революционного Комитета».

* * *

Интересный материал, частично публикуемый впервые, систематизирован в статье С. Маркова «Январская революция и гражданская война в Финляндии (1918 год)», напечатанной в № 12 за 1940 год.

Как известно, декрет Совнаркома от 18 декабря 1917 года объявил Финляндию суверенным, независимым государством. Этот великодушный шаг советского правительства вызвал огромное сочувствие финляндского пролетариата делу социалистической революции, активизировал классовую борьбу трудящихся Финляндии против буржуазии. В январе 1918 года буржуазная власть была свергнута и организован «Совет народных уполномоченных» — революционное правительство Финляндии.

Еще на чрезвычайном съезде финляндской социал-демократической партии 25—27 ноября 1917 года товарищ Сталин обратился к финляндскому пролетариату:

«Нет таких опасностей и затруднений, которые могли бы устоять против вашего натиска. В такой атмосфере может удержаться и победить только одна власть, власть социалистическая. В такой атмосфере пригодна лишь одна тактика, тактика Дантона: смелость, смелость, еще раз смелость!»

И если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку».

Если финляндские социал-демократы не выполнили указания товарища Сталина, то финляндские рабочие при помощи русских революционных солдат и матросов создавали и укрепляли отряды Красной гвардии, запасались оружием, совершен-

ствовались в военном деле, готовясь к решительной борьбе против контрреволюции.

Финские белогвардейцы активно готовились к гражданской войне. Овинхувуд послал в Стокгольм своему представителю телеграмму: «Прошу... произвести закупки оружия и припасов. Предложите... заключить соглашение об отозвании обратно находящихся на германской службе граждан свободной и беспартийной Финляндии и незамедлительно отправить в путь этих людей на судне прямо в Финляндию; причем надо взять с собой ранее закупленное оружие и припасы».

19 января шюцкоров (полувоенная белогвардейская организация Финляндии, созданная для борьбы против русских революционных войск и против финского пролетариата) организовали вооруженную провокацию, захватив железнодорожную станцию в Выборге. Красная гвардия и русские революционные солдаты разгромили белогвардейцев и выгнали их из города. В других частях страны также произошли вооруженные столкновения шюцкоров с красновардейцами.

26 января 1918 года Главный штаб рабочей гвардии издал приказ № 1:

«Мобилизация рабочих гвардий назначается на 26 января в 12 часов ночи и должна быть закончена в течение трех дней. Лиц поименованных в особом списке, который будет вам дан, арестовать и препроводить в назначенное вами место... По получении приказа захватить при присутствии назначенных комиссаров сейм, университет, губернские управления, органы высшей власти и банки».

27 января в Гельсингфорсе рабочие взяли власть в свои руки. Это явилось сигналом для рабочего класса всей Финляндии. В воззвании Совета народных уполномоченных говорилось:

«Пробил великий час революции для рабочего класса Финляндии. Сегодня рабочие столицы отважно низвергли тот темный главный штаб господствующих классов, который объявил кровавую войну против своего собственного народа... Вся государственную власть должен взять в свои надежные руки трудовой народ Финляндии».

Совет народных уполномоченных принял ряд важных социальных законов. Большинство из них не было последовательно социалистическими. Так например, закрепляя за торшарями без арендной платы ранее арендованные ими участки земли, закон ничего не говорил о конфискации земли и о наделении земель безземельного крестьянства. Банки, фабрики, заводы подвергались, согласно закону, общественному контролю, но не национализировались. Однако пролетариат пошел дальше своего правительства и в требованиях своих и в действиях. Многие крупные промышленные и коммунальные предприятия оказались национализированными и управляемыми рабочими.

Как правильно указывает автор статьи, социал-демократы, находившиеся в высших органах власти (Совет народных

уполномоченных), должны были в силу необходимости идти за восставшим рабочим классом и декретировать те постановления, которые уже практически осуществлялись восставшим народом.

Совет народных уполномоченных Финляндии заключил договор с Советской республикой о дружественных отношениях между обоими государствами. Финляндскому народу возвращались все богатства, которые он создал на протяжении веков: «...недвижимые имущества, как то: земли, водные пространства, городские участки строения, заводы, фабрики, а равно и телеграфные учреждения, железные дороги, крепости, маяки, сигнальные огни и вежи, расположенные в пределах территории бывшего Великого княжества Финляндского».

Советская Россия передавала Финляндии незамерзающий порт Петсамо, жизненно необходимый ей, как выход в Ледовитый океан. Финляндская республика передавала Советской России форт Ино, на побережье Финского залива, имеющий важное стратегическое значение для обороны Петрограда.

В конце февраля 1918 года был разработан проект конституции Финляндской республики. Его должны были поставить на всенародное голосование весной того же года. «В нем, так же как и в любой буржуазной конституции, декларировалась свобода слова, печати, совести, собраний, союзов, свобода передвижения, всеобщее и равное избирательное право и т. п. Никакого преимущества пролетариату, столь необходимого на первых порах переустройства общественных отношений, проект конституции не представлял... Вообще говоря, проект был неудачной попыткой приспособления конституции буржуазной демократии к тем условиям, которые были завоеваны пролетариатом и беднейшим крестьянством Финляндии. В этом документе запечатлелась вся беспоследовательность, трусливость и оппортунизм финляндской социал-демократии, которая не только плелась в хвосте у революции, но и тормозила ее развитие» (стр. 44).

Кровавый поход против рабочего класса начал царский генерал Густав Маннергейм. 27—28 января 1918 года в ряде городов были расстреляны сотни русских революционных солдат. В социал-демократической газете «*Tiömies*» сообщалось:

«Вечером 26 января 1918 года отряд мясников, человек тысячи в две, окружил город Якобштадт и начал стрелять из пулеметов и ружей. В особенности огонь был направлен на военные казармы... Солдаты уже спали и ничего не могли знать о намерениях мясников и поэтому они сделались жертвами ужасного, омерзительного убийства из-за угла. Мясники убивали солдат буквально в постелях их собственными штыками...»

Началась упорная, кровопролитная борьба, в которой финская Красная гвардия проявила истинный патриотизм и беззаветное героичество. «Буквально все население

ние вооружилось, создавались отряды Красной гвардии даже из женщин. Каждая фабрика, каждый завод формировали свой вооруженный отряд. Вместе с рабочими в войну против белогвардейцев и иностранных пособников включилось и крестьянство. Только в одном Абоском округе насчитывалось 3500 красногвардейцев из крестьянской бедноты окрестных сел» (стр. 47).

В середине марта финский рабочий класс попал в крайне тяжелое положение. По условиям брестского мира, Советская Россия должна была отказаться от помощи финскому пролетариату и вывести свои войска из Финляндии. (Около тысячи русских по личной инициативе вступили в финскую Красную гвардию.)

Даже после вывода войск Советской России из Финляндии, белогвардейцы не могли сломить сопротивления Красной гвардии. Только с помощью иностранных интервентов — оккупационного корпуса германского генерала фон дер Гольца — мясники почувствовали себя уверенней. Вильгельмовские войска, ударившие на Красную гвардию с тыла, зверски подавили героическое сопротивление красногвардейских отрядов. Предательство правых элементов финской социал-демократии способствовало разгрому Красной гвардии.

С падением Выборга закончилось подавление финляндской революции. После этого белофинны и оккупанты начали жестокую расправу с финскими трудящимися: 40 000 человек, в том числе множество женщин и детей, было убито и замучено; 90 000 — брошено в тюрьмы, подвергнуто пыткам, истязанию голодом и холодом.

Левое крыло финляндской социал-демократии порвало с предателями из социал-демократического лагеря и образовало коммунистическую партию Финляндии. 13 августа 1918 года состоялся первый съезд молодой компартии.

Несомненно, что без вмешательства интервентов финские белогвардейцы не смогли бы подавить Красную гвардию. Однако в поражении революции в Финляндии имели значение и причины внутреннего порядка и прежде всего то, что у финских рабочих не было в то время твердого большевистского руководства.

* * *

В № 2 за 1941 год дана чрезвычайно интересная документальная публикация — «Боевая деятельность С. К. Тимошенко на фронтах гражданской войны». В ряде документов ярко выступает облик замечательного большевистского начдива, который уже в годы гражданской войны показал высокую большевистскую идейность и непреклонность в борьбе с врагами, чуткость в подходе к людям труда, большой стратегический талант, искусство руководства войсковыми соединениями в труднейших условиях.

Значительная часть документов рассказывает о периоде разгрома Деникина.

В приказе от ноября 1919 г. тов.

С. К. Тимошенко напоминает бойцам 6-й кавалерийской дивизии, которые «гордо и сознательно держат красное знамя в своих могучих руках», смело и честно идут в бой и гордо побеждают превосходящего по силе противника, о том, что надо сознательно относиться к советскому тылу, к мирному населению, несущему тяготы войны. Тов. Тимошенко призывает изгнать из рядов Красной Армии шкурников, «которые, возможно ради наживы, застряли в наших рядах».

«Товарищи, — пишется в приказе, — от вас пролетариат Республики ждет многого и вам истинным своим защитникам готовит лавровый венок из роз, который возложит на вашу голову, и много колеб осины на могилы тех, кто подрывает авторитет нашего строительства ради своих шкурнических интересов».

С. К. Тимошенко в другом приказе предлагает своим комбригам «действовать энергично и решительно, в самой тесной связи между собой и соседними частями, проявляя возможно большую инициативу, не ожидая особых распоряжений», ставя в известность о принятых решениях начдива и соседей.

Начдив не ограничивается общим положением, но приводит тут же пример, который доказывает жизненную необходимость неуклонно соблюдать данный приказ: «Не так давно был случай: бригады, получив задание выйти на линию Надеждино — Колпаков — Успенское, достигли указанных пунктов, где и расположились на ночлег, не осветив даже как следует впереди лежащую местность.

Позже уже выяснилось, что неподалеку от этих пунктов находились небольшие части противника и масса эшелонов с военным грузом, который можно было целиком забрать». И дальше начдив, считая недопустимыми подобные явления, требует от своих частей в случае обнаружения противника не располагаться в указанных пунктах, а развивать стремительные действия, дабы уничтожить противника, и только после этого отдыхать спокойно.

С. К. Тимошенко требовал предельной четкости в работе дивизии, считал преступлением присылку неправильных сводок: «В донесениях обязательно помещать, что сами видели и что от других слышали, и вообще делать пометки, на основании чего добыты те или иные сведения о противнике».

В письме «комбригам 1, 2 и 3 Кавалерийских» начдив указывает на нарушение ими его приказа о выяснении направления движения и группировки противника: «Из всех донесений только и видно, что на участке дивизии спокойно. Что же сделано разведкой, куда противник отходит и где группируется для предстоящих операций... С получением сего немедленно донести, каких пунктов достигла разведка и что ею обнаружено.

Отношения начдива Тимошенко с командирами и бойцами пронизаны большой сердечностью, любовью, заботой друг о друге, гордостью за взаимные успехи. Вот

перед нами письмо начдива «комбригу 2-й» тов. Чумакову от начала февраля 1920 года:

«Я очень рад, что Вы без меня также показали свою стойкость и храбрость в боях. От радости я выздоровел и сообщаю, что целую ночь ездил по Манычу, искал Вас, боялся, чтобы Вы не попали в переплет, но не мог с Вами соединиться. Книжка попал в плен и ночью ему удалось вырваться. Он удрал, раздевшись, сильно переморожен, но все-таки через некоторое время выздоровеет. Я его представил в бригаду.

Я из Ваших орудий еще бил (которые Вы захватили и оправили в штаб). Спасибо. Честь и слава Вам и красным кавалеристам».

С. К. Тимошенко придавал огромное значение успешным разведывательным действиям в тылу у врага, с непреклонностью добивался сведений о группировке сил и намерениях противника.

Считая, что ценных сведений об этом можно добиться через пленных, 8 февраля 1920 года он требовал от комбригов:

«Пленных во что бы то ни стало захватить в сегодняшнюю ночь, выяснив днем точное расположение постов и застав противника, переправы и ночью во что бы то ни стало снять таковые».

Он неизменно воспитывал в своих бойцах чувство бдительности, предостерегал от самоуспокоенности, беспечности. В приказе от 10 февраля 1920 года указывается: «Заставам быть как можно бдительнее и осторожнее, ни в коем случае не допустить противника переправиться на правый берег реки Маныч. Кроме того, совершить ночью налет на расположение противника с целью захвата контрольных пленных...»

Часть документов относится к периоду героического похода в район Умани и разгрома белополяков. Приказ, посланный 26 июня 1920 года комбригу 2, иллюстрирует большевистскую решимость начдива, его беспощадность к классовому врагу.

«Немедленно перейти в решительную атаку по всему фронту, ворваться в окопы и перестрелять обороняющихся. Для усиления атаки подтянуть ближе пулеметы, в случае надобности сняв все «Люис» с тачаков».

Во время разгрома последнего ставленника Антанты, Врангеля, в ожесточенном бою у села Н. Алексеевки, во время конной атаки, тов. Тимошенко был тяжело ранен двумя пулями.

В приказе от 1 ноября 1920 года, С. К. Тимошенко писал: «...в жестоком бою с белыми бандами барона Врангеля я был ранен в ногу и там же лишился своего любимого коня. Не успели меня вынести из этого славного боя, как я был ранен вторично, в предплечье, но доблестные лихие товарищи не дали погибнуть своему командиру и вывели меня из-под града пуль».

Тут же тов. Тимошенко сообщил, что покидает позицию только на несколько дней, напомнил, что его дивизия все вре-

мя была первой в боях, являясь для врага непреодолимой грозой, и призвал: «...пусть же теперь, в дни моего отсутствия, она будет такою же славной и победоносной!»

Реввоенсовет Конармии ходатайствовал перед Реввоенсоветом республики о том, чтобы тов. Тимошенко «за доблестное командование 4-й Кавалерийской дивизией в боях на польском фронте, соединенное с примерами исключительной храбрости и мужества», был награжден вторым орденом Красного знамени. В телеграмме, подписанной К. Е. Ворошиловым, кратко и отчетливо охарактеризованы подвиги начдива Тимошенко: «При тяжелой боевой обстановке, в которой очутилась Первая конармия, окруженная со всех сторон превосходящими силами противника, тов. Тимошенко, лично ведя полки дивизии в бой и в ответственные моменты боя с передней цепью бросаясь в атаку, дал жестокий отпор наседавшей коннице противника. Получив в дальнейшем задачу прорвать железное кольцо противника, блестяще выполнил такую лххим маневром, смяв до трех батальонов лучшей пехоты противника, отрезавшей путь отхода конармии, после чего конармия вышла благополучно из окружения». И дальше сообщалось в телеграмме тов. Ворошилова о том, что тов. Тимошенко, атакуя офицерский десант бронепоезда, получил два тяжелых ранения и несмотря на это несколько часов продолжал командовать дивизией, беспощадно прома врагов революции».

Начдив Тимошенко недолго лечил свои тяжелые ранения. Через три недели после боя под Н. Алексеевкой он снова вступил в строй. С глубоким волнением читаются слова его приказа от 23 ноября 1920 года. Они переносят нас в обстановку героических боев тысяча девятьсот двадцатого года за дело пролетарской революции: «Красные орлы 4-й кавдивизии!.. Надежды мои не обманулись. Подлечив раны, я возвратился снова к Вам, и, вступая с сего числа в командование дивизией, я с радостью узнаю, что Вы не только храбры в боях с врагом, но Вы были веде и все время достойными и честными воинами, за что всем Командирам, Комиссарам и бойцам приношу искреннюю мою благодарность».

* * *

Весьма интересна по материалу статья И. Премьслера «Разгром бандитизма на Украине (1921 г.)», напечатанная в № 9 за 1940 год. Кулацкий бандитизм особенно усилился во время окончательного разгрома белогвардейцев в гражданской войне. Контрреволюционные элементы, разгромленные в открытых боях, перешли к убийствам из-за угла, диверсиям, заложничеству, кулацким мятежам. Бандиты оперировали главным образом в районах, граничащих с Польшей и Румынией, получая от иностранных империалистов всевозможную помощь. В донесении штаба советских войск Украины и Крыма указыва-

лось: «...Тщательное рассмотрение состава и окраски банд Правобережья заставляет обратить внимание на тесную связь их с цемлюровскими организациями за границей и продолжающееся проникновение на нашу сторону банд из-за кордона. Если бы не эти закордонные шайки, украинский разложившийся и переживший уже период своего наибольшего развития бандитизм был обречен на окончательное вымирание. Только заграничная поддержка агентами, руководителями и белогвардейским золотом питает бандитские шайки Правобережья».

По директиве из Польши так называемый повстанком (находившийся в месте главного скопления бандитских сил — в Холодном Яру, Кременчупской губернии) должен был поднять мятеж.

В Холодном Яру, среди густого леса, был оборудован основательно укрепленный бандитский лагерь. Как бандитская база был также использован находившийся по соседству Матренинский монастырь.

Сотни бандитов нападали на села и местечки. Причем многочисленные банды, оперировавшие в других местах Черниговской губернии, были в большинстве случаев тесно связаны с Черным Яром. Бандиты действовали и в Екатеринославщине, на Одессине и в других местах, грабя, убивая, насилуя. Захваченный в плен красными петлюровский офицер из банды Пшенника, переброшенной с румынской территории в район Тирасполя, сообщил: «Пшенник за день до переправы на нашу территорию получил из Кишинева, при содействии 3-го румынского корпуса, оружие в количестве 6 винтовок и по 15 патронов на каждого бандита, которые были выданы на берегу Днестра перед самой переправой. Кроме того командиром 7-й пограничной роты каштаном Станеско (штаб в Бендерах) своей властью было выдано 16 гранат».

Румынское правительство лживо утверждало, что не имеет никакого отношения к бандитским шайкам, оперировавшим на Украине. В ночь протеста, посланной Наркоминделом румынскому правительству в марте, указывалось: «Румынские войска, расположенные вдоль Днестра, не только защищают белогвардейские отряды и облегчают им переход реки в целях нападения на российские и украинские вооруженные силы, но и совершают действия, непосредственно враждебные последним. Так, например, 12 марта румынские войска подвергли обстрелу местечко Ярута, к юго-востоку от Могилева, а 14 марта они с еще большей энергией повторили этот обстрел». В ответ на эту ноту румынское правительство снова заявило, что ничего не знает о сообщаемых фактах.

По всей стране развевалась напряженная борьба против бандитизма. В селах и городах организовывались отряды по борьбе с бандитизмом. Незаможники Екатеринославщины, например, писали Ленину: «Мы, незаможное селянство Екатеринославщины, хорошо знаем тяжелое положение республики и готовы сделать

все для того, чтобы выйти из этого положения. По нашим полям гуляют махновцы, они режут и убивают незаможных селян; но нашим общим дружным натиском, незаможническими кавалерийскими эскадронами и тачаночными отрядами мы покончим с махновцами».

Михаил Васильевич Фрунзе возложил по поручению большевистской партии борьбу прудящихся Украины против вооруженного кулачества. По инициативе Михаила Васильевича повсеместно создавались летучие отряды; они преследовали бандитские шайки и беспощадно их уничтожали, не давая распыляться. Фрунзе комплектовал эти отряды надежными в политическом отношении людьми. В одном из его приказов говорилось: «Широко использовать для состава таких отрядов добровольцев, вполне отвечающих требованиям честного, отважного, предприимчивого бойца, привычного к партизанской работе. На подбор всего состава отряда и добровольцев и по назначению обратить особое внимание. Безусловно необходимо самое широкое комплектование отрядов коммунистами, могущими внести идейный характер в ответственную работу летучих отрядов».

Фрунзе стремился уничтожить в первую очередь главные очаги бандитства, с тем чтобы не допустить расселения бандитов по соседним районам. Так, по указанию Михаила Васильевича части Красной Армии при полной поддержке незаможного крестьянства ликвидировали бандитский очаг в Холодном Яре.

После разгрома этого крупнейшего очага бандитизма начали сдаваться в плен бандитские шайки в разных районах. Бандиты выдавали органам советской власти своих атаманов. Да и сами атаманы, увидевшие безнадежность борьбы, являлись с повинной.

Советская власть дала возможность раскаявшимся бандитам вернуться к трудовой жизни. И это имело огромное значение для ликвидации бандитизма. Большую роль в распаде бандитизма на Украине сыграл процесс над членами центрального комитета украинских эсеров, состоявшийся в мае 1921 года в Киеве: «Вся грязь, вся мерзость, которой ваклеймили «социалистические» партии себя на Украине в течение трех лет, вскрылись с полной очевидностью... Незыблемый Мордалевич, имя которого не раз упоминалось на процессе, как известно, в мотивах своего раскаяния ссылается на удручающее впечатление, которое произвела на него деятельность той партии, во имя торжества которой он вырезывал еврейские местечки, взрывал поезда и губил сотни ни в чем не повинных людей» (из предисловия к стенографическому отчету процесса).

Панская Польша проявляла в это время все большую нервность. По заданию Антанты и под непосредственным руководством польского командования на территории Польши организовывались новые бандитские отряды, которые перебрасыва-

лись на Украину. Сам пан Пилсудский обещал Петлюре снабжать его банду оружием, и это обещание было впоследствии выполнено. Во главе вооруженных петлюровских банд стал агент польского и французского штабов Тютюник. В газете «Коммунист» от 7 августа 1921 года говорилось: «Всем этим бандам дана задача терроризовать важные административные пункты, производить налеты на узловые станции ж. д., рвать водоемные здания, пути, депо и маневрировать с таким расчетом, чтобы растягивать крупные части Красной Армии для их распыления. Тютюник разработал детальный план занятия Украины».

В августе ВЧК ликвидировала петлюровские повстанкомы, а также организации врангелевцев. Весь Всеукраинский повстанческий комитет был изъят. Как сообщалось в «Коммунисте», при обыске у одного из руководителей петлюровских банд обнаружили ряд документов, выданных штабом польской армии.

Несмотря на то что польские агенты были пойманы с поличным, польский министр иностранных дел продолжал категорически утверждать, что петлюровцы не имеют к польскому правительству ни малейшего отношения.

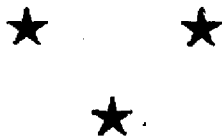
Переброска банд из Польши не прекращалась и после этого. Тютюник не переставал слать секретные приказы атаманам бандитских штак. При его штабе неизменно находился представитель польского командования. В приказах Тютюника намечались широкие наступательные планы, но бандитские группы свирепствовали только в глухих местах Украины, стараясь держаться подальше от крупных центров.

5 ноября 1921 года банда Тютюника перешла границу. Зверски расправляясь с мирными жителями, убивая бедноту и советских работников, полторы тысячи бандитов двинулись в глубь Советской Украины. Приход Тютюника активизировал контрреволюционные элементы на Украине, которые планировали объединение кулацких штак вокруг Тютюника и захват Киева. Пилсудский и Петлюра неустанно следили за продвижением своих агентов. Однако планы их провалились. Банду Тютюника стала преследовать кавалерийская бригада Котовского. 17 ноября банда была атакована в конном строю, окружена и разгромлена. «Здесь был захвачен штаб, больше 500 плечных и 22 пулемета. Больше 400 бандитов было зарублено. Сам Тютюник вместе с 30 вояджиками бежал назад в Польшу».

После ликвидации банды Тютюника, были переброшены на Украину под прикрытием румынских частей новые бандитские группы из Румынии. Банды эти были отброшены на румынскую территорию.

Вместе с разгромом банд на Украине выкорчевывались контрреволюционные, заговорщические, шпионские организации, тесно связанные с бандитскими руководителями. Эти организации получали субсидии от Франции и Польши.

Одновременно с ликвидацией банд на Правобережной Украине шла ликвидация махновщины на Левобережье. «Что касается Левобережья,—говорил М. В. Фрунзе в конце июля,—то здесь приходится отметить особенно крупный успех в деле искоренения бандитизма, почти полного искоренения самого сильного бандитского соединения, т. н. «повстанческой армии Махно».

Новинки исторической литературы

ЭНГЕЛЬС Ф. Избранные военные произведения. В 2 томах. Том I (Вступительная статья В. Соловьева). М. Воениздат. 1941. 520 стр. В перепл. 7 руб. (Библиотека командира).

В данное издание вошли все наиболее значительные произведения Энгельса по военным и военно-историческим вопросам. В I томе помещено 30 работ, посвященных общетеоретическим вопросам военного дела, оперативно-стратегическим и военно-техническим проблемам, трактуемым на основе анализа огромного исторического материала.

Во II томе будут собраны статьи Энгельса, посвященные современным ему воен-

ным событиям, начиная с революционных боев 1848 года и кончая франко-прусской войной 1870—1871 годов.

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. О товарище Сталине. 2-е изд. М. Госполитиздат. 1941. 152 стр. 100 000 экз. В перепл. 2 р. 50 к.

Популярная биография товарища Сталина в связи с историей Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и строительством социализма в СССР.

Сталин в Царицыне (Оборник. Состав. А. И. Хмельков. Изд. 2-е, доп.). Сталинград. Обл. кн-во. 1940. 72 стр. с илл. и факс. и 9 вкл. л. илл., карт. и факс. 10 000 экз. В перепл. 4 руб.

Сборник содержит статью «Товарищ Сталин о Юге России» («Правда» от 30 октября 1918 года), извлечение из статьи К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия» и 80 разнообразных документов, характеризующих работу товарища Сталина по организации обороны Царицына в 1918 году.

БЕРИЯ Л. П. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье. Доклад на собрании Тбилисского парткома 21—22 июля 1935 года. 6-е изд. М. Госполитиздат. 1941. 212 стр. с портр. 300 000 экз. В перепл. 3 р. 50 к.

Книга тов. Л. П. Берия хорошо известна как лучший исторический очерк о большевистских организациях Закавказья, дающий богатые материалы об их создателе и руководителе — товарище Сталине (1897—1913 годы). Последняя глава книги освещает борьбу большевиков Закавказья с национал-уклонизмом (1913—1924 годы).

В приложениях помещены статья тов. Берия «К вопросу о Пражской конференции» («Правда» от 26 октября 1935 года) и хроника арестов, ссылки и шобегов товарища Сталина.

КАРАЕВ Г. Н. Разгром белофинского плацдарма. 30 ноября 1939 г.—13 марта 1940 года. Л. Лениздат. 1941. 160 стр. с карт. и 8 вкл. л. илл. 10 000 экз. В перепл. 5 р. 50 к.

Первый достаточно подробный очерк советско-финляндской войны 1939—1940 года в популярном изложении.

Китай. История, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость. Сборник статей. Под ред. В. М. Алексеева, Л. И. Думана и А. А. Петрова (Институт востоковедения Академии наук СССР). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1940. 536 стр. с илл. и схем. и 10 вкл. л. илл. и карт. 15 000 экз. В перепл. 20 руб.

Сборник содержит 21 статью, освещающую почти все стороны жизни Китая: его историю, экономику, государственное устройство, положение рабочих и крестьян, философию, религию, литературу, искусство, язык, печать, народное образование и здравоохранение. Большинство статей дано в историческом плане. Специально по истории Китая помещено 4 статьи: «Борьба китайского народа за национальную независимость» (Г. Н. Войтинский), «Очерк истории Китая с древнейших времен до эпохи империализма» (Л. И. Думан), «История Китая в эпоху империализма» (Г. В. Ефимов), «Борьба с оккупантами в Манчжурии» (А. Г. Зювин).

В специальных приложениях в конце книги даны:

1) словарь политических и общественных деятелей Китая; 2) хронологические таблицы по истории Китая (2205 год до нашей эры—1940 год); 3) библиография основных работ по Китаю на европейских языках (стр. 474—505); 4) именной, географический и терминологический указатели

к статьям сборника и 5) политическая карта Китая.

НИКОЛЬСОН Г. Дипломатия. Перевод с английского. Под ред. и с предисловием А. А. Трояновского (Библиотека внешней политики). М. Госполитиздат. 1941. 156 стр. 50 000 экз. В перепл. 4 руб.

Книга вышла в свет в серии «Библиотека внешней политики» вслед за мемуарами Бисмарка и I томом «Истории дипломатии». Она принадлежит перу английского дипломата и писателя по вопросам дипломатии и в Англии была издана в серии «Библиотека университета шадому» (London. 1938).

В книге дается краткий исторический обзор форм и методов дипломатии начиная с древних времен и подробно освещаются вопросы современной постановки дипломатической работы в капиталистических странах. Конечно, все это дается с точки зрения представителя английской империалистической дипломатии.

Советская Удмуртия. Сборник посвящен 20-летию Удмуртской автономии (1920—1940). Ижевск. Удмуртгосиздат. 1940. 200 стр. с илл. и 7 вкл. л. илл. и карт. 10 000 экз. В перепл. 15 руб.

Книга написана коллективом работников Удмуртской АССР и содержит 15 статей. Три первые статьи посвящены историческому прошлому удмуртского народа, борьбе трудящихся Удмуртии за советскую власть и образованию Удмуртской советской автономии. В остальных статьях даны краткие очерки развития народного хозяйства и культуры Удмуртии за советское время.

ЯРОСЛАВСКИЙ Ем. Десятый съезд РКП(б). К 20-й годовщине съезда. 1921—8—16 марта—1941. М. Госполитиздат. 1941. 68 стр. с факс. 100 000 экз. 50 коп.

Брошюра состоит из двух частей. В первой части обрисована историческая обстановка накануне и в дни съезда (международное и внутреннее положение Советского государства после ликвидации иностранной интервенции и гражданской войны, VIII Всероссийский съезд советов, кронштадтский мятеж, дискуссия о профсоюзах). Вторая половина брошюры освещает работу X партсъезда по основным вопросам повестки: вопрос о профсоюзах, о единстве партии, о новой экономической политике, о национальном вопросе и вопросы партийного строительства.

Перекоп. Сборник воспоминаний. (Подготовили к печати О. Шекун и Р. Голубева.) (Секретариат Главной редакции «Истории гражданской войны». Гражданская война в СССР в очерках и воспоминаниях участников). М. и Л. Соцэкгиз. 1941. 260 стр. с илл. и карт. и 2 вкл. к. илл. 50 000 экз. В перепл. 4 руб.

Содержание книги шире ее заглавия: она освещает не только славные дни штурма Перекопа, но и весь ход борьбы с Врангелем (август—ноябрь 1920 года). Сборник состоит из воспоминаний командиров, комиссаров, бойцов Красной Армии—участников борьбы против Врангеля—и из очерков, составленных на основе

воспоминаний и архивных материалов. В начале книги и в конце некоторых разделов приведены исторические документы.

ГУЖВЕНКО Г. И. Башкирия в борьбе за Октябрь. Краткий исторический очерк. Уфа. Башгосиздат. 1941. 168 стр. с илл. 7000 экз. В перепл. 3 р. 50 к.

Социально-экономическое положение Башкирии накануне революции; Башкирия в период от февральской буржуазно-демократической революции до Октябрьской социалистической революции; переход власти к советам и первые шаги советской власти; контрреволюционное выступление казачьего атамана Дутова и начало гражданской войны в Башкирии; борьба с чехословацким мятежом и Самарской учредилкой; диктатура Колчака и его разгром; образование БАССР; контрреволюционные происки последней башкирского буржуазного национализма («валидовщина») и их разгром—таковы основные разделы этой книги. В приложении дана хроника революционной борьбы в Башкирии с марта 1917 по декабрь 1920 года.

ЯКОВЛЕВ Н. Большевицское подполье в тылу Колчака. Новосибирск. Обл. гос. изд-во. 1941. 44 стр. 10 000 экз. 65 коп.

В книжке освещены основные этапы борьбы нелегальных большевицских организаций Западной Сибири против интервентов и белогвардейцев в 1918—1919 годах. Первая глава книги рисует позорную деятельность мелкобуржуазных «демократов» Западной Сибири, подготовивших кровавую диктатуру Колчака. В последней главе книги описано массовое партизанское движение против Колчака.

ГОРДОВИКОВ О. И. В боях и походах. Воспоминания. В обработке И. Всеволожского (Школьная библиотека). М. и Л. Детиздат. 1941. 160 стр. с илл. 70 000 экз. В перепл. 2 р. 25 к.

В книге живо рассказана вся жизнь Оки Ивановича Гордодикова—от пастушонка в калмыцких степях до главного инспектора кавалерии РККА. Автор участвовал во всех боях Первой Конной армии (что составляет главное содержание 1-й части книги—«В боях»), ликвидировал басмачество в Средней Азии (часть 2-я—«Поход через страну омерцев», вышедшая ранее отдельным изданием: см. аннотацию в № 5 «Исторического журнала» за этот год) и, наконец, первым вошел со своей частью во Львов в исторические сентябрьские дни 1939 года (3-я часть книги—«Снова в боях»).

Книга предназначена для учащихся средних школ, но с интересом прочтется и взрослым читателем.

КАРАЕВ Г. Н., комбриг. По следам гражданской войны в СССР. Туристские путешествия. М. и Л. Изд-во «Физкультура и спорт». 1940. 216 стр. с илл. и карт. и 12 вкл. л. портр. 1200 экз. В перепл. 12 руб.

В книге помещено 14 туристских маршрутов по полям гражданской войны в СССР: по следам похода тов. Ворошилова от Лутанска до Царицына в 1918 г., по местам боев за Царицын в 1918 г., по пу-

ти Таманской армии (описанном в романе Серафимовича «Железный поток»), по селам и городам, где сражался Щорс, по местам боев за Петроград (1919 год), которыми руководил товарищ Сталин, и др.

В конце книги даны некоторые практические указания организаторам исторических экскурсий по следам гражданской войны.

ТЕДОРДЗЕ Г. Пять лет в Пшавии и Хевсуретии. Перевод с грузинского. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1941. 164 стр. с илл. 5000 экз. В перепл. 5 р. 50 к.

Когда-то, в далеком прошлом, пшавы и хевсуры ушли из населенных мест Грузии и укрылись от межплеменных войн и набегов чужестранцев в труднопроходимых горах теперешних Пшавии и Хевсуретии, сохранив в течение столетий в значительной степени нетронутым свой патриархально-родовой быт. Автор провел в этих местах первые пять лет советской власти и в 34 очерках своей книги дает живое описание жизни этих двух малых народов.

КУЛОВ С. Д. О некоторых пережитках феодально-родового быта и капитализма в Северной Осетии (Североосетинский научно-исследовательский институт). Орджоникидзе. Госиздат Сев.-Осет. АССР. 1941. 50 стр. 2000 экз. 50 коп.

В книжке показаны некоторые традиционные обычаи и религиозные суеверия народных масс Северной Осетии, тормозящие социалистическое строительство; вскрывается их связь с тяжелым историческим прошлым осетинского народа. Книжка рассчитана на массового читателя.

История Украины. Краткий курс [Состав. Л. М. Славин, К. Г. Гуслистый, Н. Н. Петровский и др.]. Под ред. С. Н. Белоусова, К. Г. Гуслистого, А. П. Отлоблина и др. (Институт истории Украины). Киев. Изд-во Академии наук УССР. 1940. 412 стр. с илл. и 12 вкл. л. портр. и карт. 75 000 экз. В перепл. 6 руб. (на украинском языке).

Первый опыт систематического изложения истории Украины, начиная с древнейших времен до наших дней, рассчитанного на широкие читательские круги (в первую очередь на учащиеся старших классов средних школ и для самообразования). Книга состоит из 18 глав, первая треть которых (6 глав) посвящена истории Украины с древнейших времен до XIX века, вторая треть—истории XIX—XX веков (до Октябрьской социалистической революции) и последние шесть глав—истории Украины от Октября до наших дней. В конце книги, на 13 страницах, дана хронология украинской истории (с VIII века до нашей эры).

Хрестоматия по истории СССР. Пособие для учителей средней школы. Том II. Ч. 1-я (1682—1856). Состав. доц. С. С. Дмитриев и проф. М. В. Нечкина. Утверждено Наркомпросом РСФСР. М. Учпедгиз. 1941. 568 стр. 25 000 экз. В перепл. 8 р. 75 к.

«Задача настоящей хрестоматии—помочь учителю истории углубить свои знания путем ознакомления с основными до-

кументальными материалами по истории СССР и облегчить для него возможность большего привлечения конкретного исторического материала при подготовке к урокам по истории СССР в школе».

Книга охватывает период от образования Российской империи (заселение Петра I) до 60-х годов XIX века. Помимо текста исторических документов в книге даны вводные замечания и примечания к отдельным документам, библиография «Классики марксизма-ленинизма о России» (в начале каждого из 8 разделов книги) и хронология важнейших событий (в конце книги).

Первый том хрестоматии был выпущен в свет в 1937 году и в 1940 году переиздан.

ТИХОМИРОВ М. Н. Книга для чтения по истории СССР (Материалы и документы). Для старших классов средней школы. Ч. 1-я. С древнейших времен до конца XV века (Государственный научно-исследовательский институт школ Наркомпроса РСФСР). М. Учпедгиз. 1941. 200 стр. с илл. 25 000 экз. В перепл. 3 р. 50 к.

В книге приведены в извлечениях и отрывках 30 документов — свидетельств современников — по истории СССР с древнейших времен (от Геродота — «Поход Дария в Скифию») до образования русского национального государства в конце XV века. Документы распределены по 10 отделам: Древнейшие народы на территории СССР. Киевская Русь в XI—XII веках. Кавказ в XII веке. Галицко-Волынская Русь в XIII веке. Монголы и Золотая Орда. Северовосточная Русь в XIII—XIV веках. Новгород в XV веке. Литовское великое княжество в XIV—XV веках. Закавказье в XV веке. Московское великое княжество при Иване III.

МАЯКОВСКИЙ И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР (опыт систематического руководства). Ч. 1-я. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М. Историко-архивный институт. 1941. 344 стр. 2000 экз. В перепл. 14 р. 50 к.

Книга имеет основные разделы: I. Источники и историография архивного дела в СССР. II. Архивное дело в Киевском государстве. III. Архивное дело в период феодальной раздробленности. IV—V. Архивное дело в русском централизованном государстве. VI. Архивы в великом княжестве Литовском. VII. Архивы в Левобережной Украине в XVI—XVII веках. VIII—IX. Русские государственные архивы в XVIII веке. X. Архивы угнетенных царизмом национальных меньшинств (Украина, Крым, Кавказстан). XI—XV. Архивное дело в XIX веке. XVI. Архивы в период между революциями 1905 и 1917 годов. XVII. Частные архивы в царской России.

В предисловии к книге обрисовано отношение к архивному делу классиков марксизма-ленинизма.

ХАЧИКОГЛЯН Т. З. и **КИВЛИН А. С.** Материалы и документы к III главе «Краткого курса истории ВКП(б)», «Меньшевики и большевики в период русско-

японской войны и первой русской революции» (1904—1907 годы). Под общей ред. В. А. Калмыкова. (Дом партактива Ленинградского горкома ВКП(б). Л. Лениздат. 1941. 292 стр. 15 000 экз. В перепл. 6 р. 50 к.

Приведенные материалы и документы распределены в книге по 18 разделам в историко-тематическом плане. В конце сборника (стр. 285—289) дана библиография высказываний классиков марксизма-ленинизма о событиях данного периода.

О предыдущих выпусках этого издания была дана аннотация в № 5 «Исторического журнала» за 1941 год.

ФЕДУЛОВ А. П. 1905 год в Удмуртии (К 35-летию годовщины первой русской революции.) Под ред. Е. Д. Пастуховой и Н. Н. Латышева (Удмуртский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и фольклора при СНК УАССР). Ижевск. Удмуртгосиздат. 1940. 68 стр. с илл. 5000 экз. В перепл. 3 руб.

Брошюра содержит 5 отдельных очерков: 1) Положение ижевских и вяткинских рабочих накануне революции. 2) Ижевская организация РС.-Д.Р.П. в 1905—1907 годах (краткий исторический очерк). 3) Революционное выступление ижевских рабочих в 1906 году. 4) 1905 год в Вятской губернии (краткий обзор событий) и 5) Революционное выступление крестьян Ново-Мултановской области в сентябре 1906 года (по судебным документам и воспоминаниям очевидцев).

В конце брошюры даны 3 документа из ленинской «Искры» о революционном выступлении рабочих Вяткинских заводов весной 1902 года.

ПОТЫЛИЦИН А. И. Революционное крестьянское движение на Севере в 1905—1907 годах. Архангельск. Обл. гос. изд-во. 1941. 68 стр. 5000 экз. 1 руб.

Содержание книжки несколько уже ее заглавия: по существу, в книге дан очерк положения крестьян бывшего Шенкурского уезда, Архангельской губернии, живших во владениях «первого помещика» России — на землях Удельного ведомства, — и обзор революционного движения среди этих крестьян в период первой русской революции; отдельные главы книги описывают, в частности, четыре состоявшиеся в этот период съезды революционного крестьянства Шенкурского уезда.

Революционному движению крестьян других уездов бывшей Архангельской губернии в брошюре уделена только одна (последняя) глава.

ХЕЙФЕЦ Ф. А. Первый Интернационал. Под ред. Е. И. Рубинштейна (Институт истории Академии наук СССР. Научно-популярная серия). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1941. 60 стр. и 2 вкл. л. портр. 10 000 экз. 2 руб.

Краткий популярный очерк истории I Интернационала (1864—1872) на фоне рабочего движения в странах Западной Европы в 50—80-х годах прошлого века.

ТОКАРЕВА А. Крестьянская реформа 1861 г. в Вятской губернии. Киров. обл. изд-во. 1941. 76 стр. с факс. и карт. 4000 экз. В перепл. 1 р. 40 к.

Книжка рассказывает о положении крестьян Вятской губернии накануне так называемого «освобождения», о подготовке и ходе реформы и о волнениях отграбленного крестьянства после проведения реформы.

ТАРЛЕ Е. В., акад. **Нахимов, М.** Воениздат. 1940. 140 стр. с илл. и схем. 2 руб.

На основе архивных и литературных материалов книга воспроизводит образ и дает очерк боевой деятельности одного из выдающихся русских флотоводцев и героев севастопольской обороны — адмирала Павла Степановича Нахимова (1803—1855).

Книга является частью подготовленной автором к печати научной монографии «Крымская война».

КАРА-МУРЗА Г. С., проф. **Тайпины. Великая крестьянская война и Тайпинское государство в Китае. 1850—1864.** (Школьная историческая библиотека). М. Учпедгиз. 1941. 124 стр. с илл. и 1 карта. 25 000 экз. В перепл. 2 руб.

Книга освещает причины, ход и итоги великой крестьянской войны 1850—1864 годов в Китае, известной под названием «восстания тайпинов»; созданное восставшим крестьянством Тайпинское государство (1853—1860), его феодальное перерождение и гибель под натиском англо-французской интервенции (1862—1864).

Хроника Мухаммеда Тахира Ап-Карахи. О далгестанских войнах в период Шамиля. Перевод с арабского А. М. Барабанова. Предисловие акад. И. Ю. Крачковского (Труды Института востоковедения. XXXV). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1941. 336 стр. 1500 экз. В перепл. 11 руб.

Первое печатное издание полного и точного перевода единственного известного науке в подлиннике местного источника по истории борьбы горцев Дагестана за свою независимость в 1-ю половину XIX века.

Основная часть книги была написана в 1850—1851 годах по рассказам Шамиля и его приближенных, когда автор хроники служил у Шамиля в качестве секретаря. Настоящее издание основано на критическом изучении трех главных рукописей книги. Во вводной статье переводчика указаны некоторые ошибки современных историков Шамиля, происшедшие вследствие незнакомства с подлинным текстом данной работы.

В следующих томах данного издания предполагается дать арабский текст книги и исследование о ней как историческом документе.

АНДРЕЕВ П. Г. Народная война в Смоленской губернии в 1812 году. Смоленск. Обл. гос. изд-во. 1940. 190 стр. и 2 вкл. л. карт. 5000 экз. В перепл. 2 р. 15 к.

Книга состоит из 4 самостоятельных статей: 1) Народная война 1812 года в исторической литературе (краткий критический обзор высказываний Михайловского-Данилевского и М. Богдановича, А. А. Корнилова, М. Н. Покровского и Е. В. Тарле). 2) Историческое значение народной войны 1812 года. 3) Смоленск в 1812 году (под властью оккупантов с 18 августа

по 17 ноября) и 4) Народная война в Смоленской губернии.

ГРИГОРЬЕВ С. Т. Двенадцатый год (1812) (Историческая библиотека). М. и Л. Детиздат. 1941. 144 стр. с илл. и схем. 25 000 экз. В перепл. 3 р. 20 к.

Очерк Отечественной войны 1812 года для детей старшего возраста.

ЖИЖКА М. В. Емельян Пугачев. Крестьянская война 1773—1775 годов. Под ред. проф. В. И. Лебедева (Школьная историческая библиотека). М. Учпедгиз. 1941. 216 стр. с илл. и факс. и 1 карта. 25 000 экз. В перепл. 3 руб.

Книга для учащихся средних школ. В 13 главах книги даны биография Пугачева и очерк возглавленной им крестьянской войны.

БОГОСЛОВСКИЙ М. М. Петр I. Материалы для биографии. Том II. Первое зарубежное путешествие. 9-е марта 1697—25 августа 1698 года. Части 1-я и 2-я. Под ред. проф. В. И. Лебедева. М. Соцэпгиз. 1941. 624 стр. с илл. и 3 вкл. л. портр. и карт. 20 000 экз. В перепл. 12 р. 25 к.

Предсмертный (незаконченный) труд крупного русского историка, прослеживающий день за днем жизнь и окружение Петра I. Все издание будет состоять из четырех томов.

КАЛИНИНА Е. В. История города Воронежа (Т. I). Очерки. Под ред. проф. В. И. Лебедева. Воронеж. Обл. кн-во. 1941. 324 стр. с илл., план. и карт. 5000 экз. В перепл. 15 руб.

Книга посвящена истории Воронежа от основания его (1586 год) до окончания азовских походов Петра I (1712 год). В трех первых главах дана сводка археологических материалов о доисторическом прошлом территории Воронежа.

В конце книги приложены: летопись Воронежа (1177—1712 годы), словарь имен и список источников (стр. 318—323).

Псковские летописи. Вып. 1-й. Приготовил к печати А. Сасонов (Институт истории). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1941. LXIV и 148 стр. со схем. 1000 экз. В перепл. 19 руб.

В этом издании помещены: 1) исследование о 24 списках Псковских летописей с приложением схематического изображения генеалогии летописных списков; 2) полный текст так называемой Псковской 1-й летописи и 3) извлечения из трех других списков.

Предыдущие издания Псковских летописей (1837 год и 1848—1853 годы) давно стали библиографической редкостью и не выдерживают требований научного издания исторических документов.

МАРКО ПОЛО. Путешествие. Перевод со старофранцузского И. П. Минаева. Вступительная статья, комментарий и редакция перевода К. И. Кунина. Л. Гослитиздат. 1940. XX и 316 стр. с илл. и 13 вкл. л. илл., факс. и карт. 10 000 экз. В перепл. 11 руб.

Марко Поло (1254—1324), венецианский купец, провел в Китае, при дворе Хубилая, внука Чингис-хана, 24 года и первый рассказал европейцам об огромном восточном мире, простиравшемся от Волги до

Япония и от Сибири до Мадагаскара и Явы. Большое место отведено в книге истории монгольских завоеваний. В точном переводе книга выходит на русском языке впервые.

В конце книги даны комментарии, указатели имен и географических названий и библиография основных изданий книги Марко Поло.

КОЗИН С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года Юань чао би ши. Монгольский обыденный сборник. Том I. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. Предисловие Н. Поппе. (Труды Института востоковедения. Том XXXIV.) М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1941. 620 стр. 1000 экз. В перепл. 30 руб.

Ценнейший памятник древнемонгольской литературы, открытый в середине XIX века одним из крупнейших русских востоковедов, П. Кафаровым. Эпическая поэма-хроника жизни Чингис-хана (1162—1227) и свод сказаний монгольского народа о 4—5 предшествующих веках. Первый полный и точный перевод на русский язык. Все издание будет состоять из трех томов (во II томе будет дан монгольский текст памятника, в III — комментарии и указатели).

ШАХНАЗАРЯН А. Двин. Историко-географический очерк (Институт истории и материальной культуры). Ереван. Изд-во Армянского филиала Академии наук СССР. 1940. 142 стр. 2000 экз. В перепл. 10 руб.

Очерк истории древнейшей столицы Армении (2-я половина V века—1-я половина XIII века), бывшей в свое время крупным международным транзитным пунктом. В конце книги указана библиография.

МАНАНДЯН, Я. А., акад. Месроп-Маштоц и борьба армянского народа за культурную самобытность [Доклад, прочитанный 19 ноября 1940 года на юбилейной научной сессии Армянского филиала Академии наук СССР, посвященной 20-летию установления советской власти в Армении] (Институт истории и материальной культуры). Ереван. Изд-во Армянского филиала Академии наук СССР. 1941. 43 стр. 2500 экз. 3 руб.

Одним из наиболее тяжелых периодов исторической жизни армянского народа были IV—V века нашей эры — время утраты Арменией политической независимости и раздела ее между Восточно-Римской империей и Персией. Но это был и период изобретения армянского алфавита и расцвета армянской письменности. Акад. Манандян дает общий очерк эпохи и истории жизни и деятельности изобретателя армянского алфавита и первого армянского просветителя — Месроп-Маштоца (умер в 440 году).

ИБН-АЛ-АСИР. Материалы по истории Азербайджана из «Тарих-ап-намий» (полного свода истории) (Институт истории). Баку. Изд-во Азербайджанского филиала Академии наук СССР. 1940. 184 стр. 700 экз. В перепл. 9 руб.

Выдержки из работы историка Ибн-ал-Асира (1160—1234), освещающие отдельные моменты истории Азербайджана с первых веков нашей эры до XIII века — до первого вторжения монгольских завоевателей в Закавказье. Много места отведено в книге восстанию Бабека (IX век) против арабских завоевателей Азербайджана и местных феодалов.

ЛИНЕВСКИЙ А. М. Очерки по истории древней Карелии. Часть 1-я (Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР). Петрозаводск. Госиздат Карело-Финской ССР. 1940. 132 стр. с илл. 10 000 экз. В перепл. 5 руб.

Книга дает представление о древней Карелии в эпоху родового общества и его разложения примерно за 2 тысячи лет до нашей эры. Отдельные очерки освещают природные ресурсы древней Карелии, орудия труда, средства сообщения, промыслы населения, годовой цикл примитивного хозяйства, семейные отношения, религиозные воззрения и народное творчество древнейшего населения Карелии.

Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936 годы. Краткие отчеты и сведения. Под ред. В. В. Гольмстен (Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Марра). М. и Л. Изд-во Академии наук СССР. 1941. 328 стр. с илл., карт и схем. 800 экз. В перепл. 24 р. 50 к.

В книге дано 100 отчетов и кратких сведений об археологических исследованиях, произведенных Институтом истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в 1934—1936 годах в самых различных частях РСФСР. Отчеты расположены по административно-территориальным делениям РСФСР.

ПАВСАНИЙ. Описание Эллады. Перевод и вводная статья С. П. Кондратьева. Т. II. М. и Л. Изд-во «Искусство». 1940. 592 стр. с илл. 3000 экз. В перепл. 25 руб.

Работа древнеримского писателя и путешественника Павсания, жившего во II веке нашей эры, является одним из важнейших первоисточников по истории древнегреческого искусства и культуры. Первый том этого труда, содержащий 4 первые книги Павсания, был издан в 1938 году (там помещена и вводная статья С. П. Кондратьева). Второй том содержит 5—10-ю книги труда Павсания и алфавитный указатель к обоим томам.

Труды научных учреждений

«Борьба пролетариата» (Ученые записки Ленинградского института истории ВКП(б) № 2. Л. 1940. 270 стр. 10 000 экз. 7 руб.

Содержание: Двенадцатая годовщина Октябрьской социалистической революции (речь тов. С. М. Кирова). Памяти В. А. Быстрянского (1896—1940). В. А. Быстрянский в большевистском подполье (1906—1917 годы). Историческая стачка текстильщиков (в Петербурге) в 1896 году. Большевистский депутат III Государственной думы Н. Г. Полетаев. Борьба с оккупантами на Севере (1918—1920 годы). Киров в борьбе за военный союз народов в годы

гражданской войны и интервенции (1918—1921 годы). С. М. Киров в Ленинграде (даты жизни и деятельности. 1925—1934 годы).

«Исторические записки» (Институт истории Академии наук СССР). Том. X. М. и Л. 1941. 302 стр. 10 000 экз. В перепл. 13 руб.

Книга содержит 13 статей: Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации (к анализу источников темы). Происхождение англо-японского договора 1902 года. Смерд и холод (к истории текста Правды Русской). Малоизвестные летописные памятники XVI века. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века. Московские приказы — «четверти» — во время опричнины (1565—1584 годы). Военно-промышленные экспедиции торговых людей в Сибири в XVII веке. Хованщина [стрелецкий бунт 1682 года]. Из истории лесопильного производства в России в XVII, XVIII и в начале XIX века. Русско-турецкие отношения во время Северной войны. Восстание в Чечне в 1877 году. Давид Лехно и его история Крымского казачества (за 1691—1731 годы. Рукопись Одесского историко-археологического музея). По поводу одной даты (об «Андийском совещании» Шамиля).

Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Том VIII. М. и Л. 1940. 120 стр. 900 экз. 8 руб.

В книге помещено 16 статей и заметок: К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Ранние кочевники Забайкалья. О мордовском «феодализме». Из истории Дунайского понижения в неолитическую эпоху. Древний город Тира-Белгород-Аккерман и др.

«Советское востоковедение» (Институт востоковедения Академии наук СССР). Том. I. М. и Л. 1940. 267 стр. 2000 экз. 25 руб.

Содержание: Очередные задачи советского востоковедения. Арабские известия о русах (IX—X века). Из истории гуннов I века до нашей эры. Из истории книгопечатания в Китае (X—XIII века). Низами и его изучение (к 800-летию юбилею). Алишер Навои (к 500-летию со дня рождения). Шота Руставели и грузинский фольклор. О частях речи в монгольском языке. Ян Чжу — вольнодумец древнего Китая (V—IV века до нашей эры). Сирийские и сиро-туркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана и др.

Труды Военно-политической ордена Ленина академии Красной Армии имени Ленина. V (сборник посвящен 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса). М. 1941. 164 стр. Тираж и цена не указаны.

Содержание: Энгельс как военный теоретик. Энгельс — основоположник диалектического материализма. Энгельс и внешняя политика царской России XIX века. Энгельс и революционное движение в России. К вопросу о борьбе Энгельса за марксистскую программу германской социал-демократии 1890—1891 годов. Борьба Энгельса с бакунистами.

Труды Государственного исторического музея. Вып. 14-й. Сборник статей по истории СССР XVI—XVIII веков. Под ред. проф. Г. А. Новицкого. М. 1941. 188 стр. 1150 экз. 20 руб.

Сборник включает в себя 8 статей: К вопросу о социальном составе опричников Ивана Грозного. Иконографические источники, освещающие польскую интервенцию начала XVII века. Карта Азовского моря 1699 года. Отпечаток на шелку гравюры с изображением Дмитрия Кантемира. Неизвестные портреты первой четверти XVIII века. Поиски золота в Карело-Финской ССР в конце XVIII века. К истории мануфактурного производства в XVIII веке. Альбомы-дневники И. Г. Мюнца 1781—1783 годов (новые материалы по истории Украины, Молдавии и Белоруссии).

Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 73. Серия исторических наук. Вып. 8-й. Л. 1941. 246 стр.

Содержание: Ленин и Сталин — организаторы борьбы с Колчаком. Революция 1848 года и славянофильство. Государственный совет и его архивные материалы. Из истории вотчинной политики крупного духовного феодала Поморья в XVII веке (борьба Антониева-Сийского монастыря за обладание имуществом московского купца И. Кобелева). Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII веке. Деятель Гадяцкого соглашения с Польшей П. И. Тетера (из истории Украины XVII века). Письма Джерома Горсел (к истории русско-английских отношений конца XVI века). Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. Киевское государство второй половины X века по византийским источникам.

Ученые записки Московского городского педагогического института. Том II. Кафедра истории СССР. Вып. 1-й. М. 1941. 240 стр. 400 экз. 15 руб.

Книга содержит 8 статей: Аспраханское восстание 1705—1706 годов (с приложением документов «Секретные столбцы Преображенского приказа»). Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа. Борьба русского народа с польскими захватчиками в XI веке. Исторические мотивы в творчестве Т. Г. Шевченко. Извлечение М. Н. Шокровским истории иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Куликово поле (исторический очерк о победе русских над татарами в 1380 году). Земельные пожалования в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII века. Солдатское революционное движение в Чите в конце 1905 и в начале 1906 года.

Ученые записки Московского государственного педагогического института. Том XXVI. Кафедра истории средних веков. Вып. 1-й. М. 1940. 86 стр. 500 экз. 7 руб.

В книге помещены две статьи: Догородское ремесло средневековой Германии. Мероприятия Генриха IV по развитию сельского хозяйства во Франции.

Художественная литература

КУПЕР С. День Марии. Роман. (2-е, перераб. изд.). Л. Гослитиздат. 1940. 396 стр. с илл. 10 000 экз. В перепл. 8 руб.

В центре романа стоят две темы: быт командных верхов царского военно-морского флота и отношения царской России к Японии и Китаю в начале XX века. Показано начало русско-японской войны 1904—1905 годов, когда японцы совершили свой налет на Портартурскую эскадру (26 января 1904 года), пользуясь тем, что весь командный состав флота был на именинах жены («день Марии») царского наместника на Дальнем Востоке Алексея.

ЛОРДКИПАНИДЗЕ К. А. Горийская повесть. Перевод с грузинского В. Корнеева. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1941. 32 стр. с илл. 10 000 экз. В перепл. 1 р. 80 к.

В основу повести положен исторический эпизод — казнь двух крестьян в Гори в 1892 году, очевидцами которой были мальчик Сталин и А. М. Горький, только что начинавший свой литературный путь.

МУРАЦАН. Георг Марзпетуни (исторический роман). Перевод с армянского К. Корганова. Вступительная статья О. Меликяна. Ереван. Армгиз. 1940. X и 324 стр. с илл. 5500 экз. В перепл. 16 руб.

Один из лучших армянских исторических романов, занимающий видное место и в мировой художественно-исторической литературе, написанный крупным армянским писателем Мурацаном (1854—1908) в конце XIX века. Роман воспроизводит героическую борьбу армянского народа в первой четверти X века против арабских завоевателей и собственных феодалов — в период укрепления новой династии Батрацидов.

СМИРНОВА В. В. Товарищ Серго. Рассказы из жизни Г. К. Орджоникидзе (Школьная библиотека). М. и Л. Детиздат. 1941. 80 стр. с илл. и портр. 260 000 экз. В перепл. 1 р. 40 к.

В книжке помещено 18 рассказов из жизни Г. К. Орджоникидзе, воспроизводящих различные этапы его деятельности. Книжка предназначена для учащихся начальных школ, но ее с интересом прочтут и взрослые читатели.

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

Документы славы и героизма

(По залам Центрального музея Красной Армии)

В 1919 году, в разгар гражданской войны, в Москве зародился Центральный музей Красной Армии.

Началом его организации послужила небольшая выставка боевых трофеев и других экспонатов, свидетельствующих о первых крупных победах молодой Красной Армии.

Сейчас в Музее тысячи ценнейших исторических экспонатов: документов, боевых, овеянных порохом гражданской войны победных знамен частей Красной Армии, большое количество трофейного оружия и трофейных знамен, картин и скульптур, моделей и макетов, листовок и плакатов, последовательно раскрывающих перед нами золотые страницы истории Красной Армии, ее борьбы за социалистическую родину.

История Красной Армии неотделима от Ленина и Сталина: они были создателями Красной Армии, вдохновителями и непосредственными организаторами ее побед.

Многочисленные документы красноречиво говорят о великом содружестве Ленина и Сталина, об их гигантской, поистине ти-

танической работе по созданию вооруженных сил пролетариата и организации обороны первого в мире социалистического государства рабочих и крестьян. Фотографии, картины, скульптуры, исторические документы показывают, как под руководством нашей партии и лично Ленина и Сталина выковывались великие пролетарские полководцы нового типа: Фрунзе, Ворошилов, Тимошенко, Буденный и другие, — ярко показаны их роль и значение в победах Красной Армии.

Ряд документов освещает яркую, прекрасную жизнь, беззаветную преданность нашей родине народных героев-самородков, таких, как Котовский, Лазо, Пархоменко, Чалаев, Щорс и др.

Материалы экспозиции Музея охватывают период строительства вооруженных сил пролетариата от создания первых рабочих дружин и отрядов (троек и пятерок) в 1905 году — прообраза Красной Армии — до создания армии настоящих дней, могучей Красной Армии страны победившего социализма.

С первых дней революции 1905 года пар-

тия большевиков, следуя указаниям Ленина и Сталина, развернула большую работу по созданию вооруженных сил пролетариата. В крупнейших промышленных центрах и районах России создавались боевые рабочие дружины и отряды (тройки и пятерки). В Музее выставлены пика, копьё, книжка, «карманная артиллерия» — самодельные гранаты, изготовленные руками дружинников. В целых маскировочки корыта гранат отливались в виде круглых болванок или в форме бутылки. Используя местные возможности для изготовления оружия, партия одновременно доставляла оружие из-за границы. «Транспорты опия» провозились большевиками через все препятствия царской жандармерии.

Фотографии рабочих дружин, большая схема «Московское вооруженное восстание», картины художника Лиснера «Напоролись» и «Баррикады на Красной Пресне» рассказывают экскурсантам о героических боях московских рабочих в революцию 1905 года.

Следующий стенд отражает борьбу большевиков за превращение империалистической войны в войну гражданскую, в войну справедливую. Материалы экспозиции отражают работу партии в царской армии. Схема большевистских организаций в армии свидетельствует о большом объеме работы партии по созданию военных организаций, об охвате этой работой крупнейших городов России.

После февральской революции, с приездом из-за границы Ленина в Петроград, одной из основных задач большевистской партии стало формирование и укрепление Красной Гвардии.

К июню 1917 года партией было организовано 48 фронтовых и 17 тыловых военных организаций. Они объединяли около 30 тысяч большевиков, находившихся в 500 полках. Рисунок Васильева воспроизводит Ленина и Сталина на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций в июне 1917 года.

Военные организации имелись в частях 4 важнейших фронтов и в 30 крупнейших тыловых гарнизонах. В экспозиции помещены резолюции, принятые на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций. Здесь же помещен монтаж № 4 и № 5 бюллетеня Всероссийской конференции фронтовых и тыловых организаций Российской социал-демократической рабочей партии. В этих номерах был помещен доклад товарища Сталина о национальном движении и национальных полках.

С большим интересом читается манифест, выпущенный VI съездом большевистской партии, наметившим курс на вооруженное восстание.

В Музее выставлена фотокопия резолюции ЦК о вооруженном восстании, написанной рукой Ленина на маленьком листочке бумаги в клетку и принятой на историческом заседании 10 октября 1917 года.

«Ленин в Смольном» — рисунок художника Хвостенко, «Десант моряков в Октябрьские дни в Петрограде» — художника И. Владимировича, «Крейсер «Аврора» на Неве в Октябрьские дни 1917 г.» — картина художника А. Ф. Белого, большая схема «Победа Октябрьской социалистической революции в Петрограде», фото «Штурм Зимнего дворца» и «Красногвардейцы у подъезда Смольного в Октябрьские дни» — все это вместе с другими документами показывает великие дни Октября. Художник Мешков волнующе передал в своей картине первый орудийный выстрел с Воробьевых гор по Кремлю, где засели белогвардейцы.

Экспонаты третьего зала знакомят посетителя с созданием Красной Армии. Красная Гвардия разгромила белогвардейские гнезда по всей территории России, но справиться с огромными задачами обороны Республики советов была не в силах. Международная контрреволюция готовила поход на нашу родину.

Ленин предложил спешно создать Рабоче-Крестьянскую Армию, способную отразить натиск интервентов. 28 (15) января 1918 года был издан декрет Совнаркома о создании Красной Армии. В экспозиции помещена фотокопия декрета о создании Красной Армии с поправками и подписью В. И. Ленина. В нем говорится:

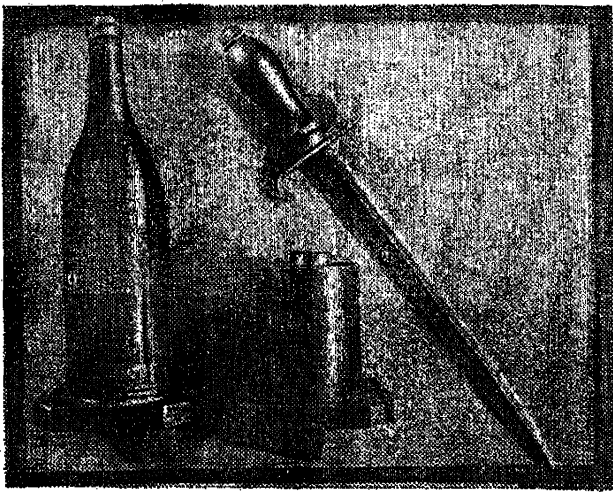
«Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся масс.

Доступ в ее ряды открыт для всех граждан Российской Республики не моложе 18 лет. В Красную Армию поступает каждый, кто готов отдать свои силы, свою жизнь для защиты завоеваний Октябрьской Революции, власти советов и социализма».

На фотографиях запечатлены запись добровольцев в Красную Армию и первые части Красной Армии, отправляющиеся на фронт. Здесь же помещена формула торжественного обещания, утвержденная на заседании Всероссийского центрального исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов 22 апреля 1918 года и подписанная Я. М. Свердловым.

Большая электрифицированная карта «Героическая оборона красного Царицына» наглядно рисует стратегическое положение Царицына и значение обороны его для исхода борьбы Красной Армии на остальных фронтах гражданской войны. Царицын, превращенный товарищем Сталиным в неприступную крепость, был тем клином, который рассекал южную и восточную контрреволюцию и мешал ей соединить свои силы для похода на Москву.

На карте обозначены многократные атаки белоказаков и сокрушительные контрудары Красной Армии. Большое полотно работы художника Хвостенко «Выезд И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова на боевую разведку в район станции Зимовники», картины известного баталиста Грекова «Сталин и Ворошилов в окопах на

Самодельное оружие дружинников 1905 года. Центральный музей Красной Армии.

Царицынском фронте», «Контратака грузчиков», «Отряд Буденного в пешем строю отбивает атаку» и различные фотографии ярко воспроизводят боевую царицынскую страду.

Ряд интересных исторических документов разоблачает предательскую деятельность Троцкого и его ставленников. Вот телеграмма И. В. Сталина В. И. Ленину от 16 июля о необходимости немедленной смены руководства Северо-Кавказского военного округа. Ставленник Троцкого Снегирев вскоре был снят по указанию Ленина.

Товарищ Сталин стал во главе Военного совета Северо-Кавказского военного округа. Материалы, помещенные в этом разделе, унаследованы от Сталинским принципам активной обороны, созданию на решающем направлении превосходства сил и боевых средств и нанесению удара могучими группами в решающем направлении.

Отдел, посвященный разгрому первого похода Антанты, начинается с экспонатов, относящихся к деятельности партийно-следственной комиссии в составе товарищей Сталина и Дзержинского, которая была создана ЦК для расследования причин сдачи Перми.

Экспонаты эти дают картину кипучей деятельности товарищей Сталина и Дзержинского по ликвидации катастрофы. В итоге Красная Армия перешла в наступление и колчаковские полчища покатались обратно в Сибирь. План наступления Колчака был сорван.

Красочная карта на стенде наглядно говорит о смертельной опасности, угрожавшей Стране советов весной 1919 года. Партия подымала страну на борьбу с Колчаком.

Фотоснимки частей, отправляемых на фронт, полков деревенской бедноты и другие экспонаты показывают, как откликнулись трудящиеся Советской страны на призыв Ленина напрячь все силы, чтобы разбить Колчака. Руководство разгромом

Колчака партия поручает испытанным большевикам — М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышеву.

Приказы по войскам южной группы восточного фронта за подписью Фрунзе и Куйбышева, оперативная схема-карта, листок летучей газеты «Красный отклик» от 14 мая 1919 года, издаваемой политотделом южной группы восточного фронта, рассказывают посетителю о ходе операций по разгрому Колчака.

Отдельный стенд посвящается легендарному начальнику 25-й дивизии В. И. Чапаеву и комиссару Фурманову. В витрине выставлены боевые пашки Чапаева и Фурманова. Интересны скульптура Крандиевской «Чапаев», картина художника Васильева «Чапаев в бою», фотографии «Переправа 25-й чапаевской дивизии через реку Белую у Красного Яра».

Интересные документы показывают победный путь Красной Армии от Урала до Байкала.

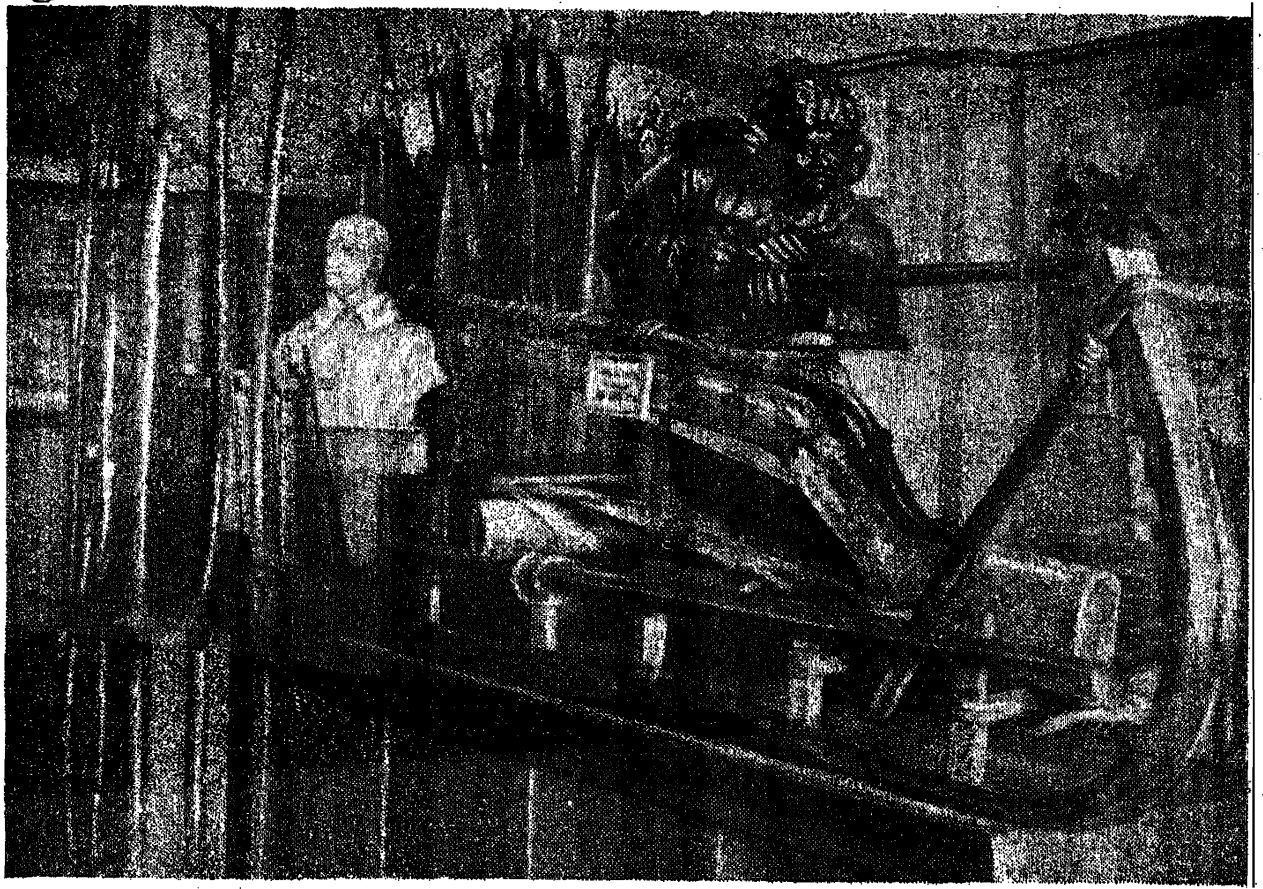
Большой интерес представляют ценнейшие вещественные экспонаты: самодельная пушка-пищаль и бомбомет, сделанные партизанами из водопроводной трубы. Выставлены ружья, рогашины, копья, дубинки — оружие сибирских партизан. Партизаны Алтая отлили пушечный ствол. Это самодельное орудие громило белогвардейские пароходы на реке Оби. В витринах размещены пулемейки (формы для отливки пули), свинцовые пули, пушки для обжима патронов при зарядке, прибор для вставления каласюлей в патроны и др.

Скульптуры, фотоснимки, картины «Первовая контрреволюция» — работа художника Никонова — и «Шоимка колчаковского офицера» — художника Карева — рассказывают о большой помощи сибирских партизан Красной Армии в разгроме Колчака. Нельзя без волнения смотреть на фотоснимки жертв колчаковской контрразведки. На снимке труп с десятками ран, обнаруженный в так называемом «вагоне смерти». Особую ненависть к врагам революции вызывает небольшой экспонат — шарик из человеческой кожи, содранный в застенках колчаковской контрразведки с руки красноармейца.

Этот раздел заканчивается письмом Ленина к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком, которое было издано массовым тиражом в 1919 году.

Стенд, посвященный обороне Петрограда весной 1919 года под руководством товарища Сталина, завершает показ материалов по разгрому первого похода Антанты. Наступление Юденича было приостановлено, а в августе 1919 года Юденич был разбит и выброшен в Эстонию. ВЦИК наградил товарища Сталина орденом Красного знамени. На стенде помещена выписка из постановления ВЦИК.

Для организации разгрома Деникина ЦК посылает лучших большевиков во главе с товарищем Сталиным. По требованию товарища Сталина отстраняются от руко-

Оружие сибирских партизан. Центральный музей Красной Армии.

водства южным фронтом Троцкий и его ставленники. Товарищ Сталин отвергает предательский план Троцкого о нанесении главного удара от Царицына на Новороссийск.

ЦК партии утверждает гениальный сталинский план разгрома Деникина. Большая схема-карта знакомит посетителей с этим планом. Четкая красная стрела указывает направление главного удара через Харьков — Донбасс на Ростов, в среде, симпатизирующей советской власти, по районам с развитой железнодорожной сетью и промышленностью. Удар этот как гигантский меч рассекал армию Деникина на две части, лишал Деникина донецкого угля.

Интереснейшие экспонаты наглядно показывают, как товарищ Сталин обеспечивал выполнение плана, как кропотливо укреплял южный фронт, очищал штабы и управления армий от негодных руководителей, подбирал преданных делу революции людей.

Большое место в экспозиции этого раздела отведено материалам, отражающим славные дела Первой Конной армии, созданной по инициативе товарища Сталина. Под руководством К. Е. Ворошилова и С. М. Буденного она сыграла решающую роль при разгроме Деникина. В авангарде Первой Конной — 6-я кавдивизия, возглавляемая славным наездником С. К. Тимошенко.

Фотокопия с рукописи Ленина «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» завершает экспозицию

раздела «Разгром второго похода Антанты».

Документальные фотоснимки отрядов комсомольцев, женщин, отправляющихся на фронт, укреплений, построенных на улицах Петрограда в октябре 1919 года и фотоснимок первого советского танка, изготовленного рабочими Путиловского завода в дни борьбы с Юденичем, — все эти экспонаты говорят о том, как откликнулся на призыв вождя петроградский пролетариат и как грудью отстоял он Петроград — колыбель пролетарской революции.

Большое полотно «Отправка коммунистов на польский фронт» работы художника Луннова и ряд фотографий показывают шурфы рабочих на фронте.

На электрифицированной карте загорается извилистая красная полоска. Это 1050-километровый путь Первой Конной армии, переброшенной по указанию Ленина и Сталина из района Майкопа в район Умани. Вот засветилась стрелка, и мгновенно рассеялся польский фронт. Красная полоска доходит до стен Львова. — это победный путь Первой Конной.

Схема показывает значение контрудара на югозападном фронте, проведенного под руководством товарища Сталина, который играл решающую роль в успешном исходе войны с польскими интервентами.

Ряд экспонатов отражает героическую эпопею разгрома Врангеля.

2 августа Ленин телеграфировал Сталину: «Только что провели Политбюро разделе-

ние фронтов, чтобы Вы исключительно занялись Врагелем»¹. Товарищ Сталин организует фронт, разворачивает энергичную работу по подготовке частей Красной Армии южного фронта, лично разрабатывает план разгрома Врангеля.

Вот фотокопия исторического приказа по войскам южного фронта от 27 сентября 1920 года, подписанного М. В. Фрунзе:

«Этот удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь-же, в ближайшее время раз навсегда закончить последние счета труда с капиталом... Врангель должен быть разгромлен и это сделают армии Южного фронта».

Документы, фотографии, картины, большая рельефная карта показывают легендарный штурм Перекопа, смертельные бои у Юшуня и Чокгара. В этом разделе выставлено овеянное славой боевое знамя 51-й перекопской стрелковой дивизии — дар Московского совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. На знамени вышито крупными буквами: «Уничтожь Врангеля!»

Заканчивается раздел телеграммой Фрунзе В. И. Ленину от 18 ноября 1920 года:

«Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован»².

В разделе, где даны итоги гражданской

войны и причины, обеспечившие победы Красной Армии над многочисленным и сильным врагом в годы гражданской войны, помещена интересная электрифицированная схема — «Распоряжения и указания В. И. Ленина по вопросам обороны 1918—1920 годов». От сердца нашей великой родины — Москвы — ко всем фронтам гражданской войны протянуты многочисленные нити: телеграммы, распоряжения и указания Владимира Ильича. Их больше 400. На этой схеме расположено большое количество бронзовых флажков с портретом И. В. Сталина. Они обозначают важнейшие фронты гражданской войны, где товарищ Сталин организывал победы Красной Армии, громил смертельных врагов революции.

Особое внимание посетителя Музея привлекают отделы, показывающие Красную Армию начиная с 1929 года и до настоящих дней.

Экспозиция этих разделов выделяется большим количеством интереснейших объемных экспонатов — трофеев Красной Армии.

Особенно интересны разделы «Бои у озера Хасан» и «Бои у Халхин-Гола».

Большое количество трофеев Красной Армии — разнообразных видов японского оружия: пушек, минометов, пулеметов ручных и станковых, противотанковых мин, гранатометов, вычислительных и оптических военных приборов, военного снаряжения японской армии, обмундирования, начиная от одеял и кончая пинелами и шубами; приказы, записные книжки, дневники японских офицеров, а также много-

¹ К. Е. Ворошилов «Сталин и Красная Армия», стр. 28. М. 1937.

² С. Борисов «Фрунзе», стр. 264. Изд. «Молодая гвардия». М. 1940.

Боевое знамя 51-й Перекопской дивизии. 1920 год. Центральный музей Красной Армии.

численные фотографии, документы и схемы боевых действий — убедительно говорят, что Красная Армия с честью и славой выполнила волю народа.

«Красная Армия освободила народы Западной Украины и Западной Белоруссии от ига польских панов» — так называется следующий раздел экспозиции. Карта показывает, что ложная Польша была искусственно созданным Антантой государством, была тюрьмой народов. Это явилось одной из основных причин быстрого поражения польской армии и распада государства польских панов.

Резиновые дубинки, кандалы, наручники, палочки с металлическими наконечниками, помещенные в экспозиции, характеризуют каторжный, колониальный режим, который был создан для угнетения национальных меньшинств бывшей Польши и особенно для украинского и белорусского народов.

На территории Западной Украины и Западной Белоруссии несмотря на жестокий террор почти не прекращались восстания крестьян и рабочих против польского гнета.

На маленьком клочке выцветшего от времени кумача белой краской торопливо написан лозунг: «Да здравствует 1 Май и П.К.М!» Рядом помещена подлинная листовка польской компартии. «Рабочие и крестьяне Полесья, Слонимщины и всей Западной Белоруссии! — призывает листовка. — Не дожидайтесь последней минуты, когда карательные отряды уже будут находиться в деревне. Будьте в боевой готовности!. Выставляйте повсюду стражу из отрядов самообороны. Массами вступайте в эти отряды. За власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов! За изгнание оккупантов и право на самоопределение, вплоть до отделения от Польши!»

На следующем стенде помещены документы о мероприятиях советского правительства, вызванных распадом Польши.

В экспозиции помещены листовки на белорусском и украинском языках с текстом речи тов. Молотова, произнесенной по радио 17 сентября 1939 года. Рядом фотографии митингов и собраний, приветствовавших мудрое решение нашего правительства, приказ Военного совета украинского фронта от 17 сентября 1939 года, памятка бойцу в походе, в охранении и др.

На фотоснимках запечатлены наша славная конница, моторизованная пехота, грозные быстроходные танки при выполнении великой освободительной задачи. Карта с красными флажками показывает беспримерные марши и маневренность частей Красной Армии.

В экспозиции помещен снимок, изображающий момент подсчета боевых трофеев. Здесь старая русская трехлинейка, французские, английские, чехословацкие, бельгийские, шведские, американские и другие типы оружия.

Знамя 84-го польского пехотного полка, захваченное Красной Армией в боях за освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 году. Центральный музей Красной Армии.

Величайший подъем, самоотверженность и отвага воинов Красной Армии, проявленные в боях с польскими панами, показаны в ряде документов и фотографий.

Материал о радостной, светлой жизни трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии, согретых солнцем Сталинской Конституции, заканчивает этот раздел.

В трех просторных залах размещаются многочисленные экспонаты раздела «Советско-финляндская война 1939—1940 года». Каждый документ, каждая боевая газета и листовка, плакат и картина, фотография и трофей говорят о величии незабываемых героических дней, одной из самых славных эпопей боевого пути Красной Армии.

Портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина, относящиеся к периоду Октябрьской социалистической революции, открывают этот раздел. Под ними помещены исторические документы: постановление Совета народных комиссаров о Финляндской республике, подписанное В. И. Лениным 18 декабря 1917 года, и речь И. В. Сталина на заседании ЦИК 22 декабря 1917 года.

Ряд документов рассказывает о том, как финляндское правительство под диктовку англо-французских империалистов в 1919 году стало на путь превращения Финляндии в антисоветский военный плацдарм. Следующий стенд рассказывает о том, как в 1921—1922 годах белофинская военщина

Дот, взятый Красной Армией в боях с белофиннами. Центральный музей Красной Армии.

с благословения Англии организовала кровавый поход с целью захвата Советской Карелии. Детальная карта показывает устремления финской военицины и действия частей Красной Армии по разгрому белофинской интервенции в 1921—1922 годах. Вот картина художника Кацеблина «Лыжный рейд в Карелии», портрет Тойво Антикайнена, мужественного командира отряда лыжников, совершившего героический поход в далекий белофинский тыл и разгромившего бандитский центр на Кимас-озере.

Ряд экспонатов показывает, как были устроены белофинские укрепления. Вот «Панорама белофинских укреплений в районе Муурилы». На горизонте чернеет точка — это железобетонный дот (долговременная огневая точка). Перед дотом тянется глубокий и широкий противотанковый ров. За ним несколько полос противотанковых гранитных надолб в 4—5 рядов, высотой до 1 метра, и проволочных заграждений. На другой панораме изображена железобетонная крепость с мощной броневой плитой в 50 сантиметров толщины. Это дот-капонир.

С общим видом укреплений на Карельском перешейке знакомит нас подробная схема. От бывшей государственной границы на 20—65 километров в глубину тянулась полоса инженерно-минных заграждений — предполье. Ряд фотографий, помещенных около схемы, показывает лесные завалы, противотанковые рвы, эскарпы, эскарпированные берега рек и озер, проволочные заграждения, окопы. Такими заграждениями изобиловало предполье. На

той же схеме тянется темная извилистая полоса. Начиная от берегов Ладожского озера по системе озер реки Вуоксы в 20—65 километрах от границы тянулась основная, или главная, полоса сопротивления — линия Маннергейма. Опоясывая весь Карельский перешеек, она своим правым флангом упиралась в Финский залив.

За ней шла вторая оборонительная полоса и, наконец, три линии Выборгской оборонительной полосы. На схеме также показаны островные и береговые укрепления. Они защищали фланги линии Маннергейма, закрывая подступы с Финского залива и Ладожского озера.

Вот вторая схема. Это часть линии Маннергейма — Сумма-Хотинешский укрепленный район. На ней четко начислены все фортификационные военные сооружения, противотанковые и противопехотные заграждения, минированные поля и проволочные заграждения, через которые был пропущен ток высокого напряжения.

Большое количество ломаных линий соединяет кружки. Это изображены трапезы и ходы сообщений между дотами, дзотами и убежищами. Густая сеть стрел, пересекающих друг друга, идет от каждого кружка, они занимают все пространство перед дотами и между ними. Стрелы показывают систему огня укреплений линии Маннергейма.

Большой интерес представляют вещественные экспонаты. Они привезены из укрепленного района Сумма-Хотинен. Мы видим большой кусок железобетонной стены дота с уродливо торчащей арматурой.

Вот бронеколпак смотровой вышки дота в рост человека, с толщиной стенок в 210 миллиметров. Здесь же куски от другого бронеколпака. Здесь же стоит железная лестница в смотровую вышку дота. Она показывает, как глубоко в землю входили укрепления белофиннов.

Ряд документов показывает мирную политику советского правительства и стремление разрешить вопрос о безопасности северозападных границ и Ленинграда мирным, добрососедским путем.

Когда стало ясно, что белофинское правительство, выполняя волю англо-французских империалистов, не собирается прекращать провокационные действия, главное командование отдало приказ войскам Ленинградского военного округа перейти границу Финляндии на Карельском перешейке и в ряде других районов.

Вот, тесно прижавшись друг к другу, оступают бойцы приказ Военного совета Ленинградского военного округа. Они полны решимости выполнять волю советского народа. На другой фотографии зафиксирован момент начала военных действий Красной Армии. Разрывая предрабеевскую магу, наша артиллерия открыла ответный огонь по белофиннам.

Есть юнимки, которые показывают момент перехода границы нашими частями. Перейдя границу, Красная Армия встретила на своем пути многочисленные препятствия, которые успешно преодолевала: на каждом шагу бойцов подстерегали мины, преграждали путь глубокие противотанковые рвы, надолбы и другие заграждения.

Специальный стенд посвящен выходу кораблей Краснознаменного Балтийского флота на просторы Балтийского моря для защиты морских рубежей. Наши корабли громели островные и береговые укрепления белофиннов, подводные лодки блокировали берега Финляндии, топили транспорт с оружием. Отряды моряков вместе с сухопутными частями действовали на побережье Финского залива и вписали немало славных страниц в историю Балтики.

В другом зале размещены материалы о подготовке к штурму, о штурме и разгроме линии Маннергейма. Части Красной Армии за 5—10 дней преодолели предполье и подошли к первой, главной полосе сопротивления — линии Маннергейма.

Вот портрет С. И. Тимошенко, которого в начале января 1940 года партия и правительство поставили во главе советских войск, действовавших на Карельском перешейке. Ему, прославленному герою гражданской войны и освободительного похода Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, была поручена труднейшая и ответственнейшая задача — прорыв мощных укреплений линии Маннергейма. Такую задачу до сих пор не решал ни один полководец мира.

Встретив новейшие военные укрепления, которых не брала еще ни одна армия в мире, Красная Армия вынуждена была в ходе боев найти новые методы борьбы с современными сооружениями.

«Памятка красноармейцу на разведке и по устранению взрывных заграждений» учит, как разведать, распознать, где заложены фугасы и где подстерегают минные поля, как расчищать завалы, обезвреживать мины-«сюрпризы». Другая памятка учит бойца и младшего командира, как действовать в лесу в условиях финского фронта.

Многочисленные фотоснимки, рисунки талантливого художника-красноармейца, участника боев с белофиннами тов. Ведерникова, большое полотно «У святого дота» работы художника-орденоносца В. Яковлева и картины других известных художников знакомят посетителя с действиями всех родов войск, которые участвовали в боях с белофиннами.

Хорошо показаны результаты действий нашей пехоты, артиллерии, авиации, танков и героических саперов, которые бесстрашно расчищали путь танкам, проделывая шроходы в гранитных противотанковых заграждениях, и прокладывали путь пехоте.

Вот ползком, толкая одной рукой тяжелые ящики, установленные на лыжах, передвигаются бойцы. Они подтаскивают взрывчатые вещества к блокируемому финскому доту. Вот они с утомленными, но радостными лицами осматривают железобетонные глыбы. Это остатки когда-то грозного дота с полутораметровыми желе-

Зал боевых трофеев Красной Армии. Центральный музей Красной Армии.

«Штурм Выборга». С картины художника Соколова-Скала. Центральный музей Красной Армии.

зобетонными стенами и броневыми плитами, ставшими могилами белофиннов.

Когда все было подготовлено к прорыву главной оборонительной полосы, был начат исторический, небывалый доселе штурм так называемой неприступной линии Маннергейма.

На большой схеме «Разгром линии Маннергейма» подводятся итог слаженных действий всех родов войск Красной Армии.

Яркие, стремительные стрелы показывают направление главного и вспомогательных ударов Красной Армии. Основной удар решено было нанести в направлении Ленинград—Выборг. Это предreshило характер операций и исход войны.

Действуя в этом направлении и разгромив линию Маннергейма, Красная Армия разбила сердцевину всей системы обороны белофиннов, расколола фронт их войск, действовавших на Выборгском и Петровском направлениях.

Об искусстве, силе и мощи сокрушительного удара Красной Армии свидетельствует высказывание финского подполковника И. О. Хаанула:

«Командование русскими силами выбрало в качестве района для прорыва участок между дер. Сумма и железной дорогой...

На этом участке для осуществления прорыва русские сосредоточили очень большие силы. Количество танков было исключительно большое, а сосредоточение артиллерии было такое сильное, какого никогда не видели в мировую войну во время больших наступлений на западном фронте.

Прорыв русских был спланирован, подготовлен особенно умело, и руководство им проведено с большим искусством...

Мощь огня, около ста сосредоточенных батарей, была настолько большой, что ее можно сравнить только с наибольшими артиллерийскими сражениями мировой войны...

Стрелковые окопы главной линии обороны были уничтожены во многих местах, пулеметные гнезда и блиндажи разрушены от точных попаданий, а живая сила на этом участке понесла очень большие потери¹. Схему дополняет большой, художественно выполненный макет Сумма-Хотинанского укрепленного района линии Маннергейма.

Макет дополняют многочисленные документальные фотографии разрушенных укреплений разных систем.

Стенд «Партийно-политическая работа в частях Красной Армии в период боев с белофиннами» открывает фотография, на которой сняты тов. Запорожец и Герой Советского Союза тов. Лелюшенко. В этом разделе помещены подлинные листовки, вагонетки которых говорят об их содержании: «Бесприкословно выполняй воинские уставы и приказы», «Взаимная выручка в бою — залог победы».

Выставлены отдельные номера газет, издававшихся на фронте: «На страже родины», «Во славу родины», «Ленинский путь», «Боевая красноармейская», «Героический поход» и др.

¹ «Правда» от 17 августа 1940 года.

Заслуживает внимания большое полотно «Читка боевой газеты на фронте» работы художника Карева. В экспозиции помещен ряд подлинных заявлений бойцов и командиров, истинных советских патриотов, о приеме их в партию. Вот одно из них:

«В первичную парторганизацию.

От члена ВЛКСМ Трушевского Гавриила Назаровича.

Заявление

Прому принять меня в кандидаты славной ВЛКСМ, так как я воспитываюсь в рядах ВЛКСМ с 1931 года, получил в большевистской партии хорошую закалку. Сейчас иду в бой. Буду драться до победного конца, как верный сын родины, отдаю все за дело родины, а если понадобится — то и жизнь.

Буду бороться так, чтобы товарищи Сталин оказали: «Отлично». Трушевский. 22 декабря 1939 года».

Тов. Трушевский свой долг верного сына великой родины выполнил, и за проявленные мужество и героизм в борьбе с белофиннами он награжден орденом Красной звезды. 17 февраля 1940 года в боях при штурме главной полосы сопротивления — линии Маннергейма — он погиб смертью героя.

На красном бархате, обрамленном черным крепком, покоятся два комсомольских билета. Один из них, принадлежавший Иванову Василию Филипповичу, младшему командиру, пробит пулей и обрызган кровью советского патриота, погибшего смертью храбрых при расчистке подступов к доту в районе Суммы в феврале 1940 года. Другой — Коржова Николая Васильевича, погибшего смертью героя при штурме Выборга 12 марта 1940 года.

О самоотверженности и глубочайшем чувстве советского патриотизма воинов Красной Армии говорит предсмертная записка командира отделения С. М. Виноградова, написанная 30 декабря 1939 года перед уходом в очередную разведку:

«Идя в бой и разведку, я буду бить врага без промаха, где бы он ни попался. Но назад ни шагу.

За родину, за нашу партию, за Сталина умру, но врагу в плен не сдамся.

Командир развед. отд. С. М. Виноградов.

Да здравствует Сталин и весь наш советский народ!»

О патриотизме советских людей со всей убедительностью говорит письмо девочки Раи Завьяловой комиссару N-ского Краснознаменного полка:

«Дядя Карташев, мы с мамой получили от вас письмо, в котором вы сообщаете о смерти моего папы. Мы с мамой его так любим, счл у нас герой, он умер смертью храброго воина в борьбе с белофиннами. Дядя Карташев, скажите всем бойцам развед. роты, чтобы они крепче отомстили бандитам-белофиннам за моего милого папу».

Стенд «Советский народ встречает своих героев» показывает радостную встречу героических бойцов Красной Армии.

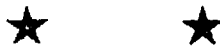
Последний стенд, который заключает раздел «Советско-финляндская война 1939—1940 года», посвящен перестройке боевой учебы под руководством Героя и Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

Материалы этого стенда показывают, что боевая учеба в Красной Армии строится по принципу: «Тяжело в учении — легко в бою».

Интересны фотоснимки: форсирование речной преграды, наступление за артиллерийским огнем валом, могучие взрывы фугасов. Они показывают, как выполняется требование наркома учить войска только тому, что нужно на войне, и только так, как делается на войне.

Трудящиеся нашей великой родины проявляют исключительный интерес к истории гражданской войны и героическим делам Красной Армии. В 1939 году Музей посетили около 200 тысяч человек. Число посетителей в 1940 году возросло до 309 тысяч человек. Только за один февраль 1941 года было обслужено 58 тысяч экскурсантов.

И. ПАНКОВ

Исчезнувший город в Дагестане

По свидетельствам античных писателей (Страбон, Птолемей и др.), нам известно, что на территориях теперешних Дагестанской и Азербайджанской республик в последних веках до и в первых веках нашей эры существовало многоплеменное Албанское государство, северная граница которого, как утверждают они, простиралась до реки Сулака.

Птолемей указывает, что Албания имела до 30 городов, и перечисляет их названия. Он пишет, что там, где находится теперь город Баку, к северу от устья реки Кира (Жура), лежал город Петара, а к северу от него, у реки Албана (Самур), был город того же названия — Албана, — судьба которого до сих пор не была известна.

В 10 километрах к северу от реки Самура (в 1 километре к северу от железнодорожной станции Белиджи) находится древнее городище, которое по всем своим признакам является одним из древних албанских городов, упоминаемых античными писателями. Жители называют его Турпал-Кала (Земляной замок). Оно представляет собой грандиозное укрепление, имеющее в плане форму квадрата, обведенного двускатным валом и рвом, со следами четырех ворот, устроенных с каждой из сторон вала. В настоящее время на местах бывших ворот сохранились лишь прорезы полуовальной формы и едва заметные фундаменты из красного кирпича.

Укрепление, повидимому, имело большое оборонительное значение. Об этом свидетельствуют огромные размеры земляного вала, глубина рва и площадь внутренней части городища, размером более 100 гектаров.

Теперь высота вала — около 20 метров при ширине в 12—15 метров. Ров вокруг вала имеет глубину 4—6 метров при ширине в 20—25 метров. Когда такой ров наполнялся водой, он являлся неприступной преградой для неприятеля. Постоянным источником снабжения рва водой служила река Сталвац, расположенная в 8 километрах к югозападу от городища Канавы.

Внутри городища встречаются бугорки, неглубокие впадины и едва заметные фундаменты стен бывших построек. Они расположены довольно правильными рядами, поэтому можно предполагать здесь остатки построек. Строения, повидимому, сосредоточивались в центре городища, о чем свидетельствует бугорчатая поверхность срединной части городища, вероятно, образовавшаяся вследствие разрушения зданий.

В 1936 году пастухи Курахского колхоза гг. М. Магомедов, А. Даудов и др.,

роя углубление для землянки, обнаружили скелет со скелетом человека. Эта находка свидетельствует о том, что в городище было кладбище. Других вещей в склепе, по словам колхозников, не было. На поверхности почвы городища были найдены барабанобразные бусы из кремневого камня с рельефным орнаментом.

В верхнем слое почвы городища обнаружены в значительном количестве фрагменты керамики, обломки красных кирпичей и т. д. Главную массу находок, как это бывает обычно, составляют обломки посуды. Они встречаются во множестве на всем пространстве, занятом городищем.

Предметы керамики выделывались вручную, без гончарного круга, из хорошо перемешанной и относительно слабо выжженной глины и были довольно грубы.

Встречаются фрагменты керамики толстостенные, толщиной в 4—6 сантиметров, и тонкостенные. Наружная поверхность обломков сосудов обычно доведена до красноватой или буровато-красноватой окраски. Однако в изломе и на внутренней поверхности фрагменты сосудов имеют черный цвет. Обломки покрыты орнаментом сплошь по всей наружной, а зачастую и по внутренней поверхности. Иногда внутренняя поверхность слегка сглажена, но чаще всего имеет крупнобугорчатую штриховку, не всегда направленную горизонтально. Большое количество фрагментов украшено линейной штриховкой. Только в редких случаях встречается заполнение поверхности не штрихами, а горизонтальными или вертикальными линиями. Расположение штрихов довольно разнообразно. Наряду с фрагментами, сплошь покрытыми густой штриховкой, имеются образцы с редко расположенными линиями и пересекающимися их пучками линий.

Это многообразие орнамента и деление керамики на толстостенную и тонкостенную, видимо, свидетельствуют о различии в бытовом назначении каждой из этих групп. Кроме грубой техники, простоты и архаичности форм толстостенные сосуды отличаются также почти полным отсутствием украшений.

Судя по обломкам керамики, Белиджинское городище может быть отнесено к периоду многоплеменного государства Албании, к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры.

Начало сооружения дербентских оборонительных укреплений Сасанидской династии Ирана, носивших примитивный характер, относится к концу IV века нашей эры, то есть к тому периоду, когда влияние Ирана в Закавказье становилось все сильнее и доходило до Дербента. Эти оборонительные укрепления, по словам

арабских географов IX—X веков, не выдерживали натиска северных казар и подвергались разрушениям.

Возрастающая опасность со стороны северных народов, в том числе и казар, заставила Сасанидскую династию Ирана усилить дербентские укрепления. Это было сделано Хосроем I в 50—60-х годах VI века нашей эры. Хосрой и построил в Дербентском проходе грандиозные укрепления, сохранившиеся до нашего времени.

Начало и окончание сооружения дербентских укреплений связаны с непрерывными войнами между сасанидским Ираном и северными казарами за богатый юг Кавказа. По словам армянских географов, М. Хоренского и др., эти войны по-

сили жестокий, разрушительный и весьма кровопролитный характер.

Вероятно, причиной гибели укрепленного поселения, которое античные писатели называли Албаном, являлись непрерывные войны между сасанидским Ираном и северными племенами (казарами и др.) в IV—V веках нашей эры.

Белиджикинское городище было одним из больших и довольно хорошо укрепленных городов периода многоплеменного Албанского государства на территории нынешних Дагестана и Азербайджана. Оно, бесспорно, имеет колоссальное научно-историческое значение для изучения глубокой древности народов Дагестана.

М. Исаков

Кладбище казарской культуры

Казарское царство на Переднем Кавказе, существовавшее со II по X век (поход Святослава на казар в 989 году), вело большую торговлю с Востоком и Западом. Все писатели древности — арабы и византийцы — утверждают, что Казарское царство являлось культурным оазисом среди необозримых степей. Но в результате ряда вражеских нашествий был уничтожен город Ипиль — столица казар на Волге — и почти ничего не осталось от второй столицы — летней резиденции казарского каганата на реке Куме — города Мажар.

Сейчас на берегах реки Кумы, там, где расположены город Буденновск и села Прасковья, Покойное и Бурдон-Мажары, на протяжении свыше 20 километров разбросано старое городище. Это — огромное кладбище погибшего народа, но старожилы еще помнят арки и стены прежних зданий.

Около Буденновска есть пещеры в берегах реки Кумы. Молодые колхозники утверждают, что они тянутся коридором на 2 километра. Внутри пещер встречаются комнаты, вырубленные в скале, со скамьями и столами, грубо вытесанными из камня. Когда и кем это сделано, никто не знает.

Что касается городища, то это, вероятно, руины города Мажар. В краевом музее Ворошиловска можно видеть белые изразцы с красными и зелеными узорами, добытые при раскопках развалин города Мажар. Местные жители на берегах реки Кумы находят осколки посуды, монеты, бусы, металлические и стеклянные женские украшения, разное оружие, надгробные плиты с искусной резьбой, металлические кресты, указывающие на то, что в городе жили и христиане.

По имеющимся сведениям, город Мажары был богатый торговый город с большими общественными зданиями, башнями, мечетями, синагогами, церквями. Как из-

вестно, в казарском каганате признавались три религии: магометанская, еврейская и христианская.

В первые годы царства монголов Мажары сохраняли свое значение торгового центра степей. Татарские ханы имели летом свою ставку в этом городе. По русским летописям известно, что черниговский князь Михаил и его боярин Федор были убиты татарами в 1246 году именно в городе Мажарах.

Когда город погиб окончательно, неизвестно. Ко времени появления русских на берегах реки Кумы в 1765 году от древнего города оставались руины. Первые поселенцы растащили камень из городища, а найденные там изразцы вмазывали в свои печи.

Как уже говорилось, расцвет казарского каганата приходился на время от II до X века. После похода князя Святослава Казарское царство потеряло свое значение, но казары существовали между Кавказом и Волгой до XIV—XV веков. Нашествие татар в 1221—1223 и 1240 годах сокрушило их самостоятельность, но народ остался, и имя казар продолжает встречаться вплоть до XV века.

К какому племени принадлежали казары? По этому вопросу существуют крайне разноречивые мнения. Арабский писатель Ибн-эль-Ефир считает их грузинами, географ Шемеуд-дин-Димешки — армянами, летописец Нестор называет их уграми, Клапрот и Булыгин — вогулами, Френ относит их к финскому племени.

Несомненно, серьезные археологические изыскания дали бы много нового для определения культуры древних казар.

Было бы очень хорошо, если бы развалины Мажар и пещеры были исследованы археологической экспедицией Академии наук, которая, несомненно, найдет здесь много интересного.

И. Рясков

Среди ценностей Государственного архива феодально-крепостнической эпохи, в Москве, имеется книга «Кабинет Петра Великого», изданная «Академии наук Унтер-Библиотекарем Осипом Беляевым» в 1800 году. В книге этой содержится интересный материал об отношении Петра I к Ивану Грозному:

«Сказывают, что Петр Великий имел великое почитание к сему государю... Сие мнение о царе Иване Васильевиче проявил он некогда публично в Москве при следующем случае.

Во время торжества при заключении мира со Швецией (в 1721 году), когда весь город был освещен, герцог Голстинский... приказал поставить перед своим домом в Немецкой слободе освещенные триумфальные ворота. На сих воротах с одной стороны изображен был Петр Великий в триумфе, а с другой царь Иван Васильевич...

Государь, едъ в тот вечер по городу и осматривая разные изображения на иллюминациях, приехал и туда; остановился у триумфальных ворот и весьма пристально рассматривал помянутое изображение... Императору сие изображение так понравилось, что он, обнявши герцога, поцеловал его и сказал публично:

«Сия выдумка и сие изображение самые лучшие из всех иллюминаций, какие я во всей Москве видел. Ваша светлость представили тут собственные мои мысли. Этот государь (указав на царя Ивана Васильевича) мой предшественник и пример.

Я всегда принимал его за образец в благоразумии и храбрости, но не мог еще с ним сравняться. Только невежды, незнающие обстоятельств его времени, свойства народа и великих его заслуг, навывают его тираном».

Сии краткие, но многозначущие слова государь объяснил и подтверждал после в пространном разговоре...»

Недавно в личном архиве известного адвоката Н. К. Муравьева, который собиравшись выступить защитником по делу лейтенанта Шмидта, были обнаружены документы, написанные Шмидтом во время восстания на крейсере «Очаков». Один из этих документов является копией, сделанной рукой Шмидта с телеграммы, отправленной им же царю. Эта телеграмма была напечатана в газете «Русь» 1 декабря 1905 года, но оригинал ее не найден.

Копия телеграммы, адресованной царю, написана на бланке командира «Очакова» и направлена городскому голове для обнародования:

«Командир крейсера 1-го ранга «Очаков». Ноября 15 дня 1905 г. № 2 г. Севастополь.

Для гласного обнародования. Г-ну Городскому Голове.

Мною послана сегодня государю императору телеграмма следующего содержания.

Славный Черноморский флот, свято храня верность своему народу, требует от вас государь немедленного созыва Учредительного Собрания и перестает повиноваться вашим министрам.

Командующий флотом Гражданин Шмидт».

Другой документ является ультиматумом, предъявленным Шмидтом севастопольскому градоначальнику в связи с арестом небольшой группы матросов с «Очакова», отправленных в город для связи с флотской дивизией. В это время на «Очакове» находилась значительная группа арестованных Шмидтом флотских офицеров. Вот как выглядел этот ультиматум, результатом которого было освобождение арестованных матросов:

«Командир крейсера 1-го ранга «Очаков». Ноября 15 дня 1905 г. № 1, г. Севастополь.

Севастопольскому Градоначальнику.

Сообщаю вам, что у меня находится значительное число лиц офицерского звания арестованных. Городской патруль сегодня арестовал моих трех граждан матросов и пока вы не вернете этих людей мне, я не даю пищи арестованным мною офицерам.

Командующий флотом Гражданин Шмидт».

В Ленинградском военно-морском музее экспонируются военные трофеи: английский флаг и офицерская шапка, захваченные в 1810 году русским торговым моряком из Архангельска Матвеем Герасимовым.

Произошло это следующим образом.

Парусная шхуна «Эвплекс» под командованием Герасимова направлялась с грузом зерна в Норвегию. У Норд-Капа английский фрегат, вооруженный пушками, напал на маленькое торговое суденышко и захватил его. На шхуне был поднят английский флаг, на нее были переведены английские военные моряки, и она взяла курс на Англию. Однако отважные русские моряки решили бороться за свой корабль и за свою честь. Они улучили удобную минуту, сбросили за борт английского часового и захватили в плен офицера и матросов. Перепуганный офицер передал Матвею Герасимову свою шпагу, кортик и... план Лондона.

Неопубликованный документ о гибели М. Ю. Лермонтова найден в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи — письмо А. Я. Булгакова (московского почт-директора, близкого к литературным кругам) к поэту П. А. Вяземскому. В письме говорилось: «Не знаю, известно ли у вас о смерти Лермонтова. Он убит — и убит не черкесом, не чеченцем, а убит русским на дуэли. Сообщу тебе подробности, кои мне известны...»

После этого Булгаков рассказывает об инциденте, происшедшем между Лермонтовым и Мартыновым в Пятигорске. Мартынов ухаживал тогда без успеха за одной женщиной. Лермонтов написал в связи с

этим шуточные стихи и нарисовал карикатуру, которые сам показал Мартынову. Последний вызвал Лермонтова на дуэль. Лермонтов хотел превратить все это в шутку и сказал Мартынову, как пишет Булгаков, что «ежели он не так это принимает, то он, Лермонтов, тут же готов просить у него прощение, но ответ был: стреляй!»

— Я буду стрелять, но только не в тебя,— сказал Лермонтов и выстрелил в воздух...

...Мартынов подошел к самому Лермонтову, выстрелил ему... прямо в сердце. Смерть была скорострительна, как выстрел. Удивительно, что секунданты допустили такой бесчеловечный поступок.

Слышно также, что Мартынов хотел бежать... Все чрезмерно жалеют о Лермонтове, одну имел смерть с Пушкиным, и жаль... талант...»

В беседе с сотрудником ТАСС доктор филологических наук профессор Н. Л. Бродский сообщил:

— Неизвестное письмо А. Я. Булгакова П. А. Вяземскому представляет исключительный интерес, так как еще раз подтверждает, что дуэль Мартынова с Лермонтовым была не обычным поединком, а настоящим умышленным убийством поэта.

Письмо дошло до Вяземского, который 4 августа 1841 года извещал Булгакова о получении. Вяземский писал: «Да, сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавши, что он был так бесчеловечно убит. На Пушкина целила по крайней мере французская рука, а русской руке грешно было целить в Лермонтова, особенно, когда он сознавался в своей вине».

Письмо Булгакова свидетельствует о предательской роли секунданта,— князя Васильчикова. Известно, что в воспоминаниях о дуэли он скрыл подробности о попытках Лермонтова предотвратить катастрофу.

Недавно на заседании комиссии по истории Москвы Института истории Академии наук было сообщено о содержании опубликованных недавно Тартуским университетом записок некоего Ганса Айрманна — участника шведского посольства в Москву в 1669 году.

Ганс Айрманн описывает оживленную торговлю на Красной площади, в которой участвовали представители многих европейских и азиатских народов. Он описывает строительство московских домов, хвалит московские бани, московское пивоварение, удивляется искусству русских крестьян добывать красивые краски из сока растений.

Айрманн подробно описывает внешний вид москвичей: «Женщины с лица столь прекрасны, что превосходят женщин многих наций... Никогда не увидишь такую даму хохочущей и еще менее с теми же манерными и смехотворными усмешками, какими женщины в нашей стране стараются выставить свою приятность».

В записках Ганса Айрманна даются ценные сведения о Tallине, Новгороде, Пскове, Риге, Нарве, Тарту. Этот материал является ценным дополнением имеющихся сведений о Московском государстве XVII столетия.

Лентефильм закончил работу над учебной картиной «Урарту». В фильме показаны основные этапы истории этого древнейшего закавказского государства, его культура, быт населения и т. д. Снимался фильм главным образом в Армении, в которой сохранились ценнейшие памятники — развалины урартских крепостей. В 1940 году производились раскопки крепости Кармир-Блур, которые также засняты в фильме. В фильме широко использованы коллекции Эрмитажа, а также музейные материалы Москвы, Еревана и Тбилиси.

ОТ РЕДАКЦИИ. Четверостишие — эпиграф к статье «Взятие Измаила» — (в № 4) взято не из Байрона (посвятившего этой теме ряд строф в произведении «Дон-Жуан»), а из «Песни лирической россу по взятии Измаила» Державина.

Содержание

Г. ХАЧАПУРИДЗЕ — Проникновение марксизма в Грузию	1
К. СЕЛЕЗНЕВ — Работа Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарты»	10
Г. ЛЕНОБЛЬ — История революции в творчестве А. М. Горького	21
Н. Л. РУБИНШТЕЙН — Василий Осипович Блючевский	32
Д. ЛИХАЧЕВ — Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV веках	43
Э. ЯРОШЕВСКИЙ — Степан Разин	57
С. МАГАЗИНЕР — Балканские войны 1912—1913 годов	70
Б. ЗАХОДЕР — Империя Тимура	78
А. БОКЩАНИН — Восточно-эллинистические государства III—II веков до нашей эры	89

ИСТОРИЯ В ШКОЛЕ

М. КРАСОВСКАЯ — Теоретические вопросы в теме «Первая русская революция»	99
Б. МОРОЗОВ — Преподавание истории и военное воспитание учащихся	105
Ю. СОКОЛОВ — Письменные работы по истории в средней школе	107

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О. ВЕЙЛАНД — Бакинская стачка 1904 года. Сборник документов	112
В. ПИЧЕТА — Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского. Сборник статей	115
Ф. САМОЙЛОВ — В. А. Галкин «Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих летом 1905 года»	123
Н. ПЕВЗNER — Международные отношения 1870 — 1918 годов. Сборник документов	125
В. ВИРГИНСКИЙ — Русский революционер в технике	129
По страницам «Военно-исторического журнала»	133
Новинки исторической литературы	139

ПО ИСТОРИЧЕСКИМ УЧРЕЖДЕНИЯМ

И. ПАНКОВ — Документы славы и геройства	146
--	-----

ХРОНИКА

Адрес редакции: ул. «Правды», 24, комната 809, тел. Д 3-30-48,
Д 3-36-50.

Ответственный редактор — Б. М. ВОЛИН
Зам. редактора — С. И. Гопнер
Отв. секретарь — О. С. Вейланд

А 38150. Изд. № 540. Зак. 1482. Тираж 50 000
Подписано к печ. 23/V—1941 г. 10 печ. л. 70 800 зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

